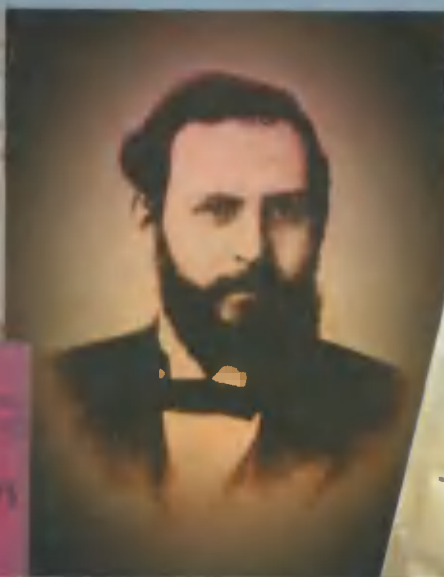

РУССКАЯ ИСТОРИЯ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

Очерки
по философии
марксизма

КАДУТЫ КЪ
СОЦИАЛИЗМУ

КАДУТЫ КЪ
СОЦИАЛИЗМУ

АНАРХИЧЕСКИЙ
КОММУНИЗМ
И
МАРКСИЗМ

Карл Маркс
КАПИТАЛЬ
КРИТИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

В.А. Базаров

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Том 1

|Издательский дом ДЕЛО|

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Серия «ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ»

В.А. Базаров

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Том 1

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А.А. БЕЛЫХ

К. ДЭВИС

Я.И. КУЗЬМИНОВ

В.А. МАУ

С.Е. НАРЫШКИН

Ю.А. ПЕТРОВ

Р.М. ЭНТОВ

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации

В. А. БАЗАРОВ

Избранные произведения

Том 1

Научный редактор
А. А. Белых

| Издательский дом ДЕЛО |

МОСКВА, 2014

УДК 330.8
ББК 65.02
Б17

Базаров, В. А.

Б17 Избранные произведения. Т.1 / В. А. Базаров; научн. ред. А. А. Белых. — М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2014. — 504 с. — (Сер. «Экономическая история в прошлом и настоящем».)

ISBN 978-5-7749-0822-6 (Т. 1)

ISBN 978-5-7749-0862-2

В настоящем издании представлены основные экономические работы выдающегося российского ученого В. А. Базарова (1874 – 1939), экономиста, политика, философа, литератора, переводчика. Созданная им в 1920-х гг. концепция планирования представляла разумный синтез предложений «левых» и «правых» экономистов и могла стать основой эффективного и сбалансированного развития экономики СССР. Однако в 1930 г. Базаров был репрессирован по делу «Союзного бюро меньшевиков», а его идеи надолго забыты.

В первый том избранных произведений вошли работы, вышедшие до революции, статьи с полемикой против политики большевиков, опубликованные в газете «Новая жизнь» и журнале «Мысль» (Харьков), экономические статьи 1923–1927 гг.

Второй том содержит книгу «Капиталистические циклы и восстановительный процесс хозяйства СССР» (1927), статьи и выступления 1928–1930 гг.

В приложении опубликованы «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1925/1926 г.» (Базаров был одним из руководителей создания этого первого годового плана), протоколы допросов Базарова, воспоминания его внука — Е. В. Руднева.

Для всех, кто интересуется историей экономической мысли.

ISBN 978-5-7749-0822-6 (Т. 1)

УДК 330.8

ISBN 978-5-7749-0862-2

ББК 65.02

© Белых А. А., научн. ред., 2014

© Мау В. А., Белых А. А., «Безответственный критик в пределах цензурных возможностей», 2014

© Кинг Ф., «В. Базаров и Запад», 2014

© Руднев Е. А., «Мой дед — В. А. Базаров», 2014

© ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2014

Содержание

<i>БЕЛЫХ А. А.</i> Введение	7
<i>БЕЛЫХ А. А., МАУ В. А.</i> «Безответственный критик в пределах цензурных возможностей»	13
<i>КИНГ Ф. В.</i> Базаров и Запад	90
В. А. БАЗАРОВ. ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ .	107
Труд производительный и труд, образующий ценность.	109
Анархический коммунизм и марксизм	164
Выступление на IV съезде РСДРП	197
Разруха и конференция заводских комитетов	201
Большевики и проблема власти	204
В чем сила большевиков	209
Блестящее одиночество или блок?	213
Большим кораблям большое и плавание.	217
Кризис большевизма и забастовка городских служащих	220
Большевики и анархисты.	224
Банкротство старой системы	228
Коммунизм или государственно-упорядоченный капитализм?	239

О «пролетарской культуре». Социалистическая культура как предпосылка успешной революции253
Рецензия на книгу: Н. Ленин (Вл. Ульянов) «Пролетарская революция и ренегат Каутский» (Москва, 1918)262
Последний съезд большевиков и задачи «текущего момента»266
Предпосылки осуществления социализма.281
«Ножницы» и плановое хозяйство304
К методологии перспективного планирования.314
К вопросу о хозяйственном плане333
Темп накопления и «командные высоты»342
О «восстановительных процессах» вообще и об «эмиссионных возможностях» в частности356
Перспективы нашего народно-хозяйственного развития на 1925/26 год384
Рецензия на «Вопросы конъюнктуры»406
Итоги истекшего года и злоба текущего дня409
О методологии построения перспективных планов423
О наших хозяйственных перспективах и перспективных планах444
Использование бюджетных данных для построения структуры городского спроса в перспективе генерального плана478

ВВЕДЕНИЕ

В пятой книге серии «Экономическая история в прошлом и настоящем» публикуются работы выдающегося российского ученого Владимира Александровича Базарова (1874–1939, настоящая фамилия — Руднев).

Широта кругозора, высокая творческая продуктивность были присущи многим представителям российской интеллигенции начала XX столетия. Однако и на этом фоне фигура Базарова выделяется масштабом личности, уровнем научных работ, результатами практической деятельности.

Базаров с 1895 г. участвовал в революционном движении, был большевиком, делегатом IV Стокгольмского съезда партии. Он несколько раз был арестован, отбывал ссылки. Писал научные труды, занимался переводами. После апреля 1917 г. Базаров отошел от большевизма, резко критиковал политику советской власти, в 1918 г. уехал на Украину. В 1920 г. после занятия Крыма Красной армией был снова арестован. Обращение М. Горького к В. И. Ленину привело к освобождению Базарова и его возвращению в Москву. С 1921 г. он — ведущий сотрудник Госплана, публикует выдающиеся работы о российской экономике. В 1930 г. Базаров был арестован по обвинению в участии в контрреволюционной организации меньшевиков. После отбытия заключения и ссылки, в 1935 г. получил разрешение жить в Москве, где и умер в 1939 г. от воспаления легких.

То, что Базаров, человек, имевший такую биографию и обладавший независимым характером, умер своей смертью, было для второй половины 30-х годов счастливой случайностью. Вспомним слова И. Эренбурга: «Я выжил — не потому, что был сильнее или прозорливее, а потому, что бывают времена, когда судьба человека напоминает не разыгранную по всем правилам шахматную партию, но лотерею»¹.

¹ Эренбург И. Люди, годы, жизнь. Книга первая и вторая. М.: Советский писатель, 1961. С. 6.

После 1930 г. в СССР взгляды Базарова рассматривались только как классово враждебные, а термин «базаровщина» получил распространение наряду с такими ярлыками, как богдановщина, кондратьевщина, сухановщина, чаяновщина и т. п.¹ О Базарове обычно вспоминали только как о махисте, которого Ленин критиковал в книге «Материализм и эмпириокритицизм»². Иным было отношение к его творческому наследию на Западе. Так, А. Эрлих в своем классическом труде в 1960 г. показал, что концепция Базарова представляла собой синтез предложений «правых» и «левых» и создавала возможности для эффективного и сбалансированного развития советской экономики³.

Интерес к работам Базарова вновь возник в период перестройки, а поворотным стал 1989 г. В феврале 1989 г. отвечая на вопрос «Как Вы оцениваете советскую экономическую науку?», нобелевский лауреат В. Леонтьев особо выделил период 1920-х годов: «Это было время, когда коммунист Базаров разработал свою математическую теорию экономического роста, а профессор Кондратьев разработал статистический анализ длинных и коротких “волн” экономического роста»⁴. В 1989 г. опубликовано несколько российских работ о Базарове, в сборнике «Каким быть плану» были переизданы три его статьи⁵. Статья о Базарове, представленная в сентябре 1989 г. автором этих строк в журнал «Экономика и математические методы», должна была завершаться так: «Работы В. А. Базарова несомненно будут переизданы. Их серьезное изучение приведет к переоценке так называемых буржуазно-меньшевистских концепций развития советской экономики. Самого же Базарова ждет юридическая,

¹ Например, см.: *Вышинский П.* Образчик вредительской философии (базаровщина) // Под знаменем марксизма. 1931. № 1-2. С. 134-156.

² В этой книге Ленин упоминает Базарова 89 раз.

³ Эрлих А. Дискуссии об индустриализации в СССР. 1924-1928. М.: Дело, 2010. Глава «Попытка синтеза». С. 81-97.

⁴ «Желаю успеха перестройке». Беседа с известным американским экономистом, лауреатом Нобелевской премии, иностранным членом АН СССР Василием Леонтьевым // Правда. 1989. 27 февраля. С. 3.

⁵ *Мау В. А.* В. А. Базаров // Истоки. Вып. 1. М.: Экономика, 1989. С. 316-318; Каким быть плану: дискуссии 20-х годов. Составление, предисловие и комментарии Э. Б. Корицкого. Л.: Лениздат, 1989. С. 136-223.

политическая и научная реабилитация». Однако в итоге в статье вместо этих двух фраз была напечатана одна: «Серьезное изучение работ В. А. Базарова несомненно углубит наши представления о проблемах развития советской экономики»¹.

Юридическая реабилитация Базарова «за отсутствием состава преступления» произошла уже в следующем, 1990, году, 30 июля. Вопрос о его полноценной научной реабилитации, к сожалению, затянулся. Первая попытка переиздания основных его трудов была предпринята в 1990–1991 гг. Предполагалось, что в серии «Экономическое наследие», редактором которой был Л. И. Абалкин, будет издана книга под названием «Социализм. Рынок. План. (Социально-экономические работы 1906–1930 гг.)». В редакционную коллегию книги входили Е. Т. Гайдар, А. А. Белых, В. А. Мау, В. А. Погребинская. В состав издания предполагалось включить: отрывки из книги Анархический коммунизм и марксизм, три статьи из журнала «Мысль» (1919), 12 статей о планировании, книгу «Капиталистические циклы», рецензию на сборник «Проблемы конъюнктуры» и речи на дискуссиях о пятилетнем плане и о методологии генерального плана². В издательстве «Экономика» подготовкой книги занималась В. Григорьева.

Однако экономические и политические события в стране в 1991 г. внесли неожиданные коррективы в планы ученых. В предисловии к первому изданию книги «Государство и революция», написанном 30 ноября 1917 г., В. И. Ленин отметил, что «приятнее и полезнее “опыт революции” проделывать, чем о нем писать»³. Несомненно, это относилось и к событиям начала 1990-х годов. Е. Т. Гайдар 6 ноября 1991 г. стал заместителем председателя правительства РСФСР по вопросам

¹ Белых А. А. В. А. Базаров как экономист-математик // Экономика и математические методы. 1989. Т. 25. № 6. С. 1030.

² В приложении предполагалось также издать статью Л. Шанина «Вопросы экономического курса» (см.: Большевик. 1926. № 2. С. 65–87) и текст выступления А. Я. Боярского на заседании общества марксистов-статистиков, состоявшемся 12 ноября 1930 г. (см.: Плановое хозяйство. 1930. № 10–11. С. 158–163).

³ Ленин В. И. Государство и революция // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 120.

экономической политики и в дальнейшем возглавил процесс экономической реформы. В. А. Мау перешел на работу в правительство, автор этих строк поступил на работу сначала в инвестиционный, а затем в коммерческий банк.

Хотя издание работ Базарова было надолго отложено, изучение его научного наследия продолжалось. В 1994 г. английский исследователь Фрэнсис Кинг защитил в Университете Восточной Англии (Норидж) диссертацию «The Political and Economic Thought of V. A. Bazarov»¹. Эта работа не потеряла своей научной ценности и сегодня. Нам хотелось бы выразить признательность Ф. Кингу за помощь в подготовке этого издания и за согласие на публикацию статьи «Базаров и Запад».

Сегодня Базарова уже нельзя считать забытым экономистом. Современные исследователи дают объективные оценки его научных достижений. Хотя принято считать, что основной вклад Базарова в экономическую науку составили его работы о планировании, не остались незамеченными и достижения в других сферах. Так, А. Полетаев в статье «К вопросу о российском вкладе в мировую экономическую науку» писал: «Очень интересные и совершенно разноплановые исследования М. Туган-Барановского, Н. Кондратьева, В. Базарова, Е. Слуцкого — эмпирические, теоретические и математические — велись в рамках изучения циклических колебаний экономики. Еще одна тема, которая стала разрабатываться уже в советский период, — модели экономического роста. Большинство этих исследований было посвящено, естественно, проблемам развития социалистической экономики, но ряд работ (В. Базарова, Г. Фельдмана и др.) имел общетеоретическое значение. ... В 1920-е гг. в СССР был предложен ряд интересных моделей денежного обращения и денежной эмиссии (В. Базаров, Е. Слуцкий и даже О. Шмидт)»².

Вместе с тем в публикациях и сейчас встречаются неверные утверждения даже по поводу биографии Базарова. В «Новой рос-

¹ «Политические и экономические воззрения В. А. Базарова». Научным руководителем Ф. Кинга был английский историк Д. Биггарт.

² Полетаев А. К вопросу о российском вкладе в мировую экономическую науку // Неклассическое наследие. Андрей Полетаев / Отв. ред. И. М. Савельева. М.: ИР ГУ – ВШЭ, 2011. С. 575, 576.

сийской энциклопедии» говорится, что он был вновь арестован в 1937 г. и погиб в заключении¹. Утверждается, что «в 1939 г. был уничтожен философ и экономист В. А. Базаров, который в свое время вместе с И. И. Скворцовым-Степановым перевел “Капитал” Маркса»². О том, что Базаров совместно со Скворцовым-Степановым в 1907–1909 гг. перевели «Капитал», известно — об этом еще в 1970 г. было напечатано в статье о Базарове в 3-м издании Большой советской энциклопедии. Однако, до сих пор неизвестным остается то, что этот перевод с минимальными редакторскими правками вошел в первое и второе издания собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. Последующие издания «Капитала» осуществлялись по текстам второго, но считается, что авторами этого перевода были не называемые сотрудники Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Настоящее издание должно помочь выявить подлинное значение Базарова как экономиста и политика. По сравнению с проектом 1991 г. оно существенно расширено, добавлены: первая работа, опубликованная в 1898 г., статьи из газеты «Новая жизнь», написанные накануне и после Октябрьской революции 1917 г., в приложение включены «Контрольные цифры народного хозяйства на 1925/1926 год», одним из руководителей составления которых был Базаров, протоколы допросов Базарова, воспоминания его внука Е. А. Руднева, которому мы выражаем особую признательность. Публикуемые материалы разделены на два тома: в первый вошли работы Базарова 1899–1926 гг. и две статьи 1927 г., во второй — остальные его произведения и приложения. Отметим, что авторские сноски нумеруются латинскими цифрами постранично, примечания научного редактора нумеруются арабскими цифрами и помещены в конце публикуемых работ.

По нашему мнению, сегодня работы Базарова еще более актуальны, чем в начале 1990-х гг. Есть старый анекдот о том, как выпускник университета спустя много лет приходит к своему профессору и просит показать экзаменационные билеты

¹ См.: Колодежный В. А., Плюшто П. А. Базаров // Новая российская энциклопедия. Т. 1. М.: изд. «Энциклопедия», изд. дом «Инфра-М», 2005. С. 790.

² Статья Д. Ниткина 2002 г., см.: <http://antisgkm.narod.ru/biser3.htm>.

по истории. С большим удивлением он спрашивает: «Но ведь это те же вопросы, по которым и я сдавал экзамен!». — «Я никогда не меняю вопросов, — отвечает профессор, — меняются только ответы». Вопросы экономического и политического развития России в 1920-х годах и в настоящее время похожи: необходимость осуществления модернизационного рывка, призванного ликвидировать отставание страны от развитых стран Запада, роль государства и частной инициативы в этом процессе, соотношение развития производительных сил и политических задач правящей партии, роль экономической науки и экономистов в выработке текущей политики, значение свободной научной мысли. Итоги событий 1920-х годов известны, хотя и интерпретируются по-разному. Ответы Базарова на эти вопросы содержатся в предлагаемой читателям книге.

А. А. Белых

«БЕЗОТВЕТСТВЕННЫЙ КРИТИК В ПРЕДЕЛАХ ЦЕНЗУРНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ»

В анкете, которую Владимир Александрович Базаров заполнил в 1924 г. во время работы в Госплане СССР¹, содержалась графа «Участие в революционной и общественной работе — до 1917 г. и после 1917 г.». Судя по ответам на вопросы анкеты, Базаров до 1917 г. считал себя «литератором и пропагандистом». То, что он написал о своей работе после 1917 г., вынесено в заголовок нашей статьи — «Безответственный критик в пределах цензурных возможностей». К его исследованиям, действительно, часто содержащим критику экономической политики советской власти, и к «цензурным возможностям», существовавшим в СССР в период 1920–1930-х гг., мы еще вернемся, а пока начнем с биографии.

1. Жизненный путь. 1884–1939²

Владимир Александрович Руднев (далее — Базаров) родился в Туле 25 июля 1874 г. в семье врача. Его отец, А. М. Руднев, работавший главным врачом тульской губернской земской больницы, был хорошо знаком с Л. Н. Толстым, о чем остались свидетель-

¹ См. настоящее издание. Впервые эта анкета была опубликована в 1989 г., см.: Бусыгин В. П., Красильников С. А. Диалог через пропасть // ЭКО (Новосибирск). 1989. № 5. С. 20.

² Основными источниками для излагаемой нами биографии Базарова стали: мемуары его внука Евгения Александровича Руднева «Мой дед — В. А. Базаров» (публикуются в настоящем издании); краткая, но весьма информативная статья в книге «Деятели революционного движения в России. Био-библиографический словарь. Т. 5. Социал-демократы 1880–1904» (составлен Э. А. Корольчук и Ш. М. Левиным. Под ред. В. И. Невского. Вып. 1 (А-Б). М.: Изд. Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1931. Стлб. 191–195) и глава диссертации Ф. Кинга «The Political and Economic Thought of Vladimir Aleksandrovich Bazarov (1874–1939)», содержащая биографию Базарова (р. 7–30). Отметим также содержательную статью «Философ-коллективист» (Библиография. 2002. № 4 (321). С. 100–120), написанную Е. Н. Никитиным, которому были доступны материалы Е. А. Руднева и Ф. Кинга.

ства в дневниках писателя. Дед Базарова — М. Д. Руднев — был магистром богословия и первым в роду получил наследственное дворянство¹. В тульской гимназии Базаров учился вместе с А. А. Малиновским (впоследствии известным под псевдонимом Богданов). После окончания гимназии они оба в 1892 г. поступили на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета (Базаров специализировался по химии). Оба активно включились в студенческое движение. За участие в одной из сходов (в декабре 1894 г.) Базаров в 1895 г. был привлечен по делу «Союзного совета объединенных землячеств» — как представитель тульского землячества. Он и Богданов были исключены из университета и высланы в Тулу, где стали вести пропаганду в рабочих кружках (впоследствии к ним присоединился И. И. Скворцов-Степанов, с которым Базаров познакомился в Москве в 1894 г.).

Административная машина Российской империи работала медленно — только 6 ноября 1896 г. высочайшим определением было решено подвергнуть Базарова тюремному заключению на 3 недели и надзору полиции на 1 год с проживанием вне столиц, их губерний и университетских городов. Однако в ночь на 11 ноября 1896 г. он был арестован при ликвидации «Московского рабочего союза». Базаров был выпущен 26 февраля 1897 г. под особый надзор полиции и до решения дела жил в Туле. После приговора (4 февраля 1899 г.), определившего подвергнуть Базарова тюремному заключению на 1 месяц и надзору полиции на 2 года с проживанием вне столиц, столичных губерний, университетских городов и фабричных районов, он переехал в Калугу.

В 1899 г. выходит его первая работа «Труд производительный и труд, образующий ценность», напечатанная под псевдонимом «Базаров». По свидетельству Е. А. Руднева, происхождение псевдонима связано с главным героем романа И. С. Тургенева «Отцы и дети» — Евгением Базаровым, которого отличали независимость суждений и отсутствие преклонения перед авторитетами. В дальнейшем подавляющее большинство работ было

¹ Никитин Е. Н. Философ-коллективист // Библиография. 2002. № 4 (321). С. 100.

подписано именно этим псевдонимом, и лишь немногие статьи были подписаны партийными кличками — Седой, Туляк, Василий Темный или инициалами.

По окончании срока высылки, в 1900 г. Базаров уехал в Германию, где в течение двух семестров занимался на философском факультете Берлинского университета. Здесь, в Берлине, произошла его встреча с будущей женой, в то время студенткой Берлинского университета, Евгенией Товиевной Марголиной. О политической деятельности Базарова в этот период известно немного. Вместе с социал-демократами, проживавшими в Берлине, он образовал группу, которая поставила своей целью перебросить «мост» между «экономистами», издававшими в Женеве журнал «Рабочее дело», и только что возникшей организацией газеты «Искры» и журнала «Заря», убеждая «рабочедельцев» в необходимости пересмотреть тактику «экономизма» и выдвинуть лозунг политической революции.

Вскоре после возвращения из-за границы, осенью 1901 г. Базаров вошел в состав пополнявшегося после разгрома Московского комитета РСДРП, но на первом же собрании обновленного комитета 27 сентября все его члены (Базаров, Л. Никифоров, Скворцов-Степанов, В. Шанцер-Марат, И. Давыдов, П. Куняев) были арестованы и затем высланы на три года в Восточную Сибирь. Перед отъездом в ссылку Базаров и Марголина обвенчались в тюремной церкви, чтобы можно было ехать в Сибирь вместе. Ссылку Базаров отбывал в селе Назаровском, Ачинского округа, Енисейской губернии. Жизнь в ссылке была необременительной, Базаров занимался литературной работой, совместно со Скворцовым-Степановым перевел и опубликовал несколько книг.

По возвращении из ссылки в начале 1905 г. Базаров примкнул к большевикам и был кооптирован в Петербургский комитет партии, где в течение трех месяцев руководил литературной группой. Но вскоре, уже 14 мая 1905 г., на заседании комитета Базаров был арестован. Накануне октябрьской всероссийской политической стачки он был выслан из Петербурга, но по октябрьской амнистии освобожден от наказания. В 1905–1907 гг. Базаров работал в Петербурге в рядах большевиков, был

членом редакции центрального органа большевистской фракции «Пролетарий» и редакций всех издававшихся в Петербурге легальных большевистских газет. После объединения фракций большевиков и меньшевиков Базаров в декабре 1905 г. стал членом редакции объединенного центрального органа партии. В апреле 1906 г. он участвовал (под псевдонимом «Матвеев») в Стокгольмском съезде РСДРП; выступал в поддержку позиции Ленина по аграрному вопросу, председательствовал в комиссии съезда по объединению с национальными социал-демократическими партиями. В августе 1907 г. Базаров был делегатом VII конгресса II интернационала, проходившего в Штутгарте (в конгрессе участвовали Ленин, Г. В. Плеханов, Л. Д. Троцкий).

После разгона 3 июня 1907 г. второй Государственной думы Базаров, в отличие от многих большевиков, вместе с Лениным отстаивал необходимость участия в новых выборах в третью Государственную думу. В годы реакции читал лекции для рабочих в «Смоленской школе» и народном университете, принимал участие в легальной печати. В 1907-1909 гг. Базаров и Скворцов-Степанов перевели и издали главную работу К. Маркса — «Капитал».

В 1909 и 1910 гг. по инициативе Богданова были созданы две партийные школы — на Капри и в Болонье. Базаров не участвовал в их работе, хотя приезжал на Капри и встречался там с Лениным. В 1911 г. Базаров был арестован из-за того, что поддерживал контакты с заграничными товарищами и выполнял их поручения. Он был выслан в Астраханскую губернию, откуда вернулся незадолго до начала Первой мировой войны. В конце 1915 г. он вошел в редакцию организованного по инициативе М. Горького журнала «Летопись», занимавшего социал-демократические, интернационалистские позиции, и был до конца существования издания (1917 г.) одним из его главных сотрудников и руководителей.

После Февральской революции Базаров по приглашению Н. Н. Суханова вошел в первую редакцию «Известий» Петроградского совета рабочих (позднее — рабочих и солдатских) депутатов, работая, кроме того, в экономическом отделе совета, который был создан по инициативе меньшевика В. Г. Громана. С апреля 1917 г. Базаров по приглашению Горького стал членом

редакции газеты «Новая Жизнь» и работал в ней до закрытия газеты советской властью летом 1918 г.

За неделю до Октябрьской революции была создана организация объединенных социал-демократов интернационалистов¹. Базаров был одним из ее основателей, членом ЦК, докладчиком на ее съездах в январе и мае 1918 г. После второго Всероссийского съезда Советов, проходившего 25–27 октября (7–9 ноября) 1917 г., Базаров в течение шести дней входил в сформированный на съезде Центральный Исполнительный Комитет (ЦИК), но вышел из него после того, как большевики отказались сформировать коалиционное правительство с участием социалистических партий.

В 1918 г. Базаров вошел в состав оргкомитета организованного Горьким общества «Культура и свобода», участвовал в работе Комиссии по исследованию последствий Брестского мира, стал членом созданной в июне Социалистической (впоследствии — Коммунистической) академии². После закрытия «Новой жизни» Базаров с семьей покидает Петроград. Сначала он едет в Крым, затем, в декабре 1918 г. вместе с женой переезжает в Харьков, где в 1919 г. становится одним из редакторов издававшегося меньшевиками журнала «Мысль».

После захвата Харькова войсками Белой армии в июне 1919 г. Базаров уезжает в Крым, живет в Ялте, становится редактором профсоюзной газеты «Наш путь», в которой он опубликовал несколько статей. Через несколько дней после занятия Крыма Красной армией в ноябре 1920 г. Базаров был арестован в Ялте, но скоро выпущен и был вызван для выяснения ситуации

¹ Об истории этой организации см.: Шестак Ю.И. Банкротство социал-демократов интернационалистов // Исторические записки. Т. 103. М.: Наука, 1979. С. 107–141. Менее идеологизированная статья «Российская социалистическая рабочая партия интернационалистов» помещена в Википедии.

² В «Положении ВЦИК и Совнаркома о Социалистической академии общественных наук» от 25 июня 1918 г. говорилось, что «Социалистическая академия общественных наук есть свободное сообщество лиц, имеющих целью изучение и преподавание как социальных знаний с точки зрения научного социализма и коммунизма, так и наук, которые соприкасаются с указанными знаниями». См.: Декреты Советской власти. Т. I. М.: Госполитиздат, 1957. С. 470.

в Симферополь, где у него произошел тяжелый приступ астмы. Последовал новый приказ об аресте, но в связи с болезненным состоянием ему было разрешено находиться под домашним арестом¹. Только после того, как 25 января 1921 г. Горький сообщил об этом Ленину, поступило распоряжение об освобождении Базарова, и он с семьей был приглашен в Москву.

Непродолжительное время он работал в Социалистической академии, а с 1 мая 1921 г. поступил на работу в Госплан, где сначала был членом подкомиссии учета и распределения материальных ресурсов и организации труда, а затем перешел в статистико-экономическую секцию. Вскоре Базаров стал одним из редакторов журналов «Плановое хозяйство» и «Экономическое обозрение».

1920-е годы — время расцвета Базарова как экономиста, его главные научные достижения были получены именно в этот период. Но успешная и плодотворная работа была прервана. С 1927 г. в прессе стали появляться статьи, в которых концепции Базарова подвергались резкой критике, затем, 28 июля 1930 г., последовал арест по обвинению в участии в контрреволюционной организации «Союзное бюро ЦК РСДРП (меньшевиков)», якобы планировавшей организацию интервенции и свержение советской власти.

Как показывают публикуемые в настоящем издании протоколы допросов Базарова, он держался мужественно, готовности помогать следствию в организации процесса над никогда не существовавшей организацией не проявил. Времена, по выражению А. Ахматовой, были еще сравнительно вегетарианские — в начале 1932 г. Базаров был выпущен из тюрьмы, в мае 1935 г. ему даже разрешили вернуться в Москву. К этому времени здоровье Базарова ухудшилось, в течение многих лет он болел бронхиальной астмой. В сентябре 1939 г. Базаров заболел воспалением легких и скончался 16 сентября 1939 года. Место его захоронения неизвестно.

¹ Письмо Базарова Горькому от 16.12.1920. См.: Горький и его корреспонденты. М.: ИМЛИ РАН, 2005. С. 147. В этом сборнике опубликовано 16 писем Базарова Горькому. Вступительная статья к письмам, подготовка текста и примечания принадлежат Е. Н. Никитину.

Общественную, научную и литературную деятельность Базарова можно четко разделить на четыре периода. С 1898 г. до апреля 1917 г. он занимал социал-демократические позиции, в той или иной степени обоснованно считал себя большевиком. С мая 1917 г. Базаров отошел от большевизма и вплоть до 1921 г. был критиком политики Ленина и советской власти в целом. С 1921 г. Базаров занимался экономической работой, на чисто политические темы не выступал. Такая позиция не спасла его от ареста в 1930 г. После выхода из тюрьмы Базаров занимался переводами. Рассмотрим эволюцию его взглядов подробнее.

2. СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТ — БОЛЬШЕВИК. 1898–1917

В уже упоминавшейся нами анкете 1924 г. начало своей «литераторской» деятельности Базаров датировал 1898 годом. Очевидно, именно в это время началась его работа над публикациями, которые появились в печати позже, в 1899 и 1900 гг. Судя по воспоминаниям хорошо его знавшего Богданова, к началу своей научной и публицистической деятельности Базаров уже был убежденным марксистом: «Определенно марксистскую, социал-демократическую позицию мы, интеллигенты заняли только в 1896 г., раньше я и Базаров стояли на народовольческой точке зрения ... нас всех быстро “определил” самый характер работы и психология рабочих кружков; на меня лично, да, кажется, и на Базарова и Скворцова очень сильное влияние оказал случайно попавший к нам экземпляр “Сборника материалов по экономическому развитию России” со статьей Тулина (Н. Ленина) о Струве»¹. На базе лекций, которые Богданов читал рабочим в 1897 г., им был опубликован «Краткий курс экономической науки», выдержавший множество переизданий². Ре-

¹ Богданов А. А. Мое пребывание в Туле // Революционное былое. 1923. № 2. С. 17. Имеется в виду статья Ленина «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», опубликованная в сборнике: «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития» (СПб.: тип. П. П. Сойкина, 1895). Книга была конфискована и сожжена в 1896 г., но часть экземпляров уцелела.

² До 1917 г. вышло 9 изданий. В предисловии к последней публикации курса в 1924 г. Богданов писал: «Это собственно не 15-е, а трудно сказать,

дактором этой книги был Базаров, который действительно стал убежденным марксистом.

Вместе с тем отношение Базарова к марксизму имело существенные особенности, что проявилось уже в первой его работе — «Труд производительный и труд, образующий ценность», опубликованной в 1899 г. В своей брошюре Базаров поставил как будто скромную цель: «Наша задача исчерпывается указанием некоторых неточностей и противоречий, мешающих... системе Маркса–Энгельса принять вполне стройный и законченный вид»¹. Речь шла о внесении ясности в вопрос о том, какой труд признается Марксом в качестве производительного. В принципе важность этого вопроса никогда не отрицалась, в том числе и советскими экономистами, но она и не осознавалась в полной мере. Между тем, поскольку в рамках теории Маркса лишь производительный труд создает стоимость, от решения этого фундаментального вопроса фактически зависит все здание экономической и политической теории марксизма — теория стоимости, теория эксплуатации, учение о роли рабочего класса и социалистической революции.

У Маркса, в сущности, было два понятия производительного труда. С одной стороны, он рассматривал простой процесс труда, производящего продукт. В этом смысле производителен труд земледельца, ткача, портного, любого работника материального производства. С другой стороны, Маркс подчеркивает, что такое определение «совершенно недостаточно для капиталистического процесса производства»². При капиталистическом способе производства «тот рабочий производителен, который производит для капиталиста прибавочную стоимость или служит самовозрастанию капитала»³. Маркс соглашается с А. Смитом, который «в данном случае проник

которое издание... Предыдущее переработанное 10-е издание много раз перепечатывалось без ведома авторов». См.: *Богданов А. А.* Краткий курс экономической науки. Изд. 15-е, вторично переработанное и дополненное при участии автора Ш. М. Дволайцким. М.: Госиздат, 1924. С. 3.

¹ *Базаров В. А.* Труд производительный и труд, образующий ценность. СПб.: изд. С. Дороватовского и А. Чарушникова, 1899. С. 5.

² *Маркс К.* Капитал. Т. 1//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 192.

³ Там же. С. 517.

в самую суть дела» и пишет, что одной из крупнейших его заслуг было определение производительного труда как такого труда, «который обменивается непосредственно на капитал»¹. Тем самым, продолжает Маркс, «абсолютно установлено также, что такое *непроизводительный труд*. Это — такой труд, который обменивается не на капитал, а непосредственно на доход, то есть на заработную плату или прибыль», а также на процент или ренту². Поэтому труд портного, шьющего капиталисту сюртук, — непроизводителен, поскольку капиталист тратит свой доход, а труд портного, работающего по найму, — производителен.

При этом неважно, производит работник продукт или оказывает услуги, не принципиальна также принадлежность к материальному производству. Хотя в 1899 г. «Теории прибавочной стоимости» Маркса еще не были опубликованы, у Базарова была возможность ознакомиться с этими мыслями. В частности, еще в первом томе Маркс писал: «Школьный учитель, — если позволительно взять пример вне сферы материального производства³, — является производительным рабочим, коль скоро он не только обрабатывает детские головы, но и изнуряет себя на работе для обогащения предпринимателя. Вложит ли этот последний свой капитал в фабрику для обучения или в колбасную фабрику, от этого дело нисколько не меняется»⁴. Как будто проблема решена. Тем не менее во втором томе «Капитала» Маркс решительно относит работников торговли и банков к непроизводительным, хотя они, очевидно, обменивают свой труд на капитал торговых или банковских капиталистов.

Базаров четко фиксирует это противоречие и дает свое решение проблемы: «“Производительным трудом” мы называем всякую целесообразно направленную затрату человеческой энергии, имеющую своим объективным результатом удовлет-

¹ Маркс К. Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала») Ч. 1. М.: Политиздат, 1978. С. 138. Здесь и далее (в том числе и в текстах В. А. Базарова) курсив — авторский.

² Там же.

³ Слова о примере вне сферы материального производства были добавлены только в 3-м немецком издании первого тома «Капитала».

⁴ Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 517.

ворение известной общественной потребности. Другими словами, труд должен быть признан производительным, когда продукты его являются «потребительной ценностью» и притом не индивидуальной только, но общественной потребительной ценностью»¹. Такое определение сразу позволяет решить ряд проблем. С этой точки зрения, если труд производит общественную потребительную ценность, он является производительным, независимо от материального или нематериального характера полученного результата, тем самым снимаются различия между производством продуктов и предоставлением услуг, между физическим и умственным трудом.

Может показаться, что этот подход противоречит подходу Маркса, но это не так. Во-первых, Базаров подчеркивает, что «...для общественно-производственного целого совершенно безразлично, является ли данная потребность... совокупностью личных потребностей членов общества или же прямо выступает в сознании этих последних, как потребность специфически-обусловленная, вытекающая исключительно из условий социальной организации»². Во-вторых, при рассмотрении отраслевой структуры всего общественного производства Маркс использовал понятие «общественной потребительной стоимости», которая, как и в случае отдельного товара, «есть предпосылка его меновой стоимости, а потому и его стоимости»³. Следует признать, что Базаров сделал максимум возможного для решения поставленной им задачи⁴.

По мнению Базарова, причина противоречивости взглядов Маркса на производительный труд заключалась в его понима-

¹ Базаров В. А. Труд производительный и труд, образующий ценность. С. 6. Отметим, что здесь, как и в других своих работах, Базаров цитирует Маркса в собственном переводе. Впоследствии он переводил немецкий термин Gebrauchswert как «потребительная стоимость», а не как «потребительная ценность».

² Там же. С. 31.

³ Маркс К. Капитал. Т. 3. Ч. II // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. II. С. 185–186.

⁴ Анализ с современных позиций проблемы производительного труда и теории стоимости выходит за рамки этой статьи. Подробнее, в частности, см.: Белых А. А. История российских экономико-математических исследований. М.: URSS, 2007. С. 185–204.

нии перспектив развития капитализма. Если бы Маркс признал такие виды труда, как торговля, банковское дело и т. п., производительными, то ему нужно было бы признать их и общественно-необходимыми. В связи этим, как считал Базаров, ему пришлось бы либо отказаться от перспективы, изложенной в главе «о первоначальном накоплении»¹, либо показать возможность замены старой организации труда новой, делающей этот производительный для капиталиста труд непроемким. Для этого, однако, необходимо было фактическое осуществление этой новой организации труда.

Уже первая публикация Базарова показывает, что свой псевдоним он выбрал не случайно. В свои 25 лет он демонстрирует глубину анализа, раскрепощенность мышления, отсутствие преклонения перед авторитетами.

Работа Базарова не осталась незамеченной. В предисловии к вышедшему в том же году втором издании «Краткого курса экономической науки» Богданов писал, что при переработке книги он воспользовался работой Базарова, в которой «монистически устанавливается основное для общественных наук понятие “производства”»². Отрицательную рецензию на исследование Базарова дал С. Н. Прокопович. Он справедливо считал, что «понятие производительности труда лежит в основе всей теории ценности Маркса», но при этом признавал производительным только труд, участвующий в материальном производстве³. Прокопович полагал, что взгляды Базарова противоречили концепции Маркса⁴.

¹ Базаров В. А. Труд производительный и труд, образующий ценность. С. 51.

² Богданов А. Краткий курс экономической науки. 2-е изд. СПб.: изд. С. Дороватовского и А. Чарушникова, 1899. С. 3.

³ Прокопович С. В. Базаров. Труд производительный и труд, образующий ценность // Жизнь. 1899. № 11. С. 339–341.

⁴ В 1927–1928 гг. в СССР возникла дискуссия о производительном труде. Р. Е. Вайсберг доказывал, что производительным является только труд в материальном производстве, его оппонент Арт. Аболин применительно к социалистической экономике давал более широкую трактовку этому понятию (см.: Плановое хозяйство. 1927. № 5, № 6; 1928. № 8, 10, 11). Парадоксально, что позицию Прокоповича занял коммунист Вайсберг, утверждавший, что «Базаров выступает без всяких обиняков против Маркса» (Против вульгарщины и легкомыслия // Плановое хозяйство. 1928. № 8. С. 171).

В ответной статье¹, аргументированно отвечая на критику, Базаров проявил еще одно яркое качество — блестящий талант полемиста.

На какое-то время от дальнейшей работы над экономической теорией Базарова отвлекли политическая деятельность и исследование проблем философии². Участие Базарова в философских дискуссиях начала XX века привело к тому, что в СССР после 1930 г. он был известен не как выдающийся экономист, а как махист, которого критиковал Ленин в книге «Материализм и эмпириокритицизм». Анализ философских взглядов Базарова не является нашей целью, тем более, что они уже привлекли внимание исследователей-специалистов³.

Отметим, что до определенного периода различия в философских позициях многих большевиков во главе с Лениным и группы «русских махистов» (Богданов, Базаров, А. В. Луначарский) не мешали их совместной политической деятельности. Когда в России началась революция и в Петербурге стала выходить первая легальная большевистская газета «Новая жизнь»⁴, Ленин предложил Плеханову войти в ее редакцию (в состав редакции, кроме него, должны были войти Богданов, П. П. Румянцев, Базаров, Луначарский, В. В. Воровский и М. С. Ольминский). Свои разногласия с Плехановым Ленин считал в тот момент несущественными и доказывал, что он «нигде и никогда не пытался связать кого бы то ни было из социал-демократов специально своими взглядами, и никто, безусловно из новой

¹ Базаров В. К вопросу о производительном труде. Ответ г-ну Прокоповичу // Научное обозрение. 1900. № 4. С. 797–805.

² Его первая философская работа «Авторитарная метафизика и автономная личность» была опубликована в 1904 г. См.: Очерки реалистического мировоззрения. СПб.: С. Дороватовский и А. Чарушников, 1904. С. 183–276.

³ Особо следует отметить содержательную статью: Блохин Н. Философская публицистика В. А. Базарова и русский марксизм начала XX в. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2006. Июль-авг. (№ 4). С. 84–110. Любопытно, что Н. Блохин считает Базарова «известным русским философом и экономистом», а не наоборот (там же. С. 84).

⁴ Эта газета существовала с 27 октября (9 ноября) по 3 (16) декабря 1905 г. в Петербурге. Позднее, в 1917 г. М. Горький основал газету с тем же названием, одним из фактических соредакторов которой был Базаров.

редакции не ангажировал себя ни в какие “ленинисты”»¹. Ленин знал, что Плеханов считал ошибочными философские взгляды Богданова, Базарова и Луначарского, но уверял, что они «не пытались и не пытаются связать эти свои взгляды с каким бы то ни было официально партийным делом» и «были бы чрезвычайно рады совместной работе с Вами»². Плеханова, впрочем, эти аргументы не убедили и в редакцию он не вошел³.

В период революции для Ленина единство в борьбе с царизмом было важнее философских споров, а в политике Базаров его поддерживал. В 1906 г. на IV объединительном съезде РСДРП он выступил в поддержку ленинской аграрной программы, в 1907 г. был солидарен с позицией Ленина, боровшегося против бойкота выборов в III Государственную думу. Публикации Базарова в этот период в целом выдержаны в боевой большевистской стилистике: «Придет новая эра истории, когда все угнетенное, сплоченное под родным знаменем борющейся за общую свободу социал-демократии, разорвет все оковы, сметет ненавистную власть и создаст свою власть — власть свободного народа!»⁴.

Первая русская революция не могла не повлиять на направление научных исследований Базарова — в 1906 г. он издает книгу «Анархический коммунизм и марксизм», в которой, наряду с критикой анархизма, сделал попытку обосновать собственное понимание организации социалистического общества. Марксизм традиционно связывал победу нового общественного строя с объективной тенденцией производительных сил к концентрации и централизации, которая приводит к созданию

¹ Ленин В. И. Письмо Г. В. Плеханову. Октябрь 1905 г. // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 47. С. 104.

² Там же. С. 104–105.

³ В редакционных примечаниях к собранию сочинений Ленина сказано: «Установить, ответил ли Г. В. Плеханов на это письмо, не удалось. По-видимому, его ответом явилась заметка в № 3 “Дневника Социал-Демократа” под заголовком “Новая Жизнь”, в которой Г. В. Плеханов обвинял Ленина в беспринципности за участие в газете вместе с “эмпириомонистами” и “декадентами”» (там же. С. 340).

⁴ Как правительство решает аграрный вопрос. СПб.: Жизнь, 1906. С. 47. На титульном листе автор обозначен инициалами В. А.

новой планомерно регулируемой коллективистской системы, основанной на общественной собственности на средства производства. Только тогда станет возможной подлинная свобода всех членов общества. Базаров писал, что «“конечной целью”... является осуществление совершенной свободы и совершенной планомерности в жизни общества»¹. Такой подход было вполне традиционным. Так, Ленин определял программную цель РСДРП как создание планомерной организации экономики в интересах свободного, всестороннего развития всех членов общества².

Но совместимы ли централизация управления производством и свобода индивида? В своей работе Базаров попытался обосновать позитивный ответ на этот вопрос. Отметим, что хотя его аргументы не всегда убедительны, они, несомненно, интересны, поскольку отражают весьма типичные марксистские представления о развитии общества.

В логике Базарова одновременно сочетались представления о гуманистическом характере будущего строя и об упрощении механизма функционирования экономической системы, что было весьма типично для его единомышленников. Поскольку отношения индивидов будут «прозрачны», для организации «общественного производства» не потребуется какой-то сложной иерархии, отделяющей управляющих от управляемых. Однако попытка конкретного анализа этой проблемы выявляет серьезные противоречия, с которыми много позже столкнулись и советские экономисты, пытавшиеся выработать пути реформирования, гуманизации хозяйственной системы, оставаясь в плену догм об априорном согласовании потребностей всех членов общества.

С одной стороны, Базаров убежден, что справедливый социальный строй, отрицая всякую уравнительность, должен будет учитывать количественную и качественную неоднородность потребностей индивидов. Это, естественно, потребовало бы сложной организации, причем в условиях ограниченно-

¹ Базаров В. А. На пути к социализму. Харьков: тип. Просвещение, 1919. С. 1.

² Ленин В. И. Замечания на второй проект программы Плеханова // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 232.

сти благ распределение их должно осуществляться не поровну, а по труду, так как только в последнем случае можно обеспечить удовлетворение реальных потребностей индивидов, а не предписанных им властью. (При распределении поровну все чувствовали бы себя неудовлетворенными, резонно замечает автор.) С другой стороны, согласование различных интересов (что неотделимо от разнообразия потребностей) Базаров считает возможным обеспечить проведением расчетов, однозначно и убедительно показывающих гражданам наилучший для всех вариант развития. «Полное единогласие обеспечивается общезначимостью математических аксиом, а потому лишается смысла проблема “издержек централизации”, связанная с установлением авторитарного или даже деспотического режима»¹. Идея безальтернативности оптимального пути развития является фундаментом подобной логики и в будущем окажет определенное влияние на анализ Базаровым проблем планирования. Между тем эта логика неоспорима лишь при решении простых задач оптимизации с заданными целевой функцией и ограничениями. Иное дело общественный процесс, в котором сама цель зависит от соотношения социальных сил, интересов и множества других факторов.

Еще один важный вопрос привлекал внимание Базарова на протяжении всей его деятельности. Каковы условия победы социализма вообще и экономической победы над капитализмом в частности? Он ясно видел сложность этой задачи. Ведь капитализм снимает практически любые ограничения для развития производительных сил. На этот счет Базаров не имел никаких иллюзий уже в начале XX века, когда многие верили в неизбежность стагнации и разложения старого строя. Он подчеркивал, что капитализму может быть противопоставлено

¹ Базаров В. А. Анархический коммунизм и марксизм. СПб.: тип. т-ва «Народная польза», 1906. С. 165–166. Отметим, что в этой работе Базаров впервые использовал математические идеи. О роли математического метода в его исследованиях см.: Белых А. А. В. А. Базаров как экономист-математик // Экономика и математические методы. 1989. Т. XXV. Вып. 6. С. 1022–1031.

лишь преобразование всей хозяйственной системы по единому плану¹.

Базаров считал, что социализм должен быть «совершенно свободен от каких бы то ни было норм, ограничивающих развитие производительных сил», и ни одна социальная форма не может быть априорно признана социалистической, на какие бы соображения морального порядка она ни опиралась². В соответствии с традиционными марксистскими представлениями, развитие производительных сил должно было вести к социализму. На IV съезде РСДРП Базаров в выступлении по аграрному вопросу подчеркивал, что можно поддерживать только те требования крестьянства, «которые действительно революционны, то есть, не только направлены против существующей власти, но в то же время не противоречат развитию производительных сил»³. В этот период он был убежден, что при новом строе нет препятствий для развития, поскольку «в социалистическом обществе в непрерывном повышении производительности труда *каждого* работника заинтересованы все без различия члены общества»⁴.

В 1920-е годы то значение, которое Базаров придавал росту производительности труда, будет считаться «струвизмом» и оцениваться крайне негативно. Но это произойдет позже, а в 1906 г. он еще активно участвует в большевистской работе. В различных источниках даже указывается, что он был членом «Большевистского центра»⁵, созданного во время V съезда РСДРП в Лондоне в 1907 г. История этого центра до сих пор со-

¹ Базаров писал: «Несомненно, что социализм может осуществиться только путем быстрого, планомерно организованного перехода в общественное заведывание всех капиталистических предприятий». См.: Базаров В. А. Анархический коммунизм и марксизм. С. 159.

² Там же. С. 88–89.

³ См.: Четвертый (объединительный) съезд РСДРП. Протоколы. М.: Госполитиздат, 1959. С. 91.

⁴ Базаров В. А. Анархический коммунизм и марксизм. С. 182.

⁵ Например, см.: Деятели революционного движения в России. Библиографический словарь. Т. 5. М.: Изд. Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1931. Стлб. 193; Преображенский Е. А. В. А. Базаров // Большая советская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1926. Т. 4. С. 334.

держит немало белых пятен¹. В официальных советских публикациях «Большевицкий центр» считался расширенной редакцией центрального органа большевистской фракции — журнала «Пролетарий»². На самом деле это были две разные организации, в ведении центра помимо политических и пропагандистских были также финансовые и военно-технические вопросы. Базаров действительно входил в редакцию журнала «Пролетарий», но он не имел отношения к другим направлениям работы «Большевистского центра»³. Базаров не был на съезде партии в Лондоне, более того, вскоре между ним и Лениным возникли серьезные разногласия по философским вопросам.

В течение нескольких лет Ленин полагал, что философские споры Плеханова с Богдановым, Базаровым и Луначарским не должны влиять на политику. Возможно, это было связано и с его оценкой Плеханова: «Тактика его — верх пошлости и низости. В философии он отстаивает правое дело»⁴. Еще в феврале 1908 г. Ленин писал Горькому: «Пусть наши партийные философы поработают еще некоторое время над теорией, поспорят и... договорятся. Я бы стоял пока за отделение таких философских споров, как между материалистами и “эмпирио-”, от цельной партийной работы»⁵. В следующем письме Горькому Ленин объяснил причины своего неожиданного миролюбия: «Мы заключили блок для проведения в рабочей партии определенной тактики. Мы эту тактику вели и ведем до сих пор без разногласий (единственное разногласие было о бойкоте III Думы, но оно, во-1-х, никогда не обострялось между нами даже до намека на раскол; во-2-х, оно не соответствовало разногласию материалистов и махистов, ибо, например, махист Базаров был,

¹ См.: Николаевский Б.И. К истории «Большевистского центра» // Вопросы истории. 2010. № 6. С. 3–36. Вместе с тем, по свидетельству английского историка Д. Биггарта, эта статья содержит немало неточностей, как в изложении фактов, так и в их интерпретации.

² Антонов Г.А. Большевицкий центр // Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1970. Т. 3. С. 523.

³ Сообщено авторам Д. Биггартом.

⁴ Ленин В.И. Письмо А.М. Горькому 7 февраля 1908 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 47. С. 135.

⁵ Там же.

как и я, против бойкота и написал об этом большой фельетон в «Пролетарии»)»¹.

Неустойчивое равновесие было нарушено выходом в свет махистского сборника «Очерки по философии марксизма», содержащего, в частности, статью Базарова². Уже 24 марта 1908 г. Ленин писал Горькому, что эта книга «нелепая, вредная, филистерская, поповская» и что «бой абсолютно неизбежен»³. Причины столь резкого изменения позиции Ленина не вполне понятны, поскольку философские позиции Богданова, Базарова и их сторонников были ему давно известны⁴. Ленин быстро пишет и издает книгу «Материализм и эмпириокритицизм», в которой подвергает махистов, в том числе Богданова и Базарова, жестокой критике. Базаров, впрочем, не согласился с аргументами Ленина и даже назвал известное ленинское определение материи⁵ «галиматьей»⁶.

Отношения Базарова с Лениным были всерьез и надолго испорчены. В 1910 г. Ленин написал статью «Наши упразднители (О г. Потресове и В. Базарове)», в которой обрушился на Базарова за союз с ликвидаторами и приписал ему лавры Ге-

¹ Ленин В.И. Письмо А. М. Горькому 25 февраля 1908 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 47. С. 144–145.

² Базаров В. Мистицизм и реализм нашего времени // Очерки по философии марксизма. СПб.: кн-во Зерно, 1908. С. 3–71.

³ Ленин В.И. Письмо А. М. Горькому 25 марта 1908 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 47. С. 151.

⁴ Одно из возможных объяснений заключается в том, что после ограбления филиала Государственного банка в Тифлисе и появления перспективы получения наследства Н. П. Шмита, Ленин получил финансовую независимость и смог занять более активную позицию во внутрипартийной борьбе, в которой его основным оппонентом в тот момент был Богданов. См.: Биггарт Д. «Антиленинский большевизм»: группа РСДРП «Вперед» // Неизвестный Богданов. В 3-х книгах / Под ред. Г. А. Бордюгова. Кн. 3. М.: ИЦ «АИРО-XX», 1995. С. 9.

⁵ «Материя есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них». См.: Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 131.

⁶ Базаров В. А. На два фронта. СПб.: Прометей, 1910. С. xxv.

рострата. При этом он все же отметил, что «Базаров отличался всегда наиболее вдумчивым отношением к серьезным вопросам политики»¹. Сам Базаров продолжал считать себя социал-демократом и большевиком, но перестал участвовать в политике и сосредоточился на литературе.

Отметим, что увлечение философскими идеями эмпириомонизма повлияло на методологию научного анализа Базарова, в частности, на его отношение к математическим методам и теории равновесия. Э. Мах, чьи труды оказали на Базарова большое влияние, предлагал «заменить понятие причины математическим понятием функции»². В 1910 г. Базаров перевел книгу французского биолога Ле Дантека³, который утверждал, что за внешним богатством природы скрывается небольшое число схем, которые «при сравнении соответственных членов параллельных рядов оказываются настолько близкими между собой, что математическая формула, применимая к одному ряду, может употребляться для другого»⁴. Отметим, что к этой же мысли, под влиянием чтения работ известных физиков, пришел и Ленин: «Единство природы обнаруживается в “поразительной аналогичности” дифференциальных уравнений, относящихся к разным областям явлений»⁵. В этот период Базаров сделал вывод о том, что «высшим торжеством науки является применение математических конструкций к исследованию конкретных явлений»⁶. Аналогичную позицию занимал Богданов, считавший, что «математические соотношения

¹ Ленин В.И. Наши упразднители (О г. Потресове и В. Базарове) // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 130.

² Мах Э. Анализ ощущений и отношение физического к психическому. 2-е изд. М.: изд. С. Скирмунт, 1908. С. 89.

³ О взглядах Ле Дантека и его влиянии на Богданова см.: *Gloveli G. Bogdanovs Tektologie im Kontext der Systemideen zu Beginn des 20 Jahrhunderts (Aus von Maja Soboleva)* // Alexander Bogdanov. Theoretiker für das 20 Jahrhundert. München: Verlag Otto Sagner, 2008. S. 104–105.

⁴ Ле Дантек Ф. Основные начала биологии. СПб.: Звено, 1910. С. 12.

⁵ Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 306.

⁶ Базаров В.А. На два фронта. СПб.: Прометей, 1910. С. xxxv.

представляют частный случай тектологических»¹. К математическим моделям Базаров вернулся позже, в 1920-е годы.

В 1908–1916 гг. Базаров много переводил, писал статьи на философско-религиозные темы, с 1915 г. сотрудничал в издаваемом М. Горьким журнале «Летопись». Война, новые явления в экономической жизни, государственное регулирование народного хозяйства, нарастание в обществе революционных настроений побудили Базарова вернуться к политическим проблемам, к размышлениям о возможности социалистических преобразований — в январе 1917 г. он публикует важную статью «О конечных целях».

В своей статье, анализируя ситуацию в Россию, Базаров делает двоякий вывод. С одной стороны, социальный строй в России уже перестает быть капиталистическим. С другой стороны, еще не созрели субъективные предпосылки для осуществления социалистического идеала. Последнее Базаров связывал с сохранением в сознании пролетариата и его идеологов уходящей корнями в эпоху Просвещения идеи примата принципа «социальной справедливости» над свободой. «Священная для современной демократии социальная «справедливость», требующая эквивалентности прав и обязанностей гражданина, ищущая математического равенства там, где все качественно разнородно»², — вот камень преткновения для современного рабочего движения. Марксизм, разработав передовую методологию социального анализа, не предложил, по мысли Базарова, даже зачатков коллективистского мировоззрения³. В результате на сцене мировой истории разыгрывается невиданная драма — буржуазия, планомерно организуя народное хозяйство, выполняет историческую миссию пролетариата. Но делает она это в своих интересах, в «милитарно-национальных» формах. Сможет ли уже теперь, не дожидаясь вызревания всех предпосылок

¹ Богданов А. А. Всеобщая организационная наука. (Тектология). Ч. 1. СПб.: Изд-во М. И. Семенова, 1913. С. 38. Традиционно принято писать о влиянии Богданова на Базарова, но, по справедливому мнению Г. Гловели, в области использования математических идей скорее можно говорить о влиянии Базарова на Богданова.

² Базаров В. О конечных целях // Летопись. 1917. № 1. С. 174.

³ Там же. С. 178.

социализма, рабочая демократия овладеть начавшимися процессами, вывести их за пределы национализма и милитаризма, повернуть производство с нацеленности на прибыль к удовлетворению потребностей всего народа. От того, как решится этот вопрос, «зависит ход всемирной истории в течение ряда ближайших десятилетий, а может быть и столетий»¹. Надо отдать должное автору: он смог преодолеть традиционную для многих социал-демократов своего времени уверенность в том, что мир однозначно идет к торжеству модели социализма К. Маркса. Базаров увидел альтернативы, и это было существенно.

После Февральской революции Базаров пытается вернуться к совместной работе с большевиками. По свидетельству А. Г. Шляпникова, Базаров «первые дни принимал довольно активное участие» в заседаниях большевистской фракции в Петроградском совете, «составляя вместе с Авиловым ее правое крыло»². Это продлилось недолго. Приезд Ленина в Петроград 3 апреля 1917 г., его новые лозунги изменили политику большевиков. По свидетельству Суханова, через пять дней после возвращения Ленин собрал совещание из заслуженных большевиков, в котором участвовал Базаров. Оказалось, что они не были готовы поддержать новый курс Ленина³. Ф. Кинг в своей диссертации справедливо подчеркивает, что именно неприятие «Апрельских тезисов» послужило причиной окончательного разрыва Базарова с большевизмом⁴.

3. ДЕМОКРАТ. 1917–1921

В этот период Базаров особенно активно занимается публицистикой. 18 апреля 1917 г. в Петрограде начала выходить газета

¹ Базаров В. О конечных целях // *Летопись*. 1917. № 1. С. 187.

² Шляпников А. Г. Семнадцатый год. Т. 2. М.: Госиздат, 1925. С. 186.

³ Суханов Н. Н. Записки о революции. Т. 2. М.: Политиздат, 1991. С. 20.

⁴ Отметим, что в уже цитированной анкете Базаров время отхода от большевизма датирует серединой 1917 г. Это, конечно, неточность, либо случайная, либо сознательная — в официальном документе связывать свой отход от большевизма с приездом Ленина в Россию «цензурные возможности» 1924 г. не позволяли.

«Новая жизнь», которой руководил Горький. Базаров фактически был одним из редакторов газеты и за короткое время существования (год и три месяца¹) опубликовал в ней более 150 статей.

Считая переход России к социализму в тот период невозможным, он и его единомышленники подчеркивали необходимость проведения политики, содействующей социалистическим тенденциям в экономике, демократизации хозяйственной жизни и переориентации производства на удовлетворение интересов широких народных масс. Противопоставляя такой путь концентрации и централизации производства в интересах капитализма и милитаризма, они настаивали на государственном регулировании экономики, не только распределения продукции, но и производства, цен, зарплаты, качества товаров. В то время многим экономистам казалось, что государственно-монополистический капитализм, вытесняя конкуренцию, лишает народное хозяйство важнейшего стимула к прогрессу. Недаром говоря о необходимости «подчинить общественному контролю всю промышленность», Базаров и другие авторы «Новой жизни» аргументировали это не только чрезвычайной обстановкой военного времени, но и ослаблением роли личной инициативы и предприимчивости.

Одним из важных пунктов программы Базарова была идея о том, что Советы рабочих и крестьян еще не готовы к самостоятельному регулированию хозяйственной жизни, а потому неизбежно будет использование старого государственного аппарата, строго централизованного, работающего по единому плану и под эффективным демократическим контролем. Poleмизируя с большевиками по этому вопросу, Базаров не без оснований утверждал, что если они придут к власти, им все равно придется пойти по этому пути². Главную опасность реализации

¹ В июне-июле 1918 года газета «Новая жизнь» выходила не только в Петрограде, но и в Москве. В июле из цензурных соображений название московского издания было изменено на «Свободная жизнь», но все равно удалось выпустить лишь несколько номеров.

² См.: Базаров В. Демократический блок // Новая жизнь. 1917. 19 сент. (2 окт.). С. 1; Базаров В. Большевики и проблема власти // Новая жизнь. 1917. 27 сент. (10 окт.). С. 1.

этих замыслов Базаров видел в том, что «государственная бюрократия не перестает быть воплощением неподвижности и застоя только от того, что во главе ее на место самодержавного монарха становится ответственная перед народом власть». Если не удастся создать условия, при которых всякий рабочий чувствовал бы, что любое усовершенствование, повышение производительности труда улучшает его участь, что ему принадлежит «право известной инициативы в осуществлении технического прогресса», то и будущий социализм предстанет «не пышным развитием производительных сил, как это утверждают марксисты, а реакционным бюрократизмом, шагом назад даже по сравнению к современному капитализму»¹.

Позиция Базарова вызвала решительные возражения со стороны двух виднейших и несхожих деятелей российского рабочего движения — Ленина и Богданова. Экономические программы большевиков и «новожизненцев» имели много общего — принудительное синдицирование и национализация, контроль и учет, организация государственных монополий. Иногда Ленин весьма позитивно отзывался о Базарове. Так, цитируя одну из его статей², Ленин писал, что Базаров «совершенно прав» и ему «никто не откажет в знаниях по вопросу о состоянии нашей промышленности»³. Но в программной работе «Удержат ли большевики государственную власть», написанной 1 октября 1917 г., Ленин о статье Базарова «Большевики и проблема власти»⁴ высказывался достаточно резко и определенно — «рассуждения товарища Базарова прямо поразительно беспомощны», своими доводами «добрый Базаров объективно играет роль подголоска капиталистов»⁵.

¹ Базаров В. Бюрократизм или «синдикализм»? // Новая жизнь. 1917. 2 (15) июля. С. 1.

² Базаров В. Современная анархия и грядущий Наполеон // Новая жизнь. 1917. 24 мая (6 июня). С. 1.

³ Ленин В.И. Надо разоблачать капиталистов // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 203.

⁴ Публикуется в настоящем издании.

⁵ Ленин В.И. Удержат ли большевики государственную власть? // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 317, 319.

Для Ленина ключевым был вопрос о захвате политической власти, использование старого аппарата он считал неприемлемым реформизмом. Надо брать власть, лишь в этом случае экономическая политика будет осуществляться действительно в интересах трудящихся. В своей статье Ленин противопоставляет интеллигентский и пролетарский подходы к революции. Колеблющийся и сомневающийся интеллигент неизбежно получает синоним «буржуазный». Для рабочего, в квартире которого после июльских событий скрывался Ленин, «мир делится на два лагеря: «мы», трудящиеся, и «они», эксплуататоры». Надо наступать — «лес рубят — щепки летят»¹. Вопрос о возможности отчуждения «государственной власти пролетариата» от самого пролетариата, появления у этой власти собственных интересов Ленин не считал актуальным.

Принципиально иначе, чем Базаров или Ленин, оценивал тенденции сложившейся за годы мировой войны государственно-монополистической системы Богданов. В централизации хозяйственной жизни капиталистических стран он не видел приближения к социализму и планомерности. Социализм должен обеспечивать прогресс производительных сил, тогда как военная организация производства ориентирована на их разрушение. Нормировка и принуждение вовсе не ведут к социализму, утверждал Богданов, отвергая иллюзии о возможности перерастания военно-капиталистического хозяйства в планомерно-социалистическое. Попытки же практического осуществления этого курса, пророчески предостерегал он, приведут к утверждению «ублюдочного военно-социалистического» хозяйства, причем родителями этого «ублюдка» станут вовсе не капитализм и социализм, как полагали тогда многие, но капитализм и военный потребительский коммунизм².

¹ Ленин В. И. Удержат ли большевики государственную власть? // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 323. Не очевидна ситуация с самим Лениным. Ясно, что он полностью на стороне рабочего, но при этом пишет «наш брат интеллигент», «о хлебе я, человек, не выдавший нужды, не думал» (там же).

² Богданов А. Вопросы социализма. М., 1918. С. 44, 86. В этой книге, написанной в конце 1917 г., содержится развернутая критика позиций как Ленина, так и Базарова.

Когда в октябре 1917 г. партия большевиков взяла курс на организацию вооруженного восстания¹, Базаров был первым, кто в открытой печати сообщил об имеющихся в руководстве партии разногласиях. В статье «Марксистское отношение к восстанию», опубликованной 17 октября, он писал, что большевики должны были бы «употребить все усилия к тому, чтобы удержать от безумного шага сбитые с толку рабочие и солдатские массы». Вместо этого «по городу пущен в рукописи листок, высказывающийся от имени двух видных большевиков против выступления. Этого немножко маловато, товарищи!»² Ленин отреагировал незамедлительно. В тот же день он пишет «Письмо к товарищам», в послесловии к которому называет сотрудников газеты «Новая жизнь» «безголовыми» «презренными дурачками» и требует немедленно начать агитировать за восстание³.

На следующий день, 18 октября, в газете «Новая жизнь» сообщалось, что Каменев и Зиновьев обратились в партийные организации в Петрограде, Москве и Финляндии с письмом, в котором «решительно высказывались против того, чтобы партия брала на себя инициативу каких-либо вооруженных выступлений в ближайшие сроки». Каменев считал, что «восстание было бы обречено на поражение и повлекло бы за собой самые губительные последствия для партии, для пролетариата и для судеб революции»⁴. Ленин сразу ответил письмом, в котором назвал поступок Каменева и Зиновьева «неслыханным штрейкбрехерством» и потребовал исключить их из партии⁵. Дополнительное раздражение Ленина вызвало то, что ин-

¹ Решение о восстании было принято на заседании ЦК партии большевиков, состоявшемся 10 октября 1917 г. на квартире меньшевика Н. Н. Суханова. Чтобы дать возможность своей жене — большевичке Г. К. Флаксерман провести это заседание, Суханов специально остался ночевать в помещении редакции газеты «Новая жизнь». Г. Е. Зиновьев и Л. Б. Каменев высказались против восстания, но остались в меньшинстве.

² Базаров В. А. Марксистское отношение к восстанию // Новая жизнь. 1917. 17 (30) октября. С. 1.

³ Ленин В. И. Письмо к товарищам // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 417–418.

⁴ Ю. Каменев о выступлении // Новая жизнь. 1917. 18 (31) октября. С. 1.

⁵ Ленин В. И. Письмо к членам партии большевиков // Ленин В. И. Полн. собр. соч. т. 34. С. 419–422.

формация о позиции Каменева и Зиновьева появилась «в непартийной печати, и притом именно в такой газете, которая по данному вопросу идет об руку с буржуазией против рабочей партии»¹.

Можно по-разному оценивать позиции сторон и последствия политики большевиков, но очевидно одно — «дурачками» «новожизненцы» не были. За день до восстания в редакционной статье говорилось: «Как бы ни был незначителен процент петербургского рабочего и военного населения, способного принять активное участие в этом перевороте, абсолютного его количества совершенно достаточно, чтобы ввергнуть столицу, а затем, быть может и всю Россию, во все ужасы гражданской войны»².

Позиция Базарова по отношению к Октябрьской революции была двойственной. В одной стороны, он видел разительный контраст между теорией социализма, пропагандистскими лозунгами большевиков и реальной политикой, которую они проводили. С другой стороны, он понимал, что «военный разгром большевизма имел бы своим последствием ...торжество самой открытой, самой неприкрашенной контрреволюции»³. Базаров был убежден, что единственным выходом было «создание власти, опирающейся на широкий демократический блок»⁴. Теоретически такая позиция имела определенные основания, но практически создать такой блок было невозможно. Поляризация классовых сил была неизбежной, логика гражданской войны привела к тому, что даже левые эсеры, которые сначала

¹ Ленин В. И. Письмо к членам партии большевиков // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 420. На следующий день Ленин направил аналогичное расширенное письмо в ЦК РСДРП (б). (Там же. С. 423–427). Тем не менее ЦК не согласился с его аргументами и не исключил Каменева и Зиновьева из партии — против предложения Ленина выступили Я. М. Свердлов, И. В. Сталин, Ф. Э. Дзержинский, Г. Я. Сокольников.

² Где выход? // Новая жизнь. 1917. 24 октября (6 ноября). С. 1. Через несколько дней Суханов назвал созданное правительство «правительством гражданской войны». См.: Суханов Н. Н. Большевики у власти // Новая жизнь. 1917. 29 октября (11 ноября). С. 1.

³ Базаров В. Блестящее одиночество или блок? // Новая жизнь. 1917. 27 октября (9 ноября). С. 1.

⁴ Там же.

вошли в блок с большевиками, через несколько месяцев выступили против них.

Первую половину 1918 г. Базаров продолжал сотрудничать в «Новой жизни»¹. Газета, критически относящаяся к власти, постоянно подвергалась гонениям. «Цензурные возможности» быстро сокращались. Дважды ее выпуск приостанавливался — в феврале и июне 1918 г. В большевистской прессе появились намеки об источниках финансирования газеты. Ответ Горького был искренним и резким: «За время с 901 по 917² год через мои руки прошли сотни тысяч рублей на дело российской социал-демократической партии, из них мой личный заработок исчислялся десятками тысяч, а все остальное черпалось из карманов “буржуазии”. “Искра” издавалась на деньги Саввы Морозова, который, конечно, не в долг давал, а — жертвовал. Это прекрасно знает В. И. Ленин и другие старые работники партии»³. Не исключено, что такая защита ускорила окончательное закрытие газеты — последний, 354-й номер вышел 16 июля. Горький написал Ленину: «Из помещения редакции латыши вытурили И. П. Ладыжникова, Гржебина, Базарова. Очень прошу Вас — ответьте — разрешите Вы газету или нет?»⁴. Разрешения не последовало, и вскоре Базаров покинул Петроград.

Базаров переехал в Харьков, где с января 1919 г. участвовал в издании журнала «Мысль», название которого имело подзаголовок — «еженедельный научный марксистский журнал»⁵. В работах Базарова этого периода важнейшей темой остается проблема пути к социализму. Разумеется, отношение к утвердившейся хозяйственно-политической системе было у него

¹ Статьи Базарова из «Новой жизни» за 1917–1918 гг., собранные вместе, составили бы летопись революции, не менее интересную, чем книга «Несвоевременные мысли» Горького, составленная из статей, которые тоже печатались в «Новой жизни».

² Так в тексте газеты.

³ Горький М. Сотрудникам «Правды», «Северной коммуны» и другим // Новая жизнь. 1917. 2 июля (19 июня). С. 1.

⁴ В. И. Ленин и А. М. Горький. Письма, воспоминания, документы. 3-е изд. М.: Наука, 1969. С. 133.

⁵ На самом деле журнал выходил реже — с января по июль 1919 г. вышло 15 номеров.

крайне отрицательным. Базаров видел в ней наглядное фиаско попытки построить коммунизм при отсутствии должных предпосылок, и особенно культурных. Колоссальный рост бюрократизма и падение производительности труда, необъяснимые лишь тяготами военного времени, — вот неизбежный результат подобного курса. В его статьях переплетаются боль от происходивших в стране событий, горькая ирония и уверенность в невозможности длительного сохранения этой фантазмагии.

Он резко критикует теорию и практику военного коммунизма и, будучи марксистом, ищет социальные корни утвердившегося режима. Вывод неутешителен: принудительный характер организации трудового процесса все определеннее переносится на широкие слои трудящихся, а место истинного хозяина занимает разрастающийся бюрократический аппарат, впитавший в себя значительную часть чиновников прежнего режима. «И по мере роста “государственного аппарата” растет его принудительная сила, направляемая уже не столько на борьбу с поумневшей и притихшей буржуазией, сколько на дисциплинирование трудящихся масс», — пишет Базаров. «В тех случаях, когда это дисциплинирование принимает особенно решительные формы, рабочие фигурируют в официальных рапортах под псевдонимом “шкурников” или “хозяйчиков”»¹.

Но это лишь одна сторона дела. Другая же состоит в том, что сама система военного коммунизма неизбежно порождала спекуляцию. Действительно, тотальное государственное регулирование ликвидировало товарообмен, ввело монополию на основные виды продуктов, но оказалось не в состоянии накормить народ, решить иные хозяйственные проблемы. «Спекулянт — не просто паразит, но вместе с тем и действительная опора правительства, герой, спасающий власть в критических случаях. Когда внезапно обнаруживается острый недостаток продовольствия на каком-нибудь фронте, — кто спасает положение? Советский или околосоветский спекулянт!» Так писал Базаров и даже сделал спорный вывод о том, что именно этот

¹ Базаров В. Последний партийный съезд большевиков и задачи «текущего момента» // Мысль. 1919. № 10. С. 350.

слой был в России господствующим¹. Кроме того, он считал хлебную монополию неэффективной: «По сравнению с бумажной монополией, корректируемой мешочниками, даже полное восстановление свободы торговли было бы явным прогрессом, так как на место тысяч мелких посредников стали бы десятки крупных... продажа по твердым ценам хлеба, закупленного на вольном рынке, обошлась бы значительно дешевле, чем красногвардейский метод выкачивания деревенских запасов по низким ценам»².

Что же делать, чтобы избежать катастрофы, окончательного перерождения строя, «превращения «государства-коммуны» в свою полную противоположность, в централизованную бюрократическую олигархию»? Базаров не предлагал чего-то абсолютно нового — речь шла «лишь» о создании необходимых экономических стимулов хозяйственного роста. То, что предлагалось в 1919 году, приобрело через два года реальные очертания под названием «новой экономической политики»: установить крестьянам твердый налог, поставить доходы рабочих в зависимость от результатов их труда, а служащих — от прибыли (тантьема). В итоге должен будет утвердиться «государственно-упорядоченный капитализм». Правда, последовательно придерживаясь марксистской идеи о взаимосвязи базиса и надстройки, Базаров считал неизбежным проведение политических реформ, адекватных экономическим преобразованиям, то есть переход от советской конституции к буржуазно-парламентской³.

Базарова очень волновал вопрос о культуре как о предпосылке коллективизма. Понятна его грустная ирония, с которой он описывал происходящее в советской России: «Советский строй требует от своих верных сынов безусловного преклонения перед авторитетом Святейшего Правительствующего ЦК партии и “безоговорочного признания” всех “директив”, исходящих

¹ Базаров В. Последний партийный съезд большевиков и задачи «текущего момента» // Мысль. 1919. № 10. С. 355–356.

² Базаров В. Крестовый поход // Новая жизнь. Московское издание. 1918. 2 июня (20 мая). С. 2.

³ Базаров В. Коммунизм или государственно-упорядоченный капитализм // Мысль. 1919. № 3. С. 64.

от наместника Маркса на земле Н. Ленина». Базаров называет Ленина «главой коммунистической церкви»¹. Ленин не остался в долгу — в заметке о журналах, издающихся на юге России (в том числе он называет «Мысль» Базарова и Мартова), их авторам дана следующая характеристика: «Образованные интеллигенты, мнящие и называющие себя социалистами, насквозь пропитанные буржуазными предрассудками и лакействующие перед буржуазией»².

Издание журнала «Мысль» продолжалось недолго — 24 июня 1919 г. части белой армии заняли Харьков, в июле вышел последний номер. Базаров уехал в Ялту, где редактировал газету совета профсоюзов «Наш путь», в руководстве которой были меньшевики и эсеры. Газета не пользовалась благосклонностью врангелевских властей и несколько раз закрывалась³. В этой газете он опубликовал несколько своих статей. В ноябре 1920 г. после захвата Крыма Красной армией Базаров был арестован. Благодаря заступничеству Горького, Базарову с семьей удалось переехать в Москву⁴, где с 1 мая 1921 г. он приступил к работе в Госплане.

4. ЭКОНОМИСТ. 1921–1930

Отказ от политики военного коммунизма дал стране возможность экономического развития. Выступая 15 марта 1921 г. с докладом на X съезде партии, Ленин откровенно заявил,

¹ Базаров В. А. Пролетарская культура в действии // Мысль. 1919. № 8. С. 242. Базаров цитирует рабочего А. Румянцева, который обращается к Ленину с таким стихами: «Ты для России — небосвод! Ты — правды свет! Ты — сам народ!». Напоминая читателю о том, что в Китае император считался «сыном неба», Базаров замечает, что российский пролетарий «возводит главу государства в более высокий сан, для него Ленин — само небо, сам «небосвод», и как таковой имеет все права на титул папаши китайского императора» (там же. С. 244).

² Ленин В. И. В лакейской // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 139.

³ Подробнее о газете см.: <http://oldyalta.com/29-smi-yalty-pa-rubezhe-xix-xx-vekov.html>.

⁴ Никитин Е. Н. Философ-коллективист // Библиография. 2002. № 4 (321). С. 107.

что «прежняя наша программа была теоретически правильна, но практически несостоятельна»¹. Новая экономическая политика реализовала идеи, которые высказывали многие здравомыслящие экономисты, в том числе и Базаров. Изменившаяся ситуация позволила ему вернуться к изучению экономических проблем.

Период 1921–1930 гг. стал особым в жизни и деятельности Базарова. Изучение денежной эмиссии и конъюнктуры, анализ закономерностей экономического роста СССР и капиталистических стран, методология и практика планирования — эти и многие другие вопросы становятся предметом базаровского исследования.

В этот период, как и ранее, Базаров отличался готовностью и способностью высказывать новые идеи. Он оставался марксистом, но это не создавало для него ограничений в исследовательской программе. Свой подход Базаров четко выразил в выступлении в Социалистической академии 17 апреля 1924 г.: «Нужно решить, в конце концов вопрос — придаем мы какое-нибудь значение разработке теории или нет, и из ответа на этот вопрос будет ясно, что мы должны делать. Почин И. И. Степанова, который восстал против узкого практицизма — очень хороший почин. Теория марксизма — теория готовая, но ее нужно развить»². Не воспринимая марксизм как догму, используя идеи естественных наук и методы количественного анализа, Базаров сумел выработать оригинальную концепцию развития народного хозяйства, которая, быть может, была наиболее разумной из альтернатив, предлагавшихся советскими экономистами 1920-х годов.

Работая в Госплане, Базаров сначала занимался первоочередными, насущными задачами, участвовал в работе Комиссии по регулированию промышленности и торговли. Итоги работы комиссии были отражены в докладе Базарова, заслушанном

¹ Ленин В. И. Доклад о замене разверстки натуральным налогом // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 69.

² Вестник Социалистической академии. 1924. Кн. VIII. С. 384. К сожалению, из всего выступления Базарова в журнале был опубликован только приведенный нами текст.

28 июля 1922 г. на заседании Экономико-статистической секции Госплана (протокол № 75), а 8 августа 1922 г. — на заседании Президиума Госплана (протокол № 101). В своем докладе Базаров отметил, что Комиссия «поставила перед собой две задачи: во-первых, выяснить те бесспорные формальные принципы, которые должны служить руководящей нитью при отыскании форм и методов организации современного государственного хозяйства, во-вторых, развить на этой основе самый план организации», при этом первая задача была в основном выполнена, а вторая могла быть решена «лишь Коллегией более широкого состава»¹.

Сформулированные Базаровым принципы настолько важны, что сохраняют свою значимость и в современных условиях, а потому заслуживают подробного изложения.

«I. Непосредственное административное вмешательство госорганов в промышленность и торговлю допустимо лишь по отношению к государственным предприятиям, но отнюдь не по отношению к частно-владельческим, которые в рамках действующего закона никакому дальнейшему регулированию не подлежат. Права и обязанности частных торговцев и промышленников должны быть детально, точно и прочно установлены законодателем так, чтобы представители администрации и суда были освобождены от необходимости прибегать к какому бы то ни было усмотрению, и могли ограничить свои функции надзором за неуклонным выполнением существующего закона. Недостаточная четкость и полнота современного законодательства в этой области (например, законоположение о взимании коммерческих и государственных налогов, договорного права и т. п.) приводит к тому, что частные капиталисты до сих пор избегают солидных предприятий, надолго связывающих вложенный в них капитал, и предпочитают ограничиваться краткосрочными партизанскими набегами на наше народное хозяйство в форме операций чисто спекулятивного характера»².

¹ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 1. Д. 86. Ч. 1. Л. 15.

² Там же. Л. 15, оборот.

«II. ...Центральная государственная власть должна занять по отношению к непосредственным организаторам государственной промышленности и торговли то же положение, какое по отношению к наемной дирекции занимают собрание акционеров или отдельный капиталист-собственник, не ведущий предприятие лично.

III. Коммерчески рациональная постановка дела... требует строго отделения функций планирования и регулирования народного хозяйства от непосредственного технического управления предприятиями... Представители регулирующих органов... ни прямого, ни косвенного участия в коммерческих производственных операциях не принимают. Никакое смешение этих двух видов деятельности, ни в форме личной унии или совместительства, ни тем более в форме комбинированных учреждений, наполовину административно регулируемых, наполовину коммерческого характера, недопустимо»¹.

Итоги работы Комиссии не вызвали серьезных возражений при обсуждении на Президиуме Госплана, но, конечно, не стали основой государственной политики в 1920-е годы, хотя некоторые рекомендации и были выполнены.

Ситуация с НЭПом подтвердила сделанные Базаровым прогнозы: путь к социализму оказался значительно сложнее, чем представлялось большевикам в 1917 году, и потребовал легализации рынка. Поддерживая эту политику, Базаров пишет ряд работ, где обосновал неотделимость планирования от рынка и хозрасчета. Более того, он доказывал, что без нормального рынка было невозможным и эффективное планирование, а значит и решение задач построения нового общества. Создание нормального рынка подразумевало прекращение эмиссионного финансирования экономики и переход к стабильной денежной единице. В связи с этим обращение Базарова к проблемам эмиссии совершенно логично.

В ноябре 1922 г. Базаров принял участие в дискуссии по докладу О.Ю. Шмидта «Математический закон денежной

¹ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 1. Д. 86. Ч. 1. Л. 16.

эмиссии», состоявшейся в Социалистической академии¹. Подход Шмидта был образцом применения метода математического моделирования — формулировались предпосылки, строилась модель. В результате простых преобразований делался вывод о том, что эмиссия росла с постоянным темпом в течение каждого из трех периодов — до военного коммунизма, во время военного коммунизма и во время нэпа (при этом темп увеличивался со временем). Выведенная формула экспоненциального роста сопоставлялась со статистическими данными выпуска денег. По докладу состоялась дискуссия, ставшая первым в советской науке обсуждением применения математического метода в экономике. В ходе обсуждения Базаров предложил собственный подход к вычислению эмиссионного дохода. В заключительном слове Шмидт согласился с рядом критических замечаний, высказанных в его адрес, и назвал критику Базарова «самой правильной».

Подробнее Базаров развил свой подход к моделированию эмиссии в большой статье «К методологии изучения денежной эмиссии». В ней он дал негативную оценку закона Шмидта, который был «функцией не каких-либо реальных экономических процессов, а исключительно тех масштабов и приемов измерения, какие применялись автором»². Действительно, и сам Шмидт указывал, что на его графиках «вычерчены данные по трехмесячникам»³. Тем самым Шмидт осуществлял выравнивание уже сглаженного ряда, что и послужило причиной хорошего совпадения теоретической и эмпирической кривых величины эмиссии. Интересно, что этот дефект был обнаружен именно Базаровым, а не другими учеными, знакомыми с теорией Шмидта, хотя среди них был экономист-математик мирового уровня Е. Е. Слуцкий.

В своей статье Базаров исходил из того, что «эмиссионная система — не катастрофа и не лавинообразный процесс, приво-

¹ Шмидт О. Ю. Математический закон денежной эмиссии // Вестник Коммунистической академии. 1923. Кн. 3. С. 85–99. Прения по докладу. С. 256–277.

² Базаров В. А. К методологии изучения денежной эмиссии // Вестник Коммунистической академии. 1923. Кн. 4. С. 69.

³ Шмидт О. Ю. Математический закон денежной эмиссии // Вестник Коммунистической академии. 1923. Кн. 3. Прения по докладу. С. 90.

дящий к катастрофе, а своеобразный тип подвижного “равновесия”, имеющий свои устойчивые закономерности»¹. Основная цель работы Базарова заключалась в вычислении дохода от эмиссии, и построенная им математическая модель позволяла это сделать. По мнению Базарова, «уравнения, формирующие законы денежной эмиссии, тождественны с уравнениями идеальных газов», что представляет не случайную аналогию, а «один из бесчисленных примеров... *тождества организационной структуры* в явлениях, по материальному составу совершенно различных»².

Формулы, выведенные Базаровым, нельзя назвать неправильными, но они не имели того практического значения, на которое он рассчитывал. Интересная работа Базарова в результате этого носит несколько абстрактный характер. Впрочем, упрек в излишней абстрактности мог быть направлен и в адрес Слуцкого, получившего для вычисления дохода от эмиссии формулы, сходные с формулами Базарова³. К концу 1921 г. эмиссионная система себя фактически исчерпала. Проведение в 1922–1924 гг. денежной реформы укрепило курс рубля и привело к снижению интереса экономистов к моделированию процессов эмиссии.

Стабилизация денежной системы позволила начать построение системы планирования. Именно это стало основным предметом исследований Базарова в этот период. Роль рынка в деле планирования народного хозяйства Базаров связывал с необходимостью решения двух задач — с одной стороны, восстановления заинтересованности работников и их коллективов в эффективном труде, с другой — создания реального механизма

¹ Базаров В. А. К методологии изучения денежной эмиссии // Вестник Коммунистической академии. 1923. Кн. 4. С. 29. По-видимому, положение о том, что эмиссионное хозяйство является устойчивой системой, было принято Базаровым (как и Шмидтом) под влиянием работ С. А. Фалькнера.

² Базаров В. А. К методологии изучения денежной эмиссии. С. 57–58. Эта формулировка почти совпадает с приведенной выше цитатой Ленина о дифференциальных уравнениях.

³ Слуцкий Е. Е. Математические заметки к теории эмиссии // Экономический бюллетень Конъюнктурного института. 1923. № 11–12. С. 53–60. Отметим, однако, что лаконичное изложение Слуцкого выгодно отличалось от несколько тяжеловесных выкладок Базарова.

фактической проверки результатов хозяйственной деятельности предприятий, без чего действенное централизованное регулирование производства остается лишь мечтой. Такой подход получил и юридическое закрепление в Декрете о трестах (от 9 апреля 1923 г.), по которому казна не должна была отвечать за убытки хозорганов.

«На той ступени развития, которую переживает народное хозяйство СССР, сочетание товарного рынка и планового хозяйства является... диалектическим, движущим вперед противоречием, а отнюдь не простым компромиссом между капиталистическим и социалистическим началом», — писал Базаров, и на этой основе делал принципиально важный вывод: «Было бы ошибочно думать, что усиление и углубление планового начала равносильно ущемлению нэпа... Как раз наоборот, — основные элементы нэпа являются в обозримом будущем необходимыми предпосылками всякого хозяйственного планирования и регулирования, и потому именно в интересах самого планового хозяйства... требуют всемерного укрепления и ограждения»¹. Правда, надо отметить, что подобные рассуждения о роли рынка ограничивались у Базарова рамками переходной эпохи (хотя и весьма длительной), так как вслед за Марксом он был убежден, что «законченное плановое хозяйство» предполагает непосредственно общественное управление всеми сторонами производства и распределения, и социализм с рынком несовместимы. Эти мысли Базаров высказывал и в более поздних работах.

Впрочем, любые вопросы экономической жизни страны Базаров рассматривал под углом зрения общей проблемы — теории и практики планирования народного хозяйства. Он одним из первых среди советских экономистов обратился к анализу проблем собственно методологии планирования, включая выявление принципиальных моментов, логики и внутренних механизмов планового регулирования социально-экономических процессов, тогда как внимание большинства экономистов

¹ Базаров В. К вопросу о хозяйственном плане // Экономическое обозрение. 1923. № 6. С. 10–11; Базаров В. А. К методологии перспективного планирования. М.: Госплан СССР, 1924. С. 2–3.

было направлено на проработку технико-экономических, статистических, организационных и методических вопросов. Разумеется, одно не может существовать без другого, и сам Базаров доводил свои теоретические постановки до практических выводов. Специальным анализом глубинных методологических проблем планирования всерьез занимались тогда очень немногие исследователи, и Базаров был одним из первых.

В этой области им были получены важные результаты. Первой его публикацией по этой теме была брошюра «К методологии перспективного планирования» (1924), ставшая и первой советской работой, посвященной методологии построения перспективных планов. Именно в ней Базаров ввел два понятия, определяющие подходы к планированию и ставшие впоследствии предметом острых дискуссий, — генетика и телеология. Советское планирование, имея дело с двумя социально разнородными секторами народного хозяйства — государственной промышленностью и мелкотоварным сельским хозяйством, — должно разграничивать и методологические приемы. Планы отраслей, находящихся в непосредственном ведении государства, следует строить телеологически — путем целевого определения таких преобразований, при осуществлении которых их «фактическая динамика сможет стать выражением тенденций здорового и прочного развития». Наоборот, перспектива сельского хозяйства может быть определена лишь генетически — путем проецирования в будущее существующей динамики. Единый план народного хозяйства представлялся Базарову как результат «сочетания генетического и телеологического подходов», причем поле телеологического конструирования тем сильнее расширяется за счет генетического прогноза, чем полнее охвачена данная отрасль хозяйства непосредственным оперативным воздействием государства. Поскольку аграрный сектор оставался преобладающим в советской экономике, именно генетически выведенный перспективный план сельского хозяйства представлялся Базарову тем фундаментом, к которому должны быть «приноровлены» телеологически конструируемые планы промышленности¹.

¹ Базаров В. А. К методологии перспективного планирования. М., 1924. С. 6–9; Базаров В. А. О методологии построения перспективных планов //

Этот подход не вызвал первоначально серьезных возражений, ни научных, ни политических. Обращалось, правда, внимание на некоторую искусственность противопоставления методологии планирования промышленности и сельского хозяйства, связь между которыми и в реальной жизни, и в плановой методологии гораздо более тесная. На это указывал, например, Н. Д. Кондратьев, да и сам Базаров не отрицал известной условности предложенного деления¹.

Базаров считал, что перспективный план это программа достижения крупных народнохозяйственных целей, а в конкретных условиях 1920-х годов — это концепция восстановления и реконструкции советской экономики. В основе плана, рассуждал он, должен лежать народнохозяйственный баланс, увязывающий не только материальные процессы, но и стоимостные — бескризисную реализацию производимой продукции он считал одним из основных факторов поступательного роста. Такой план менее всего должен напоминать уходящее корнями в идеологию военного коммунизма строгое расписание того, что и сколько надлежит произвести данной производственной единице и куда поставить свою продукцию. Этот план не следует четко привязывать к определенным календарным срокам. Главное — это сбалансированный рост в направлении поставленной цели, причем непропорциональное развитие, «забегание» отдельных сфер вперед могло бы нанести ущерб нормальному, поступательному движению всей экономики.

В конкретных условиях своего времени Базаров видел в высоком темпе хозяйственного роста один из важнейших показателей успешности осуществляемой политики, но он категорически возражал против принесения пропорциональности

Плановое хозяйство. 1926. №7. С. 9–10. Впрочем, подобные рассуждения были довольно распространены в середине 20-х годов. «В нашей стране основой всего является сельское хозяйство. Промышленность у нас... в своем развитии тоже зависит от роста сельского хозяйства» (*Бухарин Н. И.* Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз. М.-Л.: Госиздат, 1925. С. 3).

¹ *Кондратьев Н. Д.* План и предвидение // Пути сельского хозяйства. 1927. № 2. С. 7–11; Речь В. А. Базарова на дискуссии о генеральном плане // Плановое хозяйство. 1928. № 6. С. 150–151.

в жертву этому фактору. Предвидя фетишизацию календарных дат в плановой практике, Базаров предлагал даже «вовсе не разбивать перспективного плана по годам, довольствуясь точным расчетом конечного пункта и некоторых промежуточных этапов, носящих переломный характер». Он полагал это достаточным, если план остается на реальной почве и выступает в виде «той общей директивы восстановительной хозяйственной политики, которая составляет единственную реальную цель перспективного планирования»¹.

Итак, определение цели и путей ее достижения составляет существо планирования. Но можно ли считать факт совпадения цели с результатом достаточным признаком эффективности плановой системы? Базаров отвечал на этот вопрос отрицательно. По его мнению, «главная задача плановых конструкций» — это «достижение оптимальных результатов с наличным запасом сил и средств»². Отметим, что идея планирования как решение оптимизационной задачи была впервые сформулирована еще С. Г. Струмилиным в 1921 г. Он, однако, рассматривал только статическую задачу, являющуюся механическим перенесением на народнохозяйственный уровень традиционной для западной науки задачи максимизации полезности потребителя³.

Сформулировав понятие оптимальности, Базаров обратился к выявлению ее критериев. К ним он относил, во-первых, плавность движения («без перебоев»), что предполагало наличие определенных хозяйственных резервов. Во-вторых, «соразмерность и внутреннюю согласованность отдельных элементов реконструктивного процесса», что означает обеспечение в любой точке движения хозяйственной системы подвижного равновесия, обеспечиваемого системой среднесрочных планов. В-третьих, выбор кратчайшего (но при соблюдении первых двух условий) пути, что выдвигает на первый план проблему

¹ Базаров В. А. К методологии перспективного планирования. М.: Изд. Госплана, 1924. С. 11.

² Базаров В. А. О методологии построения перспективных планов // Плановое хозяйство. 1926. № 7. С. 11.

³ Струмилин С. Г. Проблемы экономики труда. Очерки и этюды. М.: Вопросы труда, 1925. С. 213–215.

темпа роста производительных сил, по отношению к которой все остальные критерии вторичны. Эти положения были сформулированы Базаровым в самом общем виде, безотносительно к особенностям того или иного этапа хозяйственного строительства, но одновременно подчеркивалась и важность модификации в зависимости от ситуации и конкретного содержания оптимума¹. При этом Базаров подчеркивал, что народное хозяйство в любой точке своего развития «должно представлять собой стройное органическое целое — максимально устойчивую систему подвижного равновесия»².

Одним из важных условий качественной плановой работы Базаров считал изучение закономерностей развития народного хозяйства. Поскольку современный ему период был, прежде всего, временем восстановления разрушенного войной и революцией народного хозяйства, Базаров обратился к изучению закономерностей восстановительного процесса. Для понимания системы его взглядов большое значение имеет переиздаваемая нами статья 1925 г. «О «восстановительных процессах» вообще и об «эмиссионных возможностях» в частности».

Саму эмиссию Базаров, следуя Громану, трактовал как процесс восстановления довоенного соотношения между денежной и товарной массами³. Закономерности эмиссии выводились Базаровым из универсальных свойств восстановительного процесса: «Всякая система отношений, имеющая организационную структуру, стремится возвратиться в состояние равновесия (статического или динамического), если какие-либо внешние силы подвергли эту систему деформации»⁴. На основании этого Базаров попытался вывести общую формулу восстановительного процесса. Он считал, что силы, стремящиеся вернуть систему в состояние устойчивого равновесия, напряжены тем больше, чем значительнее расстояние между данным и равновесным

¹ Базаров В. О методологии построения перспективных планов // Плановое хозяйство. 1926. № 7. С. 9–13.

² Там же. С. 11.

³ Громан В. Г. О некоторых закономерностях, эмпирически обнаруживаемых в нашем народном хозяйстве // Плановое хозяйство. 1925. № 2. С. 141.

⁴ Базаров В. А. О «восстановительных процессах» вообще и «об эмиссионных возможностях» в частности // Экономическое обозрение. 1925. № 1. С. 11.

состояниями системы. Тем самым и темпы самого восстановительного процесса должны замедляться по мере приближения к состоянию равновесия.

Применительно к российской экономике это означало, что восстановительный процесс должен был вернуть ее к состоянию равновесия. По мере приближения к последнему скорость этого процесса должна замедляться, поскольку загрузка вовлекаемых в производство старых мощностей постепенно достигает максимума, а наиболее производительные фонды, естественно, задействуются в первую очередь¹. Так появилась знаменитая «затухающая кривая».

Впрочем, при сопоставлении с реальностью сформулированный закон потребовал существенных модификаций. Во-первых, он описывал не столько восстановление народнохозяйственного целого, сколько развитие отдельных отраслей. Между тем сами отрасли восстанавливались отнюдь не равномерно: наибольшее оживление первоначально было в тех из них, которые были близки к непосредственному потребителю или технически наименее сложными. И лишь позднее, после удовлетворения первейших жизненных потребностей народа, начинался бурный рост отраслей со сложной организацией, с высоким органическим строением капитала. Эти волны, накладываясь друг на друга, давали довольно сложную картину². Во-вторых, по-разному действовали стимулы к труду на различных этапах развития хозяйства. Лишь после некоторого первоначального насыщения потребительского рынка и достижения минимально приемлемых денежных доходов может начаться рост производительности труда, адекватный росту заработной платы (и, соответственно, потребления), что также обуславливало волнообразность кривой, характеризующей динамику восстановления.

¹ Базаров В. О «восстановительных процессах» вообще и об «эмиссионных возможностях» в частности // Экономическое обозрение. 1925. № 1. С. 11–18.

² Базаров В. Перспективы нашего народнохозяйственного развития на 1925/26 год // Экономическое обозрение. 1925. № 7. С. VIII.

Наиболее полно теория экономической динамики была развита Базаровым в его большой работе «Капиталистические циклы и восстановительный процесс хозяйства СССР»¹. В предисловии Базаров отмечал, что ее методологическая новизна заключалась в попытке применить «к изучению динамических закономерностей общественного хозяйства *конструктивные модели* по образцу точного естествознания»². Ему действительно удалось выполнить эту задачу. Исследование Базарова свободно от идеологии — он изучает развитие советской экономики так, как изучают свои проблемы представители естественных наук. Этим определялось его отношение к статистике и к используемым в этой науке математическим методам. В этот же период он писал: «Теоремы математической статистики слишком универсальны для того, чтобы сохранить на себе след классовых воззрений их авторов, в них нет ничего специфически социального: они одинаково приложимы в биологии, физике, демографии, экономике, — везде, где имеются массовые явления, которые могут быть расположены в ряды, удовлетворяющие формальным требованиям»³. Если же математический метод «встречает упорную оппозицию в общественоведении, — писал он, — то в значительной степени просто потому, что в среде обществоведов соответственные навыки мышления до сих пор почти не проникли»⁴.

Процесс экономического развития трактовался Базаровым как нарушение и восстановление равновесия, для описания этого процесса использовались математические модели. Для капиталистической экономики эти модели описывали движение от одного уровня производительности труда, достигаемого в ходе определенной фазы развития, через спад, депрес-

¹ Сначала она публиковалась под названием «“Кривые развития” капиталистического и советского хозяйства» в журнале «Плановое хозяйство» в 1926 г. (№ 4. С. 87–119; № 5. С. 71–90; № 6. С. 51–94).

² Базаров В. А. Капиталистические циклы и восстановительный процесс хозяйства СССР. М.-Л.: Гиз., 1927. С. 3.

³ Ритц В. Математические методы в статистике. М.: Экономическая жизнь, 1927. Предисловие В. А. Базарова. С. 6.

⁴ Базаров В. А. Капиталистические циклы и восстановительный процесс хозяйства СССР. С. 66.

сию и новый подъем к другому уровню, который впоследствии также будет превзойден. Базаров дал также интересный анализ концепции больших циклов Кондратьева. Отрицая теорию Кондратьева, он выдвинул ряд серьезных критических замечаний по поводу методов расчетов, с помощью которых эта теория обосновывалась.

Рассмотрение восстановительного процесса в промышленности СССР Базаров начал с выяснения специфики советского хозяйства. По его мнению, восстановление нарушенного равновесия затруднялось отставанием производства от спроса. Поскольку политический строй СССР исключал или резко ограничивал возможность применения капиталистических методов ограничения спроса, *«тенденция к относительному недопроизводству должна быть признана столь же характерной для нашей социальной структуры, как тенденция к перепроизводству для капитализма»*¹. Так, исходя из концепции равновесия, Базаров пришел к выводу о постоянно существующей в советской экономике тенденции к неравновесному развитию.

Для отображения закономерностей восстановительного процесса Базаров использовал две основные модели. Первая описывает процесс насыщения рынка однородным товаром. Показано, что в этом случае верна следующая формула:

$$dx/dt = p(A - x),$$

где $x(t)$ — число покупателей, успевших купить товар, A — общее число желающих совершить покупку, p — вероятность покупки товара в единицу времени². Возможность использования этой формулы для моделирования роста производства промышленности выводилась им из того, что выпуск в конечном счете ориентируется на рыночный спрос.

Однако реальный ход восстановления советской промышленности в 1923–1925 гг. не соответствовал, как писал Базаров,

¹ Базаров В. А. Капиталистические циклы и восстановительный процесс хозяйства СССР. С. 99.

² Именно эта формула фактически использована Базаровым в статье об эмиссии 1925 г.

этой формуле, согласно которой темпы роста должны были затухать. Объяснялось это, по его мнению, тем, что мировая и гражданская войны глубоко дезорганизовали производственный процесс, и первые шаги по восстановлению промышленности оказались самыми трудными. «Процесс, тяжкий и медленный в самом начале, должен будет таким образом *ускоряться* пропорционально достигнутым успехам, пока не оказало своего замедляющего действия приближение к уровню предельного использования наличного оборудования»¹. В этом случае процесс развития описывается *s*-образной кривой, задаваемой, например, формулой:

$$dx/dt = kx(A - x),$$

где A — уровень равновесия, к которому стремится система, $x(t)$ — объем промышленной продукции и k — константа. Использование этой модели вело к определенным выводам о закономерностях темпов роста советской экономики.

Концепция Базарова представляла собой научную гипотезу, однако в литературе 20-х годов она получила упрощенную интерпретацию. Считалось, исходя из его взглядов, что темпы роста советской экономики неизбежно должны затухать. Отметим, что сам Базаров допускал неточное употребление понятий темпа и скорости. Если скорость задается первой производной функции, то темп — отношением скорости к значению функции. Поэтому утверждение Базарова о том, что в ходе восстановительного процесса, описываемого *s*-образной кривой, темпы роста сначала растут, а затем падают, — неверно. Темп описывался формулой $k(a-x)$ и, следовательно, все время затухал, в то время как скорость, действительно, сначала росла, а потом замедлялась.

Однако приписывать Базарову фаталистическую идею неизбежного затухания темпов было бы ошибочно. Прежде всего, тот предельный уровень A , к которому стремится объем выпуска продукции, соответствует определенной величине про-

¹ Базаров В. А. Капиталистические циклы и восстановительный процесс хозяйства СССР. С. 102.

изводительности труда. Изменение производительности труда изменяет и величину того предельного уровня, к которому стремятся кривые, описывающие динамику экономических показателей. Особенно важно, что динамику темпов роста Базаров связывал с внедрением новых технологий. Так, объясняя высокие темпы роста в 1926–1928 гг. чрезмерной загрузкой оборудования на уже имевшихся предприятиях (это был временный фактор роста), он делал следующий вывод о темпах: «В ближайшее время предстоит некоторое затухание, которое потом, если мы сможем овладеть реконструкцией, к концу процесса его облегчит. К моменту завершения радикального преобразования старой техники будет опять некоторое затухание»¹. Итак, при заданной технике рост описывается s-образной кривой. Реконструкция, внедрение новой техники приводит к возможности достичь нового уровня производства. При приближении к нему происходит затухание темпов. Таким образом, развитие есть последовательное ускорение и затухание темпов роста, описываемое s-образными кривыми, а предельные размеры выпуска продукции определяются уровнем техники. Конечно, было бы неправильным модернизировать взгляды Базарова и зачислять его в авторы модели распространения нововведений, однако существенные моменты закономерностей динамики народного хозяйства и научно-технического прогресса были впервые раскрыты именно в его работах.

Базаров не ограничивался теоретическими разработками проблем планирования, а применял их в практике своей работе в Госплане. Так, совместно с Громаном и Струмилиным он руководил работой по составлению контрольных цифр на 1925/1926 хозяйственный год, ставших, фактически, первым советским годовым планом².

«Контрольные цифры народного хозяйства на 1925/26 год» занимают особое место в истории советской экономики. Фактически, это — первый план развития народного хозяйства на

¹ Методология генерального плана. Дискуссия в клубе плановых работников им. Г. М. Кржижановского//Плановое хозяйство. 1928. № 6. С. 153.

² Контрольные цифры народного хозяйства на 1925/1926 год. М.-Л.: Плановое хозяйство, 1926.

год, причем план, построение которого основывалось на научных методах. Однако, как писал Струмилин, «ни для кого не секрет, какая судьба постигла наш проект контрольных цифр на 1925/26 г. Комиссия тов. Каменева, которая по поручению СТО должна была вынести от имени правительства свою резолюцию о “Контрольных цифрах” Госплана, ни разу не собралась, и потому этот документ остался без всякой санкции. Они не были отвергнуты, но в то же время никто не был обязан и принимать их к исполнению»¹.

Комиссия по контрольным цифрам возобновила работу в декабре 1925 г. когда был сформирован Президиум комиссии в составе председателя — И. Т. Смилга, зам. председателя — А. С. Мендельсон и Струмилин, членов комиссии — Базаров, Р. Е. Вайсберг, Громан — всего 10 человек². Результатом работы комиссии стала книга «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1926/1927 год». Текст книги был «проредактирован» Базаровым, Мендельсоном и З. Л. Миндлиным³. Участвовал Базаров и в подготовке Контрольных цифр народного хозяйства СССР на 1927/1928 год⁴, в работе постоянного методологического бюро (состоявшего из него, Струмилины и Громана) при президиуме созданной 30 декабря 1927 г. в Госплане Центральной комиссии перспективного планирования⁵.

Базаров участвовал и в исследованиях по генеральному плану, в частности, по прогнозированию перспективной структуры спроса городского населения⁶. Это исследование носит во мно-

¹ Струмилин С. Г. Индустриализация СССР и эпигоны народничества. М.: Госиздат, 1927. С. 11.

² Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1926/1927 год. Изд. 2-е, испр. М.: Плановое хозяйство, 1926. С. V.

³ Там же. С. VII.

⁴ Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1927/1928 год. М.: Плановое хозяйство, 1928. С. IV. В редактировании участвовали Г. Ф. Гринько, Базаров, Вайсберг, Громан, Б. А. Гухман, Миндлин и Мендельсон.

⁵ Звездин З. К. От плана ГОЭЛРО к плану первой пятилетки. Становление социалистического планирования в СССР. М.: Наука, 1979. С. 212–213.

⁶ Базаров В. А. Использование бюджетных данных для построения структуры городского спроса в перспективе генерального плана // Плановое хозяйство. 1927. № 5. С. 73–91.

гом технический характер и стоит в ряду других работ Базарова несколько особняком. Эта работа отражает уровень прикладных статистических исследований и разработок по теории потребления в 1920-е годы. Базаров построил кривые Энгеля, отражающие зависимость спроса населения от уровня семейных доходов и сделал вывод о том, что в России подтверждается общая закономерность: с ростом благосостояния семьи снижается доля расходов на питание, относительно возрастают расходы на одежду, предметы второй необходимости, а также на культурные и общественно-политические цели. К сожалению, его исследование не было использовано в последующей практике планирования — форсированная индустриализация привела к снижению жизненного уровня населения и прогноз спроса, который был осуществлен Базаровым, уже с конца 1920-х годов перестал соответствовать реальности.

Отталкиваясь от своего анализа реальных хозяйственных процессов, Базаров в середине 1920-х годов обратился к проработке концепции реконструкции народного хозяйства, суть которой он, как и практически все другие экономисты того времени, видел в индустриализации. Уже на рубеже XIX–XX вв. Россия вступила в период бурного развития индустрии и неизбежность продолжения этой линии не вызывала сомнений. Однако предлагаемые экономистами подходы к решению этой проблемы существенно различались. Одни, прежде всего Е. А. Преображенский, предлагали осуществить ускоренную индустриализацию за счет «первоначального социалистического накопления» — перекачивания средств из деревни в город. Другие (Л. Г. Шанин), напротив, предполагали начать с укрепления сельского хозяйства (как основы экспорта) и легкой промышленности (для покрытия платежеспособного спроса крестьян и тем самым стимулирования их производства), способных давать быстрое накопление и сбалансировать ситуацию на потребительском рынке, гарантируя тем самым и политическую стабильность.

Мы не будем специально анализировать эти концепции, отметим только, что Базаров подверг их серьезной критике, выдвинув свой подход. Отвергая ускоренную индустриализацию

как путь дисбалансов и кризисов, он вместе с тем показывал несостоятельность и второй позиции, поскольку ее сторонники не учитывали сложного характера народнохозяйственных взаимосвязей, требовавших сбалансированного роста различных отраслей. Будучи сотрудником Госплана, Базаров, однако, не согласился и с проектом первого пятилетнего плана, разработанным в его ведомстве и представленным в 1927 г. Второму съезду плановых органов. В проекте упор делался на быстрый рост промышленности за счет внутренних накоплений, причем в качестве важнейшего фактора достижения намечаемых целей впервые официально была выдвинута особая роль революционной воли пролетариата.

Базаров считал, что в проекте Госплана отсутствовало экономическое обоснование заложенных в него балансовых увязок. Его анализ показывал, что источники роста, которыми располагала страна, весьма ограничены, а то новое строительство, которое уже велось, давало значительно менее эффективные результаты, чем ожидалось. Между тем потребность в высоких темпах индустриализации была существенной, и концепция Госплана этого не гарантировала, поскольку, по выражению Базарова, была склонна к «поверхностной индустриальной экспансии». Иными словами, курс на индустриализацию, достижение высоких темпов развития промышленности, повышение эффективности требовали более тщательной проработки всего этого сложного комплекса вопросов. На одном из обсуждений проблем индустриализации в Госплане он говорил: «Если вы одновременно в таком гигантском масштабе делаете ряд мероприятий и у вас заранее неизвестна организация и заранее вы не имеете кадров и не знаете, чему их обучать, то тут гарантирована такая путаница, что не только затруднения могут быть в смысле, что будет замедлено выполнение программы пятилетки и она, в крайнем случае, будет выполнена в 7 лет, если не 10, — то здесь могут быть худшие результаты, здесь может получиться такая явно нерациональная растрата средств, которая дискредитирует всю идею индустриализации»¹.

¹ См.: Гладков И. К истории первого пятилетнего плана // Плановое хозяйство. 1935. № 4. С. 136.

Что же предлагал Базаров? Прежде всего, он зафиксировал критерий, которым следует руководствоваться при определении перспектив. Это рост производительных сил. Госплановский проект содержал сразу три критерия — помимо названного выделялись еще социализация (понимаемая, в основном, как огосударствление) и повышение благосостояния народа¹. Конечно, Базаров против них не возражал, но предостерегал, что в текущей хозяйственной практике между ними будут возникать противоречия. Он был убежден, что лишь признавая примат прогресса производительных сил, можно в стратегическом отношении добиться успеха по двум другим направлениям. «В течение короткого срока может оказаться целесообразным по тем или иным внеэкономическим соображениям вовлечь в сферу обобществленного хозяйства такие отрасли, которые для этого еще не созрели, в которых обобществление на данной ступени их развития не стимулирует, а стесняет рост производительности труда. Но в рамках длительного периода такая политика ни при каких условиях не может быть целесообразной. Ибо превратить на 5, 10, 15 лет общественную организацию из формы хозяйственного развития в его “оковы”, хотя бы для отдельных отраслей труда, значило бы дискредитировать самый принцип обобществления, подготовить в грядущем частичное поражение и отступление социализации тем вернее, чем настойчивее проводится в настоящем ее нерациональное применение»².

Поскольку в условиях ограниченности капитальных ресурсов необходима концентрация сил и средств на основных участках экономического строительства, Базаров считал принципиально важным выработать оптимальную последовательность проведения индустриализации в различных отраслях и сферах нашего народного хозяйства. Базаров предлагал концентрировать силы в тех областях, где имеется возможность сразу использовать наиболее мощные типы современной техники, опираться

¹ См.: Перспективы развертывания народного хозяйства СССР на 1926/27–1930/31 гг. М.: Госплан СССР, 1927. С. 1.

² Базаров В. Принципы построения перспективного плана // Плановое хозяйство. 1928. № 2. С. 42.

на преимущества централизации и концентрации производства. Современная же для того времени техника была наиболее эффективна в условиях «гигантской массовости» производства продукции, и потому именно возможность организации массового производства и наличия достаточно широкого для него рынка предлагалась в качестве критерия очередности реконструкции. Некоторое исключение делалось, разумеется, для оборонных отраслей, однако Базаров отмечал, что и сама обороноспособность в значительной мере зависит от эффективности функционирования всего народного хозяйства.

Естественным следствием такого подхода был тезис о необходимости широкого включения страны в международное разделение труда, что позволило бы приобретать продукцию, производство которой своими силами представлялось пока экономически нецелесообразным. Иная последовательность индустриализации, по мысли Базарова, означала бы гораздо более медленный путь к достижению намеченных целей. Предприятия, не имеющие достаточного рынка сбыта и не опасющиеся конкуренции, поглотив большие инвестиции, будут функционировать с низкой отдачей, «выбрасывая на рынок ничтожное количество продуктов очень высокой себестоимости и очень низкого качества»¹.

В отношении качественных улучшений процесс генеральной реконструкции не может, по Базарову, считаться законченным до тех пор, пока остаются предприятия или отрасли, характеризующиеся производительностью труда, низшей, чем у зарубежных конкурентов, вследствие технической или организационной отсталости. И с этих позиций генеральный план «есть прежде всего план радикального преодоления нашей отсталости»². В частности, масштабная электрификация производства позволила бы преодолеть унаследованный от капитализма урбанизм и создать систему высокоэффективных и тесно

¹ Базаров В. Принципы построения перспективного плана // Плановое хозяйство. 1928. № 2. С. 49.

² Базаров В. А. О методологии построения перспективных планов // Плановое хозяйство. 1926. № 7. С. 14.

связанных друг с другом мелких производителей, не уступающих по качественным критериям промышленным гигантам.

Опыт функционирования советской экономики настойчиво выдвигал еще одну проблему, связанную с обеспечением эффективности использования уже имеющихся накоплений. Государственные предприятия, несмотря на свое положение «форпостов социализма», не были заинтересованы в эффективном использовании капитальных средств. Это наглядно проявлялось при сравнении их деятельности с концессионными предприятиями. «Концессионер учитывает, как убыток, каждый день, в течение которого его капитал, вложенный в новое строительство, не функционирует производительно, тогда как тресту (государственному. — В. Б.), поскольку он строит не на заемные, а на “свои” или дотационные средства, подчас все равно, будет ли его капитал лежать втуне год, два года или несколько лет». Так писал Базаров, и для преодоления подобного положения предлагал «с каждого, переданного промышленности, рубля... взимать известный, не слишком высокий, но все же чувствительный процент»¹. (Нетрудно заметить в этом предложении сходство с введенной в СССР в 1965 г. платой за производственные фонды.)

Наконец, поиск механизма, обеспечивающего действенные стимулы роста, подводил Базарова к пониманию целесообразности создания благоприятных и устойчивых условий для функционирования частного капитала, особенно в сельском хозяйстве и в торговле. Ошибочным он считал проведение таких административных и налоговых мер, которые снижали интерес к накоплению у наиболее склонных к тому слоев населения, то есть побуждали не вкладывать средства в развитие своего «дела», чтобы не попасть в разряд социально чуждых элементов².

К 1926–1927 гг. взгляды Базарова на пути развития народного хозяйства сложились в стройную систему. Ядром этой системы была идея сбалансированного роста, основанного на гибком со-

¹ Базаров В. О наших хозяйственных перспективах и перспективных планах // Экономическое обозрение. 1927. № 5. С. 46.

² Там же. С. 50–51.

четании директивного планирования и развития рынка и постепенном повышении культурного уровня населения. Идея сбалансированности была тесно связана с понятием оптимальности — Базаров считал, что «телеологический стержень плана» составляет «триединый постулат оптимального сочетания роста производительных сил, благосостояния трудящихся и процессов обобществления»¹. Концепции Базарова оказывали существенное влияние на экономическую науку и практику и не вызвали принципиальных возражений.

Начиная с 1927 г. публикации и выступления Базарова стали вызывать все более негативную реакцию со стороны госплановских экономистов, точка зрения которых к тому времени уже совпадала с официальной. А официальная позиция все более склонялась к формальной интерпретации построения социализма — насаждению государственных форм собственности, чему должны были быть подчинены все другие показатели общественного прогресса². За подчеркивание примата развития производительных сил перед всеми другими критериями Базарову навесили ярлык «струвиста». Правда, он замечал, что в данном случае его позиция полностью соответствует методологии исторического анализа Маркса и советовал «истинным партийным экономистам» время от времени заглядывать в работы «одного старого коммуниста, которого у нас стали, к сожалению, несколько забывать, но который в свое время пользовался авторитетом, пожалуй, не меньшим, чем в настоящее время Сталин, Бухарин и другие выдающиеся коммунисты. Я имею в виду Карла Маркса»³.

Базарову припомнили и «генетику» с «телеологией», обвинив в стремлении следовать за стихией, а не идти впереди нее.

¹ Цит. по: *Вайсберг Р.* «Объективная» наука госплановских вредителей // *Плановое хозяйство.* 1930. № 10-11. С. 49.

² Так, Струмилин, Шанин и ряд других экономистов считали целесообразным «обеспечить торжество в нашей экономике социалистических тенденций... хотя бы ценой временных жертв по линии производительных сил». Этот тезис применялся, в частности, по отношению к сельскому хозяйству. См.: *О пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР.* М.: изд. Коммунистической академии, 1928. С. 38, 84.

³ См.: *О пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР.* С. 77.

Парадокс состоял в том, что во введении к подготовленному в начале 1925 г. под редакцией Струмилина проекту пятилетнего плана, вокруг которого и разгорелась полемика, Г. М. Кржижановский излагал, по сути дела, ту же раннюю базаровскую позицию о различии в методологии планирования промышленности и сельского хозяйства. Стандартная интерпретация концепции Базарова состоит в том, что его прогнозы о темпах развития строились на экстраполяции тенденций прошлого. Это, конечно, не соответствовало действительности. Он подчеркивал, что «нельзя никогда продолжать кривую по какой-нибудь формуле, просто исходя из прошлого», а нужно исходить из теоретических соображений¹. При этом он трезво оценивал возможности телеологического подхода к планированию. Но теперь все настойчивее план искусственно противопоставлялся прогнозу, из чего в свою очередь делались политические выводы относительно ряда крупных экономистов (прежде всего Базарова, Громана, Кондратьева).

Наконец, началась критика концепции «затухающей кривой». До 1927 года в неизбежности замедления темпов роста по мере завершения восстановительного процесса практически никто не сомневался. В одном из своих выступлений в апреле 1926 г. председатель Совнаркома А. И. Рыков говорил: «Совершенно неизбежным и закономерным является замедление прироста промышленной продукции»². Соответствующая оценка перспектив роста получила отражение и в резолюции XV конференции ВКП (б)³. На этой же основе строились годовые

¹ Базаров В. О перспективах хозяйственного и культурного развития // Экономическое обозрение. 1928. № 6. С. 151.

² Доклад тов. А. И. Рыкова на собрании коммунистов-хозяйственников московской организации 13 апреля 1926 г. // Правда. 1926. 23 апреля. С. 5. Рыков приводил следующие цифры: «В прошлом году мы увеличили продукцию промышленности на 64%, в этом году предполагается увеличение на 35%, в 1926/27 г. прирост промышленной продукции составит 23%, в 1927/28—18,8%, 1928/29—15,5%, 1929/30—14,7%» (там же).

³ «Народное хозяйство вступает в полосу, когда темп развития его сильно замедляется сравнительно с истекшими годами», — отмечалось на XV партконференции осенью 1926 г. И далее говорилось, что развитие индустрии на основе расширения основного капитала (нового капитального строительства) никогда не могло и не может идти с такой скоростью,

контрольные цифры и первые проекты пятилетки. Замедление ожидалось к 1926 году. Но оно не произошло ни тогда, ни в последующие годы. И именно с этого момента все активнее стали звучать высказывания о наличии у диктатуры пролетариата каких-то особых источников роста, принципиально недоступных как хозяйству капиталистическому, так и пониманию так называемых буржуазных экономистов.

Базаров дал объяснение этого явления: достижение 100%-го уровня довоенного производства оказалось нетождественным 100%-ной загрузке старых производственных мощностей. Разрыв между этими величинами он оценивал в 30%. Базаров предупреждал, однако, что если с точки зрения количественных показателей восстановительный процесс оказался растянутым, то применительно к качественным параметрам (себестоимость, производительность труда) он уже исчерпан¹. Но эти аргументы не убедили его оппонентов. Цифры роста производства («бумажные цифры») росли на протяжении 1927–1929 гг., а в адрес Базарова, как и многих других крупных экономистов, сыпались обвинения политического толка.

Одним из самых удивительных было заявление о том, что научные взгляды Базарова, Громана и вообще всех несогласных с официальной линией ученых являются объективными, тогда как, по мнению Струмилина, экономическая наука должна быть служанкой правящей в СССР партии². Отвечая Струмилину, Базаров сказал: «В науке нельзя создать ничего путного, сознательно руководствуясь положением, что наука есть чья-то служанка. Ученый, поставивший перед собой такую гносеологическую максиму, пороку не выдумает и боль-

с какой происходило развитие на старой базе в восстановительный период. См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 8-е. Т. 3. М.: Политиздат, 1970. С. 364, 365.

¹ См.: Базаров В. О методологии контрольных цифр // Экономическое обозрение. 1927. № 1. С. 23.

² Струмилин говорил: «Целевая установка... является для нас организующим, главенствующим принципом, по отношению к которому наука, несмотря на высокое звание этой особы, и все остальные вспомогательные средства являются только служанками» // О пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР. М.: Изд. Коммунистической академии, 1928. С. 39.

шой пользы тем директивам, о которых он так заботится, не принесет»¹. В этом блестящем ответе переплелись сарказм и грусть, но Базаров, несмотря на подлинный драматизм ситуации, не унизился до сведения спора к политиканству. Его аргументы оставались корректными и научными.

Незадолго до этого в статье, посвященной юбилею Громана, он писал: «Для него содействие успехам планового хозяйства не только долг, диктуемый убеждениями социального порядка, но и элементарная необходимость его личной жизни, предпосылка плодотворности его индивидуальной работы»². Те же слова в полной мере можно отнести и к самому Базарову.

Для Базарова построение социализма всегда было связано с проникновением в общество нового мировоззрения и новой культуры, в том числе, и даже прежде всего, культуры человеческих отношений. Подобные мотивы начинают настойчиво звучать и в работах Базарова последних лет НЭПа. Он все чаще писал о недостаточной культуре и отсутствии даже элементарной порядочности — прежде всего в научной работе. Нетрудно догадаться, что те же обвинения он относил и к складывавшемуся характеру политики правящих кругов. Уже сознавая тщетность своих усилий, он не сдавал позиций: «...История вынесет советской системе тот лестный приговор, какого у нас от нее настоятельно требуют, лишь при условии, что дальнейшее развитие нашего хозяйства потечет не по руслу ответственных программ, а по руслу моих безответственных мечтаний»³.

Конъюнктурность, приспособление позиции исследователя к постоянно колеблющемуся «генеральному курсу» — все это с болью видел Базаров и стремился по мере возможности предостерегать от подобного в своих статьях. «Прискорбно то, — писал он в 1927 г., — что находятся узколобые люди, готовые с пеной у рта отстаивать всякую нелепость, раз к ней так или иначе прикреплен ярлык с надписью “классовый”, “рево-

¹ См.: О пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР. М.: Изд. Коммунистической академии, 1928. С. 77–79.

² Базаров В. А. Громановская концепция народнохозяйственного целого // Плановое хозяйство. 1927. № 6. С. 165.

³ Базаров В. О наших хозяйственных перспективах и перспективных планах // Экономическое обозрение. 1927. № 5. С. 52.

люционный”. Прискорбно то, что люди, вполне разумные и зачастую высоко ответственные, которым внутренне наивная демагогия узколобых нисколько не импонирует, не имеют мужества заявить об этом открыто, но конфузливо опускают глаза и тотчас же идут на компромиссы, когда какой-нибудь ретивый совбюрократ начинает кричать о “контрреволюции”, об “измене классовому принципу”, грозить “гневом пролетариата” (никто, заметим в скобках, не говорит так от имени пролетариата, как совбюрократ)»¹.

В дальнейшем Базаров вновь обратился к этой теме, но уже в более широком контексте. Без реальной культурной революции, преодолевающей бюрократизацию всех сторон жизни советского общества, утверждал он, невозможно решение стоящих перед страной масштабных задач. Базаров подчеркивает недопустимость суженной интерпретации этих проблем. Культурная революция — это не увеличение количества школ, библиотек и других аналогичных учреждений. Они важны, но в первую очередь речь должна идти о создании повсюду таких социально-политических условий, которые стимулировали бы дух творчества, инициативы, изобретательства. Однако до такого состояния общества пока еще очень далеко, что вызывает серьезную тревогу за будущее, которое нуждается не в человеке-винтике, а в «творческом таланте изобретателя». «Прирожденный изобретатель ничего не приемлет на веру, но все подвергает кропотливому исследованию; ни к чему не присоединяется “целиком и полностью”... В нашей обстановке такой персонаж вряд ли может обратить на себя благосклонное внимание окружающих. Если его отметят, то в лучшем случае как “малосознательный элемент”, в худшем как элемент “разложившийся”, склонный к “бузотерству”... Делу могло бы помочь создание такой общественной среды, таких ассоциаций, где систематически культивировался бы дух творчества и изобретательства, где сформировалось бы новое понятие о чести, о человеческом достоинстве, новое обще-

¹ Базаров В. О наших хозяйственных перспективах и перспективных планах // Экономическое обозрение. 1927. № 5. С. 50.

ственное мышление...»¹. Этими словами завершается последняя крупная научная работа Базарова, опубликованная в июне 1928 г.

Путь развития, который предлагал Базаров, не был принят руководством страны. Осуществлялись форсированная, с диспропорциями, индустриализация и насильственная коллективизация. Уже в 1928 г. начался поиск «вредителей», которые должны были ответить за все ошибки экономической политики партии. Негативное отношение к работам Базарова усиливалось. В 1929 г. единственное краткое упоминание о его публикациях, не содержащее критических замечаний, появилось в статье С. А. Первушина о конъюнктуре².

Взгляды Базарова обсуждались на Пленуме ЦК ВКП (б), проходившем 10–17 ноября 1929 г. Выступавший с основным докладом В. М. Молотов сообщил, что Г. М. Кржижановский передал ему документ, в котором изложены взгляды на политику партии «известного В. А. Базарова»³. По просьбе члена президиума Госплана А. С. Черных Базаров 6 ноября 1929 г. изложил свою политическую позицию, а Черных записал сказанное. Молотов считал, что с этой записью следовало бы ознакомиться всем членам пленума. Из этого документа следовало, что у Базарова «не было принципиальных разногласий с партией» (реплика Сталина — «ишь ты какой!»), что он признал ошибочность своей «теории затухающей кривой» (реплика Сталина — «вот как!»), что «партия взяла слишком стремительный темп для наступления в деревне». Тем не менее, Базаров считал, что хотя «шансов на неудачу нашей политики больше, чем на удачу», «сейчас можно идти только вперед»⁴.

Самого Базарова Молотов назвал «бывшим большевиком», «бывшим полуменьшевиком», «видным представителем бур-

¹ Базаров В. О перспективах хозяйственного и культурного развития // Экономическое обозрение. 1928. № 6. С. 64–66.

² Первушин С. Экономические барометры и пути конъюнктурного прогноза // Плановое хозяйство. 1929. № 6. С. 137–138.

³ Как ломали НЭП. Стенограммы пленумов ЦК ВКП (б) 1928–1929 гг. В 5 тт. Т. 5. Пленум ЦК ВКП (б) 10–17 ноября 1929 г. М.: МФД, 2000. С. 218.

⁴ Как ломали НЭП. Стенограммы пленумов ЦК ВКП (б) 1928–1929 гг. В 5 тт. Т. 5. Пленум ЦК ВКП (б) 10–17 ноября 1929 г. С. 219–220.

жуазного либерализма», а Сталин — «господином Базаровым»¹ и «представителем сменовеховской общественности»². Все это обсуждение было нужно Сталину для того, чтобы отождествить взгляды Базарова с позицией лидеров так называемого «правого уклона» — Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова, М. П. Томского — и окончательно подорвать их влияние в партии. Одним из решений пленума был вывод Бухарина из Политбюро.

Оценки текущей политики у Базарова и Бухарина действительно имели много общего, что не укрылось от внимания критиков: «Теоретические откровения г. Бухарина, изложенные им в геростратовски знаменитых “Заметках экономиста”, в основе своей списаны у вредителя Базарова»³. Но на самом деле это говорило лишь о том, что в 1928 г., когда совершался поворот в экономической политике, Бухарин пытался занять более реалистичную позицию.

Судьба Базарова была решена после известного выступления Сталина на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г., в котором тот раскритиковал теорию равновесия, назвал знаменитый баланс народного хозяйства СССР, подготовленный ЦСУ, — «игрой в цифири» и заявил, что «не подходит к делу трактовка Базарова и Громана проблемы баланса народного хозяйства»⁴. Эта критика была необоснованной даже по обычным меркам ее автора, поскольку Базаров, в отличие от Громана, почти не занимался проблемами построения баланса народного хозяйства.

После выступления Сталина негативная тональность статей о работах Базарова резко усилилась. Большую активность проявлял Вайсберг, в январе 1930 г. заявивший, что взгляды Базарова (как и Кондратьева) на экономическое развитие по существу совпадали со взглядами представителей право-

¹ В данном контексте обращение «господин» сознательно подчеркивало чуждость Базарова партии большевиков. «Товарищи» могли ошибаться, «Господа» были врагами.

² Как ломали НЭП. С. 218, 580.

³ Соболев В. Теория планирования вредителя Базарова // Революция и культура. 1930. № 21–22. С. 65.

⁴ Сталин И. В. К вопросам аграрной политики в СССР // Сталин И. В. Собр. соч. Т. 12. С. 171.

го уклона в партии¹. Вайсберг хорошо знал Базарова по совместной работе в Госплане, но теперь он был готов записать его во враги: «В корне гнила базаровская якобы аполитичная, а по существу резко враждебная социалистическому строительству методология»². На пленуме Коммунистической академии 17 июня 1930 г. Вайсберг предложил вывести Базарова из состава академии. В коротком выступлении, отчет о котором занял меньше двух страниц, он привел многочисленные «ошибки» Базарова в области философии («Базаров является неприкрытым «богдановцем»; в отличие от других, он этого не отрицает»), политэкономии («по вопросу о производительном труде он с Марксом расходится»), экономической политики («теория потухающей кривой»)³. Еще одним обвинением был «цинизм в отношении политграмоты» — по свидетельству Вайсберга, Базаров на съезде плановых работников якобы заявил, что функции универсальной науки, которые раньше выполняло богословие, теперь перешли к политграмоте⁴. Естественно, члены академии проголосовали за исключение Базарова. В журнале «Плановое хозяйство» в списке сотрудников фамилия Базарова последний раз упоминается в июне 1930 г.

Вскоре Базаров был арестован, официальное сообщение об этом было напечатано 3 сентября 1930 г. в газете «Известия»: «ОГПУ арестованы: Кондратьев Н. Д., Громан В. Г., Садырин П. А., Чайнов А. В., Юровский Л. Н., Суханов (Гиммер) Н. Н., Рамзин Л. К., Базаров В. А. и другие как участники и руководители контрреволюционных организаций, поставивших целью свержение советской власти и восстановление власти помещиков и капиталистов. Арестованные признали свою руководящую роль в этих контрреволюционных организациях и свою связь с вредительскими организациями специалистов, в том числе и с шахтинцами. Следствие продолжается»⁵.

¹ Вайсберг Р. Буржуазные извращения в области планирования // Плановое хозяйство. 1930. № 1. С. 26.

² Там же. С. 39.

³ См.: Вестник Коммунистической Академии. 1930. Кн. 39. С. 86.

⁴ Там же. С. 87.

⁵ Хроника // Известия. 1930. 3 сентября. С. 5.

По свидетельству внука Базарова Е. А. Руднева арест произошел 28 июля 1930 г. На первый взгляд, эта дата вызывает сомнение — известно письмо Сталина Молотову, в котором сказано: «Надо обязательно арестовать Суханова, Базарова, Рамзина»¹. Составители сборника, в котором это письмо опубликовано, датируют его «не ранее 23 августа 1930 г.». Это совершенно верно, поскольку Сталин посылает в письме вырезку из газеты «Правда» за эту дату. Получается, что Сталин распорядился арестовать Базарова почти месяц спустя после того, как арест произошел? В принципе Руднев мог ошибиться, но в данном случае он точен. Во-первых, в документах процесса меньшевиков упоминается дата ареста Суханова — 20 июля 1930 г.², что раньше 23 августа. Во-вторых, первый протокол допроса Базарова датирован 15 августа 1930 г., а в приговоре отбытие срока лишения свободы считалось с 28 июля 1930 г.³ Дату ареста можно считать установленной, но загадка письма Сталина остается.

От критики, претендующей на научность, оппоненты арестованных ученых перешли к политическим обвинениями во вредительстве. Так, Вайсберг попытался опровергнуть всю систему экономических взглядов Базарова — его идеи о путях ликвидации безработицы, о соотношении развития промышленности и сельского хозяйства, об очередности в осуществлении реконструкции промышленности, о темпах экономического роста. При этом он прибегал к простым подтасовкам. Так, положение Базарова о том, что в первую очередь необходимо было реконструировать отрасли, на продукцию которых имелся массовый спрос, в том числе и отрасли, производившие предметы широкого потребления, было расценено Вайсбергом как недооценка необходимости укрепления обороны страны⁴. Между тем сам Базаров подчеркивал, что «провести принцип рациональной

¹ Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. 1925–1936 гг. М.: Россия молодая, 1995. С. 198. Эта книга доступна в Интернете.

² Процесс контрреволюционной организации меньшевиков. М.: ОГИЗ, 1931. С. 456.

³ Большевикский процесс 1931 года. М.: РОССПЭН, 1999. Кн. 1. С. 46; Кн. 2. С. 388.

⁴ Вайсберг Р. Е. «Объективная» наука госплановских вредителей // Плановое хозяйство. 1930. № 10–11. С. 44.

очередности в чистом виде... нельзя. Для укрепления нашей обороноспособности мы вынуждены ставить и развивать предприятия, не удовлетворяющие этому принципу»¹.

Характерной для научных нравов того времени стала еще одна попытка опровержения концепций Базарова, которую предпринял А. Я. Боярский. Выступая на заседании общества марксистов-статистиков Коммунистической академии, состоявшемся 12 ноября 1930 г.², он назвал Базарова едва ли не «самым образованным из вредителей» и отметил, что для критики его «методов научного вредительства» необходима высшая математика³. Изложив модель Базарова, Боярский заявил, что она была бы не так далека от действительности, если бы планирование учитывало потребности рынка. Поскольку советский план изживал рынок и представлял собой скачок из царства необходимости в царство свободы, применение модели Базарова совершенно необосновано. Вывод же о затухании темпов роста был, по мнению Боярского, опровергнут всем ходом социалистического строительства.

После столь «убедительной» критики Базарова Боярский неожиданно заговорил об отсутствии резкого расхождения между фактической статистикой и *s*-образной кривой, предложенной Базаровым. Боярский полагал, что как для восстановительного, так и для реконструктивного периода характерны возрастающие темпы роста. Функции, описывавшие объемы выпуска продукции в эти периоды, имели якобы разные параметры и при переходе от одного периода к другому графики пересекались. Поскольку смена периодов происходила на разных предприятиях в разное время, получалось представление о плавной кривой, связывающей оба периода. Этот плавный переход и был якобы принят Базаровым за замедление темпа.

¹ Базаров В. А. Принципы построения перспективных планов // Плановое хозяйство. 1928. № 2. С. 49.

² Материалы заседания были опубликованы в журнале «Плановое хозяйство» (1930, № 10–11). На собрании известный статистик М. Н. Смит призвала присутствовавших «сделаться ГПУ научной мысли в области статистики» (там же. С. 168).

³ Боярский А. Я. О теории затухающего темпа развития советского хозяйства // Плановое хозяйство. 1930. № 10–11. С. 159.

Для обоснования того, что в реконструктивный период темпы будут действительно возрастать, никаких аргументов, конечно, не приводилось.

Поразительно, что вся эта критика звучала в тот период, когда темпы роста экономики действительно стали затухать. В годовых планах первой пятилетки темпы прироста промышленной продукции предусматривались: для третьего 45%, для четвертого — 36%, для пятого — 16%. Таким образом, планировалась как раз «затухающая кривая». Фактические же темпы прироста составили лишь 20,5%, 14,7% и 5,5% соответственно¹. Падение уровня экономического анализа, негативное отношение экономистов к математике² привели к тому, что даже взгляды Боярского во многом перестали вписываться в рамки официальной науки. Свою критику Базарова он включил в учебник «Теория математической статистики», написанный совместно с В. Н. Старовским, В. И. Хотимским и Б. С. Ястремским и опубликованный в 1930 г. В рецензии на этот учебник утверждалось: «Желая ударить по Базарову, авторы бьют с неверных позиций и поэтому по существу бьют мимо цели... Видя “главную вину” Базарова в выборе одной формы кривой вместо другой, они сами скатываются на позиции Базарова, на позиции фетишизации математики». Само использование Базаровым математических методов уже расценивалось автором рецензии как махизм и проявление буржуазной методологии³.

В одной из статей, опубликованных накануне процесса меньшевиков, книга Базарова о капиталистических циклах была названа ««научным» окопом классового врага», а заканчивалась статья так: «Мы берем Базарова за шиворот и на солнышко: к ответу подлеца!»⁴. Однако, на процессе по делу о так называемой контрреволюционной организации «Союзное бюро»

¹ Лацис О. Р. Проблема темпов в социалистическом строительстве. Размышления экономиста // Коммунист. 1987. № 18. С. 84.

² Подробнее см.: Белых А. А. Об отношении экономистов к математике в период с 1930 по 1953 гг. // Истоки. Вып. 2. М.: Экономика, 1990.

³ Кедров Б. О новом учебнике по математической статистике // Книга и пролетарская революция. 1932. № 2–3. С. 127.

⁴ Вышинский П. Образчик вредительской философии (базаровщина) // Под знаменем марксизма. 1931. № 1–2. С. 156.

ЦК РСДРП (меньшевиком), проходившем с 1 по 9 марта 1931 г., Базаров не участвовал — ни в качестве обвиняемого, ни в качестве свидетеля.

5. ПЕРЕВОДЧИК. 1931–1939

Отсутствие Базарова на меньшевистском процессе выглядело очень странным. В обвинительном заключении утверждалось, что он возглавлял комиссию по составлению программы партии меньшевиков. Более того, в своих показаниях на процессе Громан, которого обвиняли в том, что он был руководителем «Союзного бюро», «признался», что он и Базаров возглавляли «контрреволюционную госплановскую группу» и осуществляли «вредительскую тактику», заключающуюся в преувеличении имевшихся хозяйственных затруднений, угрозах катастрофы и в «выставлении при выработке перспективных планов примата генетической точки зрения над телеологической (Громан) или их равноправия (Базаров)»¹. В числе осужденных на процессе были люди с менее серьезными «преступлениями».

Недоумение исчезает, если обратить внимание на поведение Базарова после ареста. Большой интерес представляют протоколы его допросов, вошедшие в изданный А. Л. Литвиным сборник материалов. Во вступительной статье к этой книге он справедливо поддерживает мнение о том, что следственные дела осужденных на политических процессах нельзя использовать для сравнительной характеристики обвиняемых: кто лучше или хуже себя вел или кто кого «оговорил». Но если неверно осуждать тех, кого вынудили давать ложные показания, то тем большее уважение должны вызывать такие люди, как Базаров.

Протоколы допросов Базарова ясно показывают, что он держался достойно, не оговаривал ни себя, ни других, в крайнем случае говорил, что чего-то не помнил². Он, один из немногих,

¹ Процесс контрреволюционной организации меньшевиков. М.: ОГИЗ, 1931. С. 36–37.

² Большевистский процесс 1931 года. М.: РОССПЭН, 1999. Кн. 1. С. 46–52.

не признал себя виновным. Его поведение на допросах характеризует выдержка из протокола¹: «Я, как и А. А. Богданов, находил, что политика и все другие области идеологии господствующей партии все более и более проникаются духом авторитарности². Я считал тогда, как считаю и теперь, что учение Маркса, в той интерпретации, которая ему дается, — все более и более превращается в схоластическую догматику, из мирозозерцания — в вероучение. Это должно, по моему убеждению, неизбежно привести к чрезвычайной застойности всех форм создающегося нового общества... Я считаю возможн[ой] свободу теоретических обсуждений всех вопросов экономики и политики, не говоря уже, естественно, о вопросах истории и философии»³. Очевидно, что ОГПУ не удалось сломить волю Базарова и заставить его участвовать в меньшевистском процессе.

Интересно, что информация о его позиции каким-то образом попала за границу. В меньшевистском журнале «Социалистический вестник» сообщалось: «О Базарове передают, что он решительно отказался давать какие бы то ни было показания и вступать в какие бы то ни было разговоры со следователями, заявив, что если его считают классовым врагом, то он сам смотрит на себя как на пленника. О дальнейшей судьбе его ничего

¹ В устном разговоре с А. А. Велых издатель материалов процесса меньшевиков Литвин сообщил, что все имеющиеся в деле материалы о Вазарове были им опубликованы (соответственно, они включены в настоящее издание).

² Богданов в одной из дискуссий о законе ценности Преображенского сказал: «Мы переживаем такую эпоху, когда марксизм испытывает церковное перерождение. Это перерождение переживается всякой теорией, когда она завоевывает жизнь, но благодаря движению жизни становится недостаточной. ... Я это приветствую и потому, что если идет научная реакция, то всего лучше, чтобы она шла как можно скорее и решительнее». См.: Об экономической платформе оппозиции. М., Л.: Госиздат, 1926. С. 234–235.

³ Меньшевистский процесс 1931 года. Сб. документов в 2 кн. Кн. 1. М.: РОССПЭН, 1999. С. 49. Е. Н. Никитин считал, что положительную роль в судьбе Вазарова сыграли П. Г. Смидович, учившийся с ним в одной гимназии, и Н. К. Крупская, дружившая с Е. Т. Рудневой (см.: Горький и его корреспонденты. М.: ИМЛИ РАН, 2005. С. 126). Документальных подтверждений этого спорного мнения нет.

узнать не удалось»¹. Между тем его судьба сложилась, по меркам того времени, относительно благополучно. Постановление коллегии ОГПУ гласило: «25 апреля 1931 г. заключить в место лишения свободы на 5 лет, считая срок с 28 июля 1930 г., имущество конфисковать». Однако уже 5 мая 1931 г. конфискация имущества была отменена². В начале 1932 г. Базаров был выпущен из тюрьмы, жил в Саратове, затем на Кавказе, в 1935 г. переехал в Москву.

Работы Базарова, конечно, не были забыты. Так, находившийся в заключении Кондратьев продолжал свои работы по изучению динамики экономики. В разработанной им модели экономической динамики для описания закона изменения большинства переменных использовано дифференциальное уравнение, которое было предложено Базаровым³. В целом, однако, в официальной советской экономической науке идеи Базарова либо замалчивались, либо трактовались как «буржуазные».

Не имея возможности заниматься наукой, в последние годы жизни Базаров вернулся к тому, чем активно занимался до революции, — к переводческой деятельности. В сущности, это был достаточно редкий случай — крупный ученый, занимающийся переводами. Рассмотрение этой стороны творчества Базарова позволяет лучше понять как его личность, так и интеллектуальный и политический климат его эпохи.

И до революции, и позднее, в 1930-е годы, переводы были источником заработка. В одном из писем (по-видимому, в 1906 г.) Скворцову-Степанову он писал: «Последний месяц я занимался усиленными, но пока тщетными поисками новой работы»⁴. Когда ему в 1908 г. предложили исправить перевод книги Ле Дантека «Философия биологии», который был подго-

¹ По России // Социалистический вестник. 1931. № 10. 25 мая. С. 11.

² Меньшевицкий процесс 1931 года. Сб. документов в 2 кн. Кн. 2. М.: РОССПЭН, 1999. С. 388.

³ См.: Кондратьев Н. Д. Проблемы экономической динамики. М.: Экономика, 1989. С. 413; Кондратьев Н. Д. Тезисы работы, посвященной законам экономической динамики капиталистического хозяйства // Экономика и математические методы. 1988. Т. XXIV. Вып. 2. С. 268–270.

⁴ РГАСПИ. Фонд 150. Опись 1. Ед. хр. 112. Лист 3.

товлен Э. Стиглис, он писал издателю: «Работа очень неровная. Местами стиль легкий и передача подлинника вполне удовлетворительна, но немало мест, крайне неуклюжих по форме и существенно искажающих смысл. — Я берусь привести перевод в удовлетворительное состояние, но это потребует большого и кропотливого труда, так что меньше 20 р. за лист взять абсолютно невозможно»¹.

Конечно, переводчик не всегда выбирает тексты для переводов, но если посмотреть на переводы, которые Базаров делал сам или редактировал, то удивляет широта кругозора — это работы по философии, истории, экономике, политике, социологии. Многие из этих книг актуальны и сегодня — не случайно сейчас они переиздаются². Масштабность личности Базарова проявилась в его переводческой деятельности. Главным переводом до революции 1917 г. стал «Капитал» К. Маркса.

Как известно, первой страной, в которой появился перевод первого тома главного труда Маркса, была Россия, и произошло это всего через пять лет после публикации оригинала, в 1872 г.³, что составляло предмет гордости советских историков экономической мысли⁴. Сам Маркс назвал этот перевод «прекрасным»⁵. Если эта оценка была бы верна, то вряд ли понадобились бы новые переводы. А.И. Изгоев в статье, посвященной истории русских переводов «Капитала», высказал совсем иное мнение: «Этот перевод — грустная страница из истории российского

¹ Архив А. М. Горького. ПТЛ-14.20. Цит. по: *Никитин Е. Н. Философ-коллективист* // Библиография. 2002. № 4 (321). С. 106.

² Отметим, что в списке сочинений, которые особенно помогли Г. Чхартишвили при подготовке книги «Писатель и самоубийство», первой названа книга Э. Дюркгейма «Самоубийство. Социологический этюд», редактором перевода которой был Базаров, о чем, впрочем, не упоминается (см.: *Чхартишвили Г. Писатель и самоубийство*. М.: Новое литературное обозрение, 2000. С. 572).

³ *Маркс К. Капитал*. Т. 1. Процесс производства капитала / Пер. Г. Лопатина и Н. Даниельсона. М.: изд. Н. П. Полякова, 1872. Перевод второго и третьего томов был выполнен Даниельсоном самостоятельно, эти тома вышли в 1885 и 1896 гг.

⁴ Например, см.: *История экономических учений*. М.: Высшая школа, 1963. С. 362–366.

⁵ *Маркс К. Капитал*. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 19.

невежества»¹. «Первым настоящим переводом» первого тома «Капитала» Изгоев справедливо назвал вышедший в 1899 г. под редакцией П.Б. Струве перевод, сделанный Е. Гурвич и Л.М. Заком². Но в этом переводе немецкое слово Werth передано словом «ценность», а не «стоимость», как у Даниельсона, что придавало теории Маркса психологический оттенок. В предисловии к этому изданию Струве попытался обосновать этот подход, но это не могло убедить ортодоксальных марксистов.

За перевод «Капитала» взялись большевики — Базаров и Скворцов-Степанов. В 1907 г. вышел второй том, в 1908 г. — третий, в 1909 г. — первый. Общую редакцию осуществил Богданов, в подготовке второго тома принимал участие Ленин (он редактировал несколько первых глав). Весьма негативно относившийся к большевикам кадет Изгоев писал об этом издании: «Новый перевод — вполне серьезное, научное предприятие, выполненное, действительно, с полной добросовестностью и с полным знанием дела»³. Ленин, естественно, был политическим противником видного кадета Изгоева, но в данном случае их оценки совпали. В работе «Карл Маркс» Ленин приводит подробную библиографию. О переводе «Капитала» он пишет: «Тт. II и III вышли в пер. Даниельсона (менее удовлетворительный) и в переводе под ред. Базарова и Степанова (лучший)»⁴. Отметим также, что этот капитальный труд Базарова и Скворцова-Степанова по переводу большого по объему, сложного, содержащего цитаты на нескольких языках⁵ текста трех томов

¹ Изгоев А.И. Из истории российского невежества // Русская мысль. 1908. № 8. С. 149. Изгоев писал, что в переводе Даниельсона «извращения, пропуски и отсебятины... попадают буквально на каждой странице» (там же. С. 157).

² Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1 / Пер. Е. Гурвич, Л. Зак под ред. П. Струве. СПб.: изд. О. Н. Поповой, 1899. Вып. 1; вып. 2.

³ Изгоев А.И. Из истории российского невежества // Русская мысль. 1908. № 8. С. 158.

⁴ Ленин В.И. Карл Маркс // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 86.

⁵ Тщательность подхода Базарова демонстрирует его письмо Скворцову-Степанову от 19 декабря 1907 г.: «Дорогой Ванечка! Посылаю тебе остальную часть рукописи (с. 68–139). Мошенник Струве не перевел одного греческого примечания, которое не переведено в тексте (из Гераклита темного). Я перевел его по памяти (греческого словаря у меня нет

Маркса был выполнен очень быстро — всего за два с небольшим года. Из переписки переводчиков следует, что финансовой стороной заведовал Скворцов-Степанов, он посылал деньги Базарову, который переводил самостоятельно большую, скорее всего, большую часть текста.

Свое отношение к научным стандартам перевода переводчики высказали в предисловии, опубликованном в первом томе, который вышел последним, в 1909 г. Они писали, что «решили восстановить историческое право русской «стоимости» на немецкую “Werth”, — по крайней мере на ту Werth, о которой говорит Маркс»¹. Они убедительно доказали, что аргументы Струве, пытавшегося с помощью используемого им в переводе «Капитала» термина «ценность» сблизить теорию Маркса с психологической школой, были несостоятельны.

История перевода, выполненного Базаровым и Скворцовым-Степановым, весьма характерна и многое объясняет в эволюции нашей страны. Если Изгоев писал о ранних переводах «Капитала» как об «истории нашего невежества», то работу о переводе Базарова и Скворцова-Степанова можно было бы озаглавить «Из истории нашей неблагодарности».

Первое переиздание перевода было напечатано в Лейпциге, на обложке книг было указано — Киев, Я. Оренштейн, New York (дата этого издания неизвестна). Следующее издание перевода Базарова и Скворцова-Степанова вышло уже в 1918 г. Затем в 1923 г. он был напечатан дважды — в Москве и Харькове, и еще раз — в 1924 г. В 1925 г. выходит издание, названное третьим, в котором отражены дополнения и вставки в немецкий текст «Капитала», сделанные К. Каутским в издании 1914 г.

и необходимо его проверить). ...Осталось непереверденным также примечание из Лютера. Я советовался о его смысле (Струве также оставил его без перевода) с настоящими немцами, но и они без контекста не пришли ни к какому заключению. Текст же лютеровского сочинения я, сидя в М-ке, конечно же, не мог достать». См.: РГАСПИ. Фонд 150. Опись 1. Ед. хр. 112. Лист 9. М-ке — очевидно, имеется в виду дача в поселке Мустамяки под Петербургом, которую снимала семья Базарова (сейчас это поселок Горьковское).

¹ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии / Под ред. В. Базарова и И. Степанова. Общ. ред. А. Богданова. Т. 1. М.: Московское книгоиздательство, 1909. С. IV.

В издании 1925 г. появляются небольшое предисловие Скворцова-Степанова и предисловие Каутского. О самом переводе сказано: «Перевод под редакцией В. Базарова и И. Степанова, пересмотренный И. Степановым»¹. Эта формулировка повторялась в переизданиях 1927–1928 гг., 1929 г. (4-е изд.), а также в 5-м, 6-м и 7-м изданиях, вышедших в 1930 г.

Понятно, что в следующем, 8-м издании, вышедшем в 1931 г., фамилия Базарова, находившегося в тюрьме, уже не упоминалась. Для самого перевода издательство придумало следующую формулировку: «Печатается с русского издания, пересмотренного И. Степановым». Она была повторена в изданиях 1932, 1934, 1935 и 1936 гг. Следующий шаг был сделан в 1937 г., когда первый том «Капитала» вышел дважды — отдельной книгой и в собрании сочинений Маркса и Энгельса (т. XVII). В предисловии к этому изданию было написано: «Перевод трех томов “Капитала”, вышедший под редакцией И. И. Степанова-Скворцова, является в целом удовлетворительным как с точки зрения точности, так и в особенности с точки зрения ясности и доступности изложения. В этом переводе, выдержавшем уже ряд изданий, великое произведение Маркса читали и изучали поколения русских большевиков. Вот почему при подготовке “Капитала” для данного издания ИМЭЛ² признал ненужным переводить “Капитал” заново, а решил ограничиться внесением необходимых исправлений в перевод И. И. Степанова-Скворцова»³. В предисловии говорится, что этот перевод был издан в 1920 г. На самом деле такого издания не было, как не было и самостоятельного перевода Скворцова-Степанова⁴. По-видимому, от-

¹ Значимых следов «пересмотра», сделанного Скворцовым-Степановым, мы не обнаружили.

² Институт Маркса-Энгельса-Ленина, в то время так именовался Институт марксизма-ленинизма, существовавший под разными названиями в 1921–1991 гг.

³ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии / Т. 1. Пер. И. И. Степанова-Скворцова, проверенный и исправленный под ред. В. Адоратского, М. Савельева и А. Стецкого. М.: Партиздат ЦК ВКП (б), 1937. С. VII. Автор предисловия — А. Ф. Кон.

⁴ Скворцов-Степанов умер в 1928 г., редакторы издания могли спокойно писать то, что считали нужным.

сылка к несуществующему изданию была нужна лишь для того, чтобы не упоминать Базарова. Тем не менее, легенда начала жить собственной жизнью. В краткой биографии Скворцова-Степанова, напечатанной на обложках его переизданных в наше время книг, сказано, что он в 1920 г. перевел «Капитал»¹.

Авторы книги о Скворцове-Степанове, В. Викторов и В. Куманев, изданной в серии «Жизнь замечательных людей», также пишут об издании перевода Скворцова-Степанова, вышедшем в 1920 г.² Более того, они пытаются преуменьшить вклад Базарова, утверждая, что он участвовал в переводе только первого тома «Капитала»³ и что он в письме Скворцову-Степанову пишет, что между ними «пробежала черная кошка»⁴. Авторы считают, что похвала переводу «Капитала», которую высказал Ленин, относилась к переводу Скворцова-Степанова 1920 г.⁵ Понятно, что книга, сданная в набор до начала перестройки (21.01.1985), не могла быть полностью свободной от идеологических штампов. Но совсем необязательно было писать неправду. Судя по тексту, авторы ознакомились с фондом Скворцова-Степанова, хранящимся в РГАСПИ. Они не могли не читать писем Базарова к Скворцову-Степанову, в которых описана работа над переводом⁶. Письмо от 22 апреля 1916 г., в котором упоминается о «черной кошке» начинается словами «Дорогой кум!» и заканчивается — «привет крестнику»⁷. Ленин, редактировавший первую главу II тома, не мог не знать, кто его переводил. Между тем он писал именно о переводе Базаровым

¹ См.: Скворцов-Степанов И. И. Очерк развития религиозных верований. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011; Скворцов-Степанов И. И. Исторический материализм и современное естествознание. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012.

² Викторов В., Куманев В. Скворцов-Степанов. М.: Молодая гвардия, 1986. С. 87.

³ Там же. С. 86.

⁴ Там же. С. 33.

⁵ Там же. С. 87.

⁶ См. сноску 1 на с. 81.

⁷ РГАСПИ. Фонд 150. Описание 1. Ед. хр. 112. Лист 13. Один из главных советских борцов с религией Скворцов-Степанов своего сына все же крестил и Базаров был крестным отцом.

и Скворцовым-Степановым второго и третьего томов. Наконец, авторы сами увлеченно пишут о том, как Скворцов-Степанов во время войны с Польшей с апреля 1920 г. был политработником на фронте¹. Свои впечатления он отразил в книге, которую завершил в октябре² (перемирие с Польшей было подписано 12 октября 1920 г.). Очевидно, Викторов и Куманев просто повторили формулировку предисловия издания «Капитала» 1937 г. Почему-то их не смутил даже тот факт, что после якобы существовавшего издания 1920 г. в последующих изданиях, с 1923 г. до 1930 г., авторами перевода называли Базарова и Скворцова-Степанова.

Текст издания 1937 г. был подготовлен А. Ф. Коном, сличение этого текста с текстом 1907–1909 гг. показывает, что в действительности была осуществлена небольшая редакционная правка³. В издании 1938 г. указано, что оно «печатается с русского издания, пересмотренного И. Степановым», в следующем издании (1949 г.) сказано, что это «перевод И. И. Степанова-Скворцова, проверенный и исправленный». Эта формула повторяется во всех последующих изданиях (1950, 1951, 1952–1953, 1954, 1955 гг.) В 1960 г. первый том «Капитала» издается в 23-м томе второго собрания сочинений Маркса и Энгельса, в предисловии к которому сказано: «Как и в предыдущем русском издании (1937 г.), за основу был взят перевод под редакцией И. И. Скворцова-Степанова»⁴. Отныне в выходных данных имя переводчика исчезает, и эта традиция сохраняется и в постсоветский период⁵. Даже в последнем, весьма профессионально

¹ Викторов В., Куманев В. Скворцов-Степанов. С. 170–172.

² Степанов И. С Красной армией на панскую Польшу. Впечатления и наблюдения. М.: Госиздат, 1920. Предисловие автора датировано 1 октября.

³ Самое значительное исправление — выражение «двойкий характер труда» было заменено на «двойственный характер труда», остальные изменения имеют редакционный характер.

⁴ Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. М.: Госполитиздат, 1960. С. V.

⁵ См.: Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. М.: Центр социальной экспертизы, 2001; Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. 1: Процесс производства капитала (гл. 1–12). М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2009.

подготовленном издании «Капитала», вышедшем в издательстве «Эксмо» в 2011 г., в качестве переводчика назван Институт марксизма-ленинизма ЦК КПСС. Однако этот итоговый на сегодня текст «Капитала», в основном повторяющий каноническое издание 1960 г., — фактически перевод Базарова и Скворцова-Степанова, в котором в разные годы сделано значительное количество несущественных редакционных исправлений.

Понятно, что Базаров не упоминался в качестве переводчика не только «Капитала». В 1930-е годы, после ареста и ссылки, он вообще не мог ничего публиковать под своей фамилией. Руднев в своих воспоминаниях пишет, что Базаровым совместно с женой были переведены «Разговоры с Гете» И. Эккермана, «Флорентийские ночи» Г. Гейне, драма немецкого драматурга Г. Бюхнера «Смерть Дантона и др.»¹

К сожалению, нам не удалось определить, что имелось в виду под «др.» Необходимо также уточнить ситуацию с переводом повести «Флорентийские ночи». Первый перевод этой повести Гейне был опубликован Рудневой в 1913 г.², когда Базарову, конечно, не было необходимости скрывать свое имя. Очевидно, Е. Руднев имел в виду перевод, вошедший в собрание сочинений Гейне, изданное в 1930-е годы, в котором переводчиком названа Е. Т. Руднева³. Однако сравнение двух текстов показывает, что они практически идентичны. Перевод 1937 г. отличается от перевода 1913 г. только минимальной редакторской правкой⁴. Ясно, что в переводе «Флорентийских ночей» Базаров не участвовал.

В чем, однако, не может быть сомнений, так это в решающем вкладе Базарова в перевод и подготовку издания книги И. П. Эккермана «Разговоры с Гете», опубликованной изда-

¹ См. настоящее издание, т. 2.

² Гейне Г. Флорентийские ночи / Пер. с нем. Е. Рудневой. М.: Универсальная библиотека, 1913.

³ Гейне Г. Флорентийские ночи // Гейне Г. Полн. собр. соч. в 12 тт. / Пер. Е. Рудневой. М., Л.: Academia, 1937. Т. V. С. 100–163.

⁴ Слово «благодарно» заменено на «полезно», выражение «легкое движение» — на «гибкое движение». Таких правок было не более одной-двух на странице, и то не на каждой.

тельством «Academia» в 1934 г.¹ Литературный опыт жены Базарова Е. Т. Рудневой был достаточно скромным. Помимо небольшого перевода «Флорентийских ночей», она опубликовала доклад на съезде опытно-показательных учреждений (ОПУ)² и несколько статей в журнале «Искусство в школе»³. Вряд ли ее участие в работе над книгой Эккермана могло быть значительным. Даже на фоне других книг издательства Academia, известного качеством подготовки публикаций, высоким уровнем предисловий и комментариев, это издание впечатляет. Предисловие известного философа и историка В. Ф. Асмуса — практически целая книга, в нем более 120 страниц (с. 7–133), примечания и указатели занимают более 100 страниц (с. 857–963).

Как и в случае с «Капиталом», Базаров взялся за перевод книги, которая уже была издана по-русски — в 1891 г. в издательстве Суворина вышло первое издание «Разговоров» в переводе

¹ Эккерман И. П. Разговоры с Гете в последние годы его жизни / Вступ. ст. В. Ф. Асмуса. Пер., прим. и указатель Е. Т. Рудневой. Под общ. ред. М. Лифшица. М.: Academia, 1934. Это произведение Ф. Ницше считал «самой лучшей из всех немецких книг» — оценка, конечно, завышенная, но характерная. (См.: Конради К. О. Гете. Жизнь и творчество. Т. 2. Итог жизни. М.: Радуга, 1987. С. 530).

² Руднева Е. Т. Первый опыт проведения Гусовской программы в центральных и местных ОПУ // Программы ГУС'а и общественно-политическое воспитание. Первый Объединительный съезд опытно-показательных учреждений и методических бюро, по стенограммам и протоколам / Под ред. Е. Рудневой. М.: Работник просвещения, 1925. С. 51–61. ГУС — руководящий научно-методический орган Наркомата просвещения РСФСР, осуществлявший государственную политику в области науки и образования. Существовал с 1919 по 1933 г.

³ О подготовке к празднику // Искусство в школе. 1927. № 4–5. С. 3–6; Сатира в школьной стенгазете // Там же. 1928. № 2. С. 1–6; О народных артистах республики // Там же. 1928. № 12. С. 1–5; Н. К. Крупская // Там же. 1929. № 1. С. 1–4; Как обстоит дело? // Там же. 1929. № 2–3. С. 1–4; Конференция-конкурс по художественному воспитанию // Там же. 1929. № 5. С. 1–3. С 1927 г. до начала 1930 г. Руднева была ответственным редактором и членом редколлегии журнала «Искусство в школе», с № 2 за 1930 г. она перестала быть ответственным редактором, а после ареста Базарова ее вывели из редколлегии. (С № 4 за 1930 г. журнал стал называться «Искусство и дети», в 1930 г. вышло 10 номеров, последний раз Руднева упомянута в составе редколлегии в № 10).

Д. В. Аверкиева, в 1905 г. оно было повторено¹. Однако, как отмечалось в комментариях, оно содержало ряд пропусков, и, следуя французским и английским переводам, в отступление от немецкого оригинала, объединяло все три части «Разговоров» общей хронологической последовательностью. Базаров сделал перевод с 21 немецкого издания, критически переработанного проф. Губеном и вышедшего в Лейпциге в 1925 г., и придерживался порядка, принятого в немецких изданиях². При подготовке примечаний Базаров провел большую кропотливую работу, в том числе сделал «некоторые исправления и неточности, допущенные Гете или Эккерманом», привел «некоторые добавочные штрихи, характеризующие окружение Гете, его труды, его облик (впечатления Кузена, Наполеона, Теккерея, Ампера)». При этом отмечалось, что «в примечаниях использованы пояснения проф. Губена, Дюнцера, Д. В. Аверкиева и др.»³.

Новый перевод книги Эккермана был сделан Н. Ман и опубликован в 1981 г.⁴ Затем были еще два издания, в 1986 и 1988 гг. Не ставя задачу сравнивать литературные качества перевода, отметим, что по научному аппарату это издание было существенно хуже издания 1934 г. Вступительная статья (с. 3–40), комментарии (с. 629–646) и указатель (629–646) были существенно короче⁵. Издание 1934 г. не было даже упомянуто, хотя при чтении комментариев и указателя, подготовленных известным ученым А. А. Аникстом, становится ясно, что он был с ним хорошо знаком. Стиль Базарова был совсем другим — он писал и о более ранних переводах, и о тех ученых, чьими работами он пользовался при подготовке примечаний.

Но история публикаций Эккермана в России на этом не закончилась. Самое удивительное произошло в 2003 г. — изда-

¹ Разговоры с Гете, собранные Эккерманом/Пер. с нем. [с предисл.] Д. В. Аверкиева. Ч. 1–2. СПб.: А. С. Суворин, 1891. Ч. 1; Ч. 2.

² Эккерман И. П. Разговоры с Гете в последние годы его жизни. М.: Academia, 1934. С. 855.

³ Там же. С. 857.

⁴ Эккерман И. П. Разговоры с Гете в последние годы его жизни/Пер. с нем. Н. Ман. Вступ. ст. Н. Н. Вильмонта. Коммент. и указатель А. Аникста. М.: Художественная литература, 1981.

⁵ Там же.

тельство «Захаров» выпустило «Разговоры с Гете» со следующей аннотацией: «Книга печатается в классическом переводе Николая Холодковского, заново отредактированном 70 лет назад для издания в “Academia”»¹. Книга издана без предисловия и комментариев, в нее включены две из трех частей воспоминаний Эккермана, о чем читателю даже не сообщается. Интересно, что Н. Холодковский никогда «Разговоры с Гете» не переводил, а издательство опубликовало перевод, сделанный Базаровым и Рудневой. Мы отправили запрос в издательство, но на момент публикации нашей книги ответ не получен.

Известно также, что в 1932 г. Базаров готовил для Технико-экономического издательства перевод книги Е. Дюринга «Критическая история общих принципов механики». Отметим, что и в этом случае существовал перевод, опубликованный в 1893 г.² Однако по неизвестным нам причинам эта книга в свет не вышла³, о судьбе текста перевода ничего не известно. К сожалению, ничего не известно и о последней работе Базарова — переводе книги М. Монтеня «Опыты». Ясно, однако, что значимых денежных средств его труды переводчика дать не могли. Отчислений за публикации «Капитала» Маркса он, конечно, не получал.

Но материальные трудности, скорее всего, не были главными в последние годы жизни Базарова. Как и многие ранее осужденные, его каждый день могли вновь арестовать по любому абсурдному обвинению. Книга Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» переиздавалась в 1931, 1933, 1936, 1938 и 1939 гг., напоминая всем читателям о Базарове. В 1938 г. многомиллионными тиражами в разных издательствах вышла одобренная ЦК ВКП (б) книга «История Всесоюзной коммунистической партии

¹ Эккерман И. П. Разговоры с Гете / Пер. с нем. Н. Холодковского. М.: Захаров, 2003. С. 4.

² Дюринг Е. Критическая история общих принципов механики / Пер. Н. Маркаев. М.: изд. переводчика, 1893. Эта книга была переиздана издательством URSS в 2011 г.

³ Никитин Е. Н. Философ-коллективист // Библиография. 2002. № 4 (321). С. 106.

(большевиков). Краткий курс»¹. В ней Базаров был упомянут шесть раз, естественно, в негативном контексте, как махист и философский противник Ленина. 24 декабря 1938 г. в газете «Правда» была напечатана статья, в которой, в связи с поступающими вопросами читателей, объяснялось, что махизм является идеалистическим буржуазным учением. В статье также говорилось, что махист Базаров в 1931 г. был осужден за вредительскую деятельность².

К счастью, нового ареста не последовало, но казалось, что имя Базарова навсегда вычеркнуто из истории российской науки. Он умер 16 сентября 1939 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящее издание дает читателю возможность достаточно полно ознакомиться с научным наследием Базарова³. Непредвзятое прочтение его работ убеждает, что он был крупнейшим российским экономистом, а его труды актуальны и сегодня. Но у Базарова мы можем учиться не только мастерству экономического или политического анализа. Впечатляет его внутренняя свобода, способность критически относиться к любым теориям и авторитетам⁴. Он верил, что на смену капитализму придет новое социалистическое общество, и подчеркивал, что «центр тяжести грядущего преобразования составляет не идея справедливости, а идея свободы»⁵. Базаров был убежден, что в буду-

¹ История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков): Краткий курс. Под ред. Комиссии ЦК ВКП (б). М.: Госполитиздат, 1938. Современному читателю трудно в это поверить — только в одной типографии «Печатный двор» было напечатано 10 млн экземпляров этой книги. Общий размер тиража книги оценить сложно.

² Что такое махизм, эмпириокритицизм. Ответы на вопросы читателей // Правда. 1938. 24 декабря. С. 2.

³ По понятным причинам в него не включены работы по философии.

⁴ По-видимому, эти качества были характерны и для его жены. Так, в одной из статей журнала «Искусство в школе» она поместила карикатуру на А. В. Луначарского, который в то время был не только членом редколлегии этого журнала, но и наркомом просвещения. См.: Руднева Е. Т. Сатира в школьной стенгазете // Искусство в школе. 1928. № 2. С. 6.

⁵ Базаров В. На пути к социализму. Харьков: тип. Просвещение, 1919. С. 1.

щем обществе «“вкус к власти” будет представляться таким же патологическим явлением, каким представляется нам вкус наших предков к человеческому мясу»¹. Только свободные культурные люди способны создать эффективную динамично развивающуюся экономику, полагал он.

Эти взгляды были несовместимы с политической обстановкой в СССР, сложившейся уже во второй половине 1920-х годов. Трагедией для Базарова были не только арест, тюрьма и ссылка. Возможно, не меньшей трагедией для него стало то, что не осуществился его идеал, в который он верил и которому отдал все свои силы и таланты. Но он оставил нам свои работы — будем надеяться, что они помогут нам мыслить и действовать так же свободно, как Базаров.

А. А. Белых, В. А. Мау

¹ Базаров В. А. Анархический коммунизм и марксизм. СПб.: тип. т-ва «Народная польза», 1906. С. 182.

Известный британский советолог Р.У. Дэвис в 1961 г. заметил в рецензии на только что вышедшую книгу А. Эрлиха, что в западной исторической литературе В. Базаров остался «несколько забытым». Замечание было справедливым: книга Эрлиха содержала первый специальный анализ экономических идей Базарова в 1920-е годы¹. С тех пор стали больше обращать внимания на Базарова и его историческую роль; но чаще авторы по-прежнему упоминают его лишь в списках членов той или иной идеологической школы, уделяя основное внимание более известным личностям. В настоящем обзоре рассмотрим лишь немногие западные произведения, содержащие более или менее подробный материал о Базарове, его идеях и биографии.

Можно выделить три основные фазы в литературной деятельности Базарова: до войны он много писал по политическим и философским вопросам, во время войны и революции он занимался преимущественно политической и экономической публицистикой, а в 1920-х годах он писал прежде всего по хозяйственным вопросам. Следовательно, в западных монографиях обычно говорят или о его философских трудах, или о его политической деятельности, или о нем как об экономисте. Только в некоторых небольших статьях в энциклопедиях и справочниках предприняты попытки рассмотреть все стороны его биографии.

Еще недавно можно было сказать, что авторы на Западе сравнительно мало обращали внимания на раннюю карьеру Базарова. В 1960-е годы американский историк Дж. Клайн написал короткий обзор об отношениях к личности в российском мышлении, в котором изложил некоторые довоенные взгляды Базарова по данному вопросу. Статья Клайна в определенной степени отразила стереотипы холодной войны. Цитируя

* Статья написана Ф. Кингом по-русски. — *Прим. научн. ред.*

¹ Erlich A. The Soviet Industrialization Debate, 1924-1928. Cambridge MA, Harvard, 1960.

базаровскую мысль о том, что в классовой борьбе «признание личности абсолютным началом всегда было и всегда будет чуждо пролетариату», Клайн добавил, что отсюда всего «один шаг» до позиции Троцкого в пресловутой работе «Терроризм и коммунизм» 1920 г.¹ Примерно в то же время появилась монография немецкого ученого Д. Грилле об А.А. Богданове. В ней автор часто упоминает Базарова и его довоенную деятельность, приведены некоторые отдельные подробности о нем, но всегда в связи с главным героем книги — А. Богдановым².

В 1980-е годы появились две книги о раннем большевизме, написанные американскими учеными. Книга Р. Уильямса о «других большевиках» посвящена истории фракционной борьбы внутри довоенной большевистской организации. Он нередко ссылается на Базарова, но так как Базаров не играл решающей роли в политических столкновениях того времени, у Уильямса нет особого анализа его позиций³. В изданной докторской диссертации об утопических идеях в большевизме Д. Роулей концентрирует свое внимание на Богданове и А. В. Луначарском, а также на внутривнутрипартийной борьбе. Тем не менее Роулей излагает базаровскую критику материализма Г.В. Плеханова и его попытки доказать, что Маркс и Энгельс разделяли скорее философскую позицию эмпириокритиков, чем позицию материалистов типа Плеханова⁴. Несколько ранее появилась статья Э. Келли об эмпириокритицизме. Она излагает историю российского эмпириокритицизма и спор вокруг него и видит корни данного течения и в сочинениях Э. Маха и Р. Авенариуса, и в традициях и исканиях российской интеллигенции.

¹ *Kline G. L. Changing Attitudes towards the Individual // Cyril E. Black (ed.). The Transformation of Russian Society: aspects of social change since 1861. Cambridge MA, Harvard University Press, 1960. P. 606–625 (особенно 622–624).*

² *Grille D. Lenin's Rivale: Bogdanov und seine Philosophie. Koeln, Verlag Wissenschaft und Politik, 1966.*

³ *Williams R. C. The Other Bolsheviks: Lenin and his Critics, 1904–1914. Bloomington, Indiana University Press, 1986.*

⁴ *Rowley D. G. Millenarian Bolshevism — 1900 to 1920. New York, Garland Publishing Inc. 1987. P. 192–200.*

Статья содержит короткий анализ базаровской критики этических принципов Канта и роли идей Ницше в этой критике¹.

В 2000 г. на немецком языке появилось первое издание, полностью посвященное Базарову, — докторская диссертация Д. Чоя «Политика и философия у В. А. Базарова». Чой анализирует базаровское понимание коллективизма и культурной революции до 1911 г. Подход Чоя широкий: он рассказывает и о ранней жизни Базарова, как он стал революционером и марксистом, и о его деятельности в студенческом движении, как партийного работника, публициста, и т. д. Согласно Чою, нельзя считать Базарова ни простым «махистом», ни простым единомышленником Богданова. У него было «свое собственное интересное толкование марксизма», благодаря которому он смог, например, «подойти к проблематике сознания “молодого Маркса” явно удачнее, чем другие современные марксисты»². По Чою, ранний опыт Базарова в тульских рабочих кружках, в которых он помогал рабочим учиться, повлиял на его политическое кредо — «невозможно ввести социалистический, коллективистический дух в рабочий класс усилиями профессиональных революционеров; он должен появиться путем сознательного убеждения»³. Марксизм в России, пишет Чой, под влиянием Плеханова принял форму «экономического материализма». Для Базарова эмпириокритицизм служил орудием не только против неокантианства бывших марксистов типа Струве и Бердяева, но и против плехановского толкования материализма⁴. Вообще, можно считать книгу Чоя весьма полезным пополнением литературы о ранней карьере Базарова.

Сравнительно мало опубликовано о роли Базарова в годы революции. Большинство авторов упоминают Базарова лишь мимоходом, в связи с отдельными эпизодами того времени.

¹ Kelly A. Empiriocriticism: A Bolshevik Philosophy? // Cahiers du monde russe et soviétique. Paris, 1981. Vol. XXII. No 1. P. 89–118.

² Choi D. Politik und Philosophie bei Vladimir A. Bazarov: sein Begriff des Kollektivismus als Konzept der Sozial- und Kulturrevolution. Regensburg, S. Roderer Verlag, 2000. P. 14.

³ Ibid. P. 15.

⁴ Choi D. Politik und Philosophie bei Vladimir A. Bazarov: sein Begriff des Kollektivismus als Konzept der Sozial- und Kulturrevolution. P. 79.

Единственная статья, где подробно рассмотрена его партийная деятельность в 1917–1918 гг., написана автором данного обзора. В статье изложена история газеты «Новая жизнь», учрежденной М. Горьким, и фракции РСДРП «объединенных социал-демократов интернационалистов», в которых Базаров играл ключевую роль¹. Информацию о газете «Новая жизнь» и о социал-демократах интернационалистах можно найти и в политической биографии Н. Н. Суханова, написанной И. Гецлером. Впрочем, судьбы Базарова и Суханова были тесно связаны с 1917 по 1931 г., и книга Гецлера содержит интересную информацию об их взаимоотношениях в 1920-е годы, особенно об участии Базарова в воскресном «салоне» Суханова, перед их арестом по обвинению во «вредительстве» в 1930 г.²

Вопрос о партийной принадлежности Базарова в 1917 г. сложный для многих авторов. Нередко его причисляют к меньшевикам. З. Галили, крупный специалист по меньшевизму, в своей книге о меньшевистских руководителях в русской революции излагает особую позицию Базарова по вопросу о власти в марте 1917 г. (он высказался за участие во Временном правительстве). Галили обращает внимание на экономические рецепты Базарова, В. Г. Громана и других экономистов внутри и вокруг петроградского совета. Но она ошибочно полагает, что летом 1917 г. Базаров официально вошел во фракцию Ю. О. Мартова³.

Многие авторы упоминают роль Базарова в событиях вокруг октябрьского переворота, особенно в связи с публикацией на страницах «Новой жизни» листка Зиновьева и Каменева против «выступления» большевиков. В 1979 г. Дж. Кип восстановил из разных источников протоколы ВЦИК 2-го созыва от октября

¹ *King F. Between Bolshevism and Menshevism: the Social-Democrat Internationalists in the Russian Revolution// Revolutionary Russia. Vol. 9. No 1. June 1996. P. 1–18.* Данная статья основана на неизданной докторской диссертации Кинга: *King F. The Political and Economic Thought of Vladimir Aleksandrovich Bazarov (1874–1939), PhD dissertation/University of East Anglia, Norwich, 1994.* В диссертации особое внимание уделено периоду 1917–1930 гг., тем самым она дополняет работу Чоя.

² *Getzler I. Nikolai Sukhanov: Chronicler of the Russian Revolution. Oxford, Palgrave, 2002.*

³ *Galili Z. The Menshevik Leaders in the Russian Revolution: Social realities and political struggles. Princeton, Princeton University Press, 1989. P. 60, 61, 182.*

1917 г. до января 1918 г. Так как Базаров и его фракция участвовали в этих собраниях, книга Кипа представляет интерес¹. Типичная газетная статья Базарова того времени, полемика с «Правдой» о предпосылках социализма, переведена на английский автором настоящего обзора, ее можно найти в Интернете².

Базаров самое большое внимание привлек к себе в качестве экономиста в Госплане в 1920-е годы. Первые западные научные работы, ссылающиеся на его идеи и роль, появились еще в конце 1920-х годов. Немецкий автор Ф. Поллок в 1929 г. неоднократно упоминал базаровскую статью «О методологии контрольных цифр»³, а в 1930 г. живший в эмиграции экономист А. Югов, бывший меньшевик, издал работу об экономических тенденциях в СССР, в которой цитировал разные статьи Базарова. Он обратил внимание на споры между «генетиками» и «телеологами» и заметил, что «большинство марксистских (некоммунистических) экономистов старой закалки во главе с такими почтенными специалистами, как В. Громан и В. Базаров, твердо убеждены в первенстве генетического метода, в то время как коммунистические экономисты, особенно более молодые, предпочитают телеологический метод...»⁴

Кстати, бывшие меньшевики в западной эмиграции и их наследники играли огромную роль в развитии западной советологии вообще. А. Эрлих, сын ведущего деятеля Бунда Х. Эрлиха, сделал первый обширный анализ идей Базарова в 1920-е годы об индустриализации в СССР. Эрлих изложил позиции Н. И. Бухарина и Е. А. Преображенского и посвятил целую главу своей монографии идеям Базарова по данному вопросу. Он видел в трудах Базарова «попытку синтеза», которая указала возмож-

¹ *Keep J.L.* The Debate on Soviet Power — Minutes of the All-Russian Central Executive Committee of Soviets. Second Convocation October 1917 — January 1918. Oxford, Clarendon Press, 1979.

² www.uea.ac.uk/his/webcours/russia/documents/chto-nuzhno.shtml; www.marxists.org/archive/bazarov/1917/what-needed.htm.

³ *Pollock F.* Die planwirtschaftlichen Versuche in der Sowjetunion. Leipzig, Hirschfeld, 1929.

⁴ *Yugoff A.* Economic Trends in Soviet Russia. L.: George Allen and Unwin, 1930. P. 300.

ный подход к решению проблемы продолжения быстрого экономического роста в условиях дефицита капитала. Как почти все авторы, Эрлих высоко оценил качество базаровских идей. Так как в центре внимания монографии Эрлиха был вопрос об индустриализации, он сравнительно мало написал о проблемах планирования¹.

Первые английские переводы трудов Базарова принадлежат американскому экономическому историку Н. Спалберу. В 1964 г. он издал две книги о советской стратегии экономического роста в 1920-е годы. В одну книгу включено четыре статьи Базарова по вопросам планирования. Эта книга, конечно, была весьма ценной для западных студентов, изучающих советскую экономику и не владеющих русским языком. К сожалению, комментарии Спалбера довольно скудны — он бегло изложил общие контуры спора между «генетиками» и «телеологами», причисляя Базарова к лагерю «генетиков» без подробного анализа его позиции². Более подробный анализ вопроса о «генетике» и «телеологии» в советской плановой теории, с кратким изложением позиции Базарова, можно найти в трудах Э. Х. Карра и Р. У. Дэвиса³. В короткой статье Р. Шлесингера о контексте раннего советского планирования также дано более глубокое изложение понятий «генетика» и «телеология» и позиций Базарова по этим моментам планирования⁴.

В 1972 г. еще один меньшевистский эмигрант Н. Ясный издал очень ценную монографию о небольшевистских советских экономистах 1920-х годов. В книге Ясного две части. Первая посвящена общей истории советской небольшевистской экономической мысли до 1930 г. и процессу «меньшевики». Вторая часть содержит биографические очерки экономистов, работавших в советских учреждениях, в том числе Базарова. Ясный гордо считал себя личным другом Громана, с которым он сотруд-

¹ Erlich A. Op. cit. P. 60–77 и 135–143.

² Spulber N. Foundations of Soviet Strategy for Economic Growth — Selected Soviet Essays 1924–1930. Bloomington, Indiana University Press, 1964; Soviet Strategy for Economic Growth. Bloomington, Indiana University Press, 1964.

³ Carr E. H., Davies R. W. Foundations of a Planned Economy. L.: Macmillan, 1969.

⁴ Schlesinger R. A Note on the Context of Early Soviet Planning // Soviet Studies. Glasgow. Vol. XVI. No 1. July 1964. P. 22–44.

начал в российских хозяйственных инстанциях в 1917 г., и его книга стала своего рода памятником покойному товарищу. Он посвятил целую главу Базарову и другим экономистам — Кондратьеву, Суханову и т. д. По мнению Ясного, Громан был ведущей личностью в «школе Громана — Базарова», но другие авторы склонны считать Базарова более самостоятельной фигурой. Ясный подробно изложил главный вклад Базарова в советское плановое мышление того времени, включая термины «телеология» и «генетика», критерии оптимальности в планах и т. д.¹

Ясный сослался на влияние богдановской организационной науки на идеи Базарова и Громана о планировании, но большинство авторов не затрагивают этот вопрос. Финский ученый И. Сусилуото, с точки зрения анализа истории системного мышления в СССР, кратко упоминает роль богдановских идей в спорах 1920-х годов об индустриализации, в том числе у Базарова².

Вклад Базарова в общий теоретический арсенал планирования кратко изложил Р. Биделе в 1985 г. У него своеобразная точка зрения: он выступает за «сельский коммунизм» и считает, что Базаров предложил вариант стратегии индустриализации с наименьшими затратами. Тем не менее, он дает хороший обзор главных базаровских идей об оптимальности, отношении между генетикой и телеологией, плавном экономическом росте без перебоев и т. д., в контексте общего анализа идей разных экономистов по вопросам хозяйственного развития. Таким образом, подход Биделе ценный и в свете его широты³.

Плановые начала Базарова занимают видное место в статье автора настоящего обзора, посвященной истории идеи единого хозяйственного плана. Статья издана на немецком языке в 1997 г., а на английском — в 1999 г. В ней рассмотрена история идеи планового хозяйства с 1917 по 1928 г. с акцентом на методологические приемы⁴.

¹ *Jasny N. Soviet Economists of the Twenties — Names to be Remembered.* Cambridge, CUP, 1972. P. 124–138.

² *Susiluoto I. The Origins and Development of Systems Thinking in the Soviet Union.* Helsinki, Suomalainen Tiedeakatemia, 1982.

³ *Bideleux R. Communism and Development.* L.: Methuen, 1985. P. 95–99.

⁴ *King F. Die Idee eines einheitlichen Wirtschaftsplans // Theodor Bergmann, Wladislaw Hedeler, Mario Kessler, Gert Schaefer. Der Widerschein der*

Что касается общих биографических статей в энциклопедиях и справочниках, то самая ранняя из них остается самой полной: изданная в 1977 г. статья Р. Уильямса. В соответствии со своими научными интересами, Уильямс уделяет особое внимание дореволюционной деятельности Базарова и его философским идеям¹. Более краткая статья Дж. Биггарта, специалиста по Богданову, в которой уделено большое внимание дореволюционной деятельности Базарова, появилась в 1988 г. в однотомной энциклопедии российской революции Х. Шукмана². Еще короче написал Р. У. Дэвис в биографическом словаре СССР, под редакцией А. Браун³. Наконец, в 2004 г. автор настоящего обзора издал краткий биографический обзор на сайте marxists.org⁴, а В. Барнетт написал два абзаца о Базарове в энциклопедии российской истории под редакцией Д. Миллера⁵.

Конечно, в западной литературе есть и другие упоминания Базарова, но они совсем короткие, поэтому мы не будем их перечислять. Однако отметим, что о нем мало написано на французском и испанском языках. Отсутствие литературы на испанском, принимая во внимание важность развития экономики стран Латинской Америки, можно считать недостатком. Стоит надеяться, что и количество, и географическое распределение научных работ о нем возрастет.

Russischen Revolution: ein kritischer Rueckblick auf 1917 und die Folge. Hamburg, VSA, 1997; The Russian Revolution and the Idea of a Single Economic Plan // Revolutionary Russia. Vol. 12. No 1. June 1999.

¹ Williams R. C. Bazarov, Vladimir Aleksandrovich // Joseph L. Wiczynski. The Modern Encyclopaedia of Russian and Soviet History. Vol. 3. Gulf Breeze, Academic International Press 1977. P. 174–177.

² Biggart J. Bazarov, Vladimir Aleksandrovich // Harold Shukman. The Blackwell Encyclopaedia of the Russian Revolution. Oxford, Blackwell, 1988. P. 305–306.

³ Brown A. The Soviet Union: a biographical dictionary. L.: Weidenfeld and Nicholson, 1990.

⁴ www.marxists.org/glossary/people/b/a.htm#bazarov-vladimir.

⁵ Barnett V. Bazarov, Vladimir Alexandrovich // James R. Miller. Encyclopedia of Russian History. Vol. 1. New York: Macmillan, 2004.

«Запад» в произведениях В. Базарова

Пока существовал Советский Союз, «советская история» как академическая дисциплина на Западе частично развивалась отдельно от дореволюционной «российской» историографии. Последний период истории имперской России часто рассматривался западными «советологами» как подготовка к событиям 1917 г. Революция и ее последствия истолковывались больше в свете революционной идеологии и марксизма, нежели в контексте российской истории. Распад СССР в 1991 г. привел к определенному сдвигу в историографической парадигме: «советская история» восстановилась как составная часть более широкой и длительной «российской истории». Акцент стали делать на целостности исторического развития России, а не на разрывах в нем.

Как оценить идеи В. Базарова в таком широком контексте российской интеллектуальной истории? Можно рассматривать российский марксизм в формулировке его «отцов» — Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода — как крайнее левое крыло «западничества» в российском общественном мышлении. В отличие от народников, а в дальнейшем и социалистов-революционеров, российские марксисты до 1917 г. утверждали, что Россия неизбежно должна идти за Западом в развитии капитализма и установлении «буржуазной демократии». Только после этого рабочий класс и рабочее движение России могли бы развиваться и набрать силу, достаточную для свержения капитализма и строительства социализма как планомерной, рациональной и справедливой системы промышленного производства.

Хотя Базаров и Плеханов сильно расходились по многим вопросам философии и политики, Базаров не уступал Плеханову в своем западничестве. И в своих идеях, и в сферах своих научных интересов Базаров всегда держался последовательной европейской ориентации. Среди самих ранних печатных работ Базарова, вышедших в 1900 и 1905 гг., мы находим исторические очерки о происхождении британских профсоюзов и о развитии британской промышленности¹. Он активно занимался переводами раз-

¹ Очерки из истории английских рабочих союзов. Женева, 1900; *Седой Д.* Промышленная жизнь Англии в XVIII и XIX в. СПб.: Библиотека для всех, 1905.

личной немецкой и французской литературы. Самый крупный из этих переводов — «Капитал» К. Маркса. Но Базаров перевел и многие другие западные произведения по истории, философии и науке, в том числе «Современный капитализм» В. Зомбарта, «Основные начала биологии» Ф. Ле Дантека и «Самоубийство» Э. Дюркгейма, свидетельствующие и о широте его знаний и круга интересов, и о европейской ориентации его мышления.

Но это отнюдь не значит, что Базаров игнорировал интеллектуальную жизнь российской интеллигенции тех лет или не интересовался ею. Как раз наоборот — он очень хорошо разобрался в современных ему философских и эстетических спорах российских мыслителей, часто сам участвовал в этих дебатах. Как неверующий интеллигент православного происхождения он прекрасно понял суть религиозных исканий таких писателей, как Д. С. Мережковский, Д. Философов и Н. Бердяев¹. Но Базаров непременно выступал как критик их исканий, защищая идеи (марксизм, эмпириокритицизм и т. п.) западноевропейского происхождения, хотя сам иногда любил говорить на языке своих противников и даже обозначал коллективный строй будущего славянофильским термином «соборность»².

С началом первой мировой войны выявились противоречивые тенденции в российском марксизме. С западной точки зрения, марксисты должны были или, подобно Плеханову, поддержать Антанту вместе с либералами, или занять интернационалистическую позицию. (Германофилов почти не было.) Базаров выбрал второй вариант, он слишком хорошо понял западную политику, чтобы предаваться иллюзиям о добрых намерениях руководящих кругов Антанты. Он считал, что патриотические позиции марксистов типа Плеханова не имели рациональной базы. В 1916 г. он опубликовал в журнале «Летопись» письмо-пародию под псевдонимом «В. Темный». Якобы от «левого», точнее бывшего левого, интеллигента в письме он призывал своих единомышленников признать «религиозную природу охватившего нас патриотического чувства» и принять

¹ Остроумный анализ идей Мережковского см. в: Базаров В. Богоискательство и «богостроительство» // Вершины. 1909. № 1.

² Базаров В. Мистерия или быт // На два фронта. СПб.: Прометей, 1910. С. 162.

православие¹. Базаров смеялся над попытками либеральных патриотов военных лет (С. Франк, П. Б. Струве и др.) примирить свое западничество со своим патриотизмом, утверждая, что «философия русского империализма... может быть построена только в славянофильском стиле»².

Анализируя экономические трудности России в 1916 г., Базаров видел суть проблемы в неумении России перенять западные — в первую очередь немецкие — модели организации народного хозяйства. В этом, правда, он был не одинок. Почти все российские социалисты, которые высказались по этому вопросу, считали «военный социализм» немецкого типа единственно возможным способом справиться с военной разрухой в России. Но Базаров пессимистически оценил шансы такой политики на успех в условиях имперской России. Он с грустью предсказал, что немецкая карточная система распределения «при наших организационных талантах и наших административных традициях едва ли приведет к чему-нибудь, кроме усугубления продовольственной неурядицы»³.

Позже Базаров стал обращать внимание на положительный потенциал немецкого «военного социализма», по крайней мере для более развитых стран Европы. В январе 1917 г. он утверждал, что «система государственного капитализма кладет конец хозяйственной анархии в отдельных передовых государствах». В то время он сильно сомневался, что немецкий и вообще европейский пролетариат сумеет «использовать эту новую форму буржуазного строя как орудие для создания свободно-планового (т. е. социалистического. — Ф. К.) хозяйства». Но причины его сомнений носили не технический, а политический характер⁴. После февральского переворота он все больше увлекался возможностями этого строя как переходного этапа на пути к социализму — и в Западной Европе, и в России.

¹ Темный В. Религия и государственность: письмо в редакцию // *Летопись*. 1916. № 3. С. 310.

² Базаров В. О современном идеологическом кризисе // *Современник*. 1915. № 5. С. 170.

³ Базаров В. Текущий момент и перспективы // *Летопись*. 1916. № 5. С. 164.

⁴ Базаров В. О конечных целях // *Летопись*. 1917. № 1. С. 186, 187.

Крушение царизма в феврале привело к определенной переориентации общественной деятельности Базарова. Как публицист, он стал писать преимущественно газетные, а не журнальные статьи, более того, он стал снова непосредственно заниматься партийной политикой в рамках РСДРП. Он и его единомышленники по газете «Новая жизнь» считали существующие фракционные разделения внутри российского социализма устаревшими. В мае 1917 г. Базаров утверждал на страницах «Новой жизни»: «“Большевики”, “меньшевики”, “социалисты-революционеры” — все это в значительной степени исторические пережитки: программные разногласия, действительно существующие среди русских социалистов, вовсе не укладываются в эти унаследованные от прошлого деления»¹.

В течение 1917 г. Базаров и «новожизненцы» посвятили немало времени и энергии упорядочению внутренней структуры российской социал-демократии по европейским образцам. Они считали, что, подобно немецкому социализму, в российской социал-демократии должно быть два основных лагеря: «социал-шовинисты» и «интернационалисты». Образовав ядро «социал-демократов-интернационалистов», они надеялись, что вокруг него будут сплачиваться и меньшевики-интернационалисты, и большевики, и различные нефракционные с.-д.-интернационалисты. Как известно, их усилия не увенчались успехом. Меньшевики-интернационалисты остались в рядах меньшевистской организации; большевики не почувствовали никакой нужды пойти на идеологические уступки этой маленькой группе.

Западническая политическая ориентация этой организации, главным идеологом которой можно считать Базарова, наглядно видна, например, в резолюции о форме правления, принятой на ее конференции в октябре 1917 г. Докладчик по этому вопросу А. А. Блюм высказался «за применение у нас швейцарской системы»². Сама резолюция гласила, что «российское государство должно отныне стать однопалатной парламентарной

¹ Базаров В. Городские выборы и социалистические партии // Новая жизнь. № 15. 5 (18) мая 1917. С. 1.

² Листок: Конференция организаций объединенных интернационалистов РСДРП, 18–21 октября в Петрограде.

республикой. Парламенту принадлежит вся полнота законодательной власти; исполнительная власть осуществляется министерством, ответственным перед парламентом»¹. Ни о какой управленческой роли советов рабочих и солдатских депутатов в программе не говорилось.

Что касается социально-экономических перспектив того времени, то Базаров, как и большевики, видел серьезные социалистические возможности в сложившемся в военное время огосударствлении хозяйственной жизни. Он охарактеризовал государственный капитализм в июне 1917 г. как явно переходный тип хозяйственного строя, промежуточную форму между капитализмом и социализмом. Но в пределах отдельно взятой России, предостерег он, этот строй не должен был пойти дальше государственного капитализма, «по крайней мере до тех пор, пока в более передовых странах не начинается его постройка на чисто социалистических началах»². В этом — в отличие от большевиков — Базаров остался верен традиционным представлениям российского марксизма о первенстве Запада в переходе от капитализма к социализму.

Оценка большевизма была существенной проблемой для Базарова в 1917–1920 гг. Весной 1917 г. он все еще считал себя большевиком и определенное время участвовал в петроградской большевистской организации. В дальнейшем он считал возможным участие в объединенной интернационалистической партии. После октября ему пришлось переосмыслить свое отношение к большевизму и свою оценку его природы, анализируя поступки и деятельность советского правительства. Сначала в газетных статьях он обращал внимание преимущественно на анархические, дезорганизующие тенденции большевизма. Как почти все небольшевистские социал-демократы (и все несоциалистические обозреватели вообще), Базаров ожидал сравнительно быстрого провала правительства Совнаркома.

¹ Листок: РСДРП, Центральное бюро организаций объединенных с-д интернационалистов // Наша платформа, октябрь 1917 г.

² Базаров В. Русская революция и социализм // Новая жизнь. № 39. 3 (16) июня 1917. С. 1.

Потом, по мере упрочения режима Ленина, ему приходилось менять свою позицию.

После подписания Брестского мира Базаров был убежден, что Россия станет объектом дележа остальных воюющих западных держав, упрекал большевиков в ведении «германофильской линии». Он опасался, что в дальнейшем вся политика в России будет определяться не внутренней политикой, а внешней «ориентацией» различных фракций, как во многих азиатских государствах того времени¹. Кстати, в марте 1918 г. Базаров, казалось бы, в отчаянии, высказался за «азиатскую» ориентацию российской внешней политики. Признавая, что такая аргументация может казаться неожиданной, он объяснил: «Стать во главе союза борющихся за свою эмансипацию индусов, персов, китайцев — задача, быть может, несколько шокирующая с точки зрения привычного нам европейского устремления мысли. Но опыт скоро научит даже самых упорных, что быть первым в Азии все же лучше, чем последним в Европе — тем более что эта “азиатская” ориентация есть единственный реальный путь к нашей европеизации»².

Весной 1919 г., после учреждения Коммунистического интернационала, Базаров пришел к заключению, что большевизм имеет немало общего с тем религиозным неославянофильством, с которым он вел полемику в начале века. В журнале харьковских меньшевиков «Мысль» он сравнил большевистскую идеологию с пророчеством Д. С. Мережковского. Базаров охарактеризовал советский строй как «самое глубокое и совершенное воплощение русского мессианизма», а самих большевиков — как «мессианистов-самобытников». «В большевистской схеме, — писал он, — социально-политическая отсталость и обусловленный ею иммунитет ко всем соблазнам буржуазной культуры Запада с ее призрачной свободой и ложным парламентаризмом — вот наше великое счастье, великое преимущество, благодаря которому мы скорее, чем какой-либо другой народ,

¹ Базаров В. Колонизаторы и туземцы // Новая жизнь. № 44–259. 17 (4) марта 1918. С. 1.

² Базаров В. О национальном единении // Новая жизнь. 6 марта (21 февраля) 1918. С. 2.

можем воплотить в жизни начала праведной общественности. Третий интернационал, — заключил он с горькой усмешкой, — и есть Третий Рим, воплощение “русской идеи”, наконец способен привлечь сторонников со всех концов мира, в том числе и передовых западных стран»¹. Несколько раньше Базаров совершенно недвусмысленно изложил свою позицию в «Мысли»: «В будущем, как и встарь, нам придется не учить Запад, а учиться у него, придется с неизбежным запозданием и искажением пересаживать к себе те формы общественно-хозяйственной организации, которые... будут развиваться... в Германии, в Англии, в Соединенных Штатах»².

В 1921 г. положение Базарова существенно изменилось: он начал работать в Госплане, став государственным служащим. Его выступления в печати носили научный, ответственный характер; места для остроумной публицистики и полемики больше не было. Но, как в 1919 г., он сначала искал организационные модели и идеи на Западе. В 1922 г., на заре плановой работы Госплана, при общей неясности методов и приемов государственного планирования в СССР, Базаров обратил внимание на схемы социализации народного хозяйства в Германии. Он особенно высоко оценил потенциал схемы немецкого горного инженера А. Гортена, которая предусматривала организацию компаний типа акционерского общества, в которых государство играло бы роль акционеров, а роль финансового капитала была бы полностью устранена. Базаров считал, что если нэп удастся, тогда «система Альфонса Гортена может приобрести для нас самое актуальное значение»³. Базаров написал в пользу схемы Гортена в сентябре 1924 г. интересную статью о хозяйственных «командных высотах». В этой короткой статье он сослался на исторический опыт промышленной революции в Англии, чтобы выдвинуть собственную концепцию о «командных

¹ Базаров В. Третий Рим и Третий Интернационал // Мысль. 1919. № 12. С. 470, 471, 475.

² Базаров В. Коммунизм или государственно-упорядоченный капитализм? // Мысль. 1919. № 3. С. 58.

³ Базаров В. Проекты и опыты социализации народного хозяйства в Германии // Горн. 1922. № 1 (6). С. 65. Также см.: *Horten A. Sozialisierung und Wiederaufbau*. Berlin, Verlag Neues Vaterland, 1920.

высотах» как о технически и организационно наиболее развитых предприятиях, в отличие от традиционного, отраслевого понимания этого термина¹.

Советская система хозяйственного управления упрочивалась в течение 1920-х годов, поэтому Базаров перестал рекомендовать специфические западные организационные модели. Более того, в атмосфере консолидации сталинской диктатуры кажущаяся западническая ориентация мысли становилась подозрительной, даже опасной. Экономические успехи восстановительного периода в СССР стали вызывать у многих большевиков оптимистические чувства всемогущества и самодовольства. Высокие темпы промышленного роста называли закономерным явлением, присущим советскому хозяйственному строю. Базаров, однако, продолжался относиться скептически к такого рода оптимизму. Так, в 1927 г. он обратил внимание, что прядильню в Иваново-Вознесенске государство строило медленнее (три года), чем строил керосино-очистительный завод в Батуме американский концессионер (четыре месяца)². Он высказывался против автаркических тенденций в советской экономической политике, писал, что СССР должен участвовать в международном разделении труда, ввозя такие виды продукции, которые СССР пока еще не в состоянии производить по достаточно низкой себестоимости³. Базаров, конечно, полностью разделял общую установку советского экономического развития — догнать и перегнать ведущие капиталистические хозяйства, но не был склонен ни к переоценке преимуществ советской системы, ни к недооценке возможностей западного капитализма.

Сталинский «великий перелом» в конце 1920-х годов был весьма сложным и многообразным явлением. В идеологическом плане он означал окончательный закат старого «западнического» марксизма в СССР. «Меньшевицкий» процесс

¹ См.: Базаров В. Темп накопления и «командные высоты»//Экономическое обозрение. 1924. № 9–10.

² См.: Базаров В. О наших хозяйственных перспективах и перспективных планах//Экономическое обозрение. 1927. № 5. С. 46.

³ Например, см.: Базаров В. О методологии построения перспективных планов//Плановое хозяйство. 1926. № 7. С. 14–15; Принципы построения перспективного плана//Плановое хозяйство. 1928. № 2. С. 47–49.

1931 г., в связи с которым Базаров был арестован в 1930 г., был направлен не только против небольшевистских марксистских плановиков и экономистов типа Громана и Базарова, но и против чуть ли не последнего видного представителя старого марксизма среди большевиков — Д. Б. Рязанова. Сам Базаров предвосхитил такой ход вещей в 1928 г., когда на дискуссии о плане в Коммунистической академии он сослался на «одного старого коммуниста, которого у нас стали, к сожалению, понемногу забывать, но который в свое время пользовался большим авторитетом, пожалуй, не меньшим, чем в настоящее время Сталин, Бухарин и другие выдающиеся коммунисты. Я имею в виду Карла Маркса»¹.

Ясно, что после установления сталинской диктатуры в СССР, в атмосфере растущей закрытости, подозрения к загранице и самодовольства места в центральном хозяйственном аппарате для таких убежденных прозападных мыслителей, как Базаров, не было и не могло быть. Родина, в лице своего правительства, больше не нуждалась в его услугах. Арест, тюрьма, ссылка — трагический конец замечательной карьеры. Но можно сказать, что его трагедия стала выражением общей трагедии российского западничества в целом: Россия — не западная страна.

*Фрэнсис Кинг,
Школа истории,
Университет Восточной Англии,
Норидж, Великобритания*

¹ О пятилетнем плане народного хозяйства СССР. М.: изд. Ком. академии, 1928. С. 77.

В. А. Базаров

Избранные произведения

В.А. Базаров

Труд производительный и труд, образующий ценность¹

I

ПОНЯТИЕ ПРОИЗВОДСТВА У МАРКСА И БУРЖУАЗНЫХ ЭКОНОМИСТОВ. ОБЩЕЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРОИЗВОДСТВА

Политическую экономию определяют обыкновенно, как науку, изучающую общественные отношения производства в их историческом развитии.

Таким образом, экономическое исследование любой общественной формации сводится к разрешению двух вопросов. Во-первых, предстоит определить предмет изучения в каждом частном случае, другими словами, выяснить — какие формы человеческой деятельности должны быть отнесены к категории общественного производства данной исторической эпохи. Во-вторых, анализировать те общественные отношения, которые возникают в этой определенной области.

Уже с первого взгляда очевидно, что между указанными двумя сторонами экономического исследования существует неразрывная связь.

Общественные отношения суть прежде всего отношения *производственные*, они предполагают, следовательно, определенные формы производительной деятельности, как свое необходимое содержание; с другой стороны, данная форма человеческого труда имеет место и является производительной не сама по себе, но лишь при условии существования определенной общественной организации. Пока мы рассматриваем процесс труда абстрактного, пока мы имеем в виду голый факт воздействия человека на внешнюю природу, мы совершенно не в состоянии квалифицировать те или другие конкретные виды труда, как производительные или непроизводительные. И если понятие «производительный труд» формулируется ино-

гда совершенно абстрактно, независимо от всякой конкретной формы отношений между людьми, то в действительности определенная общественно-экономическая формация всегда предполагается при этом как нечто данное. Различие между отдельными экономистами и отдельными школами экономистов по отношению к вопросу о «производстве» заключается в том, что в одних случаях связь между производительным характером тех или других видов труда и породившей их общественной организацией «сознается» автором и формулируется им, в других случаях связь эта выступает лишь в области «бессознательного» и потому не получает формулировки, но только подразумевается.

К первой категории экономистов должен быть отнесен прежде всего К. Маркс. В I томе «Капитала» в главе «Процесс труда и процесс производства прибавочной ценности» мы читаем: «В процессе труда деятельность человека достигает при помощи рабочих орудий заранее предположенного изменения в предмете труда. Завершением этого процесса является продукт. Продукт есть потребительная ценность, вещество природы, приспособленное к удовлетворению человеческих потребностей... При рассмотрении всего процесса с точки зрения его результата, т. е. продукта, и рабочее орудие, и предмет работы являются средствами производства, а самая работа — производительным трудом»^{1 2}.

Здесь процесс труда рассматривается совершенно независимо от исторически определенных его форм.

Однако, тотчас же вслед за этим абстрактным определением Маркс считает необходимым сделать следующую оговорку: «Это определение производительного труда, полученное нами с точки зрения простого процесса труда (т. е. с точки зрения процесса труда, взятого абстрактно. — В. Б.), оказывается совершенно недостаточным для капиталистического процесса

¹ Das Kapital, I B. Vierte Auflage. S. 143. (Здесь и далее Базаров дает сноски на 4-е немецкое издание «Капитала». Перевод Базарова несколько отличается от канонического, сделанного им совместно с И. И. Скворцовым-Степановым позднее, в 1907–1909 гг. Существенное отличие — в этой работе Базаров употребляет термин «ценность», позднее он использует термин «стоимость». — Прим. научн. ред.)

производства»ⁱ 3. В самом деле, продукт капиталистического производства не только потребительная ценность, но и меновая, не только «полезность», но и товар. Да и это еще не все: «Капиталистическое производство не есть только производство товаров, но есть, по преимуществу, производство прибавочной ценности»ⁱⁱ 4.

Понятное дело, что производство прибавочной ценности, образуя «основание капиталистической системы», должно быть принято во внимание при анализе условий, необходимых для того, чтобы труд в капиталистическом обществе мог быть производительным.

«Рабочий производит не для себя, а для капитала. Поэтому уже не достаточно, чтобы он только производил, он должен производить прибавочную ценность. Только тот рабочий производитель, который производит капиталисту прибавочную ценность, т. е. служит для самовозрастания капитала»ⁱⁱⁱ 5.

Впрочем, оговорка Маркса является еще недостаточной. Маркс показал, что в капиталистическом обществе самая возможность приложения труда в том или другом направлении находится в зависимости от специфического характера капитализма как особой общественной организации. Но в этом отношении капиталистическая система не представляет исключения в ряду остальных исторически известных нам общественных формаций. Имеем ли мы перед собой строго натуральное производство патриархального рода или меновое хозяйство мелких самостоятельных товаропроизводителей средних веков — везде и всегда конечная цель производства те «заранее предположенные изменения», которые труд человека производит в предметах природы, диктуются отдельному производителю общественными отношениями данной экономической организации. Поэтому мы не можем вполне согласиться со следующими словами Маркса: «Для изучения исчезнувших общественно-экономических формаций остатки орудий производства имеют то же значение, как остатки костей для познания организации

ⁱ Das Kapital. I B. Vierte Auflage. S. 144, примечание 7.

ⁱⁱ Das Kapital. I B. Vierte Auflage. S. 473.

ⁱⁱⁱ Das Kapital. I B. Vierte Auflage. S. 473.

исчезнувших пород животных. Не то, что делается, различает между собой экономические эпохи, но то, как делается, при помощи каких орудий ведется производство в течение этих эпох»^{1 6}. Это утверждение вряд ли может быть принято, по крайней мере в такой категорической форме. Скорее наоборот — не только способ производства, но и самая цель его, самая «потребительная ценность» имеет специфически общественный характер, носит на себе печать данной экономической эпохи. В дальнейшем изложении мы более подробно остановимся на этом вопросе. А пока нам важно отметить одно: хотя определение производительного труда у Маркса не достаточно обобщено и вообще является незаконченным, но по отношению к капиталистическому производству Маркс вполне отчетливо сформулировал то основное положение, что понятие производительного труда может быть установлено не *in abstracto*⁷, но лишь в связи с определенной общественно-экономической организацией. Совершенно противоположна основная точка зрения буржуазной политической экономии.

Все представители этого направления, начиная с физиократов и классиков и кончая вульгарными апологетами капитализма, исходят из того положения, что отношения менового хозяйства, и именно в его наиболее развитой капиталистической форме, являются единственными вообще возможными отношениями людей. Поэтому для них капитализм является не исторически-преходящей общественно-экономической системой, но вечным условием существования человеческого рода, так что устраняется самый вопрос о связи между производительным трудом и общественной организацией производства. В противоположность Марксу и его школе, вся буржуазная экономия принимает вторую из указанных выше двух постановок вопроса о производстве и производительном труде.

Здесь капитализм постоянно предполагается как нечто данное, как некоторое *conditio, sine qua non*⁸ какого бы то ни было производства, поэтому соотношение между производительным трудом и общественной организацией не может быть сформулировано; оно действует лишь в сфере бессознательного и на-

¹ Das Kapital. I B. Vierte Auflage. S. 142.

ходит свое внешнее выражение в том, что под фирмой производительного труда вообще выступает труд производительный в капиталистическом обществе. При этом задача исследователя чрезвычайно упрощается. Бюргерский экономист видит перед собой лишь изменяющуюся технику неизменной формы производства.

С этой точки зрения предмет политической экономии кажется определенным раз навсегда. Изучая изменяющиеся способы удовлетворения *неизменных* человеческих потребностей, политическая экономия имеет *естественные* границы, установленные самой природой, границы настолько точные и ясные, что, по-видимому, здесь совершенно не остается места каким бы то ни было недоразумениям. Поэтому вопрос о производительном и непроизводительном труде часто останавливает на себе гораздо меньше внимания, чем это бы следовало. Многие экономисты, указав в двух-трех словах, что разумеется ими под именем производительного труда, ограничиваются таким бегло брошенным замечанием и затем уже не возвращаются к вопросу о производстве как к вещи общеизвестной. Однако на практике каждому экономисту сплошь да рядом приходится наталкиваться на такие формы человеческой деятельности, о которых очень трудно сразу сказать, относятся ли он к сфере производства или нет. Отсутствие прочно установленного критерия приводит к тому, что даже у авторов одной и той же научной школы обнаруживается значительное разнообразие воззрений при отнесении некоторых видов человеческого труда к категории производительного или непроизводительного.

Настоящая статья представляет попытку рассмотреть в общей связи некоторые наиболее существенные вопросы, возникающие при определении понятия «производство». При этом необходимо уже заранее оговориться, что изложение отнюдь не претендует на полноту и почти не затрагивает исторического развития научных идей, обнимающих данный вопрос. Мы будем иметь в виду преимущественно одно научное направление и именно то, которое ведет свое начало от «Zur Kritik der politischen Oekonomie»⁹, и вся наша задача исчерпывается указанием некоторых неточностей и противоречий, мешаю-

щих, по нашему мнению, системе Маркса-Энгельса принять вполне стройный и законченный вид.

В процессе борьбы за существование различные представители животного и растительного мира вырабатывают чрезвычайно разнообразные приспособления, до бесконечности видоизменяющие самый характер борьбы. Особенности организации каждого биологического вида составляют, как известно, результат таких приспособлений и, следовательно, в конечном итоге определяются той специальной ролью, которая выпала на долю данного вида в общей жизненной борьбе.

Характеристическая особенность вида *Homo sapiens* заключается, как известно, в том, что совершенствующее действие подбора направляется здесь преимущественно на психику, на интеллект. Соответственно этому, мерилom большей или меньшей приспособленности человека к его среде является не совершенство чисто физических функций и соответственных органов его тела, а совершенство приемов *сознательной* борьбы с природой и тех внешних средств — например, орудий — которая она ставит между собой и внешней природой в процессе *сознательной* борьбы с нею, в процессе *труда*. Другая, тесно связанная с первой особенностью человеческой борьбы за существование — это ее общественный характер. Таким образом, специфически человеческой формой борьбы за жизнь является борьба общественно-трудовая, иначе — *производство* или *производительный труд*.

Подобно всякому другому виду борьбы за существование, производство представляет из себя совокупность процессов, необходимых в данном обществе для сохранения его жизни, для непрерывного воспроизведения общественного целого, как особой жизненной формы. Процесс общественной жизни сводится к удовлетворению ряда потребностей, строго определенных для каждой исторически данной общественной формации; следовательно, «производительной деятельностью» или «производительным трудом» мы называем всякую целесообразно направленную затрату человеческой энергии, имеющую своим объективным результатом удовлетворение известной общественной потребности. Другими словами, труд должен быть признан производительным, когда продукты его являют-

ся «потребительной ценностью» и притом не индивидуальной только, но *общественной* потребительной ценностью.

Последний пункт может возбудить некоторые недоразумения. Возникает вопрос, существуют ли вообще *общественные* потребительные ценности. Ведь потребление есть акт строго индивидуальный. Даже на спартанских сисситиях¹⁰ самый процесс потребления отнюдь не является общественным. Совместное потребление не может принять ни формы сотрудничества, ни, тем более, формы разделения труда, — оно лишено этих основных признаков кооперации, без которых деятельность отдельных людей никогда не может стать общественным актом, как бы тесно ни соприкасались эти люди в пространстве и времени. Итак, поскольку мы рассматриваем самый процесс потребления, мы совершенно лишены возможности провести демаркационную линию между потребительной ценностью индивидуальной и общественной.

Но не трудно убедиться, что «потребление» только по недоразумению¹ может быть включено в область политической экономии, и потому тот или другой его характер никоим образом не имеет определяющего значения для экономических понятий. Потребление, процесс реализации потребительной ценности есть в то же время процесс ее разрушения; потребление представляет первую фазу того круговорота веществ, который, взятый в целом, называется жизнью организма, поэтому единственная наука, имеющая дело с потреблением — есть физиология. Предмет политической экономии не акт потребления, уничтожающий продукты производства, но самое это производство, взятое с его общественной стороны, т. е. те отношения людей, которые создаются производством и его непосредственным результатом — распределением. В сфере производства только еще образуются предметы потребления, в сфере рас-

¹ Такое недоразумение составляет характеристическую особенность большинства учебников и руководств, многочисленных лер-бухов, ханд-бухов и просто бухов политической или «национальной» экономии. Почтенные составители считают своей неизменной обязанностью для большей полноты включить в свою программу и потребление. Совершенно с таким же правом можно бы для большей полноты включить в учение о мышцах курс хореографического искусства, в технологию бумажного производства — критический обзор литературы.

предделения предметы потребления уже созданы, но во всяком случае они фигурируют здесь не как реализованные, а как *потенциальные* предметы потребления. Поэтому потребительной ценностью называется не действительно потребляемый предмет, но предмет — *пригодный* к непосредственному потреблению, — пригодный как по своим физико-химическим свойствам так и по общественным условиям своего существования.

Выражение «общественная потребительная ценность» вовсе не значит, что предметы потребляются сообща, — оно требует только, чтобы предмет был способен удовлетворить не *исключительную* потребность данного лица, но потребность организации данного общества.

Если отвлечься от логической фикции Робинзона, столь любезного экономистам всех времен и народов, то везде мы найдем *общественное* производство.

Далее в ту отдаленную эпоху, когда самодовлеющей экономической единицей был род, характер отдельных работ и общее их назначение определялось потребностью коллективного производства и, следовательно, носило на себе печать общественных отношений первобытно-родовой эпохи.

Таким образом, общественные потребительные ценности несомненно существовали во все исторические эпохи. Но тут мы наталкиваемся на затруднение другого рода. Не только в первобытно-родовом обществе, но и в современном — товарном — возможны такие случаи, когда известный предмет уже заранее предназначается для удовлетворения определенной потребности отдельного лица. Считать в таких случаях труд человеческий потраченным непроизводительно далеко не всегда представляется возможным. В самом деле, неужели мы должны признать непроизводительным труд крестьянина, когда он сам потребляет произведенный им хлеб, и производительным, когда этот хлеб фигурирует на рынке, как потенциальный предмет потребления для всех?

Что касается собственно крестьянина, то в данном случае вопрос осложняется еще промежуточным положением крестьянского хозяйства, играющего роль переходной формы от натурального производства к денежному. Крестьянское хозяйство является амфибией, совмещающей в себе основные признаки

двух совершенно различных производственных организмов. Как часть товарно-менового общества, оно имеет критерием производительности труда те общие условия, при которых продукт становится *товаром*, т. е. потребительной ценностью для неопределенного и широкого круга потребителей, связанных между собой рынком; как пережиток натурально-хозяйственной эпохи, крестьянская семья является самодовлеющей экономической ячейкой и потому потребности *семьи* определяют собой размеры ее производства.

С точки зрения натурального хозяйства крестьянской семьи, хлеб во всяком случае представляет из себя *общественную* потребительную ценность, следовательно, должен быть признан продуктом производства, а труд, потраченный на изготовление, — *производительным трудом*. Но этого мало. Возможен такой случай, когда известный продукт предназначается только для удовлетворения потребности отдельного члена общества, и все-таки труд его изготовления должен быть признан производительным. Положим, производитель натурального хозяйства приготовил какое-нибудь орудие труда, например, топор, исключительно для своего собственного употребления. Если топор необходимое орудие производственной деятельности при данной общественной организации, то, очевидно, он представляет *общественную* потребительную ценность даже в том случае, когда фактически предназначается только для одного определенного индивидуума. В самом деле, без топора наш производитель не в состоянии выполнить той функции, которая принадлежит ему в системе общественного производства. Если бы он сам не сделал топор, он должен был бы взять его у других, поглотив, таким образом, определенную часть средств производства, находящихся в распоряжении общества. Очевидно, труд, потраченный на приготовление топора, уменьшает затрату энергии со стороны других членов общества, труд этот направлен к сохранению и поддержанию жизни не только непосредственного владельца топора, но и всего общественно-го целого, а следовательно, он вполне подходит под то общее определение, которое мы выше дали производству.

Итак, предметом политической экономии является производство общественных потребительных ценностей; сюда от-

носятся только те виды труда, которые имеют своим результатом повышение жизнедеятельности общества, взятого в целом. Всякие затраты человеческой энергии, не создающие предметов общественного потребления, не относятся к сфере производства, *eo ipso*¹¹ не подлежат рассмотрению экономической науки. Такие *непроизводительные* затраты энергии, конечно, также существуют во все исторические эпохи.

Само собой разумеется, что деятельность, лишенная основных признаков труда, деятельность, не направленная к определенной, заранее намеченной цели, не может входить в сферу производства, так как она вообще не воплощается ни в каких потребительных ценностях, не создает предметов потребления ни индивидуального, ни общественного характера. Однако, и труд не всегда относится к производству.

Предположим, например, что отдельный член общества с какими бы то ни было целями — хотя бы из чувства мести — разрушает предметы потребления других членов общества. Деятельность такого человека носит характер труда, она целесообразно направлена, удовлетворяет известной его *личной* потребности и ее результаты представляют потребительную ценность для ее автора, но так как эта деятельность не только не создает потребительной ценности для общества, как целого, но даже явным образом уничтожает условия его существования, то она является в полном смысле слова *непроизводительным* трудом и потому совершенно исключается из области экономического исследования.

II

ПРОИЗВОДСТВО НЕМАТЕРИАЛЬНЫХ ПОТРЕБИТЕЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В МЕНОВОМ ХОЗЯЙСТВЕ

Наметив границы понятия «производство», переходим к его ближайшему анализу.

Прежде всего очевидно, что самое содержание отдельных общественных потребностей не представляет для нас никакого интереса. Правда, как уже было упомянуто, общественная

жизнь в каждую данную историческую эпоху складывается из удовлетворения вполне *определенных* потребностей, но политическая экономия не имеет ни малейшей надобности исследовать условия возникновения каждой потребности в отдельности. Для нее определяющим моментом является самый общественный характер данной потребительной ценности.

Чем бы ни была обусловлена известная потребность, но раз она стала общественной, то отсюда уже само собой следует, что она в то же время *общественно-необходима*, т. е. не представляется чем-либо случайным, но неизбежно вытекает из условий существования данного общества.

С точки зрения производства все общественные потребности одинаково законны. «Природа этих потребностей, есть ли, например, их источник желудок или воображение, нисколько не изменяет сущности дела»^{1 12}, т. е. во всяком случае человеческая энергия, затраченная на их удовлетворение, будет производительным трудом.

В такой абстрактной форме по отношению к производству вообще вышеприведенное положение Маркса вряд ли может встретить серьезное возражение с чьей-либо стороны. Как бы ни определялось понятие производства, необходимо во всяком случае признать, что *естественные* различия потребностей нисколько не препятствуют одинаковым *общественным* способам их удовлетворения, и политическая экономия, как одна из наук об обществе, должна, очевидно, совершенно оставить в стороне эти естественные различия потребностей.

Однако вопрос этот, совершенно ясный и простой, пока мы оперируем над абстрактным понятием производства вообще, значительно усложняется, когда предстоит анализировать какую-нибудь определенную форму производства, особенно современную — товарно-капиталистическую его форму.

Суть общественного отношения, придающего продуктам человеческого труда форму товаров, в наиболее общем виде выражается следующим равенством:

$X \text{ товара } A = Y \text{ товара } B$. Это так называемая простая или неразвитая форма ценности. Посмотрим, при каких условиях эта

¹ Das Kapital. I B. Vierte Aufl. S. 1.

«форма ценности», существующая только в головах людей, способна превратиться в реальное отношение фактически обмениваемых товаров.

Другими словами, какие общественные предпосылки необходимы для того, чтобы теоретическое представление X товара $A = Y$ товара B^i могло «из простой абстракции стать общественным результатом самого менового процесса»ⁱⁱ в акте $T-D-T'$.

Таких общественных предпосылок две.

1) Товар A должен быть потребительной ценностью для владельца B , но не должен представлять никакой потребительной ценности для собственного владельца.

Это условие осуществляется общественным разделением труда.

2) Товар A должен представлять потребительную ценность не только для владельца B , как индивидуума, но и для целой общественной группы, должен удовлетворять какой-либо общественной потребности, ибо только в последнем случае акт, меняющий местами X товара A и Y товара B , перестает быть случайной индивидуальной сделкой и приобретает общественный характер.

Раз эти два условия даны, продукт человеческого труда имеет полную возможность стать товаром, меновой ценностью. Величина этой последней определяется, как известно, количеством труда, общественно-необходимого для изготовления данного продукта. При этом, поскольку мы анализируем процесс труда лишь со стороны происхождения меновой ценности, мы должны отвлечься от всяких качественных различий как в их общественных потребностях, для которых предназначаются продукты труда, так и в тех конкретных видах труда,

ⁱ Форма X товара $A = Y$ товара B взята здесь только для большей общности. Двусторонний ее характер, выражающийся в том, что A для владельца B и B для владельца A представляют зародышевую форму всеобщего эквивалента, не имеет для нас значения. Рассматривая только процесс с точки зрения A , мы можем просто считать B вполне дифференцировавшимся всеобщим эквивалентом.

ⁱⁱ Маркс «Критика основных положений политической экономии», с. 21. (Ссылка дана на немецкое издание. — Прим. научн. ред.)

которые определяются характером производимых продуктов. Труд, как субстанция, образующая ценность, есть абстрактный и всеобщий труд, в котором уничтожаются все качественные различия, для проявления которого необходимо только, чтобы он удовлетворял *какой-либо* общественной потребности, но совершенно безразлично — *какой именно* потребности он удовлетворяет в каждом данном случае.

Абстракция всеобщего человеческого труда, сведение его к простой трате мускульной и нервной энергии, существует не только в головах ученых. В процессе рыночной конкуренции сведение это реализуется фактически: регулятором меновых отношений является именно простой человеческий труд, лишенный всякого определенного качества, причем затраты различных конкретных видов труда фигурируют просто, как количественные видоизменения этой однородной всеобщей субстанции. Таким образом, процесс обмена, круговорот товаров представляет в современном обществе ту сферу, где только и может проявиться «специфически-общественный характер независимых друг от друга частных работ»¹ 13. Следовательно, продукт труда лишь в том случае может стать истинным товаром, если он способен выдержать круговорот товаров, способен продолжительное время фигурировать на рынке, не утрачивая своей потребительной ценности — этой необходимой качественной предпосылки его товарного бытия. По-видимому, последняя возможность обусловлена в значительной степени чисто естественными, природными свойствами продукта. И прежде всего представляется несомненным, что лишь такой продукт способен к круговороту товаров, который является осязаемой, материальной вещью. В самом деле, потребительная ценность только при том условии может сохраняться неизменной в процессе менового обращения, если она связана с самими вещественными свойствами продукта, если она, следовательно, может быть передаваема из рук в руки вместе с передачей самого продукта. Для этого, во-первых, сам продукт должен быть материальным предметом, способным к такой передаче; во-вторых, потребительная ценность должна быть связана

¹ Das Kapital. I B. Vierte Autlage. S. 41.

с вещественными свойствами продукта не формальным только образом, а всецело обуславливаться ими и только ими. Предметы потребления, совершенно нематериальные, как, например, публичная лекция или концерт, очевидно, не могут принять участие в круговороте товаров. Специфический характер их заключается в том, что они потребляются только в самый момент производства. Эта особенность нематериальных потребительных ценностей не препятствует признать их продуктами *производительного* труда, раз они удовлетворяют известной необходимой общественной потребности, но, по-видимому, делает их неспособными принять вполне развитую товарную форму.

Итак, мы наталкиваемся на некоторые естественные препятствия, мешающие определенной категории продуктов производства превратиться в товары. Как кажется, к двум формулированным выше *общественным* историческим предпосылкам товарного производства необходимо прибавить еще одну — *естественную*, абсолютную: только материальные предметы становятся товарами; производство невещественных предметов потребления навсегда обречено остановиться на той промежуточной стадии, которая, по терминологии Бюхера, носит название «Lohnwerk»¹⁴.

По всей вероятности, именно вышеприведенные соображения заставляют некоторых последователей Маркса, вопреки установленному последним основному принципу, отделять *toto coelo*¹⁵ потребности «желудка» и потребности «воображения».

Приступая к анализу производства не материальных предметов потребления, остановимся сначала на том промежуточном случае, когда потребительная ценность носит вполне идеологический характер, но в то же время неразрывно связана с известной материальной вещью, как необходимым условием ее проявления.

Перед нами небольшой томик стихотворений, на обложке которого, рядом с эпитафией из Шекспира, красуется многозначительная надпись: «75 коп. серебром».

Представляют ли товар эти плоды «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет»?

Уже с первого взгляда очевидно, что книга потребляется не в той вещественной форме, в которой она фигурирует

ет на полке книгопродавца. Книга, как материальная вещь, как испещренная типографскими значками бумага, имеет самостоятельную потребительную ценность, совершенно отличную от потребительной ценности той же книги как сборника стихотворений. Характер потребления печатной бумаги как материальной вещи вытекает из ее физико-химических свойств, но в качестве такой вещи бумага появляется на рынке лишь как отбросы литературного труда, отбросы, совершенно утратившие ту специфическую потребительную ценность, которая характеризует литературу как особую отрасль общественного производства. Наоборот, поскольку книга является продуктом *литературного* производства, потребительная ценность ее определяется отнюдь не ее вещественными свойствами, но совокупностью вызываемых в читателе идей и образов, по отношению к которым материя книги — печатная бумага — служит лишь необходимым условием проявления. Таким образом, в рассматриваемом случае потребительная ценность предмета чисто внешним, формальным образом связана с его материальной сущностью. Спрашивается, препятствует ли это обстоятельство продукту поэтического творчества стать действительным вполне развитым товаром? Очевидно — нет. Хотя связь между потребительной ценностью продуктов литературного производства и их вещественным материалом только формальная, тем не менее характер этой связи остается неизменным для всех имеющихся на рынке покупателей. В каждом из этих последних данное печатное произведение вызывает те же идеи и те же образы, и потому циркуляция книги вполне заменяет непосредственное товарное обращение самих идей и образов. Кроме того, не прямая связь между вещественными свойствами предмета и его потребительной ценностью отнюдь не составляет специфической особенности таких идеалистических сфер производства, как литература или музыка. Безделушки, украшающие дамский будуар, очевидно, представляют для их владельца потребительную ценность, совершенно отличную от этих же предметов, как кусков стекла, мрамора или гипса.

В предметах украшения точно так же, как и в литературных произведениях, вещественный материал лишь знак не веще-

ственных отношений, условие проявления потребительной ценности совершенно нематериального характера; но, как известно, это нисколько не препятствует предметам роскоши быть типическими товарами.

Таким образом, продукты литературного труда ничуть не менее способны принять участие в круговороте товаров, чем любой предмет, удовлетворяющий известной общественной потребности своими материальными свойствами. Книга, следовательно, такой же полноправный товар, как хлеб или вакса.

Фактическая организация современного литературного труда показывает, что естественные особенности нисколько не препятствуют ему принять форму вполне развитого товарного производства.

Общественные предпосылки, необходимые для того, чтобы продукт человеческого труда мог стать меновой ценностью, давно уже осуществлены в области литературы. Книга менее, чем какой-либо другой товар, может представлять потребительную ценность для ее производителя — будет ли это сам автор или издатель; и в этом смысле пережитки натурально-хозяйства исчезли в литературе гораздо полнее, чем, например, в производстве сапог. Далее, в современном обществе книги рассчитывают не на потребности отдельных индивидуумов, как то было в эпоху меценатства, когда литература представляла действительно отрасль *Lohnwerk*'а, но на спрос целого общественного слоя; поэтому меновые отношения между покупателями и продавцами книг теряют характер случайной индивидуальной сделки и становятся типичными или общественными. Наконец, труд, созидающий книгу и определяющий ее меновую ценность, вполне может быть приведен и действительно приводится к абстрактному, всеобщему труду. По отношению к рабочим писчебумажной фабрики, метранпажам и др. созидающим материал книги это очевидно само собой. Но и труд литераторов не представляет исключения. По мере общественного разделения труда литераторы все более и более обособляются в особую категорию производителей, все более и более исчезает индивидуальный, случайный характер их труда; в процессе конкуренции выясняется в конце концов количество труда, общественно-необходимого для производства

литературного произведения данной категории. Как и большинство непосредственных производителей, в современном обществе литераторы обыкновенно не обладают собственными средствами производства и потому продают не продукт своего труда, а рабочую силу¹. В таких крупных капиталистических предприятиях, каковы современные газеты и журналы, товарный характер труда литераторов выступает с особенной яркостью: здесь меновая ценность рабочей силы, необходимой для производства литературного произведения определенного качества, строго определена, выражена в деньгах и фигурирует в виде таксы поштучной платы с листа: например, перевод — 20 рублей, оригинальные статьи научного характера — 60 руб., беллетристики — 80 руб. и т.п. Если ценность рабочей силы переводчика равняется X раз умноженной ценности рабочей силы простого, неквалифицированного рабочего, то для авторов беллетристических и научных статей соответственное отношение выразится, очевидно, как $3X$, $4X$ и т.д.

Таким образом, массовый характер фабрикации литературных товаров приводит к тому, что индивидуально-особенный труд различных литераторов приравнивается к абстрактному или простому труду в той же наглядно-осязательной форме, как это имеет место вообще для всех квалифицированных рабочих современной промышленности.

Переходим к особой категории таких товаров, которые, по-видимому, вовсе не являются в виде материальных вещей.

Возьмем для примера труд наемного педагога, воплощением которого служит ряд уроков или лекций, оплачиваемых по определенной таксе. Лекция, как овеществление труда учителя, отчуждающего его за определенный денежный эквивалент, очевидно, имеет потребительную ценность не для автора — продавца, но исключительно для слушателей — покупателей. Таким образом, первое условие, позволяющее лекции считать товаром, имеется в наличии. Но не препятствуют ли естественные свойства лекции как нематериального предмета

¹ По форме отчуждения рабочей силы большинство современных литературных предприятий относится к так называемой домашней системе капиталистической промышленности (Hausindustrie).

осуществлению другой необходимой предпосылки ее товарного бытия? Остается рассмотреть, может ли меновое отношение между лектором и слушателями принять *общественный* характер, допускает ли учительский труд приведение его к простому, абстрактному труду. В развитом капиталистическом обществе наемное учительство представляет специальное занятие целого общественного слоя; о монопольном характере учительского труда не может быть и речи. С этой стороны не существует никаких препятствий к тому, чтобы индивидуальный труд отдельного лектора мог обезличиться, свестись к простому абстрактному труду в процессе конкуренции с сотоварищами по профессии. Для того чтобы эта конкуренция осуществилась во всей полноте, необходимо только, чтобы каждая лекция была способна к товарному круговороту в такой же степени, как и все другие, циркулирующее на рынке товары. Другими словами, каждая данная лекция должна представлять потребительную ценность не только для непосредственных слушателей, которые фактически вступают в сделку с лектором, но и для всех вообще лиц, предъявляющих на рынке спрос на продукты труда нашего учителя.

Здесь идеалистический продукт педагога наталкивается, по-видимому, на препятствие, не позволяющее ему стать истинным телом товара. В самом деле, лекция может быть потреблена только в то самое время, когда она произносится. Едва замолк последний звук речи лектора, как произведенный им продукт — лекция — исчезнет без остатка, уничтожается ее потребительная ценность для кого бы то ни было, а следовательно, и ее меновая ценность. Вследствие этого, покупатели лекции не способны воспользоваться ею подобно всякому другому товару, потребительная ценность которого так или иначе связана с определенным материальным предметом. Будет ли этим товаром фунт табаку или сочинения Пушкина — безразлично, во всяком случае покупатель, не желающий самостоятельно использовать его потребительную ценность, может в каждый данный момент реализовать меновую ценность путем перепродажи! По-видимому, в этом отношении между материальными и нематериальными предметами потребления лежит целая пропасть. Но это только по-видимому.

Прежде всего, не трудно убедиться, что вполне нематериальных предметов потребления, в сущности, нет, да и не может быть. По самому устройству органов чувств, всякое восприятие человеческое является результатом материального импульса, результатом ряда физических толчков. Поэтому невозможно представить себе такую человеческую потребность, которая удовлетворялась бы извне, работой других людей без всякого материального физического воздействия. Потребительная ценность лекции может реализоваться также лишь при помощи известного вещественного носителя, правда, весьма непрочного, а именно — при помощи звуковых волн. Если бы звуковые волны могли неопределенно долгое время сохраняться в данном замкнутом пространстве, не теряя своей интенсивности или если бы был придуман способ их искусственно консервировать и делать способными к переноске¹, то лекция, как предмет потребления, ничем не отличалась бы от книги и, следовательно, к ней были бы приложимы все те рассуждения, которые развиты выше. Как бы то ни было, интересующая нас разница между устной лекцией и печатной книгой носит, очевидно, не качественный, а лишь количественный характер, сводится к большей или меньшей прочности того материала, который служит условием проявления потребительной ценности этих двух товаров.

Мы видим уже, что естественные особенности книги вовсе не являются исключительной принадлежностью предметов удовлетворения умственных потребностей; точно также лекция в среде других товаров отнюдь не представляет чего-либо необычайного.

Очень многие предметы потребления отличаются чрезвычайной непрочностью тех вещественных свойств, из которых вытекает их потребительная ценность. Так, например, целый ряд пищевых продуктов, предметов, потребительная ценность которых носит ультраматериальный характер, может быть потреблен только непосредственно после их производства.

Однако эта черта не мешает им стать вполне развитыми товарами. Единственная особенность в изготовлении таких ско-

¹ Такой способ, как известно, существует со времени изобретения фонографа.

ропортящихся товаров заключается в том, что последняя фаза их производства не может быть отделена от торговли. Современный ресторан является вполне законченной формой общественного разделения труда в сфере производства горячего кушанья: собственно поварская обработка пищевых продуктов и их окончательная продажа потребителям не могут быть разделены на два самостоятельных предприятия и, по необходимости, должны сосредоточиваться в руках одного капиталиста.

Учителя, содержатели ресторанов и вообще все те производители, которым выпало на долю превращать в товары непрочные потребительные ценности, не могут выносить на рынок свои продукты вполне законченными; они вынуждены постоянно иметь наготове все факторы производства (материалы, орудия и рабочую силу), способные в каждый данный момент вступить во взаимодействие и дать предмет, годный к непосредственному потреблению. Таким образом, меновое хозяйство, в своем непреодолимом стремлении установить единообразные общественные отношения между всеми участниками производства, разрушает все *естественные* препятствия, стоящие на пути превращения тех или других продуктов труда в товары. По отношению к скоропортящимся продуктам это приспособление естественных условий к общественным выражается, как мы только что видели, в том, что товарами, образующимися на рынке, являются не готовые, но, так сказать, *потенциальные* потребительные ценности.

В этом последнем отношении наиболее яркую иллюстрацию представляет один нематериальный товар, играющий особенно крупную роль в капиталистическом обществе. Товар этот — рабочая сила, имеющая, как известно, не только естественные, но и чрезвычайно важные общественные особенности. Рабочая сила — это кровь капиталистического организма, разносящая к различным органам запасы питательных веществ, необходимых для жизни общественного целого. Но кровь, по справедливому выражению Мефистофеля, «ist ein ganz besondrer Saft»¹⁶.

Особенность рабочей силы заключается, как известно, в том, что ее потребление есть ни что иное, как самый процесс труда.

Поэтому рабочая сила не только не теряет меновую ценность в процессе потребления, но, наоборот, *создает* ценность и при-

бавочную ценность, что резко отделяет ее от других товаров. Но нас интересуют в данном случае не общественные особенности товара — рабочей силы, а его естественные, природные свойства. С этой стороны условия товарного существования рабочей силы и всех остальных невещественных предметов потребления вполне аналогичны. Являясь продуктом труда, воплощенная в материальных предметах — средствах существования, рабочая сила сама по себе отнюдь нематериальная вещь — она представляет простую возможность затраты труда, известный запас потенциальной энергии, фигурирующей на рынке в форме товара. При этом нематериальный характер рабочей силы вытекает не из специальных особенностей той общественной потребности, для удовлетворения которой она изготавливается, но как раз наоборот — из отсутствия всякого определенного качества в потребительной ценности рабочей силы, этого всеобщего, универсального товара, в равной степени пригодного к созиданию любого предмета потребления. В капиталистическом обществе рабочая сила оказывается, таким образом, единственным продуктом, меновая ценность которого не нуждается для своего воплощения ни в какой материальной оболочке.

На ранних стадиях товарного развития вещественным носителем меновой ценности рабочей силы выступает сам человек, который и обращается на рынке в форме товара — раба. Капиталистическое хозяйство освобождает производительную душу раба — рабочую силу — от всяких телесных оков, делает ее товаром в ее собственном, идеальном виде.

Это обстоятельство ничуть не препятствует рабочей силе принять вполне развитую товарную форму, и учение о заработной плате показывает, что рабочая сила, т. е. потенциальная форма всякой потребительной ценности вообще, с таким же успехом выполняет все товарные функции, как и любая специальная потребительная ценность. Очевидно, что и те продукты труда, которые предназначены для удовлетворения качественно определенных потребностей, могут фигурировать в товарном обращении не только в законченной, но и в потенциальной форме, раз это требуется их специальными особенностями.

III

ТОВАРНЫЙ ФЕТИШИЗМ

Мы пришли к заключению, что никакие *естественные* свойства продуктов не могут помешать им принять товарную форму. Следовательно, различие труда, как образующего и не образующего ценность, может быть сделано только на основании того общего критерия, который установлен нами для производства вообще. Труд, образующий ценность, представляет только специфически товарную форму производительного труда, поэтому условия его существования совершенно те же, какими определяется производительный характер труда в любой общественной формации: продукт труда имеет меновую ценность во всех тех случаях, когда он необходим для удовлетворения какой-либо потребности товарного общества.

Так обстоит дело, когда мы рассматриваем вопрос с точки зрения общественного производства. Но совершенно иначе представляется оно с точки зрения отдельного производителя — капиталиста. Для капиталиста меновая ценность или, вернее, рыночная цена¹ является законом, установленным извне, законом природы, к которому капиталист обязан приспособлять свое производство под опасением разорения. Так как закон этот проявляется только в отношении вещей — товаров, то самая ценность становится в глазах капиталиста *естественным* свойством, присущим товару как предмету природы.

«Позднее научное открытие, что продукты труда, поскольку они являются ценностями, представляют лишь вещественное выражение потраченного на их производство труда, составляет эпоху в истории человеческого развития, однако, ничуть не рассеивает иллюзии, вследствие которой общественный характер труда кажется объективным свойством его продуктов. В действительности, только для данной особенной формы производства, для производства товарного, имеет силу тот

¹ Дальше средних рыночных цен анализ буржуазной экономики, как известно, никогда не мог проникнуть.

факт, что специфически общественный характер независимых друг от друга частных работ состоит в их равенстве, как человеческого труда вообще, и проявляется в форме ценности продуктов труда. Между тем, с точки зрения человека, всецело захваченного отношениями товарного производства, этот факт, как раньше, так и после указанного открытия, является абсолютным и неизменным совершенно так же, как воздух, в качестве физического тела, нимало не изменился от того, что наука разложила его на составные элементы»¹⁷.

Хотя буржуазная политическая экономия в лице ее классических представителей и дошла до определения ценности количеством труда, но самая ценность не могла быть ею понята как *специфически общественное* отношение товарного производства. Напротив, ценность, с точки зрения буржуазных экономистов, является объективной формой существования общественного характера, труда во все исторические эпохи, остается, следовательно, неизменным естественным свойством вещей, причем дело нисколько не изменяется от того, что это естественное свойство создается человеческим трудом, производящим самую вещь. Но это еще не все. Не только способность труда создавать меновую ценность кажется капиталисту естественным законом природы, но и, наоборот, труд представляется ему создающим меновую ценность лишь постольку, поскольку он направлен на изменение материальных, естественных свойств вещей. Как бы ни была необходима с общественной точки зрения данная затрата труда, она никогда не будет признана капиталистом производительной, если не касается самого вещества продукта, если продукт уже принял те вещественные свойства, которые делают его пригодным к непосредственному потреблению.

Так, труд перевозки является часто совершенно неизбежным условием для того, чтобы продукт производства мог быть в действительности потреблен. Тем не менее предприниматель всегда склонен считать издержки перевозки чистым убытком, истинными *faux frais*¹⁸ производства, так как для него условием производительности труда является не общественная, а есте-

¹ Das Kapital. I B. Vierte Auflage. S. 40–41.

ственная его необходимость, а перевозка, как известно, не только не вносит ничего созидającego в те естественные свойства продукта, которые делают из него потребительную ценность, но даже нередко оказывает на них самое разрушительное влияние. Именно отсюда вытекает положение классической школы, что производительный или образующий ценность (с буржуазной точки зрения это — простая тавтология) труд непременно должен воплощаться в *материальных* предметах.

Что такая иллюзия господствует в буржуазной, хотя бы и классической науке, представляется вполне естественным: иллюзия эта неизбежно вытекает из товарного фетишизма, от которого не может отделаться никакая буржуазная идеология. Гораздо менее понятно, каким образом мог впасть в подобную же ошибку Маркс, с такой гениальной проницательностью раскрывший фетишистическую психологию товаропроизводителя.

Во втором томе «Капитала» в главе «Издержки обращения» труд по сохранению товара и труд перевозки относится к категории непроизводительного, между прочим, на том основании, что он не изменяет продуктов вещественно. «Количество продуктов не увеличивается вследствие их перевозки, точно также произведенные ею изменения их естественных свойств не суть, за известными исключениями, полезное действие, которое имелось бы в виду, но неизбежное зло»¹⁹. Труд, необходимый для сохранения товаров в складах, оказывается также непроизводительным, он представляет также лишь «неизбежное зло», неустранимые «издержки сбережения», «он имеют целью... сбережение ценности, которая находится в товаре, как в изделии, в потребительной ценности; поэтому и может быть сохранена только сбережением самого изделия — потребительной ценности»²⁰. Другими словами, труд является производительным лишь в том случае, если он производит полезное изменение в *естественных* свойствах продукта. Это точка зрения товарного фетишизма.

Мы рассмотрели те общие условия, при наличии которых труд становится производительным в товарном хозяйстве. Но современное общество есть не просто товарное, оно в то же время капиталистическое; современное производство является не только производством меновых ценностей, но также произ-

водством прибавочной ценности. Капиталистическую форму могут, очевидно, принять лишь такие отрасли народного производства, в которых труд способен стать источником прибавочной ценности для капиталиста — предпринимателя. «Если позволительно, — говорит Маркс, — взять пример вне сферы материального производства, то школьный учитель является производительным работником лишь тогда, когда он не только обрабатывает детские головы, но обрабатывает также самого себя с целью доставить прибыль предпринимателю. Суть дела остается одна и та же, вложит ли предприниматель свой капитал в школьное предприятие или в колбасное. Таким образом, в содержание понятия «производительный работник» входит не только отношение между человеческой деятельностью и ее полезным результатом, между рабочим и продуктом его работы, но и особое, исторически возникшее, свойственное данному обществу отношение производства, которое заключается в том, что рабочий является непосредственным орудием возрастания капитала»¹ 21.

В предыдущем было установлено, что никакие естественные особенности отдельных отраслей человеческого труда не могут воспрепятствовать им принять форму производства товаров, раз имеются налицо общественные предпосылки менового хозяйства. Является вопрос, может ли *всякое* производство товаров стать капиталистическим производством, производство меновой ценности — производством прибавочной ценности?

Вопрос этот уже давно разрешен экономической наукой и разрешен в положительном смысле.

В настоящее время не возбуждает спора то положение, что всякое товарное производство неизбежно превращается в производство капиталистическое. Таким образом, капиталистический строй возникает, как необходимый результат естественного развития отношений, господствующих в обществе самостоятельных товаропроизводителей и принимающих в позднейшую эпоху капиталистический характер.

Правда, процесс этот и в настоящее время еще не вполне закончен. Весьма вероятно даже, что само капиталистическое

¹ Das Kapital. I. B. Vierte Auflage. S. 473.

общество успеет сойти с исторической сцены раньше, чем некоторые отдельные виды общественного производства усвоят себе вполне развитую капиталистическую организацию.

Однако это обстоятельство не изменяет дела по существу. В абстрактном анализе приходится оперировать не с фактическим содержанием данного исторического момента, представляющего всегда картину пестрого смешения пережитков прошедшего, развитых форм настоящего и зародышей будущего, — но с идеальным построением, в котором изучаемое общественное явление представлено в совершенно чистом и законченном виде. Материалом для такого построения являются не конкретные факты истории, взятые статически, но их движение, тенденции их исторического развития. Применяя этот прием к данному случаю, рассматривая тенденция развития менового общества, мы должны признать, что капитализм стремится ассимилировать себе и действительно мало-помалу ассимилирует все виды труда, унаследованные им от предшествующей стадии, от простого товарного производства.

Таким образом, специфически капиталистические отношения, вытекающие из производства прибавочной ценности, не вносят в условия нашей задачи никаких новых данных. Все то, что было сказано о производительном труде в меновом обществе вообще, справедливо и по отношению к капиталистическому обществу.

IV

ЕСТЕСТВЕННО-НЕОБХОДИМЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-НЕОБХОДИМЫЙ ТРУД. ТАК НАЗЫВАЕМЫЕ ИЗДЕРЖКИ ОБРАЩЕНИЯ

В главе «Издержки обращения» Маркс не ограничивается указанием на нематериальный характер труда по сбережению товаров, перевозке их и т. п. Он выдвигает еще одно соображение, заставляющее причислить известные виды общественно-необходимого труда к непроизводительным издержкам. Это второе соображение заключается в том, что издержки обращения вытекают только из данной определенной формы общественного

производства, а именно из товарной его формы. Разделив издержки обращения на три категории: 1) чистые издержки обращения, куда относится торговля, счетоводство и банковское дело, 2) издержки сбережения или труд сохранения товаров и 3) издержки перевозки, Маркс находит во всех этих подразделениях общественного труда одну общую черту. «Общим законом для них будет, что все издержки обращения, происходящие вследствие преобразования формы товара, не прибавляют к нему ценности. Капитал, затраченный на такие издержки, принадлежит к *faux frais* капиталистического производства»ⁱ 22. Однако условия происхождения разных видов таких издержек неодинаковы, а в некоторых случаях это различие даже весьма существенно. «Есть известная разница, с одной стороны, между расходами, потребными на счетоводство, непроизводительной тратой на это рабочего времени, и расходами просто на труд покупки и продажи — с другой. Последние проистекают только из определенной общественной формы процесса производства, из того, что это есть процесс производства товаров. Счетоводство же, как контроль и идеальное представление в данный момент всего процесса, становится тем необходимым, чем общественнее становятся его размеры»ⁱⁱ 23. Итак, труд торговли относится к категории непроизводительного потому, что является специфической принадлежностью товарной формы производства. Труд счетоводства же не имеет этого специально товарного характера; он существует в том или другом виде при всякой системе общественного хозяйства и становится тем сложнее и необходимее, чем больше делаются размеры самого общественно-производственного целого. Современное счетоводство есть поэтому только товарная форма деятельности, необходимой при всяком общественном устройстве. Если счетоводство считается все-таки отраслью непроизводительного труда, то, очевидно, лишь на том основании, что его существование обуславливается не естественными физиологическими потребностями членов общества, но потребностями, непосредственно вытекающими из общественного характера

ⁱ Капитал. Т. II. С. 97.

ⁱⁱ Капитал. Т. II. С. 86.

производства, являющимися, следовательно, уже по самому своему происхождению специфически общественными.

Понятие «естественной» и «общественной» необходимости в затрате труда выставляется довольно часто как критерий для различения производительных видов труда от непродуцируемых. Так, например, Лексис в статье, помещенной в *Handwörterbuch der Staatswissenschaften*, пишет: «Объект производства должен быть *народно-хозяйственным*, т. е. благом, находящимся в области народного хозяйства и не зависящим от *данного экономического порядка*, таким благом, которое осталось бы неизменным и в теоретически мыслимом коммунистическом обществе». Поэтому, по мнению Лексиса, из сферы производства «следует исключить действия, состоящие в передаче благ из одних рук в другие»^{i 24}.

Впрочем, Лексис далеко не выдерживает этой основной точки зрения. С обычным эклектизмом катедер-реформерской школы, он уже на 2-й странице своей статьи совершенно уничтожает то, что было сказано на 1-й.

Так, здесь оказывается, что «производительным следует считать всякий труд, который *каким бы то ни было* способом *содействует* созданию известного блага или *повышению* его объективной ценности» (курсив наш). С этой новой точки зрения «транспортный труд» и «торговля», принадлежащие несомненно к категории «передачи благ из одних рук в другие», относятся автором уже к сфере производства.

Гораздо последовательнее проведен интересующий нас взгляд у Н. Зибера. Зибер принимает точку зрения Маркса, выраженную в цитированных нами выдержках, и формулирует ее гораздо более определенно и ярко, чем сам Маркс. «Говоря вообще, пишет Зибер, — торговцы и приказчики нужны для распределения богатств лишь в том смысле, как для многоэтажного дома нужны лестницы. Как только прекратится подобная, чисто городская потребность в высоких домах, так немедленно вслед за этим прекратится потребность в лестницах. В приложении к классу торговцев то же соображение показывает, что занятие

ⁱ Цитируем по русскому переводу, изд. Водовозовой, Сборник «Промышленность». С. 1.

их только еще *историческое*, подобно существованию высоких домов, тогда как занятие производительного класса *вечно*¹ 25.

Здесь уже прямо выступает противопоставление естественных потребностей, как «вечных», общественным, как «историческим» или преходящим.

Нетрудно убедиться, что в основе такого взгляда кроется глубочайшее недоразумение.

Нет сомнения, что «занятие» производительного класса *вечно*, в то время как «занятие» класса торговцев весьма и весьма исторично. Но ведь когда дело идет об определении области «производства», мы имеем дело только с *потребительными ценностями*, а потребительные ценности, поскольку они вообще представляют продукт человеческого труда, создаются не трудом или «занятием» вообще, не абстрактным человеческим трудом, а исключительно *данными конкретными* видами труда. Отвлекаясь от *качественной* стороны труда, мы тем самым отвлекаемся от потребительной ценности произведенных им продуктов. Поэтому вечное существование производительной деятельности вообще отнюдь еще не дает нам права выставлять «естественность» потребностей необходимым условием для того, чтобы труд, удовлетворяющий их, был признан производительным. Аргументом в пользу «естественности», как критерия для классификации производительной деятельности человека, могла бы быть лишь вечность определенных конкретных видов труда, воплощающихся в определенных конкретных видах потребительных ценностей. Но в этом последнем смысле ни одна человеческая потребность не может быть признана вечной.

Так называемые естественные потребности представляют нередко прямой результат общественных условий. Древнеримские патриции, как владельцы и организаторы сельскохозяйственного производства латифундий, имели целый ряд потребностей, обусловленных исключительно этой общественной их ролью и потому чуждых всей остальной массе населения.

¹ Давид Рикардо и Карл Маркс в их «общественно-экономических исследованиях». С. 27. 3-е изд.

Для удовлетворения таких специально-организаторских потребностей дифференцировался целый общественный класс художников, скульпторов, поэтов, философов, наконец, просто остроумных благеров²⁶. Все эти профессии необходимо рассматривать как особые отрасли древнеримского *производства*, потому что «высшие» потребности патрициев, являясь неизбежным результатом общественно-экономических отношений тогдашней эпохи, были столь же необходимы, как и потребность в хлебе. Разумеется, эта справедливо лишь постольку, поскольку сами патриции были общественно-необходимым слоем древнего Рима. Если бы колонам удалось выработать самостоятельные и самодовлеющие экономические организации вроде древнегерманских марок, то класс патрициев немедленно превратился бы из общественно-необходимого в общественно-излишний, он должен был бы сойти с исторической сцены, а вместе с тем труд, предназначенный для удовлетворения патрицианских потребностей, тотчас утратил бы свой производительный характер; продукты этого труда уже не представляли бы общественных потребительных ценностей и потому никоим образом не могли бы быть причислены к категории общественного производства.

Но не только «высшие» потребности находятся в неразрывной связи с характером общественной организации. То же самое относится и к чисто физиологическим потребностям, удовлетворение которых необходимо для простого поддержания жизни в самом узком смысле этого слова.

Личинки насекомых и многоножки представляют в настоящее время потребительную ценность только для энтомолога; между тем существует организация общественного производства, при которой эти членистоногие занимают видное место в ряду пищевых продуктов. Изобретения крючка из рыбных костей, лука и стрел, наконец, открытие огня — все эти технические усовершенствования, выдвинувшие на первый план мясо позвоночных, могли быть сделаны только на известной стадии общественно-хозяйственного развития, не говоря уже о том, что их фактическое применение требует определенных форм сотрудничества и разделения труда. Хотя потребность в пище является сама по себе естественной и вечной, однако, спосо-

бы ее удовлетворения весьма изменчивы в зависимости от той или другой общественной организации производства. Предметы, имеющие потребительную ценность пищевых продуктов при данном уровне производительных сил общества, лишаются ее при повышении этого уровня. Еще значительнее разница в тех видах труда, которые направлены на изготовление одних и тех же вещей, удовлетворяющих одни и те же потребности, но в различные хозяйственные эпохи.

Итак, нельзя разделять естественную и общественную жизнь человека. Социальная организация существует не для удовлетворения некоторых специально-общественных потребностей людей, живущих независимо от общества своей самостоятельной естественной жизнью; наоборот, жизнь человека только и возможна в рамках общества. Даже классический Робинзон на своем необитаемом острове боролся за жизнь не как самодовлеющий индивидуум, а как член вполне определенной, а именно буржуазной общественной организации. Робинзон располагал целым арсеналом орудий и средств труда, созданных не им самим, а теми его соотечественниками, продуктами труда которых он имел возможность воспользоваться, снаряжая свой корабль. Поэтому, по существу дела, Робинзон ни на минуту не оставался изолированным от общественных связей, все время он жил и действовал как часть общественного целого, и только это целое могло снабдить его и действительно снабжало средствами для успешной борьбы за жизнь.

Если бы от кораблекрушения Робинзон не спас ничего, кроме своего «я», то он вряд ли мог бы просуществовать на острове более 5–6 дней: его самостоятельная жизнь была бы просто агонией. Правда, смерть здесь не наступает с такой стремительностью, с какой обыкновенно умирают органы, отделенные от организма; но это еще, конечно, не основание для того, чтобы Робинзон имел право противопоставлять свое «я», как нечто самодовлеющее, обществу, как внешней среде. Связь между индивидуумом и обществом, с одной стороны, и между органом и организмом — с другой, не только качественно однородна, но и наблюдаемые здесь количественные различия далеко не так велики, как это может показаться с первого взгляда. Ведь и лейкоцит, вынутый из человеческой крови и помещенный

в так называемый физиологический раствор, весьма долго сохраняет свою способность к амебоидным движениям; и вряд ли человеческий индивидуум в аналогичных обстоятельствах оказался бы значительно жизнеспособнее лейкоцита.

Впрочем, мы остановились здесь на примере Робинзона, так сказать — на традиции. В действительности пример этот не представляет решительно никакого научного значения уже по одному тому, что общественная наука имеет дело только с типичными, а отнюдь не с исключительными явлениями. Между тем *типичный человек* никогда не попадает в новые условия жизненной борьбы в одиночку, но всегда вместе с той социальной группой, к которой он принадлежал и раньше. Само собой понятно, что при этом прежде всего приспосаблиется к новым условиям производственная организация социального целого, а затем уже изменяются психологические и физиологические свойства индивидуумов, приспособляющихся к своей новой роли в новом строе общественного производства. Поэтому никакие, даже чисто физиологические приспособления к условиям жизненной борьбы не может человек усвоить иначе, как при посредстве изменения общественной организации.

Отдельный человек решительно во всех сферах своей жизни и деятельности фигурирует лишь как орган коллективного целого; он представляет собою $\xi\omega\acute{o}\nu$ πολιτικόν²⁷ в самом полном и безусловном смысле этого слова. Очевидно при этом, что для общественно-производственного целого совершенно безразлично, является ли данная потребность, существующая в нем, совокупностью личных потребностей членов общества, или же прямо выступает в сознании этих последних как потребность специфически-общественная, вытекающая исключительно из условий социальной организации. В том и другом случае труд, направленный на удовлетворение потребности, одинаково необходим для поддержания жизни общества и, следовательно, одинаково производителен.

Виды труда, составляющие, по Марксу, «издержки обращения», представляют именно такой случай удовлетворения специфически-общественных потребностей, вытекающих из товарной формы производства. Рассмотрим, для примера, издержки перевозки в тот период товарного производства, когда

господствующей формой обращения товаров является ярмарочная торговля. С индивидуальной точки зрения отдельного потребителя труд доставления продуктов производства на ярмарку несомненно представляет *faux frais* производства. По своим естественным свойствам продукт уже на месте производства вполне соответствует требованиям потребителя; перевозка не только не прибавляет ни одного нового свойства, полезного для потребителя, но до известной степени действует на продукт разрушительно — понижает его качество. Как раз наоборот представляется дело с общественной точки зрения.

Перевозка продуктов в одно место есть необходимый результат данной общественной организации. Не будучи свезенными на ярмарку, продукты вовсе не могут вступить в процесс обмена, а следовательно, и потребления. Эта *общественная* необходимость играет, очевидно, совершенно ту же роль, как и любая *естественная*, она и является «естественной потребностью» данного общества, данной формы производства. При ярмарочном способе товарного обращения продукт на месте производства, несмотря на всю свою *естественную* пригодность к непосредственному потреблению, фактически не может быть потреблен. *Он не имеет еще потребительной ценности*, как не имеет ее жемчуг, пока он находится на морском дне, хотя по своим вещественным свойствам жемчуг, лежащий на дне моря, и жемчуг, красующийся на груди лоретки, ничем между собой не различаются.

Если мы признаем производительным труд водолаза, достающего жемчуг, то совершенно на том же основании должны признать производительным труд перевозчиков, доставляющих товары на ярмарку.

Любопытно, что Маркс совершенно определенно формулирует мысль, которую мы только что развили. «Потребительная ценность предметов осуществляется только потреблением, а перемещение их может стать необходимым для потребления, т.е. *потребление обуславливается при этом дополнительным процессом перевозочной промышленности*»¹²⁸. Если это так, то по-

¹ Капитал. Т. II. С. 98. (Здесь и далее — курсив Базарова. — Прим. научн. ред.)

чему же дополнительный процесс, имеющий для потребления совершенно то же значение, как и все предшествующая стадии производства, оказывается, не в пример этим последним, только «необходимым злом»?

На этот вопрос Маркс не дает ответа. Что касается остальных видов «издержек обращения», то к ним в полной мере применимы все те соображения, которые мы только что изложили по отношению к издержкам перевозки. Труд сохранения товаров, торговли, банковского дела является *производительным*, так как он общественно-необходим при товарно-капиталистической системе производства.

Общественный характер потребностей, вызывающих к жизни «издержки обращения», сам по себе еще не дает основания вычеркнуть эти последние из области производства. Но, может быть, издержки обращения нельзя подвести под категорию производства вследствие каких-либо *специальных* особенностей тех *капиталистических* отношений, которые обуславливают собой их существование? Такие особенности действительно, по-видимому, имеются.

«Метаморфозы Т—Д и Д—Т суть сделки, происходящие между покупателем и продавцом... Преобразование требует времени и рабочей силы, но не для созидания ценности, а для перемещения ценности из одной формы в другую, причем обоюдные поползновения присвоить себе при этом добавочное количество ценности отнюдь не изменяют дела»¹ 29. В самом деле, равенство X товара $A = Y$ товара B не изменяется в пользу B оттого только, что B более долгое время находится в процессе обращения, хотя при этом B поглощает, *ceteris paribus*³⁰, больше труда торговцев и больше «издержек сбережения», чем A . «Когда капиталист превратил свой капитал, затраченный на средства производства и рабочую силу, в продукт, в готовый товар, предназначенный на продажу, а между тем он не идет с рук и залеживается в складах, то в это время происходит не просто только застой в процессе возрастания ценности его капитала: издержки на строения, добавочный труд и пр., требуемые для сохранения этого запаса, составляют положительный убыток. Поку-

¹ Капитал. Т. II. С. 82.

патель, которому бы удалось, наконец, продать, осмелел бы его, если бы он ему сказал: товар мой целые шесть месяцев не мог быть продан и капитал мой не только лежит даром, но сохранение его обошлось мне во столько-то. *Tant pis pour vous*, тем хуже для вас, сказал бы покупатель. Кроме вас, есть ведь еще другие продавцы, товары которых заготовлены только третьего дня; ваш же товар залежался и, вероятно, время оставило на нем свои следы, поэтому вы должны продать дешевле вашего соперника... Если надо превратить свои изделия в деньги, *издержки, вызванные тем, что они закреплены в товарной форме, принадлежат к случайностям его (производителя) личного дела и до покупателя товара нисколько не касаются*ⁱ 31.

Итак, издержки обращения вызываются простой невозможностью обратить в данный момент товар в деньги; сколько бы времени ни пришлось выждать такой возможности, сколько бы труда ни было затрачено на сохранение товара в течение этого времени, ценность товара не увеличится ни на волос. Труд, принадлежащий к категории «издержек обращения», не создает ценности. Перед нами, по-видимому, встает следующая альтернатива: или признать, что не всякий производительный труд может стать в капиталистическом обществе трудом, образующим ценность, или вовсе отвергнуть установленный в первой главе критерий производительного труда.

Присмотримся ближе к аргументации Маркса. Труд торговли тратится «не на созидание ценности, но на перемещение ценности из одной формы в другую». При этом «превращение товаров, их движение состоит: 1) вещественно — в обмене разных товаров один на другой, 2) формально — в превращении товара в деньги, в продаже и в превращении денег в товары, в покупке. К этим-то функциям обмена товаров при помощи покупки и продажи сводится функция товарного капитала»ⁱⁱ 32. Очевидно, прежде всего, что *вещественная и формальная функции товарного капитала различны между собой по существу. Это не две стороны одного и того же явления, а два самостоятельных процесса, не только отличные друг от друга, но даже несравнимые*

ⁱ Капитал. Т. II. С. 82 и 83.

ⁱⁱ Капитал. Т. III. С. 260.

между собой. В самом деле: $T - D - T$, перемена формы ценности, *представляет чисто идеологический процесс, происходящий только в головах товаропроизводителей, а отнюдь не реальную метаморфозу вещей — товаров.*

Когда X тонн железа вступают в дружеский акт $T - D - T$ с Y килограммов сахара, то при этом не только не происходит никакого пресуществления железа в сахар, но и самое передвижение этих продуктов далеко не является безусловной необходимостью. Сахар, спокойно лежащий в складе плантатора, может быть на бирже десятки раз обменен на железо, находящееся в руках горнозаводчика.

Употребляя выражение Маркса, при перемене формы ценности «в движении находится не самая вещь, а право собственности на нее». Спрашивается, может ли циркуляция «права собственности потребовать приложения хоть одного атома живого, человеческого труда? Никому еще, кажется, не приходило на мысль передвигать понятия в голове человека при помощи мускульной силы. Труд поглощается не актом обмана, а теми предварительными манипуляциями, которые рабочие торговых заведений, товарных складов, железных дорог должны произвести над продуктом, для того, чтобы он фактически мог реализовать свою товарную функцию в акте $T - D - T$.

Таким образом, в действительности только «вещественные» стороны «функции» торгового капитала впитывают в себя живой человеческий труд, формальная же метаморфоза совершенно не требует никаких «издержек» со стороны купца. Без всякой затраты труда возникает в голове купца и покупателя сознание права собственности на принадлежащие им товары, без всякой затраты труда это право собственности переносится в сознании владельца T и владельца D с одного объекта на другой.

Смешение таких несравнимых явлений, как «превращение товаров» (т.е. перемена формы ценности), и их «движение» (т.е. перемена места вещами), произошло вследствие замены точного понятия «труд» совершенно неопределенным «функция» товарного капитала, — ошибка совершенно та же, в которую, как мы видели выше, впал Зибер, подменив определенный «труд» производителей их расплывчатым «занятием». Превращение формы ценности может быть названо «функцией»

торгового капитала лишь в том смысле, что купец является одним из двух полюсов, между которыми происходит идеологическое взаимодействие, составляющее содержание акта $T - D$. Но с этой точки зрения превращение товара является в такой же степени функцией покупателя-потребителя, выступающего в том же процессе взаимодействия в роли противоположного полюса, для которого рассматриваемый акт представляется уже как $D - T$ и служит только средством реализовать потребительную ценность продукта, сорвав с него товарную оболочку меновой ценности.

Для купца судьба его товара после превращения последнего в деньги не имеет ни малейшего интереса. Как и всякий капиталист, купец видит свое назначение в добывании прибыли, в обмене товара на сумму, большую, чем та, которая была затрачена на его приобретение и сохранение. Поэтому отдельному капиталисту действительно кажется, что весь смысл его «функции» сводится к формальной метаморфозе $D - T - D + \Delta D$, — метаморфозе, представляющей лишь чудодейственный процесс возрастания количества ценности в сфере обращения, но совершенно бессодержательной с качественной стороны.

Смешение совершенно несравнимых понятий «обращение ценности» и «передвижение товаров» естественно возникает в голове товаропроизводителя. Так как, с его точки зрения продукты обладают *естественной* способностью к обращению, то меновые отношения людей представляются ему как фактическое передвижение товаров, а обращение ценности кажется лишь простым идеологическим впечатком, неизменно сопутствующим этому вещественному процессу. Кроме того, пока продукт обрабатывается на фабрике, где он изменяется вещественно, роль труда представляется довольно ясной даже для капиталиста. Но как только продукт вступает в сферу торговли, окончательно усвоив себе те вещественные свойства, которые делают его пригодным к непосредственному потреблению, для капиталиста начинается область «неизбежного зла» — непроизводительных торговых издержек. Суть дела, конечно, нисколько не изменяется от того, что торговля из побочного занятия многих становится исключительным занятием немногих, т. е. делается самостоятельной отраслью промыш-

ленного труда. Поэтому классическая политическая экономия, представлявшая не защиту интересов отдельных категорий капиталистов, но формулировку основных принципов капиталистической идеологии в самой общей, абстрактной их форме, не причисляла торговлю к производительной деятельности, и уже на долю позднейших вульгарных экономистов выпала нелегкая обязанность предложить свои «услуги» для реабилитации непроизводительных с классической точки зрения категорий капитала. Мы снова наталкиваемся, таким образом, на знакомую уже нам идеологию товарного фетишизма.

Так представляется дело капиталисту, но иначе обстоит оно с точки зрения всего общественного хозяйства.

В каждом обществе конечным назначением производства является поддержание жизни общественного целого, т. е. процесс потребления. В обществе товарном и товарно-капиталистическом продукты только в том случае могут вступить в процесс потребления, если они уже претерпели предварительно сравнительную метаморфозу в процессе обмена. Следовательно, в товарном обществе труд рабочих торговли, необходимый для того, чтобы продукт мог реализовать свою меновую ценность, eo ipso является необходимым и для реализации потребительной ценности продукта. Все производство в целом определялось нами как деятельность, направленная к употреблению общественных потребностей. По отношению к отдельному продукту производством мы должны признать всю совокупность манипуляций, общественно-необходимых для того, чтобы предмет природы превратить в предмет потребления. «Общественно-необходимый» здесь означает необходимый при данном уровне производительных сил, техники, а стало быть, и при данных общественных отношениях, так как эти последние реально неотделимы от производства и представляют лишь его общественную сторону, абстрагированную в познании. В капиталистическом обществе труд передвижения, сохранения товаров, труд торгового счетоводства столь же необходим для превращения предмета природы в предмет потребления, как и все предшествующие стадии производства. Поэтому товар, например, сахар, вступая в область торговли, не есть еще предмет потребления, но только сырой материал

торгового производства; труд приказчика колониального магазина совершенно также кристаллизуется в ценности сахара, как в ней уже закристаллизован раньше труд негра, собирающего сахарный тростник на плантации. Только впитав в себя труд приказчика, сахар становится, наконец, способен совершить формальную метаморфозу Т — Д (Д — Т, с точки зрения покупателя), превращающую его из товара в предмет потребления. Конечно, один торговец может употребить гораздо больше времени и труда при продаже товара, чем другой, но из этого вовсе не следует, что «издержки обращения» принадлежат к случайностям «личного дела» торговца. Неодинаковые издержки обращения в первом и втором случае представляют лишь результат различной производительности труда¹. Несмотря на эти индивидуальные особенности, в торговле, как и во всякой другой отрасли производства, существует известная объективная мера, известное *общественно-необходимое* количество труда, определяющее те средние «издержки», которые потребны для того, чтобы данный продукт мог фактически реализовать свою товарную функцию. Это общественно-необходимое рабочее время в качестве регулятора торгового производства выступает с особенной яркостью в процессе конкуренции гигантских универсальных магазинов с мелкими, сравнительно специальными торговыми предприятиями. Поэтому победоносное «*tant pis pour vous*³³» покупателя имеет силу лишь тогда, когда труд, потраченный торговцем на сбережение товара, больше общественно-необходимого, но в этом случае оно применимо решительно ко всякой отрасли производства.

Роли должны совершенно измениться, если покупатель не пожелает оплатить ценности общественно-необходимого труда торговли, мотивируя свой отказ тем, что ему подобные «издержки» кажутся совершенно непроизводительными; «*tant pis pour vous*», — скажет продавец, — «вы не единственный покупатель и, конечно, другие не так наивны, чтобы воображать,

¹ В данном случае техническое совершенство производства определяется наиболее целесообразным приспособлением его не к естественным условиям производства, а к тем формам рыночных отношений и рыночной конкуренции, которые существуют в данном обществе. Нам нет надобности повторять, что это несколько не изменяет сути дела.

что я и мои приказчики стараемся pour les beaux yeux³⁴ потребителей».

Признав непроизводительным труд, занятый в торговле, Маркс должен был ответить на следующий вопрос: каким же образом купец не только возмещает свои непроизводительные «издержки» в ценности продаваемого продукта, но и получает обычную в данном обществе норму прибыли? Вопрос этот исследован в 17-й главе III тома «Капитала». «Товарно-торговый капитал... не создает ни ценностей, ни прибавочных ценностей, но только содействует их реализации, а вместе с тем действительному обмену товаров, переходу их из рук в руки общественному обмену веществу»^{i 35}. Тем не менее как капитал, «играющий самостоятельную роль в процессе обращения», он «должен точно также давать годовую среднюю прибыль, как и те капиталы, которые действуют в различных отраслях производства. Так как сам купеческий капитал ценности не производит, то очевидно, что прибавочная ценность, которая приходится на его долю в виде средней прибыли, образует *часть прибавочной ценности, произведенной валовым производительным капиталом* (курсив наш). Но вопрос заключается в следующем: каким образом купеческий капитал присваивает часть прибавочной ценности при прибыли, создаваемой производительным капиталом, приходящейся на его долю»^{ii 36}. По-видимому, этого результата купец может достигнуть, только делая номинальную надбавку к цене товара и продавая свой товар выше его «цены производства».

Однако, «представление о происхождении прибыли из номинального повышения цены товаров или вследствие их продажи выше их ценности ведет свое происхождение от поверхностного представления о торговом капитале. Если посмотреть на дело ближе, то окажется, что это простая иллюзия...»^{iii 37}. В действительности, торговый капитал лишь «участвует в прибыли, не принимая участия в ее производстве».

ⁱ Капитал. Т. III. С. 222.

ⁱⁱ Капитал. Т. III. С. 222.

ⁱⁱⁱ Капитал. Т. III. С. 224.

Приступая к анализу роли торгового капитала в общем производстве всей национальной прибавочной ценности, Маркс разграничивает прежде всего собственно торговые издержки и все другие виды издержек обращения. «Какого бы рода эти издержки обращения ни были, вызываются ли они самим купеческим предприятием, т. е. принадлежат ли они к издержкам обращения, свойственным капиталисту, как купцу; или же они представляют статьи, возникающие вследствие дополнительных процессов производства, происходящих в пределах процесса обращения, как отсылка товаров, перевозка, хранение и пр. и пр., — все они предполагают, что купцом, кроме денежного капитала, необходимого на покупку товаров, затрачен еще дополнительный капитал, — на покупку и оплату этих средств обращения.

«Насколько такой элемент издержек состоит из оборотного капитала, он входит весь в продажную цену товара в виде дополнительного элемента; насколько же он состоит из основного капитала, он входит в нее соразмерно со степенью его изнашивания, но в виде элемента, образующего номинальную ценность, даже если он не образует действительной надбавки к ценности товара, как чисто купеческие издержки обращения. Но весь этот капитал — оборотный ли или основной — входит фактором в образование общей нормы прибыли»¹ 38. В этой выдержке, да и в других местах 17-й главы III тома, бросается в глаза странное противоречие с тем, что было сказано в VI главе II тома. Там все без исключения «издержки обращения» причислялись к *faux frais* производства, не образующим ценности; здесь оказывается, по-видимому, что только чисто купеческие издержки (т. е. труд приказчиков, бухгалтеров, конторщиков и т. п.) «не образуют действительной надбавки к цене товара», тогда как все остальные виды издержек «входят в продажную цену товара в виде дополнительного элемента».

Очевидно, прежде всего, что различать *toto coelo* чисто купеческие издержки от издержек «отсылки, перевозки и т. п.» совершенно не представляется возможным. Если труд носильщика, доставляющего товар из склада на полку магазина, может

¹ Капитал. Т. III. С. 227–228.

дать надбавку к ценам товара, то почему же труд приказчика, переключивающего тот же товар с полки на прилавок перед покупателем, должен быть лишен этого права? Такое «чудо», конечно, не может совершиться вследствие простой перемены лиц. Труд бухгалтера не может, по мнению Маркса, составить элемент цены товара, потому что труд этот тратится не на «созидание» ценности, а на простое «вычисление» уже готовой меновой ценности. Поскольку здесь имеется в виду самое содержание математических выкладок бухгалтера и их определяющее влияние на продажную цену товара, то конторские расходы, а в том числе и самый труд вычисления ценности, зачисляются, конечно, в графу «издержек», а потому считаются элементом цены. Но Маркса интересует, конечно, не бухгалтерские приемы регистрации, не субъективное воззрение капиталиста на состав цены его товара, а действительная роль конторского труда в образовании этой последней.

С этой точки зрения труд бухгалтера должен быть признан созидающим ценность ничуть не меньше, чем труд любого производительного работника, раз в капиталистическом обществе труд вычисления общественно-необходим для реализации меновой ценности продукта, а следовательно, и его потребительной ценности. Если бы была возможна такая общественная организация, в которой переливание воды из пустого в порожнее являлось бы безусловно необходимым для того, чтобы сделать эту воду фактическим предметом потребления, то даже такое совершенно бессодержательное занятие было бы *производительным* трудом, разумеется, до тех пор, пока существует породивший его общественный строй.

Итак, если издержки перевозки и хранения «входят в продажную цену товара в качестве дополнительного элемента», то же самое должно относиться и к «чистым» купеческим издержкам.

Но что обозначает самое выражение «дополнительный элемент цены»? Мы уже видели, что Маркс отнюдь не подразумевает здесь номинальную надбавку цены, производимую самим купцом. *Действительную* надбавку к ценам производства также нельзя предположить, ибо только что было установлено, что «функция обращения» никакой ценности не производит.

Если, наконец, издержки обращения входят в цену производства, определяемую издержками + средняя прибыль *промышленного* капитала, то они не только не представляют никакой «прибавки», но как раз наоборот — являются «вычетом» из прибавочной части ценности, произведенной трудом другой категории рабочих. Где же истина?

«Экспедиционная плата, издержки перевозки, затраты на уплату пошлины и т. п., — пишет Маркс, — могут отчасти рассматриваться таким образом, как будто купец затрачивает их на покупку товаров, и потому они входят для него в покупную цену»^{i 39}.

Эти неопределенные «могут», «как будто бы», «отчасти», столь не гармонирующие с обычной энергией и категоричностью стиля Маркса, показывают, по-видимому, что сам автор чувствовал шаткость своей позиции. В самом деле, здесь, очевидно, нас отсылают только «от Понтия к Пилату», ничуть не разрешая вопроса по существу. Если действительно еще до вступления торгового капитала в отправление своей функции издержки обращения уже были перенесены на цену продукта, то это значит только, что виновником этого перенесения был не купец, а кто-нибудь другой. Если же в приведенных словах излагается только отношение самого купца к издержкам обращения, то тут даже не заключается попытки ответить на интересующий нас вопрос, так как цена продукта определяется не желанием купца, но общественным процессом, «происходящим за его спиной», совершенно не зависящим от его воли. Впрочем, только что цитированное замечание не развивается Марксом; в тексте оно поставлено в скобки, из чего видно, что Маркс бросил его в своей черновой рукописи мимоходом, скорее в форме вопроса, чем в форме решения. Вполне определенно точка зрения Маркса выражена в следующих строках.

Имея в виду только «такие дополнительные расходы, которые сопряжены с самым предприятием обращение», Маркс говорит: «Если в нашем примереⁱⁱ кроме 100 купеческого капи-

ⁱ Капитал. Т. III. С. 228.

ⁱⁱ Пример этот следующий. Весь промышленный капитал страны, затраченный в течение года — $720c + 180v = 900$, а m' (норма прибавочной ценно-

тала было затрачено еще 50 дополнительного капитала на упомянутые расходы, то валовая прибавочная ценность в 180 распределится уже на производительный капитал в 900 плюс купеческий капитал 150, всего на 1050. Следовательно, средняя норма прибыли понизится до $17\frac{1}{7}\%$. Фабрикант продает товары купцу за $900 + 154\frac{2}{7} = 1054\frac{2}{7}$, а купец продает их за 1130 (1080+50 за те расходы, которые ему надо возместить»ⁱ 40. Тут уже не остается сомнения, что издержки обращения составляют действительную надбавку к продажной цене продукта, что он возмещается купцом путем *повышения* цены производства, определяемой средним органическим составом промышленного капитала. В самом деле, если бы «издержки обращения» представляли только *вычет* из валовой прибавочной ценности, созданной трудом промышленных рабочих, то, очевидно, продажная цена продукта была бы не 1130, а по-прежнему 1080, прибыль же 130 (180-50) распределилась бы на капитал, равный 1050, и таким образом, средняя ее норма была бы не $17\frac{1}{7}\%$, а всего $12\frac{2}{7}\%$. Но в цену продукта входят только «издержки», употребленные купцом на покупку рабочей силы, а не самый «труд», представляющий реализацию последней. «Так как купец в качестве простого агента (?) не производит ни ценности, ни прибавочной ценности, то и торговые рабочие, занятые им для совершения тех же функций, не могут создать для него непосредственно прибавочной ценности»ⁱⁱ 41. Таким образом, издержки обращения представляют с точки зрения всего общественного капитала просто увеличение постоянной его части; средняя прибыль, причитающаяся на них, составляет вычет

сти) = 100%. Следовательно, продукт $720с + 180v + 180m = 1080$. Норма прибыли на весь капитал — $(180 \times 100)/900 = 20\%$.

Предположим теперь, что к этим 900 промышленного капитала присоединяются еще 100 купеческого капитала, который, с точки зрения Маркса, сам прибыли не создает, но получает среднюю норму прибыли сообразно своей величине. «Издержки обращения» принимаются равными нулю. Очевидно, при этих условиях прежние 180m распределяются уже не между 900 всего капитала, а между $900 + 100 = 1000$. Норма прибыли будет $(180 \times 100)/1000 = 18\%$. См.: Капитал. Т. III. С. 224–225. (См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. 1. С. 314. — Прим. научн. ред.)

ⁱ Капитал. Т. III. С. 231.

ⁱⁱ Капитал. Т. III. С. 232.

из прибавочной ценности промышленного капитала, сами же они только возмещаются в ценности продукта. Является вопрос: каким образом происходит такое возмещение, «каким образом он (купец) сохраняет, сберегает эту часть своего постоянного капитала?»ⁱ 42 Вопрос этот поставлен Марксом, но не разрешен имⁱⁱ. Нетрудно убедиться, что данный вопрос не только не разрешен, но и *неразрешим* с точки зрения Маркса. Теория трудовой ценности утверждает, что лишь живой человеческий труд, соединяясь со средствами производства, способен «сберегать» ценность постоянной части капитала, лишь этот труд, кристаллизуясь в ценности продукта, возмещает «издержки» переменного капитала, и не просто возмещает их, но дает некоторый плюс в виде прибавочной ценности. В торговле, как оказывается, дело происходит как раз наоборот: труд не создает ценности, а издержки на его оплату каким-то образом сами собой входят в ценность продукта, подобно постоянному капиталу; он возмещаются в цене товара просто потому, что были раз затрачены. Мы вступаем, таким образом, в область буржуазной теории, определяющей ценность издержками, *икс — иксом*.

Подробный анализ роли торгового капитала в общем производстве страны не входит в нашу задачу. Вопрос этот должен быть исследован совершенно в другой связи. Поэтому мы не будем утомлять читателя разбором тех аргументов, которыми Маркс в главах об «оборотах торгового капитала» и о «денежно-торговом капитале» старается подкрепить свое учение о непродуцируемом характере торгового труда, тем более что по от-

ⁱ Капитал. Т. III. С. 232.

ⁱⁱ II и III тома Капитала остались, как известно, не законченными. Многие в них только намечены, и это прежде всего относится к интересующим нас в данный момент вопросам; они только мельком формулированы Марксом, очевидно, с целью более подробно заняться ими при окончательной обработке рукописи. Если бы такая обработка состоялась, то, конечно, многие существующие теперь противоречия были бы устранены. Как бы то ни было, в настоящее время приходится иметь дело с тем, что нам дал Маркс, а не с тем, что он мог бы дать, если бы преждевременная смерть не подкосила его в самом разгаре научной работы. Это тем более справедливо, что большинство последователей Маркса принимают оставшееся от учителя наследство целиком, в том незаконченном виде, в каком оно дошло до нас.

ношению к основному вопросу, поставленному в настоящей статье, мы не найдем здесь ничего существенно нового. Необходимо коснуться еще только одного положения, систематически проводимого Марксом во всех главах III тома, трактующих о торговом капитале.

«...ничего не может быть бессмысленнее, — пишет Маркс, — как рассматривать купеческий капитал, в форме ли товарно-торгового, или в форме денежно-торгового капитала, как особого рода промышленный капитал, в виде подразделения, образовавшегося, подобно горному делу, земледелию, скотоводству, мануфактуре, перевозной промышленности и т. д., вследствие общественного разделения труда, а потому составляющего особую отрасль затрат промышленного капитала. Уже простое наблюдение, что *каждый промышленный капитал, пока он находится в фазе обращения процесса своего производства, совершает в виде товарного и денежного капитала совершенно ту же функцию, которые кажутся принадлежащими исключительно к функциям товарного капитала в общих его формах*, должно бы сделать такое представление невозможным»ⁱ 43. (Курсив наш).

Таким образом, торговля не представляет какой-либо самостоятельной отрасли промышленного труда, торговый капитал есть лишь фаза, момент в процессе воспроизводства промышленного капитала. В основе этой мысли лежит то же недоразумение, которое уже было подробно разобрано нами выше; именно, предполагается, что «вещественная» функция торгового капитала, функция, заключающаяся в передвижении товаров и конторскойⁱⁱ деятельности, представляет затрату труда, расходуемого на «формальную» метаморфозу ценности. В действительности только формальная метаморфоза и составляет фазу обращения в процессе производства промышленного капитала, но эта метаморфоза сама по себе не поглощает ни одного атома труда. Поскольку же «функция» купца требует приложения жи-

ⁱ Капитал. Т. III. С. 257–258.

ⁱⁱ Как было показано во II главе, характер конторской деятельности ни чем по существу не отличается от тех видов труда, которые изменяют самое вещество продукта.

вого человеческого труда, она составляет не фазу обращения, а фазу *производства*, является производительной, а потому рассматривать торговлю, как «подразделение, образовавшееся подобно горному делу, земледелию, скотоводству, мануфактуре и т. п.», вовсе не так «бесмысленно», как это может показаться с первого взгляда.

Итак, не фактически наблюдаемые особенности заставляют выделить труд торговли, перевозки и сбережения товаров из сферы производства, но как раз наоборот — а priori признанная непроизводительность указанных видов труда заставляет придать им при анализе некоторые своеобразные особенности, заставляет создать фикцию «дележа прибавочной ценности», так как без этой фикции оказалось бы совершенно непонятным, каким образом труд, образующий ценность, может быть в то же время непроизводительным.

Несколько особую роль играют те «издержки обращения», которые необходимы не для циркуляции товаров, а для циркуляции денег. Хотя для отдельного предпринимателя товар фигурирует лишь как товарная форма его капитала, как вещественный носитель самовозрастающей ценности, однако, с общественно-производственной точки зрения существование товара на рынке оказывается просто заключительной фазой производства его как потребительной ценности⁴⁴. Не так обстоит дело с деньгами. Общественная потребительная ценность денег состоит в реализации их функции всеобщего эквивалента, в их роли необходимого промежуточного звена в метаморфозе $T - D - T'$. Поэтому процесс циркуляции денег есть в то же время процесс их потребления. Из самых условий этого своеобразного потребления вытекает необходимость, чтобы фактически перемещающиеся денежные знаки неопределенно долгое время сохраняли неизменяющуюся меновую ценность. Труд банковских служащих, обеспечивающих непрерывность процесса потребления денег в качестве всеобщего эквивалента, очевидно, не может воплощаться в ценности самих денег; между тем, удовлетворяя общественной потребности, необходимо вытекающей из организации капиталистического строя, труд этот должен быть признан производительным. То обстоятельство, что труд банковских служащих не создает никакой

материальной вещи, которую бы можно было передавать из рук в руки, не представляет уже для нас затруднения. Во всяком случае, банковские служащие являются истинными *производителями* капиталистического общества, продукт их работы есть настоящий товар, продаваемый через посредство банкиров в руки капиталистовⁱ. Этот товар действительно оплачивается из прибавочной ценности капиталиста, но не потому, что произведший его труд непроеводительен, а потому, что этот труд воплощается в предметах потребления класса капиталистов. В этом отношении общественно-производственные роли банкира и золотых дел мастера совершенно одинаковыⁱⁱ.

Специальная особенность предметов потребления, изготовляемых банкиром, та, что здесь непосредственно-общественная потребность становится как бы личной потребностью отдельных капиталистов. В самом деле, деньги, как всеобщий эквивалент, представляют вещественное выражение общественного характера труда отдельных независимых друг от друга производителей. Следовательно, потребность в том, чтобы деньги фактически фигурировали в роли всеобщего эквивалента, является специфически-общественной; между тем на практике она выступает как потребность отдельных капиталистов, удовлетворяющих ее продуктами банковского производства. Таким образом, капиталист является здесь не человеком, обладающим определенными естественными свойствами и потребностями,

ⁱ Разумеется, прибыль банкира отнюдь не соответствует неоплаченному труду его собственных служащих. В этом отношении банковское, точно так же, как и торговое производство, подлежит действию тех же общих законов, которые исследованы Марксом в 1-м отделе III тома «Капитала».

ⁱⁱ Условия реализации меновой ценности разменных продуктов капиталистического производства в зависимости от того, потребностям каких классов общества они удовлетворяют, не имеют ничего общего с вопросом о производительном или непроизводительном характере данного вида труда. Анализ этих условий представлен в 3-м отделе II тома «Капитала». См. также книжку Булгакова «О рынке при капиталистическом производстве» и последние главы диссертации Туган-Барановского «Промышленные кризисы в Англии». (См.: Булгаков С. Н. О рынках при капиталистическом производстве. Теоретический этюд. М.: тип. М. И. Водовозова, 1897; Туган-Барановский М. И. Промышленные кризисы в современной Англии, их причины и влияние на народную жизнь. СПб.: тип. И. Н. Скороходова, 1894. — Прим. научн. ред.)

но простой материализацией данного общественного отношения, живым воплощением капитала. Впрочем, это вовсе не исключительный случай. Для капиталиста цель производства заключается не в потреблении, не в удовлетворении личных потребностей, наоборот — личное потребление есть в его глазах лишь неизбежное зло, такая же печальная необходимость, как и всякие другие непроизводительные издержки, ограничивающие процесс воспроизведения капитала в расширенных размерах. В капиталистическом обществе не только способы удовлетворения личных потребностей обусловленной⁴⁵ организацией, но даже сами эти личные потребности принимают в глазах предпринимателя непосредственно общественный характер. Капиталист становится простой машиной, приводящей в движение капитальную ценность. Власть общественных отношений над людьми достигает своего апогея. Мне нет надобности дальше останавливаться на этом вопросе, так как читатель, конечно, помнит те блестящие страницы первого тома «Капитала», где с поразительной яркостью развертывается психология капиталиста, отражающая в себе тенденцию капитальной ценности к непрерывному самовозрастанию.

К двум указанным выше типам возможно, как нам кажется, свести все виды «издержек обращения». Одни из них представляют производительный труд, воплощающийся в нематериальных предметах потребления капиталистов, другие прямо входят в меновую ценность известных материальных предметов потребления и только кажутся непроизводительными, хотя и неизбежными издержками.

V

ОБЩЕСТВЕННО-НЕОБХОДИМЫЙ ТРУД И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПАРАЗИТИЗМ

Как мы старались показать, соображения, изложенные Марксом в VI главе II тома, не требуют никаких существенных поправок в сделанном нами общем определении производительного труда; мы считаем также единственно правильным рассматривать

труд, образующий ценность, просто как капиталистическую форму производительного труда вообще.

Если величина меновой ценности товара определяется количеством труда, общественно-необходимого для его производства, то самое существование товара, как меновой ценности, возможно только в том случае, если труд, употребленный на его производство, общественно-необходим *качественно*. Необходимые при данных общественных условиях и в то же время непродуцируемые и не образующие ценность виды труда представляют с этой точки зрения *non sens*⁴⁶.

В первой главе настоящей статьи был взят совершенно случайный, исключительный пример непродуцируемого труда. Между тем непродуцируемый труд может иметь не только случайный, но и общественный характер. Последнее имеет место главным образом тогда, когда развитие производительных сил общества оставляет за флагом известный социальный слой, делает его из общественно-необходимого общественно-излишним или паразитическими. Примером нам может послужить мелкое немецкое рыцарство XIV и XV веков. Развитие товарного производства имело, как известно, своим результатом разрушение экономической самостоятельности мелких поместий; самодовлеющие общественные ячейки натурального хозяйства средних веков стали тесны для новых производственных форм, мелкое землевладение уступает место крупному, а общая организаторская власть сосредоточивается в руках князей, ставших во главе нового общества — государства, окончательно сложившегося только в XVI, XVII столетиях.

Мелкое рыцарство, утратив материальные условия своего существования в качестве организаторов, делает своей специальностью грабеж на торговых дорогах. Каждый рыцарский бург⁴⁷ становится вполне самостоятельным обществом, для которого весь окружающий мир со всеми его обитателями, включая сюда и людей, представляется просто внешней *природой*; поэтому разбойничий промысел с точки зрения бурга является не только трудом, но и *производительным* трудом, — это просто охотничье хозяйство с той только небольшой особенностью, что предметом охоты являются здесь не зайцы или бекасы, а купцы. Наоборот, с точки зрения нового товар-

ного общества, рыцари-разбойники представляются, конечно, чисто паразитическим элементом, слоем не только общественно-излишним, но и общественно-вредным. Здесь паразитизм приобретает своеобразную форму государства в государстве; отживающие общественные элементы составляют самостоятельную общественную организацию, вырабатывают систему планомерной деятельности, направленной к высасыванию соков из развивающегося общественного организма. Впрочем, общественный паразитизм не всегда принимает вид непроизводительного труда; наиболее часто представляется просто бездеятельным потреблением. Французское дворянство прошлого века дает иллюстрацию паразитического существования этого второго рода. Утратив свою хозяйственную функцию, оно сохранило доходы, вытекавшие когда-то из нее, просто вследствие переживания некоторых юридических надстроек. Таким образом, здесь источником существования был не труд, хотя бы и непроизводительный. Что касается собственно деятельности, то во всех подобных случаях она не имеет никакого отношения к производству средств существования и носит исключительно *потребительный* характер; объективным ее результатом является, как и в животном мире, лишь гипертрофия функций питания и размножения, — впрочем, у человека неприглядная картина обыкновенно несколько скрашивается непомерным развитием воображения и вытекающих отсюда эстетических эмоций.

Итак, отвлекаясь от совершенно случайных, индивидуальных видов непроизводительного труда, мы считаем возможным противопоставлять общественно-производительные функции только общественному паразитизму, причем последний представляет два вида. В одних случаях деятельность паразитического слоя общества носит строго потребительный характер; существование такого слоя обеспечивается не трудом. Если бы французский дворянин прошлого столетия, вместо того чтобы блистать на балах, заниматься охотой, придворными интригами и философией, вздумал пролежать всю жизнь на диване, то это не внесло бы никакого потрясения в его материальную обеспеченность, его доходы не уменьшились бы от этого ни на один экю.

В других случаях необходимым условием существования паразитического класса является труд, но труд отнюдь не вытекающий из производственного строя данного общества, но, наоборот, разрушающий этот строй, утилизирующий его в паразитическом смысле. Это наблюдается тогда, когда исчезает не только производительная функция данного класса, но и те юридические формы, которые были когда-то ее «надстройкой», ее непосредственным отражением.

Разбойничий рыцарь не может отказаться от своей «вредной» деятельности. Для него прекратить охоту на купцов — значит умереть.

В заключение нам остается коснуться еще одного вопроса, а именно: чем же объясняются неточности и ошибки, так странно пестрящие главу об «издержках обращения» во II томе и главы о купеческом капитале в III томе труда Маркса? Довольно элементарные противоречия в исследовании «издержек обращения» поражают прямо недоумением⁴⁸ читателя, находящегося под обаянием поразительной силы и тонкости анализа сложнейших вопросов, разбираемых автором в других местах сочинения. Было бы, разумеется, нелепостью объяснять эти противоречия логической несостоятельностью писателя, и это тем более, что у него же мы почти всегда находим ключ к разрешению недоразумения. Настоящее изложение, в сущности, представляет только попытку развить некоторые замечания Маркса, разбросанные им и в VI главе II тома, и в других местах его трактата.

Причину ошибок надо искать не в устройстве логического аппарата автора, но в устройстве того общества, которое окружало его в эпоху составления «Капитала». К сожалению, мы здесь не имеем ни малейшей возможности сколько-нибудь обстоятельно исследовать этот вопрос, но суть его разрешения, как нам кажется, заключается в следующем.

Признав такие виды труда, как торговля, банковское дело и пр., производительными, Маркс тем самым вынужден был бы признать их и общественно-необходимыми. А в этом случае пришлось бы или вовсе отказаться от той перспективы, которая развертывается на известных страницах главы «о первоначальном накоплении», или указать общественную тенденцию,

мало-помалу превращающую некоторые категории производительных работников капиталистического строя из общественно-необходимого элемента в общественно-излишний. Такая тенденция предполагает, очевидно, не только появление так называемых «материальных условий» новой общественной организации, но и фактическое развитие самой этой организации, постепенное образование новых форм общественно-производственной деятельности, внедряющихся в старые отношения и вытесняющих их шаг за шагом, так что последние принимают в конце концов характер чисто юридических пережитков.

В переходные эпохи, когда материальные предпосылки нового общества находятся еще «в процессе зарождения», невозможно дать полную и законченную формулировку законов этой едва возникающей эволюции, невозможно также вполне правильно оценить значение тех сторон «старого порядка», роль которых в процессе общественного новообразования еще не выяснена самой жизнью. Пробелы, остающиеся, таким образом, в анализе, по необходимости заполняются представлениями старой, отжившей идеологии.

Ex nihilo, как известно, nihil fit⁴⁹, из ничего нельзя создать даже идеи. Поэтому какова бы ни была умственная сила гениального исследователя, она может проявиться только в той или другой комбинации существующего материала; результат ее не творчество, которое вообще невозможно, а лишь формировка того, что уже есть.

¹ Опубликовано в: Базаров В. Труд производительный и труд, образующий ценность. СПб.: изд. С. Дороватовского и А. Чарушникова, 1899.

² См.: Маркс К. Капитал. Т. 1//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 191–192.

³ Там же. С. 192, сноска.

⁴ Там же. С. 517.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 191.

⁷ In abstracto (лат.) — вообще.

⁸ Conditio, sine qua non (лат.) — необходимое условие.

⁹ Zur Kritik der politischen Oekonomie (нем.) — «К критике политической экономии», работа Маркса, опубликованная в 1859 г. См.: Маркс К., Эн-

- гельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1 и 2. Маркс считал «Капитал» продолжением этой книги (там же. Т. 23. С. 5).
- 10 Сисситии — совместные обеды свободных спартанцев. Сиссития была не просто обедом, она объединяла группу из 15–20 человек (называвшихся сисситами), обычно служивших в одном воинском отряде и связанных дружескими отношениями. Каждый сиссит должен был вносить на эти обеды определенное количество продуктов.
- 11 *Ео ipso* (лат.) — этим самым.
- 12 См.: Маркс К. Капитал. Т. 1//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 43.
- 13 Там же. С. 83.
- 14 *Lohnwerk* (нем.) — работа на заказ, с использованием давальческого сырья заказчика.
- 15 *Toto coelo* (лат.) — полностью.
- 16 «Кровь, надо знать, совсем особый сок». См.: Гете И. В. Фауст/Пер. Б. Л. Пастернака. М.: Художественная литература, 1969. С. 89.
- 17 См.: Маркс К. Капитал. Т. 1//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 84.
- 18 *Faux frais* (фр.) — издержки, накладные расходы.
- 19 См.: Маркс К. Капитал. Т. 2//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 24. С. 169.
- 20 Там же. С. 158.
- 21 Там же. Т. 23. С. 517.
- 22 Там же. Т. 24. С. 168–169.
- 23 Там же. С. 153.
- 24 Имеется в виду книга: Промышленность. Статьи из *Handwörterbuch der Staatswissenschaften*/Пер. с нем. М. и Н. Водовозовых. 1896.
- 25 Имеется в виду книга: *Зибер Н. И.* Давид Рикардо и Карл Маркс в общественно-экономических исследованиях. Опыт экономического исследования. Изд. 3-е. СПб.: т-во И. Д. Сытина, 1897 [обл. 1898].
- 26 Благер — от *blagueur* (фр.) — хвастун, враль.
- 27 *ξὸν πόλιτιον* (греч.) — общественное животное, так Аристотель определял человека.
- 28 См.: Маркс К. Капитал. Т. 2//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 24. С. 169.
- 29 Там же. С. 147–148.
- 30 *Ceteris paribus* (лат.) — при прочих равных условиях.
- 31 См.: Маркс К. Капитал. Т. 2//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 24. С. 148–149.
- 32 См.: Маркс К. Капитал. Т. 3//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. 1. С. 358.
- 33 *Tant pis pour vous* (фр.) — тем хуже для вас.
- 34 *Pour les beaux yeux* (фр.) — ради прекрасных глаз.

- 35 См.: Маркс К. Капитал. Т. 3 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. 1. С. 309.
- 36 Там же.
- 37 Там же. С. 311.
- 38 Там же. С. 316.
- 39 Там же. С. 317.
- 40 Там же. С. 320.
- 41 Там же. С. 321. Приведем цитату полностью: «Так как купец как простой агент обращения не производит ни стоимости, ни прибавочной стоимости (потому что добавочная стоимость, которую он присоединяет к товарам посредством своих издержек, сводится лишь к добавлению ранее существовавшей стоимости, хотя здесь напрашивается вопрос, каким образом он удерживает, сберегает эту стоимость своего постоянного капитала), то и торговые рабочие, занятые у него исполнением таких же функций, не могут непосредственно создавать для него прибавочную стоимость». Очевидно, Базаров прав — Маркс явно сомневается в своем выводе и его стиль здесь отличается от обычного.
- 42 Там же.
- 43 Там же. С. 355.
- 44 Внесена редакционная правка. Было — «целью существование товара на рынке оказывается просто заключительной фазой производства».
- 45 Так в оригинале. Должно быть «обусловлены его».
- 46 Non sens — нонсенс, от латинского non (нет) sensus (смысл).
- 47 Бург — укрепленный пункт, замок.
- 48 Так в оригинале.
- 49 Ex nihilo nihil fit (лат.) — из ничего не происходит ничего.

Анархический коммунизм и марксизм¹

ТЕХНИЧЕСКИЕ И ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СОЦИАЛИЗМА²

Мы рассмотрели некоторые условия, вне которых немислима победа социализма. Социализм не может постепенно развиваться в недрах капиталистического общества, социализм не может санкционировать норм, ограничивающих заранее установленными рамками развитие производительных сил. Но из этого, конечно, отнюдь еще не вытекает, что торжество социализма в какой бы то ни было форме неизбежно или хотя бы только возможно. Каковы же те силы, которые фактически готовят почву для социалистической революции, каковы «предпосылки» социализма?

По Марксу эти предпосылки осуществляются в следующих «тенденциях развития». По мере того как растет капитализм, разрушая и поглощая более ранние производственные формы, обостряется присущее ему противоречие между общественным характером производства и индивидуальным присвоением продуктов; тот же самый процесс роста производительных сил, который приводит к расширению производства, автоматически сокращает рынок сбыта; вследствие этого, кризисы, непосредственно обусловленные анархией производства, все более и более обостряются, и наступает, наконец, производственная катастрофа, от которой капитализм не в состоянии оправиться собственными силами, — перед обществом встает альтернатива: или погибнуть или взять в свои руки планомерную организацию производства. Вместе с тем создаются условия, облегчающие эту последнюю задачу. С одной стороны, благодаря вытеснению мелких капиталистов крупными средствами производства сосредоточиваются в конце концов в руках немногих

магнатов капитала, и, таким образом, производство уже самим капитализмом централизуется почти в тех самых размерах, которые необходимы для социалистической его организации; наряду с этим число лиц, непосредственно заинтересованных в сохранении старого строя, сводится к ничтожной кучке промышленных королей. С другой стороны, пролетариат, включающий в свои ряды все большую и большую часть населения, все интенсивнее испытывает на себе капиталистическую эксплуатацию: растет угнетение пролетариата, но в то же время растет его материальная сила, его организованность, создаваемая самой техникой фабричного труда, его озлобление против господствующего строя; увеличивается, следовательно, революционная решимость рабочих масс бороться за социализм и в то же время их способность победоносно завершить эту борьбу, т. е. захватить в свои руки государственную власть и при ее помощи организовать производство на новых началах.

Как известно, эти положения Маркса вызвали громадную критическую литературу, — прежде всего в буржуазном лагере, а затем и среди самих социалистов. Недостаток места не позволяет нам остановиться с надлежащей обстоятельностью на этой «ревизионистской» работе, и потому мы попытаемся лишь в самом сжатом виде формулировать ее итоги.

Попытка подвергнуть критическому пересмотру теорию кризисов Маркса была сделана в России в 90-х годах прошлого столетия³ Туган-Барановским⁴ и Булгаковым⁵. Эти писатели — в то время ярые «марксисты» — старались побить Маркса самим же Марксом, доказать возможность безграничного развития самодовлеющего капиталистического производства, исходя из теории реализации, изложенной во II томе «Капитала». Основная мысль их заключается в том, что сокращение рынка для предметов непосредственного потребления отнюдь еще не способствует само по себе обострению промышленных кризисов. Кризис обуславливается не абсолютными размерами сбыта предметов потребления, а неправильным распределением капитала между производством средств существования и производством средств производства. И если весь вещественный капитал будет затрачиваться на эти два подразделения производства в определенном, строго установленном соотношении,

то капиталистическое хозяйство, даже вполне изолированное и замкнутое в самом себе, может развиваться беспредельно.

Расчеты, положенные в основу этого вывода, вызвали целый ряд возражений, на которых мы не будем останавливаться. Заметим только, что теория Туган-Барановского — Булгакова была бы малоубедительна даже в том случае, если бы сокращение рынка предметов потребления действительно не отражалось на ходе развития капиталистического производства. Очевидно в самом деле, что строгое соблюдение пропорции, обеспечивающей беспрепятственную реализацию товаров на рынке, возможно только при планомерной общественной организации производства. Капитализм же может приспособляться к этой пропорции лишь стихийно, т. е. под давлением кризиса, вызванного отклонением от нее; поэтому кризис, хотя быть может и не столь резкий, как это представлял себе Маркс, должен стать хроническим состоянием самодовлеющего капитализма.

Быстрое и неправильное расширение производства, характерное для капитализма, происходит беспрепятственно лишь до тех пор, пока имеются налицо некапиталистические области, на счете которых осуществимо такое же быстрое и такое же неправильное расширение сбыта. Таким образом, завоевание внешних рынков — «внешних» не в смысле «заграничных», а в смысле «некапиталистических» — имеет самое жизненное значение для развития капитализма. Раз эта перспектива исчезает, раз весь мир уже захвачен капитализмом, периоды продолжительного и интенсивного расцвета становятся все менее и менее возможными, — поскольку, разумеется, капитализм остается капитализмом, т. е. «анархическим» производством. Итак, в сущности теория реализации доказывает возможность беспредельного развития не для самодовлеющего капитализма, а для некоторого совершенно фиктивного общественного строя, соединяющего в себе капиталистическую эксплуатацию и социалистическую планомерность производства.

Впрочем, в литературе — и даже социалистической — не было недостатка в произведениях, которые стремились доказать, что такая капиталистически-планомерная организация производства не фикция, а действительная тенденция развития.

Указывалось на то, что с развитием средств сообщения и повышением осведомленности анархия производства устраняется самим капитализмом, — процесс, которому в особенности благоприятствует сосредоточение производства в руках предпринимательских союзов — трестов, картелей и т. п. Э. Бернштейн, выступивший защитником этого взгляда, утверждал даже категорически, что отныне кризисы невозможны, что кризисы — это детская болезнь капитализма⁶... и утверждал это как раз накануне кризиса, охватившего в 1900–1901 гг. мировую промышленность.

В настоящее время даже человек, настолько далекий от «ортодоксального» марксизма, как профессор Зомбарт, признает, что марксова теория кризисов в основе своей выдержала испытание полувековой теоретической и практической критики⁷. Опыт свидетельствует только, что ресурсы капитализма исчерпываются далеко не так быстро, как думали Маркс и Энгельс в 40-х годах прошлого века⁸. С другой стороны, тот окончательный кризис, который рисовался Марксу в виде мощного девятого вала, разбивающего в щепы современный общественный корабль, должен, по-видимому, принять менее резкий, но гораздо более затяжной характер. Капитализм стремится не к острой катастрофе производства, а к хроническому застою, мало-помалу разлагающему производительные силы общества.

Если эта поправка, отодвигающая конечный кризис и смягчающая его форму, почти не затрагивает теоретической стороны произведенного Марксом анализа, то практически она, конечно, чревата весьма важными последствиями. В самом деле, если капиталистическому обществу уже в ближайшем будущем грозит полное экономическое крушение, исключаяющее всякий иной выход, кроме социализма, то, очевидно, под давлением этой внешней железной необходимости социализм осуществим и действительно будет осуществлен, несмотря на очень серьезные внутренние сопротивления. Общество в его целом *вынуждено* будет перейти к социализму, раз оно не хочет умереть; при таких условиях защитники старого строя быстро исчезнут или потеряют всякую почву под ногами; все интеллектуальные и материальные силы общества будут направлены к тому, чтобы как можно скорее восстановить нарушенный хозяйственный

процесс на новом, единственно возможном основании, и социализм восторжествует неизбежно, восторжествует, хотя бы концентрация производства была еще недостаточна, а рабочий класс далеко не достиг той сознательности и организованности, которые ему необходимы для того, чтобы собственными силами совершить переворот. — Наоборот, хронический застой, хотя и приводит в конечном счете к разложению и смерти общества, не может вызвать такой решительной перегруппировки общественных сил. В истории известны примеры обществ, медленно разлагавшихся в течение ряда веков при полном равнодушии к этому процессу гниения со стороны господствующих классов, при систематическом подавлении всякого рода реформаторских попыток снизу. Поэтому, раз тенденция капиталистического развития приводит лишь к медленному разложению производства, а не хозяйственной катастрофе, то особенную важность приобретает вопрос: нарождаются ли параллельно с таким процессом распада творческие силы, стремящиеся разбить оковы умирающего строя, создать новое общество? и если да, то могут ли они приобрести достаточно мощи, чтобы на деле совершать этот переворот?

Мы подошли к общественным предпосылкам социализма. Возражения, пытающиеся подвергнуть сомнению наличие этих предпосылок, опираются обыкновенно на статистические данные и вкратце сводятся к следующему. Концентрация производства, хотя и совершается в области обрабатывающей промышленности, но далеко не особенно быстро; в большинстве стран даже те отрасли промышленности, где крупное производство имеет несомненные преимущества, все еще отличаются раздробленностью и во всяком случае очень далеки от сосредоточения в руках единого централизованного управления. Притом — и это особенно важно — число капиталистов отнюдь не уменьшается в той же пропорции, в которой концентрируется производство. Сосредоточение производства совершается не путем вымирания более слабых капиталистов, а путем объединения их с более сильными в общие предпринимательские ассоциации; развитие акционерного дела приводит к тому, что увеличение числа собственников идет параллельно концентрации предприятия. Таким образом, численность и сила

класса, стоящего на страже капитализма, не уменьшается, а возрастает. Далее, численность мелкой буржуазии, т. е. самостоятельных мелких товаропроизводителей все еще остается огромной — даже в обрабатывающей промышленности наиболее развитых и быстро прогрессирующих стран, какова, например, Германия. Наконец, в сельском хозяйстве капиталистической концентрации производства вовсе не наблюдается; здесь имеет место скорее обратный процесс раздробления: мелкое производство торжествует над крупным по всей линии.

Эти поправки к «марксистской догме» выдвигаются вперед всеми противниками революционной социал-демократии; причем выводы из них делаются совершенно различные, в зависимости от того, какой именно стороне социал-демократического движения не сочувствует данная группа критиков.

Критики из буржуазного лагеря умозаключают отсюда, что социализм вообще — вредная утопия, что социал-демократическая пропаганда только мешает рабочим всецело отдаться единственно «реальной» политике реформ на почве существующего строя; наиболее радикальные и объективные из этой группы критиков соглашаются условно признать законность социал-демократизма как преходящего «настроения» рабочих, вызванного эксцессами слишком прямолинейной массовой политики буржуазного государства.

Оппортунистическое крыло социалистов, принимая послышки буржуазных критиков, пытается смягчить их выводы; согласно этому учению, невозможен не социализм вообще, а только «ортодоксальный», т. е. революционный путь осуществления социализма; в чем заключается «возможный» неортодоксальный путь, остаётся, к сожалению, тайной оппортунистов (теория «врастания» большинством из них уже не защищается), — известно только, что путь этот должен быть «мирный». Наконец, анархисты и близкие к ним группы, указывая на возрастающую мощь капитала, настаивают на том, что с социалистической революцией надо спешить; каждый дальнейший шаг в развитии капитализма не облегчает, а затрудняет возможность переворота.

Все эти теории с одинаковой победоносностью противопоставляют себя «обанкротившейся» ортодоксии, — но уже один тот факт, что столь разнообразные выводы делаются из одних

и тех же посылок, заставляет усомниться в прочности позиции многочисленных могильщиков марксизма.

В марксистской литературе не раз подвергались обстоятельному разбору фактические данные, положенные в основу теорий, ниспровергающих ортодоксию; при этом зачастую оказывалось, что даже самый цифровой материал, на который опираются «поправки» к установленным Марксом тенденциям развития, далеко не бесспорен. Однако мы не можем здесь подвести итогов этой полемики, так как в противном случае нам пришлось бы углубиться в детали, несовместимые с общим характером настоящей работы. Мы допустим поэтому самое неблагоприятное для революционного социализма, — допустим, что в общем и целом все цифровые данные критиков правильны, и посмотрим, в какой степени это должно отразиться на нашем практическом отношении к «проблеме социализма».

Итак, прежде всего вопрос о концентрации производства. Как далеко должна подвинуться концентрация в данной отрасли промышленности для того, чтобы последняя могла войти в состав социалистически организованного производства? — Уже с первого взгляда очевидно, что социалистам вовсе нет необходимости дожидаться того момента, когда само капиталистическое развитие сосредоточит все предприятия каждой отрасли производства под руководством единого центрального управления. Те, которые считают утопией быстрое «революционное» объединение в одно организованное целое отрасли производства, раздробленной между десятками самостоятельных капиталистов, забывают, что утопия эта неоднократно и притом с большой легкостью осуществлялась на практике. Она осуществлялась каждый раз, когда возникал новый предпринимательский трест. Организаторы трестов менее всего придерживаются той мирной «реальной» политики, которую солидные буржуазные ученые так рекомендуют рабочим; они отнюдь не склонны выжидать, пока естественная эволюция капитализма устранил все мелкие и технически несовершенные предприятия, но обнаруживают пагубную склонность действовать путем насильственных переворотов. Захватив всеми правдами и неправдами власть в данной отрасли производства, они одним революционным ударом уничтожают десятки отсталых

и несовершенных предприятий, пуская в ход лишь несколько наиболее совершенных фабрик. И при этом, благодаря строго рациональной постановке дела, эти несколько объединенных под центральным руководством треста предприятий начинают производить продукта больше, чем производилось раньше многими десятками самостоятельных капиталистов.

Было бы, конечно, нелепостью утверждать, что для социалистического режима технически недоступно то, что на каждом шагу совершают капиталистические компании, нельзя, наоборот, не согласиться с мнением Каутского⁹, что победоносный пролетариат встретит при выполнении этой задачи гораздо меньше затруднений, чем встречают их в настоящее время тресты. — Тресту приходится при своем возникновении преодолевать двоякого рода препятствия: во-первых, со стороны отдельных предпринимателей, которые иногда до последней капли денег борются за свою самостоятельность, — во-вторых, со стороны рабочих, которые массами выбрасываются на улицу вследствие закрытия целого ряда фабрик. Между тем при социалистическом объединении отрасли производства занятые в ней рабочие получают непосредственную выгоду от самого раскассирования несовершенных предприятий, — не говоря уже о других благодетельных последствиях, которые несет с собой социализм. При трестификации рабочие закрытых технически отсталых фабрик в значительной своей массе вовсе теряют заработок, при социализации они все переходят в более совершенные предприятия, — и уже одно это дает возможность сильно сократить рабочий день, расширяя в то же время размеры производства, т. е. повышая жизненный уровень рабочих. Таким образом, имея в руках достаточную социальную силу, всегда возможно быстро устранить в каждой данной отрасли отсталые предприятия и организовать производство, пользуясь исключительно самыми высшими формами существующей техники.

Условие, необходимое для быстрого «революционного» превращения капиталистической анархии в планомерную организацию, заключается не в фактическом объединении каждой данной отрасли производства, а в *технической целесообразности* такого объединения и в наличии достаточного числа

предприятий, которые легко могут быть приспособлены к требованиям наивысшей техники.

Но вот вопрос: имеется ли во всех отраслях производства хотя бы эта минимальная техническая предпосылка социализма? — или по крайней мере, подготавливается ли она ходом капиталистического развития? На этот вопрос мы уже согласились ответить отрицательно. Мы уже допустили, что в такой важной отрасли хозяйства, как земледелие, не наблюдается концентрации производства. Отсюда следует одно из двух: или социализм вообще невозможен до тех пор, пока новые изобретения или какие-либо иные обстоятельства не изменят коренным образом характер развития земледельческого хозяйства, — или же для осуществления социализма вовсе не требуется, чтобы только что сформулированная нами техническая предпосылка имела во всех без исключения отраслях производства. На первом выводе настаивал г. Булгаков, критикуя программную часть книги Каутского «Аграрный вопрос»¹⁰. По мнению г. Булгакова, социализация обрабатывающей промышленности при сохранении индивидуального производства в земледелии была бы социальным чудом. Социал-демократы, вообще говоря, придерживаются второго взгляда, т. е. допускают возможность успешного социалистического переворота, оставляющего неприкосновенным мелкое производство в земледелии и даже некоторых областях обрабатывающей промышленности. — Но не противоречит ли такой взгляд тому, что мы говорили раньше о невозможности постепенного вrostания социализма в товарное производство, о необходимости одновременно подчинить все общественное хозяйство единой целесообразной организации?

Для того чтобы разобраться в этом вопросе, уясним прежде всего самую постановку его.

Постепенное завоевание современного производства социалистическими организациями является, как мы видели, неосуществимым потому, что в рамках современного строя всякое решительно предприятие, с какими бы благими социалистическими намерениями оно не основывалось, должно приспособляться к требованиям капиталистического товарного рынка, должно, следовательно, само превратиться в товарно-капита-

листическое предприятие, раз оно хочет жить и развиваться. Социализм должен немедленно овладеть обращением товаров, устранить анархию рынка.

Но для планомерной организации обращения продуктов во все не требуется, чтобы все они без исключения производились в общественно организованных предприятиях. — Представим себе, что все общественное хозяйство распадается только на три строго специализированные отрасли промышленности: *A* — производство орудий труда, *B* — производство одного вида предметов потребления (например, какой-нибудь одежды) и *C* — производство другого вида предметов потребления (напр., какого-нибудь пищевого продукта)¹. Допустим сначала, что технически подготовлено к социализации и действительно социализировано только одно подразделение *A*, в то время как в подразделениях *B* и *C* господствуют по-прежнему отдельные самостоятельные предприятия. При таких условиях обобщественная часть производства имеет мало шансов овладеть рынком и подчинить его себе. Ибо, хотя все участники подразделений *B* и *C* нуждаются в продуктах *A*, но далеко не все продукты *B* и *C* покупаются подразделением *A*. Значительная и, быть может, даже доминирующая масса продуктов *B* потребляется в *C* и наоборот. Таким образом, социалистическое *A* лишено возможности непосредственно регулировать обращение продуктов и скорее вынуждено само подчиниться регулирующему влиянию товарного рынка, т. е. вынуждено утратить свой социалистический характер.

Предположим теперь, что социализировано и *A* и *B*, и только в *C* сохраняется индивидуальное производство. Не забудем, что по нашему предположению отрасли производства строго специализированы, т. е. в *B* производится только один вид одежды, в *C* только один вид пищи. На рынок выносятся только то, что не потребляется самими производителями, а следовательно, обмен существует лишь между *A+B* и *C*, но не в пределах

¹ Я прекрасно понимаю, что никакое общество не в состоянии удовлетвориться одним видом орудия, одним видом одежды и пищи, — но приближение к действительности в данном случае только усложнило бы расчеты, не внося никаких изменений в ход аргументации по существу.

каждого отдельного подразделения. Очевидно, в этом втором примере все продукты, изготовленные индивидуалистической частью производства, потребляются в социалистической его части. $A+B$ составляют единственную область сбыта для C , а так как $A+B$ социализированы, подчинены планомерной организации, то они выступают по отношению к C не в качестве «рынка», а в качестве единого заказчика, который не только может, но даже вынужден регулировать производство работающих на него поставщиков, — вынужден прежде всего заранее определить количество необходимого для него продукта и, следовательно, уничтожить анархический, товарный характер обращения. Итак, социалистический переворот осуществим, раз социализированная часть производства сможет взять на себя роль заказчика на главные продукты массового потребления, изготавливаемые вне ее.

Если с этим критерием в руках подойти к современному капитализму, то нельзя не признать, что уже в настоящее время в большинстве культурных стран социалистический переворот не встретил бы на своем пути непреодолимых технических препятствий.

Не забудем прежде всего, что в расчет должны быть приняты лишь те отрасли производства, которые выбрасывают свой продукт на широкий капиталистический рынок массового сбыта. Следовательно, совершенно остаются в стороне виды промышленности, носящие характер личных услуг или работы на заказчика, т. е. такие, например, профессии, как парикмахеры, полотеры, трубочисты, бесчисленные категории мелких ремесленников, занимающихся починкой, и т. п. Мы не хотим, конечно, сказать, что в положение этих лиц социализм не внесет никаких изменений. Отнюдь нет; так как немедленным результатом введения социализма будет значительное повышение жизненного уровня рабочих, занятых в социализированных предприятиях, и так как при социалистическом ведении производства каждый новый работник — желанный гость в любой отрасли труда, то будущему обществу удастся сохранить перечисленные выше профессии лишь в том случае, если материальное и моральное положение их участников будет не ниже, чем во всех других областях промышленности. Мы говорим только о том,

что тип отношений между производителями данной категории и потребителями может сохраниться прежний без малейшего ущерба для дела социалистического переустройства.

Но преобладающая масса мелких самостоятельных производителей в обрабатывающей промышленности принадлежит именно к профессиям, носящим характер работы на заказчика (ремесленники-одиночки) или личных услуг. Что касается производства продуктов массового потребления, то здесь лица, которых официальная статистика регистрирует как мелких самостоятельных производителей, относятся, за самыми ничтожными исключениями (за исключением, напр., некоторых видов художественного ремесла), к следующим двум категориям работников. Это, во-первых, представители резервной армии капитала в ее скрытой форме, — одиночки, пытающиеся конкурировать с крупным производством путем чрезмерного удлинения рабочего дня и чрезмерного сокращения потребностей. Поступить на фабрику, — не социалистическую, а современную, капиталистическую, эксплуататорскую фабрику, — вот заветная мечта этих «самостоятельных» производителей. Во-вторых, перед нами под видом «самостоятельных» фигурируют наемные рабочие так называемой «домашней системы промышленности», т. е. рабочие, занимающиеся производством у себя на дому, но из материала, принадлежащего капиталисту. В работе Зомбарта «Современный капитализм» читатель найдет данные, с полной убедительностью доказывающие, что в Германии именно эта форма капиталистической зависимости фактически господствует в тех отраслях производства, где статистика указывает преобладание мелкого самостоятельного производства. Даже «лавочник» — этот синоним типичного мелкого буржуа — не составляет исключения: и он в громадном большинстве случаев оказывается лишь рабочим домашней системы промышленности, во главе которой стоит то крупный купец, то богатый домовладелец.

Широкое распространение домашней промышленности объясняется не тем, что сосредоточение производства в данном случае не повысило бы производительности труда, а исключительно тем, что такое сосредоточение капиталистически не вы-

годно при низкой оплате труда рабочих домашней промышленности. Во всяком случае, таких отраслей труда, где система домашней промышленности господствовала бы исключительно, уже очень немного. Но даже там, где это имеет место, быстрое сосредоточение производства не представляет непреодолимых технических трудностей. Многие — и притом не только социалисты, но и буржуазные филантропы — доказывают, что уже теперь, при господстве капитализма, вполне осуществим был бы закон, воспрещающий раздачу работы на дом и обязывающий всех без исключения предпринимателей отводить собственное помещение для работы. В обрабатывающей промышленности развитых капиталистических стран мы едва ли встретим хоть одну отрасль массового производства, в которой социализация была бы технически невозможна.

Остается, таким образом, только земледелие, которое на первых порах несомненно должно было бы сохранить индивидуалистический характер, если бы социалистический переворот произошел при современных условиях производственной техники. И притом только земледелие в узком и строгом смысле слова: так называемые побочные отрасли сельского хозяйства, как напр., производство молочных продуктов, мяса и т. п., уже теперь — при капитализме — приобретают мало-помалу крупную централизованную организацию. Но, само собой разумеется, продукты чистого специализированного земледелия, поскольку они не потребляются на месте самими производителями, могут потребляться только участниками обрабатывающей промышленности. И раз последняя, за ничтожными исключениями, социализирована, она имеет полную возможность взять на себя роль заказчика на все продукты земледельческого производства. Не подлежит, таким образом, ни малейшему сомнению, что в большинстве капиталистических стран области, в которых объединение производства уже теперь технически целесообразно и фактически осуществимо, могли бы при социализации подчинить своему контролю все обращение продуктов. Другими словами, технические предпосылки социализма уже имеются налицо; с технической стороны переворот уже в настоящее время достаточно подготовлен в передовых странах капиталистического мира.

Как же обстоит дело с теми социальными силами, которые должны сыграть активную роль в этом перевороте?

Количество собственников, говорят нам, растет, несмотря на концентрацию производства, растет их экономическая мощь, растет, следовательно, сила сопротивления капитализма. — Так ли это? Верно ли, что сотня акционеров объединенного предприятия представляет столь же крупную социальную силу, как и сотня независимых капиталистов, самостоятельно ведущих каждый свое дело?

Социальная сила данной группы людей определяется не только численностью, но также — и это прежде всего — общественной ролью группы. Энергия, находчивость, стойкость, способность к организации — все эти качества, необходимые для успешной социальной борьбы, не отпускаются природой в равном количестве каждому человеческому экземпляру, но всецело зависят от тех функций, из которых складывается общественная жизнь человека. И само собой разумеется, капиталист — организатор самостоятельного производства бесконечно более способен к энергичной борьбе, нежели капиталист-паразит, отрезыватель купонов. А ведь именно к такому превращению класса организаторов производства в класс бездеятельных паразитов и приводит разбираемая нами тенденция развития. Управление производством все более и более сосредоточивается в немногих руках, — нередко руководящая роль в целой отрасли промышленности принадлежит наемной дирекции, — вместе с тем бывшие организаторы устраниваются от активного участия в хозяйственной жизни страны, становятся мирно почивающими на лаврах держателями процентных бумаг. При этом не может не атрофироваться способность данной социальной группы к *самостоятельной* жизненной борьбе. Это не значит, конечно, что уже теперь, при капиталистическом строе, удельный вес класса капиталистов уменьшается по мере развития в нем паразитных элементов. В капиталистическом обществе социальная и политическая влияние определяется не личной активностью и жизнеспособностью людей, а количеством сосредоточенных в их руках «ценностей». Полная удовлетворенность держателей ценностей, спокойное, доверчивое отношение их к общему ходу дела есть необходимое

условие правильного функционирования капиталистического механизма. Промышленным рантье нет надобности лично отстаивать свои интересы, нет даже надобности уяснять себе, какие именно меры лучше всего гарантируют их благосостояние; сотни услужливых голов среди бюрократов промышленности и государства неусыпно думают за них, предупреждая малейшие поводы к неудовольствию с их стороны, стараясь обеспечить устойчивость их доходов. Пока существует капиталистическая система хозяйства, паразитизм властителей купона есть высшая форма приспособления к среде, — затрата энергии, необходимая для поддержания жизни, сведена здесь к пределу теоретически мыслимого минимума, к нулю. Но дело совершенно изменяется с наступлением момента, когда самая капиталистическая система оказывается под знаком вопроса, когда бумажные «ценности» грозят утратить свою магическую силу и начинают импонировать столь же мало, как и всякие другие, неквалифицированные клочки бумаги. Вот тут-то, под ударами социальной бури и произойдет переоценка социальных ценностей: то, что знаменовало силу бумажных аристократов — их освобождение от всякой личной борьбы, атрофия способности к организованному натиску и сопротивлению, — станет источником их слабости, источником их неизбежного поражения. — Возрастание числа собственников, идущее параллельно концентрации производства, не увеличивает, а уменьшает потенциальную энергию их сопротивления социальному перевороту.

Нам могут возразить, что «собственниками» — акционерами промышленных предприятий являются не одни паразиты-рантье. Значительная часть сбережений «трудовых» слоев населения также помещается сюда. Английские и американские капиталисты зачастую выпускают особые дешевые акции и прилагают специальные старания к тому, чтобы распространить их среди своих рабочих и таким образом заинтересовать последних в безостановочном и интенсивном развитии доходности предприятия. — К сожалению, однако, никакими ухищрениями нельзя превратить каждого мелкого буржуа в крупного капиталиста, и еще труднее сделать рабочего своим собственным эксплуататором. Хотя число мелких акционеров очень

значительно, но на долю каждого приходится такая гомеопатическая доза «собственности», что в общей сумме капитал их составляет лишь ничтожную часть ценности, сосредоточенной в руках настоящих, чистых капиталистов. Для социалистического режима нет поэтому никакой необходимости и никакого интереса экспроприировать эти жалкие ренты. Собственники накопленных трудовых грошей могут быть совершенно спокойны за свои «сбережения», — от социализма им не грозит ни малейшей опасности¹.

Но если мелкие буржуа, в качестве владельцев процентных бумаг, не имеют особого основания противиться социализму, то не являются ли они его злейшими врагами в качестве самостоятельных производителей, одержимых фанатизмом собственности?

Здесь прежде всего необходимо отметить, что самый объект этого фанатизма в значительной степени разрушен капиталистическим развитием. Чистый тип мелкого буржуа, т. е. соединение в одном лице работника и самостоятельного предпринимателя, непосредственно выносящего свои продукты на рынок, является, как мы уже упоминали выше, редким исключением. В огромном большинстве случаев о такой самостоятельности мелкого производителя не может быть и речи; можно говорить лишь о формах его зависимости от капитала. Среди многочисленных видоизменений этих форм выделяются две основные. Или капиталист служит только посредником между рынком и мелким производителем, эксплуатируя последнего, в качестве скупщика; или капиталист не только скупает продукты мелкого производителя, но и снабжает его средствами производства.

Очевидно, только в первом случае сохраняется почва для мелкобуржуазного «фанатизма», ибо только в этом случае мелкий

¹ Каутский предлагает очень остроумный способ вознаградить мелких ратье, не вознаграждая крупных. Для этого стоит только выкупить по полной стоимости капиталистические предприятия и затем устранить все доходы, превышающие известную норму, путем соответственно рассчитанного подоходно-прогрессивного налога. (См.: *Каутский К.* На другой день после социальной революции. Пг.: Изд. Петроградского Совдепа, 1918. С. 13–15. — *Прим. научн. ред.*.)

хозяйчик более или менее самостоятельно организует и ведет свое производство. Этот тип отношений особенно распространен в крестьянском хозяйстве; и если бы социализм угрожал крестьянину немедленным лишением самостоятельности, превращением каждого хозяйчика в рабочего общественно организованного крупного предприятия, то он несомненно встретил бы в крестьянской среде отчаянное сопротивление. Но, как мы уже говорили, социалистический переворот не может взять на себя такой задачи, да вовсе и не нуждается в ее немедленном, *насильственном* осуществлении. Вся непосредственная перемена в положении крестьянина сведется к тому, что вместо скупщика выступит в качестве *заказчика* социалистическая организация работников обрабатывающей промышленности. Развитие товарищеских форм в организации сельскохозяйственного производства будет, конечно, неизбежным результатом победы социализма, но оно возникнет самопроизвольно под влиянием новой среды, оно не может быть сразу декретировано сверху. — Таким образом, крестьянин, поскольку он самостоятельный работник на своей ниве, а не эксплуататор батрацкого труда, сохранит самоопределение во всем, что касается ведения его «собственного» хозяйства, и лишь будет получать несравненно больше за свой труд, так как социалистическое общество не имеет ни интереса, ни фактической возможности подвергать его такой эксплуатации, какую он прежде выносил со стороны скупщика-ростовщика.

Что касается мелкой буржуазии городов, то она почти сплошь уже утратила самостоятельность в организации предприятия. Она превратилась, как мы видели, в рабочих домашней промышленности, для которых, как и для всяких рабочих, социализм несет с собой только освобождение.

При таких условиях мелкая буржуазия, казалось бы, уже теперь должна являться сторонницей социализма. Мы знаем однако, что в действительности этого не наблюдается. Только немногие элементы мелкой буржуазии увлекаются потоком пролетарского движения, преобладающая же масса ее продолжает везде сохранять свою обособленную позицию.

Правда, цельность мелкобуржуазного мировоззрения давно уже разбита историей. Нашему времени совершенно чужды те

мощные, точно из одной каменной глыбы высеченные фанатики «свободы, равенства и братства», которые в славные дни конвента с непоколебимой энергией шли к своему идеалу, беспощадно отсекая все то, что справа или слева мешало их утопической мечте воплотиться в жизнь. Идеал братства свободных и равных товаропроизводителей не только потускнел с тех пор, впитав в себя целый ряд компромиссов, но, что особенно характерно, он удалился из пределов практической досягаемости. Идеологи мелкой буржуазии выработали теорию, по которой всякий идеал тем и «ценен», что он абсолютно неосуществим и совершенно независим от жизни; социалистическая конечная цель представляется им «низменной» уже по одному тому, что социалисты видят в ней не заоблачную грезу, а реальную задачу, подлежащую воплощению во всей ее полноте. Эта возведенная в принцип оторванность идеала от жизни лучше всего показывает, насколько далеко ушло разложение данного класса, насколько безнадежными представляются ему самому мечты о социальном строе, обеспечивающем торжество желательных для него форм и отношений. Идеалы современной мелкой буржуазии — это парадные апартаменты ее скудного жилища; в обычное время они крепко заперты на ключ и открываются лишь для особо почетных гостей и по особо торжественным дням. На практике мелкие буржуа примиряются со своим подчинением власти капитала, как с неумолимым роком. Причем в зависимости от характера этого подчинения вырабатывается двоякое отношение к господину.

Там, где имеется хоть какая-нибудь возможность смотреть на себя как на существо привилегированное по сравнению с «простым» рабочим, развивается характерная психология излюбленных, приближенных слуг. Взгляните, например, на какого-нибудь мелкого «клерка», ничтожного «служащего» в какой-нибудь капиталистической конторе или канцелярии капиталистического государства. С каким великолепным презрением посматривает он с высоты своих обязательных крахмальных воротничков на засаленную куртку рабочего. В полном согласии с теорией автора «Буржуазной революции и рабочего дела»¹¹ он относит себя к командующим классам, — ведь он «интеллигент», одетый в «господское» платье. И вы

ни за что не убедите его, что труд «простого» рабочего во многих профессиях требует несравненно большей интеллигентности, чем переписывание бумаг и щелканье на счетах. Даже нередкое превосходство заработка у «рабочего» не всегда в состоянии поколебать тот пьедестал, который воздвиг себе «служащий». — В промышленных странах идеология «излюбленного слуги» становится мало-помалу характерной для тех слоев мелкой буржуазии, которые у нас в России принято называть «интеллигенцией». С развитием промышленного капитализма представители умственного труда — даже в том случае, если они принадлежат к так называемым либеральным профессиям — делаются все более и более зависимыми от капитала. Являясь частью наемными организаторами, частью ближайшими исполнителями предначертаний капитала или капиталистического государства, «интеллигенты» в общем и целом представляют действительно привилегированную группу слуг современного строя. Кроме того, это своеобразное промежуточное положение дает интеллигенции возможность в моменты обострения социальных противоречий сыграть роль того добавочного груза, присоединение которого окончательно склоняет весы в ту или другую сторону. Вот почему даже в тех странах, где мелкая буржуазия далеко уже не составляет большинства, «общественное мнение», направляющееся всегда по равнодействующей борющихся социальных сил, формируется преимущественно профессиональной «интеллигенцией».

В тех случаях, когда — как например, в типичной домашней промышленности — для иллюзии привилегированности не остается никакого места, основной тон мелкобуржуазной психологии — приниженная, заискивающая покорность, стремление не прогневить как-нибудь господина, заслужить его милость. Такое настроение создает самая форма эксплуатации, убивающая в своих жертвах всякую способность к систематической организованной борьбе, всякую веру в свои собственные силы.

Само собой разумеется, как в первом, так и во втором случае приверженность мелкой буржуазии к ее господину — капиталу — прочна лишь до тех пор, пока власть последнего грозна и непоколебима. Если бы стало для всех очевидным, что в руках

промышленных рабочих уже сосредоточена сила более значительная, чем та, которой располагает капиталистический класс, мелкая буржуазия немедленно отшатнулась бы от своего обанкротившегося властителя. И уже в настоящее время в тех случаях, когда пролетариату удастся каким-либо неожиданным ударом внести временное смятение в ряды руководителей капиталистического строя, наблюдается иногда такая измена мелкой буржуазии, внезапный поворот «общественного мнения».

В общем и целом получается, следовательно, такой вывод. Хотя мелкая буржуазия в строгом смысле этого слова уже уничтожена капиталистическим развитием, хотя самостоятельные мелкие производители современного общества «самостоятельны» лишь по форме, по существу же являются рабама капитала, — тем не менее промышленный пролетариат в ближайшем будущем не может рассчитывать на сколько-нибудь серьезную и систематическую поддержку этих слоев населения. Они будут на стороне пролетариата, но лишь тогда, когда в руках его сосредоточится сила, способная импонировать капиталистическому строю. Накопить эту силу пролетариат должен один, опираясь только на самого себя, в процессе самостоятельной классовой борьбы.

...

Социализм и власть¹²

Выше мы видели, что априорные ограничения размеров производственной организации несовместимы с социализмом. Никакие попытки втиснуть социалистическое производство в рамки небольших автономных коммун не могут иметь успеха; социализму придется создавать обширную централизованную систему производства. Как же отразится это на политическом строе? Приведет ли централизация производства к превращению общества в гигантскую казарму, как опасаются анархисты, или же «свобода и самоопределение личности» от этого не страдают?

Как мы уже говорили во второй главе¹³, по марксистской теории, с социалистическим строем совершенно несовмести-

мо существование обособленных от общества органов государственной власти, имеющих своим назначением силой поддерживать общественный порядок. Такие органы необходимы и неизбежны лишь постольку, поскольку подлежащий охране «порядок» представляет совокупность норм, гарантирующих господствующему классу беспрепятственную эксплуатацию остальных классов общества. С устранением классовых и вообще социально-экономических противоречий исчезает всякая необходимость и всякая возможность государственной организации.

Существует, правда, мнение, будто человек по самой природе своей настолько испорчен и ленив, что даже в социалистическом строе, где нет эксплуатации, где все работают не на капиталистов, а на самих себя, без полиции не загонишь народ на фабрики. Что вы будете делать с лентяями, с охотниками поживиться на общественный счет? — спрашивают добродетельные буржуа — столпы современного трудолюбия, — вам придется в вашем «социалистическом государстве» к каждому рабочему приставить по городовому!

Устрашенные этой перспективой, анархисты начинают уверять, что в их свободных коммунах все будут трудиться с чрезмерным рвением, будут готовить необходимые для жизни продукты в гораздо большем количестве, чем нужно... так что если городской даже и потребуется, то отнюдь не для того, чтобы «ташшить» людей на фабрики, а разве для того, чтобы «не пущать» их туда. — Впрочем, в основе этих мечтаний анархистов лежит правильная мысль, что тягостен не труд сам по себе, а лишь современная подневольная его форма. Освобожденный от капиталистического ярма, обставленный вполне гигиенично, труд станет «удовольствием», т. е. удовлетворением основной потребности человека. Как известно, еще Фурье положил в основу организации труда в своих «сериях»¹⁴ эту задачу: путем целесообразного сочетания различных работ, приспособленных к требованиям природы человека, превратить процесс труда в непрерывное удовольствие.

Мы также нисколько не сомневаемся в том, что в социалистическом обществе люди будут затрачивать на труд гораздо больше времени, чем те немногие часы, которые необходимы для удов-

летворения всех насущных потребностей общества. Мы убеждены, что освобожденный от капиталистического проклятия, одухотворенный художественным гением труд воскреснет в свободных ассоциациях будущего и воплотится в творения искусства, несравненно более богатые и грандиозные по замыслу и выполнению, чем те храмы, которые создавали некогда свободные союзы средневековых ремесленников. Но ниоткуда не следует, что в каждый данный момент человеку захочется делать именно то, чего требуют от него текущие, не терпящие отлагательства нужды общества. Конечно, этот «обязательный» труд будет сокращен до ничтожного минимума; он будет оставлять каждому индивидууму вполне достаточно времени для свободного творчества¹, тем не менее его *обязательный* характер от этого не уничтожится. Будет лишь гораздо легче отбывать эту трудовую повинность, нежели в современном строе экономического рабства. И для того, чтобы обеспечить добросовестное отбывание ее всеми членами общества, к услугам городского прибегать не придется, — не только потому, что городской вообще не желателен, но и потому, что в этой области он был бы совершенно бессилён. Единственно возможным и единственно действительным средством является в данном случае та товарищеская дисциплина, которая уже в настоящее время создается в рабочих организациях и заставляет каждого отдельного члена без всякого внешнего принуждения мириться с целым рядом личных неудобств ради достижения общей цели. Правда, пока живы еще психологические пережитки буржуазного общества, самая эта «дисциплина», самый этот «контроль» общественного мнения не может не ощущаться иногда как *внешнее* принуждение. Но для поколений, родившихся и воспитавшихся в атмосфере социалистического строя, необходимость участвовать в работе, поддерживающей жизнь общества, будет представляться чем-то совершенно естественным, само собой разумеющимся, без чего немислимо представить себе самое существование человека. Ведь и в настоящее время можно

¹ Есть основания думать, что уже при современной технике «обязательный» промышленный труд мог бы быть сокращен социалистической организацией производства до 4,5 часов в день.

указать ряд несомненных неудобств и стеснений, наложенных на человека общежитием, и в то же время настолько сросшихся с «природой» каждого индивидуума, что освобождение от них ощущалось бы как еще горшее неудобство и стеснение. Всякий согласится, например, что в душевной комнате, переполненной густой толпой, одежда есть совершенно очевидное стеснение, и однако даже высоко принципиальный анархист вряд ли решится сбросить с себя это «ярмо», хотя в данном случае оно не имеет за собой никаких разумных оснований, навязано исключительно *деспотизмом* общественного мнения.

Но если внешнее принуждение и авторитарное руководство не потребуется для того, чтобы заставить членов социалистического общества стать на работу, то, быть может, оно необходимо для организации самой этой работы, для правильного функционирования такого сложного, грандиозного по своим размерам механизма, каким является социалистическое производство.

В капиталистическом обществе властные, «авторитарные» отношения связаны не только с государственной организацией, но проникают собой сверху донизу весь общественный и в частности производственный строй. Но зависит это во все не от того, что производство слишком концентрировано, что общественное разделение труда зашло слишком далеко, — нет, источником всякой власти, всякого принуждения является здесь, как и везде, социальный конфликт, противоречие интересов.

Капиталистическая фабрика переполнена бесчисленными надсмотрщиками, понукателями, соглядатаями, контролерами. Техническое управление орудиями производства неразрывно связано здесь с авторитарным управлением людьми, применяющими к делу эти орудия. Всякий организаторский план, необходимый для процветания производства, должен вылиться в ряд беспелляционных повелений фабричной администрации, в ряд «законов», которые могут быть осуществлены лишь под контролем власти, способной принудить работников к их выполнению. При самом беглом взгляде на эту картину бросается в глаза, что власть необходима здесь вовсе не потому, что организация производства слишком сложна, что рабочие без авторитарного руководства не в состоянии

ориентироваться в этом запутанном механизме. Если человек не знает, что и как он должен делать, для него требуется не приказание, а объяснение, и приказание имеет смысл лишь тогда, когда объяснение уже усвоено, все трудности уже преодолены, когда человек уже знает, что и как делать, но не хочет делать, не видит для себя *интереса* в том, чтобы строго выполнять это «что и как».

Быть может, однако, мы не правы, быть может, самое «усвоенное» в данном случае недоступно среднему человеку; быть может, требуется особо выдающийся талант для того, чтобы определить в любой момент функции каждого отдельного участника производственного механизма, и, таким образом, даже при социалистической организации, устраняющей конфликт интересов, рабочие вынуждены будут на каждом шагу слепо следовать указаниям высших руководителей. — Само собой разумеется, что открытие новых орудий или методов труда, повышающих производительность работы, требует исключительного таланта. Но ведь здесь дело идет не об изобретениях, которые навсегда останутся индивидуальным творческим актом, возникающим совершенно непредвиденно и потому не поддающимся никакой заранее определенной организации. Мы говорим о производстве, которое организует применение *уже готовых* изобретений в данной определенной области. — Предстоит изготовить определенное количество определенных предметов потребления; из всех известных методов производства требуется избрать такие, применение которых обеспечивает достижение этой цели с наименьшей затратой труда. Очевидно, перед нами чисто математическая задача. Для того, чтобы уразуметь, правильно или неправильно она решена, не нужно обладать ни художественным чутьем, ни особой проницательностью, — достаточно знать те математические приемы, при помощи которых произведены вычисления. А это доступно решительно всякому человеку, получившему надлежащую школьную подготовку. В социалистическом строе всякий вопрос производственной техники превращается в математическую задачу указанного типа, и притом в задачу, в правильном разрешении которой заинтересованы все без различия участники производства; поэтому здесь становится невозможным не только «автори-

тарное», но и вообще какое бы то ни было руководство, не остается также места и для «деспотизма» большинства голосов. Правильность математического вывода не может быть установлена ни декретами, ни всеобщим голосованием, — тут царствует безусловная свобода и самоопределение индивидуума, и в то же время немыслимо никакое «нарушение порядка»: полное единогласие само собой обеспечивается общезначимостью математических аксиом. Работники данной отрасли производства могут поручить особой группе лишь следить за всеми новыми изобретениями и производить все необходимые для их оценки математические выкладки. Но выделять из своей среды *власть*, предписывающую под страхом наказания признать эти выкладки правильными и принять их к обязательному руководству, рабочим, конечно, не придет в голову, ибо нет никаких оснований ожидать, что социалистический переворот вызовет всеобщее авторитарное помешательство.

То, что мы только что сказали о технической постановке каждого отдельного предприятия, применимо решительно ко всем функциям социалистической организации. Возьмем хотя бы функции центра, регулирующего ход всего производственного целого. Вот, казалось бы, почва, где пышным цветом может распусться власть со всеми ее эксцессами. Держать в своих руках все нити мирового производства! Ведь это такой источник могущества, по сравнению с которым детской игрушкой кажутся материальные силы, составлявшие опору власти величайших деспотов древних «всемирных» монархий. Какие тщательные гарантии выборности, ответственности, сменяемости, подсудности и т. д. и т. п. необходимы для того, чтобы лица, которым будет доверен этот высокий пост, находились под неослабным общественным контролем и не могли обратиться в тиранов, деспотически помыкающих населением земного шара! Так дело и представлялось бы, если бы мы поверили анархистскому жупелу и допустили возможность того «государственного капитализма», который, по уверениям анархистов, неразрывно связан с централизацией производства. В действительности однако черт далеко не так страшен, как малюет его анархическая кисть. В самом деле, в каких услугах со стороны «центра» нуждается отдельная социализированная отрасль промышленности? в чем может вы-

разиться ее зависимость от центра? Работникам той или другой индустрии надо знать, сколько и каких именно продуктов они должны изготовить для удовлетворения данной общественной потребности. Никакие «предписания» по сему поводу со стороны центра не нужны, а, следовательно, и невозможны, — все, что требуется от него, это тщательный статистический учет мирового потребления и своевременное опубликование систематизированных итогов. Перераспределение работников, вызываемое изменением вкусов и прогрессом техники, в значительной мере совершается в пределах каждой данной отрасли промышленности и потому не касается центра; и опять-таки оно требует не принудительного раскассирования и формирования промышленных отрядов, а лишь точного учета сил, недостающих или излишних в той или другой профессии. Таким образом, грозное «центральное мировое правительство» при ближайшем рассмотрении превращается в скромное «центральное статистическое бюро», заведующее не мировым производством в целом, а лишь одной из многочисленных детальных работ, входящих в систему этого последнего. Целесообразность и планомерность общественной организации производства в том-то и состоит, что деление на руководящие и исполнительные органы устраняется, и на место групп, отдающих и выполняющих приказание, становятся автономные в пределах своей функции, равноправные между собой подразделения общественно-расчлененного труда.

Но мы уже слышим тяжкий вздох, вырывающийся из груди читателя. «Боже мой, как скучно будет жить в этом новом обществе, где все математически рассчитано, где нет места для борьбы страстей, для драматических коллизий между индивидуумами!» Скука, да еще скука человека, психика которого приспособлена к современной социальной атмосфере, конечно, не аргумент против будущего строя. Тем не менее мы спешим на выручку удрученному читателю. Математически рассчитано будет далеко не «все». Далеко не вся деятельность человека может быть включена в обязательную общественную организацию. Вне ее останется как раз самое важное, самое дорогое, — те высшие жизненные ценности, ради свободного расцвета которых и нужна, между прочим, планомерно-математическая организация производства.

Каутский проводит границу между общественно-организованной и свободной «анархической» деятельностью в будущем строе следующим образом: «Общественно организовано должно быть материальное производство, — анархически, на основе свободного соглашения, организуется умственный труд»¹. — Но различие между умственным и физическим трудом чрезвычайно поверхностно и не точно. Обыкновенно под умственным трудом понимается, с одной стороны, такой труд, который требует особо квалифицированной образовательной подготовки, с другой стороны, всякий труд, «орудиями» которого являются перо, чернила и бумага. Не говоря уже о том, что труд при помощи пера во многих случаях есть несравненно более механический, или «физический», чем некоторые отрасли «ручного» фабричного труда, с точки зрения организации производства будущего интересна вовсе не эта сторона дела.

Общественной организации требуют, очевидно, все те функции, *непрерывное* отправление которых необходимо для покрытия какой-либо всеобщей, т. е. присущей каждому члену общества, потребности. Под эту рубрику подойдет целый ряд работ, относимых в настоящее время к категории «умственного» труда. Так, например, систематическая хозяйственная статистика безусловно необходима для правильного функционирования социалистического производства. Следовательно, эта статистика должна быть организована общественно, должна войти как особое подразделение в систему общественно-организованного производства. То же самое приходится сказать о медицине, о школьном образовании и воспитании детей. С другой стороны, художественное ремесло относят в настоящее время к категории физического труда; между тем, поскольку данное художественно-ремесленное произведение не сводится к простому копированию модели, но воплощает индивидуальную творческую мысль работника, оно — как и всякое произведение искусства — отнюдь не должно, да и не может быть продуктом общественно-организованного производства.

Всякая творческая, изобретательная, конструктивная деятельность человека должна остаться за пределами обязатель-

¹ См. его брошюру «Социальный переворот. На другой день».

ной общественной организации, совершенно независимо от того, при помощи каких именно «орудий» она воплощается во вне¹⁵. Социализм отнюдь не связывает проявление творческого духа, он впервые освобождает их и делает, так сказать, общедоступными. В настоящее время для большинства, скованного рабским трудом, область творчества вообще закрыта; но и для меньшинства, мопополизовавшего ее, она несвободна, а неизбежно окрашивается так или иначе — положительно или отрицательно, сочувственно или негодующе — теми идеями, которые порождены атмосферой социального рабства. Поэты, например, очень красиво говорят иногда о том, что они «рождены не для корысти, не для битв», и с большим эффектом изливают свой гнев на «чернь», нарушающую свободный полет их творческой мечты своими криками, стонами и проклятиями. Пока поэт только негодует на свою зависимость от черни, он хорош, он выражает интенсивное, богатое содержанием настроение, которое выливается в яркие образы. Но стоит поэту вообразить, что он уже фактически освободился от власти земли, стоит ему сделать попытку погрузиться в сферу самодовлеющих «сладких звуков и молитв», — и фиаско неизбежно: получается или нечто ничтожно-микроскопическое, вроде едва слышного Фетовского «шопота» и «робкого дыханья», или хотя и крикливые, но зато уже совершенно пустопорожние «фиолетовые звуки в сладкозвучной тишине».

Не только самый процесс творчества получает полную свободу при социализме. Проведение в жизнь уже вполне законченного художественного или научного плана должно быть также делом свободного соглашения, раз имеются сторонники и противники данного плана, раз вокруг него кипит борьба различных эстетических вкусов и идеалов или различных научных теорий. Интенсивность и страстность *такой* борьбы между индивидуумами не понизится, конечно, в социалистическом обществе, а наоборот, приобретет небывалый размах. — Итак, во всем, что касается воплощения новых творческих замыслов, — будет ли это какая-либо научная экспедиция, постройка дворца или памятника, требующая совместной работы сотен и тысяч людей, или же дело идет о художественной безделушке, которую два-три работника могут изготовить в один вечер, —

во всех этих случаях предприятие может быть осуществлено только на почве добровольного соглашения отдельных индивидуумов, соединяющих свои рабочие силы *ad hoc*. Какова бы ни была внутренняя организация такого добровольного и временного союза, она всегда *свободна* уже по одному тому, что каждый индивидуум может в любой момент выступить из нее. — «Обязательная» общественная организация охватывает лишь удовлетворение таких потребностей, которые общепризнаны, вошли в плоть и кровь каждого человека и потому не способны создать принципиального столкновения различно направленных интересов. Но раз данная потребность одинаково присуща всем, раз желания всех одинаково направлены, то весь вопрос сводится к технике их наиболее целесообразного удовлетворения. Следовательно, здесь — и только здесь — вступает в свои права математика, причем, как мы уже говорили, математические аксиомы очищают область своего господства от всяких авторитарных декретов еще с гораздо большей легкостью, нежели принцип свободного соглашения индивидуумов.

Один из градоначальников города Глупова находит, что все вообще законы, от градоначальнической власти исходящие, можно разделить на три категории: законы глупые, средние и мудрые. Мысль философствующего администратора сводится в кратких словах к следующему. Законы *глупые* суть те, кои противоречат естеству человеческому, напр.: всякий обыватель да летает по воздуху. Наоборот, *средние* законы предписывают человеку то, что уже предписано ему самим его естеством, например; всякий обыватель да пьет воду, а отнюдь не керосин. Наконец, *мудрые* законы содержат в себе правила, для общественного благоденствия необходимые, но ограниченному разуму подданных недоступные в своем значении. — В социалистическом обществе всякая попытка издать «мудрый» закон фатально обречена на неудачу. Здесь возможны «законы» или глупые, т. е. требующие осуществления чего-либо для всех явно нелепого и вредного, или средние, т. е. предписывающие то, необходимость чего ясна и без всякого предписания. Атмосфера, менее всего способная поощрить развитие авторитарного законодательства!

...

Коммуне придется не только организовывать по новому производство, но и отражать интенсивный натиск защитников старого производственного строя, придется, может быть, вести гражданскую войну. — Вряд ли есть необходимость доказывать, что на войне невозможно победить без централизованного «командования» войсками. ... Авторитарной власти потребует не одна только военная самооборона. Капиталисты и их сторонники попытаются, конечно, всеми способами дезорганизовать новый строй производства, взорвать его, так сказать, изнутри. Пролетариату придется пустить в ход все средства принуждения, необходимые для того, чтобы быстро и решительно покончить с конвульсиями умирающего строя. Господство пролетариата в период незакончившейся еще революции не может не принять формы *политической диктатуры*. Это не значит, конечно, что партия пролетариата ограничится простым захватом органов государственной власти в том виде, как они сложились в старом строе. Нет, немедленная и самая радикальная демократизация будет необходима, необходима именно для успеха пролетарской диктатуры.

Наконец, и сами положительные задачи социалистического общества потребуют на первых порах сохранения авторитарных отношений. Промышленный пролетариат, вырабатывающий уже в теперешней борьбе с капитализмом формы организации, необходимые для товарищеского управления производством, в большинстве стран составляет меньше половины населения. По всей вероятности, и в момент социалистической революции он далеко не везде будет включать в свои ряды абсолютное большинство нации. Во всяком случае промежуточные мелкобуржуазные элементы, совершенно не приспособленные к дружной товарищеской организации, будут представлять очень значительную массу. Эта масса и после приобщения ее к социалистической организации производства не может не нуждаться в течение известного времени в авторитарном руководстве. Да и промышленные рабочие, выросшие в капиталистическом обществе, не сразу сумеют обойтись без авторитарных указаний, и они — просто вследствие недо-

статочной образовательной подготовки — в отдельных случаях вынуждены будут верить на слово руководителям.

Бояться, что эти авторитарные отношения могут упрочиться и закрепиться, отдав снова мир в руки «насильников», нет решительно никакого основания. В социалистическом обществе исчезает *объективная* почва для развития авторитарного духа и никаким ухищрениям зловредных «якобинцев» не удастся спасти престиж власти. — В самом деле, укрепление авторитарных форм, развитие *бюрократического* управления означает торжество рутины, застойность раз сложившихся форм хозяйственной деятельности. Эта последняя в свою очередь кладет препоны развитию производительных сил труда. Между тем в социалистическом строе в непрерывном повышении производительности труда *каждого* работника заинтересованы все без различия члены общества. Социалистическое общество самым кровным образом заинтересовано в том, чтобы «власть» не могла пустить прочных корней ни в одном из уголков и закоулков сложного общественного механизма. Возможно скорая реорганизация всех отраслей труда по типу чисто товарищеского союза будет настоящей заботой всех и каждого. Притязания властных натур, встречающие такую благодарную почву в обстановке современной социальной борьбы, станут возбуждать все более и более ироническое недоумение по мере укрепления социалистического хозяйства. И когда исчезнут последние пережитки капиталистического строя, когда в атмосфере социализма вырастут новые поколения, «вкус к власти» будет представляться таким же патологическим явлением, каким представляется нам вкус наших предков к человеческому мясу.

Закончим словами Энгельса: «Первый акт, в котором государство выступает действительным представителем всего общества — захват государством средств производства от имени всего общества, — есть вместе с тем и последний самостоятельный акт государства, как такового. Вмешательство государственной власти в общественные отношения становится излишним в одной области за другой и таким образом постепенно само собой прекращается. На место командования лицами становится заведывание вещами и руководство производственными процессами. Государство не “отменяется”, оно *отмирает*»¹⁶.

- 1 Опубликовано в: *Базаров В. Анархический коммунизм и марксизм.* СПб.: тип. т-ва «Народная польза», 1906. В настоящем издании публикуются VIII (полностью) и X (с небольшими сокращениями) главы книги.
- 2 Там же. С. 95–120.
- 3 Поскольку книга Базарова вышла в 1906 г., здесь и далее под «прошлым веком» надо понимать XIX век.
- 4 *Туган-Барановский М.И. Промышленные кризисы в современной Англии, их причины и влияние на народную жизнь.* СПб.: тип. И. Н. Скороходова, 1894. См. также: *Туган-Барановский М.И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историко-экономическое исследование.* Т. 1. Историческое развитие русской фабрики в XIX веке. СПб.: Л. Ф. Пантелеев, 1898. Здесь и далее ссылки даны на первое издание (для переводных работ — на первое издание на русском языке).
- 5 *Булгаков С.Н. О рынках при капиталистическом производстве. Теоретический этюд.* М.: тип. М. И. Водовозова, 1897.
- 6 Например, см.: *Бернштейн Э. Условия возможности социализма и задачи социал-демократии / Пер. с нем.* London: Rus. free press fund, 1900. Вып. 27.
- 7 *Зомбарт В. Современный капитализм.* В 2-х т. Пер. В. Базарова и И. Степанова. М.: С. Скимунт, 1904–1905. Т. 1. Генезис капитализма, 1904; Т. 2. Теория капиталистического развития, 1905.
- 8 Имеется в виду работа К. Маркса и Ф. Энгельса «Манифест коммунистической партии». Первое издание вышло 21 февраля 1848 г. См.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* 2-е изд. Т. 4. М.: Госполитиздат, 1955. С. 419–459.
- 9 *Каутский К. Социальная революция.* Под ред. Н. Ленина. Женева: Лига русской революционной социал-демократии, 1903. Далее Базаров цитирует другое издание этой работы: *Каутский К. Социальный переворот. На другой день после социального переворота / Под ред. Н. Ленина.* [СПб.] тип. Н. П. Собко, [1905].
- 10 *Каутский К. Аграрный вопрос.* Харьков: Знание, 1900.
- 11 См.: [Без автора] *Буржуазная революция и рабочее дело.* СПб.: типо-лит. И. Лурье, 1906. Возможно, Базаров не знал, кто написал эту книгу. Это был В. К. Махайский (1866 или 1867–1926).
- 12 См.: *Базаров В. Анархический коммунизм и марксизм.* СПб.: тип. т-ва «Народная польза», 1906. С. 160–172, 180–183.
- 13 Вторая глава называется «Доктрина анархистов-коммунистов». См.: Там же. С. 8–28.
- 14 Ш. Фурье предложил проект рациональной организации производства, основой которого были бы фаланстеры, объединявшие 1700–2000

человек. В фаланстерах создавались рабочие бригады, называвшиеся «сериями». См.: *Фурье Ш. Избранные сочинения. В 4-х т. Т. 3. Новый хозяйственный и социетарный мир, или Открытие способа привлекательного и природообразного труда, распределенного в сериях по страсти.* М.: Изд. АН СССР, 1954.

- ¹⁵ Имеется в виду — вне «обязательной общественной организации».
- ¹⁶ *Энгельс Ф. Анти-Дюринг*//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 291–292.

Выступление на IV съезде РСДРП¹

Матвеев [Базаров-Руднев]. Большинство ораторов, говоривших до меня, рассматривали аграрный вопрос главным образом как тактический. И это совершенно понятно. Аграрный вопрос — это вопрос о поддержании революционного движения крестьянства, которое является нашим ближайшим, но, конечно, временным политическим союзником. Само собой разумеется, мы можем поддерживать лишь те его требования, которые действительно революционны, т. е. не только направлены против существующей власти, но в то же время не противоречат развитию производительных сил, развитию капитализма.

И вот с этой-то последней точки зрения ленинский проект вызвал на съезде оппозицию, основанную, как мне кажется, на недоразумении, на некотором априорном, недостаточно мотивированном страхе перед национализацией земли. Тов. Новоседский утверждал, например, что даже черный передел, который он считает мерой отъявленно реакционной, следует предпочесть ужасам национализации. Тов. Плеханов выразил «удовольствие» по поводу того, что в ленинском проекте он встретил своего старого знакомого из времен народовольчества.

На мой взгляд, удовольствие т. Плеханова при встрече со «старым знакомым» было несколько преждевременно. У народовольцев и их эпигонов, социалистов-революционеров, национализация неразрывно связывается с уравнительным землепользованием и потому действительно является реакционной утопией, — у Ленина ни о какой уравнительности нет и речи. Он выдвигает национализацию лишь как средство, позволяющее устранить монополию в землевладении, вырвать из рук помещиков монопольную «абсолютную» ренту и тем самым создать условия, наиболее благоприятные для развития капитализма. И любопытно, что сам т. Плеханов, защищая проект т. Джона², в сущности, признал эту прогрессивную роль национализации. Передача земли областным организациям, говорил

он, должна послужить источником интенсивнейшей классовой борьбы за распоряжение земель. Но что справедливо по отношению к области, справедливо, казалось бы, и по отношению ко всему государству. Если передача земли в собственность областного самоуправления дает толчок развитию капитализма, обостряя классовую борьбу в пределах области, то, казалось бы, передача земли в собственность государства должна иметь тот же результат, также обостряя классовую борьбу, но уже в более широких рамках всего государства. Между тем т. Плеханов приходит прямо к противоположному выводу. По его мнению, национализация послужит опорой докапиталистической феодальной реставрации: в старой Московской Руси земля была национализирована, и широкая крестьянская масса до сих пор еще хранит традиции этого азиатского феодализма. Трудно допустить, чтобы идеология давно уже исчезнувшего общественно-экономического строя сохранилась в такой полноте, как это утверждает т. Плеханов. Но, какова бы ни была идеология крестьянства, несомненно, во всяком случае, что феодальная реставрация не мыслима у нас в силу чисто объективных условий. Ведь и французская реставрация 1815 г., на которую ссылался т. Плеханов, отнюдь не была восстановлением феодальных отношений. Конечно, французские эмигранты-дворяне, вернувшись вместе с Бурбонами на родину, очень не прочь были снова завладеть землями, конфискованными и распроданными республикой. Но дело в том, что реставрация опиралась именно на массу мелких земельных собственников; отнять у этих собственников земли значило бы превратить их из реакционеров в революционеров и этим самым уничтожить самую реставрацию. По тем же причинам и в случае национализации земли никакая реставрация не сможет вернуть землю помещикам, согнав с нее крестьян, которые, конечно, поспешат разобрать национализированную землю мелкими участками в долгосрочную аренду. Французским дворянам удалось, правда, добиться денежного вознаграждения за свои потери, но, само собой разумеется, от этого французский народ менее всего могла бы спасти «муниципализация» конфискованных земель.

Отрицательная сторона национализации заключается не в возможности *феодальной* реставрации, а в том, что она дает

буржуазному правительству самостоятельный источник доходов в форме ренты со всей национализированной земли; это представляет несомненную политическую опасность, поскольку государство не вполне демократизовано, поскольку правительство опирается на централизованную, отделенную от народа, бюрократию и кастовое постоянное войско. Но эти опасности достаточно учтены в проекте т. Ленина. Он вовсе не говорит, что мы должны требовать национализации «во что бы то ни стало», при всяких политических условиях. Ленинский проект предлагает поддерживать крестьянскую собственность против помещичьей во всяком случае, и национализацию против частной собственности лишь тогда, если революция дойдет до конца, т. е. если учреждена будет демократическая республика, если независимая от народа бюрократия будет заменена выборными чиновниками, а постоянное войско — народной милицией. Я обращаю внимание на эти *если*. Тов. Плеханов и другие оппоненты говорили, что Ленин — фантаст, утопист, что программа его рассчитана на полную и прочную демократизацию государственного строя, неизбежность которой не доказывается, а декретируется автором. Как видим, это совершенно неверно. Мало того, именно проект т. Ленина предусматривает этот худший случай, который совершенно игнорируется в проекте т. Джона, защищаемом т. Плехановым. Тов. Джон не ставит муниципализацию земли в зависимость от полного демократического переустройства государства. Между тем, муниципализация представляет ту же самую политическую опасность, как и национализация: реакционное правительство с такой же легкостью может наложить руку на ренту муниципализированной земли, как и на ренту земли национализированной.

Таким образом, все те «если», которые формулировал в своем проекте т. Ленин, относятся и к проекту т. Джона: и муниципализация, и национализация допустимы лишь при полной демократизации государства. Я не буду рассчитывать, какая из этих двух форм аграрного устройства выгоднее с точки зрения интересов пролетариата, так как, по моему мнению, практически нам придется решать аграрный вопрос в тот момент, когда далеко еще не будут проведены в жизнь политические преобразования, обуславливающие приемлемость и муници-

пализации, и национализации. Низвержение современного режима, провозглашение демократической республики возможно у нас только как результат борьбы крестьян за землю. Только непримиримый конфликт между крестьянами, требующими помещичьей земли, и помещичьим правительством может революционизировать крестьянство и привести к учредительному собранию, воплощающему самодержавие народа. И, само собой разумеется, крестьяне не станут дожидаться, пока учредительное собрание на деле осуществит демократизацию государственного строя, пока оно заменит современную бюрократию выборной, постоянное войско — народной милицией. Они потребуют земли немедленно, в тот момент, когда у нас не будет еще никаких гарантий действительного осуществления демократизма. И это тем более, что, получив землю, крестьяне пойдут направо, неизбежно затормозят проведение в жизнь тех политических требований, которые под давлением земельного голода они сами вынуждены будут выдвинуть в период острого революционного кризиса.

Итак, та реальная политическая ситуация, при которой мы должны будем решать аграрный вопрос, представляется мне в таком виде, что ни за муниципализацию, ни за национализацию нам высказаться будет нельзя, и придется поддерживать раздел помещичьих земель в частную собственность. Мнение, будто раздел есть мера реакционная, препятствующая развитию в земледелии капитализма, я считаю предрассудком. Я не имею возможности обосновать это утверждение, так как время мое истекло: впрочем, в этом нет и надобности: в нашей партийной прессе указанный предрассудок разоблачался неоднократно, и, между прочим, т. Плехановым, который выступает теперь таким горячим сторонником муниципализации.

1 Опубликовано в: Четвертый (объединительный) съезд РСДРП. Апрель (апрель-май). Протоколы. М.: Госполитиздат, 1959. Съезд заседал с 10 (23) апреля по 25 апреля (8 мая) 1906 г.

2 Джон — П. П. Маслов (1867-1946).

Разруха и конференция заводских комитетов¹

Т. Ленин, в своей речи, произнесенной на петербургской конференции заводских комитетов, горячо убеждал слушателей оценивать революцию и ее перспективы трезво, реалистически с точки зрения научного социализма, не увлекаясь парадно-декоративной стороной революционного движения, громкими, но пустыми фразами, яркими, но бессодержательными лозунгами. Нельзя в достаточной мере приветствовать этот призыв, — особенно в наши дни, когда изобилие революционных чувств и фраз самым прискорбным образом сочетается с величайшей скудостью революционной мысли и революционного дела. Но всего прискорбнее то, что подобное сочетание крайне яркой революционной формы с запутанным и по существу очень мало революционным содержанием характерно как раз для той самой резолюции¹, которую защищал на конференции т. Ленин. Резолюция эта самым резким образом выступает против всяких «бюрократических» мероприятий, требует строжайшего «рабочего контроля» над всей промышленностью и банками; находит, что «планомерное и успешное проведение всех указанных мер возможно лишь при переходе всей государственной власти в руки Рабочих и Солдатских Депутатов» и в заключение предлагает «немедленно организовать в Петрограде общегородской центр из представителей всех заводских комитетов и профессиональных союзов», причем этому центру должна принадлежать руководящая роль в осуществлении всех намеченных выше мер (контроль и пр.) в пределах Петербурга.

Каковы же эти меры, столь решительно требуемые революцией? Какие именно формы контроля она рекомендует приводить? На этот вопрос мы — увы! — не находим сколько-нибудь вразумительного ответа. § 3 требует обязательного привлече-

¹ «Резолюция об экономических мерах борьбы с разрухой, проект, внесенный от имени Орг. Бюро по созыву конференции заводских комитетов Петербурга».

ния к участию не отошедших от дела предпринимателей, так что, по-видимому, частно-хозяйственную основу современной промышленности не предполагается затрагивать. В § 4 говорится, что рабочий контроль «должен быть немедленно развит путем ряда тщательно обдуманных и постепенных, но без всякой оттяжки осуществляемых мер, в полное регулирование производства и распределения продуктов рабочими». Но так как ни малейшего намека на характер этих, еще только подлежащих «тщательному обдумыванию» мер в резолюции не заключается, то остается совершенно невыясненным, в чем же будет состоять «полное регулирование» производства рабочими. Та же нерешительность и спутанность мысли наблюдается и во всех прочих §§ резолюции.

Насколько можно было понять из прений, и в особенности из трескучей, но не весьма вразумительной речи докладчика, сторонники резолюции не предлагают никаких коренных преобразований в самом строе современной промышленности, хотя по существу дела оставить по-старому и только отдать каждого капиталиста под надзор группы революционных рабочих. Нет необходимости доказывать, что из такого «контроля» ничего путного выйти не может. На почве частно-хозяйственной никакая борьба с разрухой немислима. Капиталист имеет тысячи способов провести за нос самых архи-революционных, надо же в этом сознаться — весьма мало компетентных контролеров из состава заводских комитетов. Серьезная борьба с разрухой требует отстранения капиталиста от руководящей роли в производстве и превращения его из организатора производства в государственного рантье, требует, одним словом, того принудительного государственного синдицирования промышленности, на котором мы неоднократно настаивали на столбцах нашей газеты. Такого рода регулирование строительства с самого начала должно быть поставлено в общенациональном масштабе, охватить целые отрасли производства. Проект предлагает сосредоточить регулирование в общегородских центрах (см. конец резолюции), затем в областных, и наконец, в общегосударственном (см. §7), что лишний раз показывает, насколько смутное представление имеют авторы резолюции о том, что собственно значит «регулировать промышленность».

Резолюция, предложенная на обсуждение конференции петербургских заводских комитетов Организационным Бюро, есть типический образчик того революционного кустарничества, которое так пышно разрослось в наши дни на почве хозяйственной разрухи и полнейшего отсутствия сколько-нибудь энергичных мер борьбы с ней со стороны современной власти. Отметим как курьез, что «Правда», горячо защищая робкую и неуверенную резолюцию Орг. Бюро, столь же горячо обвиняет в «мелкобуржуазности» т. Авилова, который предлагает меры гораздо более радикальные, идет далее двусмысленного контроля и решительно становится на почву государственного регулирования самого производства. Но т. Авилов говорит о регулирующих государственных органах с преобладанием в них революционной демократии, т. е. практически, — представителей Сов. Раб., Солд. и Крест. Депутатов. В этом и усматривает «Правда» «немарксистское, несоциалистическое, а мелкобуржуазное отношение к вопросу». По ее мнению, истинно социалистическое, классовое отношение проявляет резолюция Орг. Бюро, требующая, чтобы «во всех решающих учреждениях было обеспечено большинство за рабочими не менее $\frac{2}{3}$ голосов». Но позвольте, т. т., с каких же это пор марксизм стал требовать передачи промышленности в распоряжение одних только промышленных рабочих? Если память меня не обманывает, и сам Маркс и все его последователи формулировали конечную цель социализма как «обобществление» производства, как передачу его в руки *всего общества*. В вашем требовании нет ни грамма марксизма, это — не классовый, а цеховой узкопрофессиональный социализм; это — лозунг блаженной памяти «революционного синдикализма», над которым в свое время так жестоко подсмеивался т. Ленин; «железные дороги — железнодорожным служащим»!

¹ Опубликовано в: Новая жизнь. 1917. 2 июня (15 июня). С. 1.

Большевики и проблема власти¹

Демократический блок сорван. Но не сегодня-завтра, когда формируемая вновь коалиция провалится подобно своим предшественникам, мы снова станем перед необходимостью образовать демократический блок, а может быть и перед диктатурой большевиков. Поэтому как раз своевременным представляется теперь поставить вопрос:

В состоянии ли большевики из партии крайней оппозиции превратиться в правящую партию, — даже при условии, что вся демократия целиком присоединится к их платформе?

Своеобразность современного большевизма не в платформе, а в методах ее осуществления, в его особом представлении о конструкции и функциях государственной власти. В этом отношении очень поучительны недавние фельетоны т. Ленина в «Рабочем Пути», — фельетоны, написанные им в предвидении демократического блока, и по-видимому, с искренним желанием, чтобы этот блок осуществился.

Т. Ленин резко протестует против всяких планов всеобъемлющих преобразований. «Дело вовсе теперь в России не в том, чтобы изобретать “новые реформы”, чтобы задаваться “планами” каких-либо “всеобъемлющих” преобразований», пишет он жирным шрифтом. «Ничего подобного. Так изображают дело — заведомо лживо изображают дело капиталисты, Потресовы, Плехановы, кричащие против “введения социализма”, против “диктатуры пролетариата”².

Никаких планов выдумывать не надо, ибо «безусловно неотложные реформы и преобразования» всем давно известны; это: «хлебная монополия, контроль над производством и распределением, ограничение выпуска бумажных денег, правильный обмен хлеба на товары и т. д.». «Мероприятия такого рода всеми признаны, они начаты во многих местах и с самых разных сторон»³. Они начаты, но им мешает буржуазия. Однако стоит сломить сопротивление буржуазии, передав всю власть Сове-

там, — и больше руководителям правящей партии не о чем беспокоиться. Раз «диктатура пролетариата и беднейшего крестьянства» будет таким образом установлена, сама собой проявится «величественная смелость и решительность власти», которой будет обеспечена «восторженная, беззаветная, истинно героическая поддержка масс и в армии, и в крестьянстве»⁴.

Т. Ленин усиленно подчеркивает, что передача власти Советам отнюдь не означает просто образование министерства из партии, советского большинства, — это ликвидация министерств, ликвидация старого, бюрократически-централизованного государственного аппарата и замена его Советами. «Пусть устыдятся те, кто говорит: «У нас нет аппарата, чтобы заменить старый, неминуемо тяготеющий к защите буржуазии аппарат». Ибо этот аппарат есть. Это и есть Советы. И дальше идет опять лирическая тирада о той силе и величественности, какую обнаружат революционные организации масс «во всех областях государственной жизни», если им будет предоставлена полная самостоятельность»⁵.

Вера в творческие силы масс прекрасная вещь, без такой веры революционер не может шагу ступить, но она не может вырождаться в сентиментальное прекраснодушие, в своего рода революционную маниловщину. И в частности, для того чтобы решить, являются ли Советы аппаратом, приспособленным ко всем областям государственной жизни, вовсе не было надобности апеллировать к вере; гораздо надежнее было бы учесть опыт истекших семи месяцев революции. Ведь во многих местах Советы пользовались и до сих пор пользуются всей полнотой власти, почти везде они вынуждены были заниматься, между прочим, теми неотложными мероприятиями по борьбе с разрухой, о которых говорит т. Ленин, и, как показывают десятки и сотни документальных данных, имеющихся в экономическом отделе Петербургского Исп. Комитета, при всех своих благих намерениях не могли достигнуть в этой области сколько-нибудь удовлетворительных результатов; их меры, являясь по необходимости не согласованными, разрозненными, случайными, если и смягчили порой острую нужду в данный момент, почти всегда ценой большого расстройства всей системы народного хозяйства. Да иначе и быть не могло. Т. Ленину,

как ученому экономисту-марксисту лучше, чем кому-нибудь другому, известно, что современный капиталистический строй представляет собой централизованный механизм, основанный на общественном разделении труда. Следовательно, и тот «аппарат», при помощи которого демократия могла бы успешно регулировать капиталистическое производство и распределение, никоим образом не может состоять из местных самоуправляющихся органов, вроде Советов, но должен быть расчленен по отраслям производства, строго централизован в пределах каждой отрасли и наконец, подчинен единому общегосударственному центру. Разумеется, старый, самодовлеющий бюрократический аппарат не годится для целей демократии; он подлежит преобразованию путем включения в него контролирующих выборных органов и т. п. В этой «демократизации» Советы призваны сыграть крупную роль и отчасти уже играют ее (их представительство в комитетах снабжения, некоторых особых совещаниях» и т. п. Но тут дело идет не о *замене* старого аппарата, а лишь о *реформировании* его, причем и в новом своем виде аппарат должен остаться строго централизованным, работающим по общему, в центре выработанному плану. И сколько бы т. т. большевики ни издевались над людьми с планом, их теперешняя позиция силою вещей «превратится в свою собственную противоположность»⁶, если судьба поставит их во главе государства российского, отдав всю власть Советам. Пусть большевистское правительство назовется не министерством», а, скажем, «исполнительным комитетом Центрального Совета» — дело не в названии; несомненно одно: в первые же дни оно будет завалено срочными телеграммами от местных Советов, требующих центрального руководства в борьбе с разрухой, констатирующих недостаточность существующего аппарата, невозможность достигнуть удовлетворительного результата без общего плана. В первые же дни политического торжества большевикам придется убедиться на горьком опыте, что лозунг доверия к революционной инициативе пролетариата и беднейшего крестьянства, столь выигрышный для партии непримиримой оппозиции, совершенно недостаточен для партии правящей, что, став у кормила государственного корабля, нельзя уже просто плыть по течению, «придавая организованные формы

стихийно возникающему движению масс», но приходится самому создавать течение, по-настоящему руководить стихией. И менее всего можно рассчитывать, что эта неизбежная перемена фронта встретит «восторженную, беззаветную, истинно героическую поддержку» большевистских масс. Приведем для иллюстрации один пример. Допустим, что большевистское правительство в целях увеличения выработки известных продуктов решило довести до максимума производительность наилучше оборудованных предприятий данной отрасли за счет предприятий технически отсталых.

Совершенно очевидно, что для рабочих ликвидируемых предприятий эта реформа будет сопряжена с целым рядом временных неудобств, не менее очевидно, что агитаторы контрреволюционной буржуазии постараются самым энергичным образом разжечь на этой почве недовольство рабочих.

«Вот, мол, пока большевики были в оппозиции, они кричали о самоопределении революционных масс, а теперь командуют вами не хуже, чем старое правительство; под видом технической необходимости хотят раскассировать самые революционные заводы». Подобная демагогия нашла бы могучее противоядие в самой пролетарской массе, если бы она была политически воспитана и дисциплинирована, если бы ее сознательные элементы заранее были ознакомлены с общим «планом» необходимых реформ и могли убедить своих более темных товарищей в необходимости временных неудобств и жертв в интересах благодетельных последствий реформы. Но современная большевистская пропаганда, отрицающая всякую централизацию, как бюрократизм, издевающаяся над всякими «планами» преобразований, как над злостными выдумками контрреволюции, делает все возможное для того, чтобы помешать политическому воспитанию пролетариата в этом направлении. Провокаторам контрреволюции не будет стоить ни малейшего труда побить большевиков, ставших у власти, их же собственным оружием.

Есть поэтому самые серьезные основания опасаться, что момент политического торжества большевиков будет началом конца большевизма, а вместе с тем и началом конца революции. Ибо хотя т. Зиновьев и утверждает, что настроение рабочих масс «левее большевизма», но он напрасно беспокоится: левее

большевиков нет, да и вообразить себе нельзя никакой революционной партии. И если потеряют в массах опору революционные партии вплоть до большевиков, то потеряет опору и сама революция.

¹ Опубликовано в: Новая жизнь. 1917. 10 октября (27 сентября). С. 1.

² См.: Ленин В. И. Один из коренных вопросов революции // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 206

³ Там же.

⁴ Там же. С. 207.

⁵ Там же. С. 204.

⁶ Формула гегелевской диалектики, воспринятая марксизмом.

В чем сила большевиков¹

Во вчерашнем номере мы уже писали, что съезд Советов может предотвратить гражданскую войну только в том случае, если он восстановит «единый революционный фронт», решительно и бесповоротно вступив на путь демократического блока.

Но о каком «демократическом блоке» может идти сейчас речь? кричат нам с разных сторон. Толпы хулиганов, анархистов, черносотенцев, прикрываясь большевистскими лозунгами, готовят восстание. Надо сказать ясно и определенно, за что вы стоите: поддерживаете ли вы восстание большевиков или призываете бороться с ним. В такие моменты надо быть или по ту, или по другую сторону баррикады. Идея демократического блока игнорирует сам факт баррикады: это — не позиция, а уклонение от позиции.

Идея демократического блока не понятна, конечно, для всех тех, кто в рабочих массах, идущих за большевиками, видит лишь развращенную чернь, «взбунтовавшихся рабов», ждущих благоприятного момента для того, чтобы разнести по камешкам всю нашу культуру. К этому лагерю, кроме искренне недоумевающих «буржуа» — старорусской складки, принадлежат и те юркие публицисты, которые прекрасно знают, в чем дело, но, посвятив свои таланты небезвыгодным в наши дни операциям примирения корниловщины и социализма, делают вид, что ничего не понимают. К счастью, влияние их пока еще не настолько значительно, чтобы стоило преодолевать естественную брезгливость и вступать с ними в полемику: их вопли о «лицемерии» и «увертливости» сторонников блока можно игнорировать.

Однако, против всяких попыток восстановить единый революционный фронт высказывается и «Рабочая Газета»², которую нельзя заподозрить в каких-либо злостных мотивах.

«Рабочая Газета» призывает всю «небольшевистскую часть съезда», в сознании страшной ответственности, действовать сплоченно и согласованно... против большевиков, т. е. на деле примкнуть к тому единственному контрреволюционному фронту, который в настоящий момент организуют корниловцы.

Такой призыв можно было бы понять, если бы руководители «Рабочей Газеты», вместе с наивными запуганными обывателями из «общества», думали, что партия большевиков вся целиком состоит из политических авантюристов, хулиганов и погромщиков. Тогда из двух зол приходилось выбирать меньшее. Но т. т. меньшевикам прекрасно известно, что это не так; они прекрасно знают, что ядро большевистской партии составляет цвет российского рабочего класса, самая сознательная, организованная, самая стойкая и творчески одаренная его часть. Большевистская рабочая интеллигенция, играющая руководящую роль в профессиональных союзах, фабрично-заводских комитетах и других деловых организациях пролетариата, выполнила за последние месяцы огромную культурную работу.

Ей более, чем кому-нибудь, обязаны мы тем, что несмотря на все разрушительные влияния, наша промышленная жизнь не пришла еще в состояние полной анархии.

Рабочие организации, по мере сил, энергично борются с тем развалом, который вносит в жизнь масс война и всеобщая «разруха». Большевистские профессиональные союзы гарантируют определенный уровень успешности труда при заключении тарифного договора; большевистский Совет Р.Д. (в Костроме) налагает строгие взыскания на рабочих, нарушающих установленную им дисциплину. И в противоположность благим пожеланиям обличающих анархию буржуазных интеллигентов, постановления рабочих организаций не остаются на бумаге: рабочие завода фирмы «Гужон», после его секвестра, на 50% увеличили производительность труда и на 25% уменьшили потребление топлива.

Почему же эти организующие, творческие, эти в высокой степени «государственные» силы рабочего класса идут за «анархобланкистскими» лозунгами большевиков? Да по той простой причине, что им приходится выбирать между неизведанным еще режимом бланкистов и слишком хорошо, горьким опытом изведанным режимом коалиционного безвластия. Когда все усилия профессиональных союзов наладить нормальную промышленную жизнь разбиваются о сопротивление промышленников, отвергающих, в надежде на близкое пришествие Корнилова, самый принцип коллективного договора; когда,

за отсутствием сколько-нибудь толкового государственного регулирования, фабрично-заводским комитетам приходится ежедневно метаться из стороны в сторону, чтобы предотвратить полную остановку предприятий; и когда со стороны благомыслящей части наших социалистов, этим мученикам коалиционной разрухи не могут указать ничего другого кроме необходимости терпеливо нести ярмо «коалиции», — тогда, естественно, они толпами бегут под знамя, на котором начертано: «Вся власть Советам!».

Не за фантастическую «республику советов», как особый тип государственного строя, не за перманентную революцию, не за какой-либо вообще отвлеченно-доктринерский лозунг готовы сражаться организованные пролетарии России, а за установление прочного демократического порядка, который дал бы, наконец, некоторую опору для их творческой работы. И если бы меньшевики, социалисты-революционеры и, вообще, вся умеренная социалистическая и демократическая группы решились, наконец, отречься от своих коалиционных иллюзий, решились твердо вступить на почву блока, трактующего этот элементарный демократический порядок, то все, что есть в большевизме здорового и сильного, несомненно, поддержало бы такой блок. При этом от большевиков отделились бы, к великому счастью для русской революции, прикрывающиеся теперь их знаменем анархическо-хулиганские элементы. Очень возможно, что и кто-нибудь из лидеров остался бы очень недоволен таким нарушением взлелеянной в его мечтах схемы революционного развития, но и от сего никакой беды для русской революции не последовало бы.

Но, позвольте, скажут нам, можно ли думать о демократизации власти теперь, за три недели до выборов в Учредительное Собрание? Не безумие ли подвергать в такой момент родину риску тяжелых внутренних осложнений, вызывать призрак гражданской войны?

На это мы без малейших колебаний отвечаем: демократический блок не только не вызвал бы призрака гражданской войны, но явился бы единственным средством *предотвратить* ту гражданскую войну, которая в настоящий момент есть уже не «призрак», а увы — почти осязаемая реальность. Черносотен-

цы только что выкинули из правительства негодный им элемент, причем все их потери в этом акте «гражданской войны» ограничились легкой контузией г. Бурцева³. Демократический блок имел бы полную возможность сформировать отвечающее его требованиям правительство без каких-либо потрясений.

¹ Опубликовано в: Новая жизнь. 1917. 25 октября (7 ноября).

² Здесь — меньшевистская ежедневная газета; выходила в Петрограде с 7 (20) марта по 30 ноября (13 дек.) 1917 г.

³ Бурцев В. Л. (1862–1942), публицист и издатель, известный своими разоблачениями секретных сотрудников Департамента полиции.

Блестящее одиночество или блок?¹

Большевики сделали все возможное для того, чтобы пожать плоды своей «блестящей победы» в полном одиночестве. Съезд Советов был лишен возможности свободно решить важнейший вопрос современности, ибо военный заговор, искусно разыгранный как раз в часы открытия съезда, поставил этот последний перед совершившимся фактом захвата власти. Конструкция новой власти (республика советов) и ее политическая программа (немедленное предложение мира и перемирия на всех фронтах, передача всей земли крестьянам, рабочий контроль над промышленностью) также предрешены воззванием Военно-Революционного Комитета, выпущенным накануне открытия Съезда. Для проформы съезду было предложено принять те же самые тезисы *без прений*, в виде торжественного обращения к народу. Таким образом, «парламент революционной демократии» был остроумно превращен в аппарат, механически накладывающий штампель всенародного одобрения на директивы большевистского ц. к.

Мы вполне понимаем поэтому, то возмущение, которое заставило представителей многих партий и групп (не только обронческих, но частью даже интернационалистических) покинуть заседания Съезда. Однако в политике чувство морального негодования, хотя бы и вполне законного, не всегда надежный советчик. Необходимо считаться прежде всего с тем трагическим фактом, что всякая насильственная ликвидация большевистского переворота неизбежно явится вместе с тем ликвидацией всех завоеваний русской революции. Нельзя иначе, как безумием, назвать провозглашенный правыми элементами социалистических партий лозунг: «восстановление власти временного правительства силой штыков». Это — политическое безумие уже по одному тому, что восстановление коалиционного правительства фактически неосуществимо. Коалиционное правительство окончательно провалилось уже в корниловские дни и с тех пор влачило призрачное существование, не имея под собой никакой опоры, возбуждая к себе все растущее пре-

зрение и негодование как слева, так и справа. Умеренная часть демократии именно тем и подготовила успех большевистского восстания, что так упорно и сильно сохраняла этот заживо разложившийся труп. Нет силы, которая бы могла оживить его. Военный разгром большевизма имел бы своим последствием не торжество коалиции, а торжество самой открытой, самой неприкрашенной контрреволюции; полное подавление всякого социалистического и подлинно демократического движения, образование такой власти, при которой кадеты, как в добрые старые времена самодержавия, оказались бы в роли «безответственной оппозиции».

Военные столкновения должны быть предотвращены во что бы то ни стало. Социалистическая и демократическая группы страны обязаны употребить все усилия к тому, чтобы посылка вооруженных сил для усмирения Петербурга не имела места.

Где же выход? Выход все там же, где он был в период июньского съезда советов, когда коалиция дала первую крупную течь, — все там же, где он был в конце августа, когда коалиция была окончательно пущена ко дну миной Корнилова. Выход в создании власти, опирающейся на широкий демократический блок.

Уже сегодня, на второй день после захвата власти, начинают сказываться жуткие последствия этого захвата. Самое первое и главное обещание, данное большевистской властью народу, — предложение всеобщего мира и перемирия на всех фронтах — явно невыполнимо. Посланники иностранных держав спешно укладывают свои чемоданы; ни одна из союзных стран не признает, конечно, чисто большевистского правительства, — но не признают его и немцы. Было бы наивно ожидать, что германское правительство сочтет возможным вступить в какие-либо договорные отношения с такой явно обреченной на провал организацией, как наша теперешняя петербургская власть. Значит, не только «всеобщего», но даже и отвратного мира с немцами большевики заключить не в состоянии. Немногим лучше складываются перспективы большевистских работ и в области внутренней политики. При всем величавом презрении к бюрократии большевистские государствен-

ные деятели, конечно, понимают, что без того исполнительного аппарата, который сложился в различных министерствах и ведомствах, никакое правительство, даже правительство «республики советов», обойтись не в состоянии. Между тем аппарат этот не дается в руки новой власти. Ответственные служащие министерства продовольствия, «считая себя бессильными предотвратить катастрофу, грозящую населению и армии» при новом режиме, признали невозможным оставаться на своих местах и соглашаются лишь нести текущую работу «в ближайшие дни», до замены их «новыми людьми». Совершенно такое же отношение, в скрытой или замаскированной форме, встретило большевистское начальство и в нынешних других ведомствах. Так как в этой беде никакие репрессии, очевидно, помочь не могут, то достаточно будет еще немногих уроков в области государственного управления, для того чтобы рассеять тот победоносный угар, который заставляет теперь здравомыслящую часть большевиков пасовать перед авантюризмом и демагогией отдельных лидеров. Тем самым будет подготовлена почва для частного, добросовестного блока всей демократии, начиная с большевиков и кончая наиболее умеренными элементами советских партий.

И какой бы тяжелый осадок взаимного озлобления ни отложился в душах представителей отдельных фракций, это психологическое препятствие необходимо преодолеть; вопрос идет о спасении от полного краха не только революции, но и государственной самостоятельности России. Блок наиболее влиятельных советских партий — вот тот минимум сплочения социальных сил, при котором вообще возможно образование устойчивого правительства. С другой стороны, блок всех партий, признающих советы, составляет тот максимум, при котором правительство может быть достаточно однородным, а следовательно, дееспособным. Напомним, что платформа июньского Съезда Советов была единодушно принята всеми не большевистскими фракциями, но и сами большевики возражали тогда не столько против самой платформы, сколько против возможности ее осуществления «коалиционным» правительством, — что, разумеется, было вполне основательно. Теперь, когда дело идет уже не о коалиции вправо, а о коалиции влево, все тогдаш-

ние соображения отпадают. Июньская платформа является, таким образом, той основой, на которой и в наши тяжелые дни может и должен быть заключен блок правящих партий.

¹ Опубликовано в: Новая жизнь. 1917. 8 ноября (27 октября). С. 1.

Большим кораблям большое и плавание¹

После вчерашнего постановления нового Ц. И. К. Советов, признавшего необходимость образования однородного демократического министерства, вопрос о блоке всех социалистических партий вступил на путь практического осуществления.

Между большевиками и представителями других социалистических партий начались переговоры, которые впрочем подвигаются вперед гораздо медленнее, чем это следовало бы ввиду остроты момента.

«Дело народа»², раньше других умеренно социалистических газет отказавшееся от безнадежного лозунга вооруженной защиты коалиционного министерства, не ограничивается, в противоположность своим собратьям по оружию, паническими воплями обывательского большевикоедства, но высказывает относительно возможности блока с большевиками ряд сомнений, которые, во всяком случае заслуживают рассмотрения. Так, газета совершенно справедливо утверждает, что блок с большевиками невозможен до тех пор, пока в этой партии господствует политическая линия Ленина и Троцкого, держащих курс, якобы, на социалистическую революцию, в действительности же на подводные камни самой злейшей реакции. Не должно быть и речи о «капитуляции перед петроградскими победителями» других социалистических партий. Блок должен быть честным и искренним. А для этого, по мнению «Дела Народа», необходимо чтобы партия большевиков решительно осудила методы политической борьбы, применявшиеся вождями до, во время и после петроградского восстания.

Не желая «капитулировать» перед большевиками, с.-эровская газета не должна вместе с тем требовать и от противной стороны унижительной капитуляции в форме публичного покаяния. Дело вовсе не в том, чтобы партия большевиков «осудила» свою прежнюю тактику, а исключительно в том, чтобы она действительно «изменила» эту тактику. Но уже самый тот факт, что большевики признали желательность блока со всеми социалистиче-

скими партиями вплоть до народных социалистов, — уже один этот факт лучше всяких покаяний доказывает, что краткий опыт «диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства» уже убедил огромное большинство партий в химеричности этой идеи, что курс на немедленную социалистическую революцию уже оставлен, что на стороне большевиков никаких действительных препятствий к заключению искреннего и честного блока больше не осталось. Включение нескольких умеренных большевиков в министерство, помимо всяких других соображений, безусловно необходимо еще и для того, чтобы удержать большевистскую партию от возможности рецидивов той безудержной демагогии, которую культивировали до сих пор некоторые лидеры большевизма. Имея своих представителей в правительстве, партийная интеллигенция на деле увидит, что гораздо легче «немедленно» требовать разных хороших вещей, чем немедленно осуществлять такие требования. Без этой внутренней сдержки, налагающей на большевиков партийную обязанность помогать Правительству блока, это последнее, при теперешних катастрофических условиях, едва ли сумело бы приобрести устойчивость, достаточную для того, чтобы благополучно довести страну до Учредительного Собрания.

Возможно ли, однако, представить себе, что неукротимые лидеры большевизма — Н. Ленин и Л. Троцкий — проявят лояльное отношение к такому правительству, в котором их нет, — к такому правительству, деятельность которого идет в разрез с их самыми заветными лозунгами? Нельзя отрицать, что такое предположение мало правдоподобно. Люди такого бурнопламенного темперамента не смогут, конечно, сложить ненужные руки, на пустой груди, — особенно в «раскаленной атмосфере» революции, — еще менее возможно ожидать превращения их из гордых негодующих глашатаев «последнего решительного боя» в скромно-благожелательных истолкователей мероприятий демократического правительства.

В настоящий момент Ленин и Троцкий, по-видимому, не менее других большевиков убеждены в провале провозглашенного 26 октября «нового строя». Они, правда, не участвуют в «соглашательских» попытках своих более умеренных товарищей, — но и не препятствуют этим последним. Но чем дальше, тем тягостнее для них будет становиться такая позиция. Чем дальше,

тем яснее и яснее будет обнаруживаться, что русская земля слишком узкое поле деятельности для таких двух богатырей. В самом деле, что в этой насквозь мелкобуржуазной стране может потешить орлиные очи, устремленные к солнцу коммунистической революции? что может здесь порадовать душу, в которой уже звучит победный гимн державного пролетариата? Нет, не Россия, где всякий социализм, даже большевистский, неизбежно скатывается в конце концов к пошло-мещанскому стяжательству, где лозунг братства народов все горячее отстаивают дезертиры, лозунг коммунизма — анархо-грабители, нет не в этой темной, убогой, крестьянской России смогут развернуть свои мощные силы пророки коммунизма.

Не в отсталой России, а в капиталистически мощных Соединенных Штатах Северной Америки, в Англии и Германии созревают всходы социалистической революции.

Большевистский «Рабочий Путь», в доофициальный период его существования, в каждом номере уверял нас, что западноевропейский и американский пролетариат уже поднимает красное знамя своего последнего восстания. Но где же там вожди, достойные великой армии и социализма, способные вести ее от победы к победе. Таких вождей нет. Видные представители западного социализма все эти Каутские, Геды, Гендерсоны, Макдональды, как неоднократно разъяснял нам т. Ленин, безнадежно погрязли в оппортунизме, все они в большей или меньшей степени предали дело пролетариата. Итак, вот то поприще, на котором т. т. Ленин и Троцкий могли успеть развернуть свои богатырские силы, вот та сфера которую они должны были бы напитать своим революционным энтузиазмом, чтобы вспыхнула наконец, всеобщая избавительница — всемирная социалистическая революции. И чем скорее они это поймут, тем скорее расправят свои крылья, для того чтобы лететь на помощь к лишенному вождей западному пролетариату, тем лучше и для Запада и для нашей захудалой Родины.

¹ Опубликовано в: Новая жизнь. 1917. 13 ноября (31 октября). С. 1.

² «Дело народа» — ежедневная политическая и литературная газета, центральный орган партии эсеров, издавалась в Петрограде с 28 (15) марта 1917 г. Закрыта Советским правительством 27 (14) января 1918 г.

Кризис большевизма и забастовка городских служащих¹

Еще задолго до октябрьского переворота было ясно, что подготавливающееся большевистское восстание окажется, в случае своего успеха, не торжеством рабочего класса, хотя бы и кратковременным, а фактическим поражением пролетариата, величайшей профанацией самой идеи пролетарской диктатуры. За это ручалась и разнузданно-демагогическая тактика большевиков, их готовность обещать «немедленное» разрушение всех проклятых вопросов политики и хозяйства, и полный хаос в тех программных лозунгах, с которыми выступали грядущие диктаторы: безнадежная путаница понятий в вопросе о «рабочем контроле» и государственном регулировании промышленности, в аграрной программе и т. д.

Действительность далеко превзошла самые пессимистические ожидания. Что «республика советов» осталась на бумаге, что большевистская власть не смогла создать даже и намека на какие-либо новые формы правления и только дезорганизовала прежний государственный аппарат; что весь большевистский «социализм» свелся к мелкобуржуазным благопожеланиям об имущественном равенстве и справедливой дележке существующих запасов, — это вполне естественно. Иначе и быть не могло при полумещанском социальном составе и глубочайшем невежестве тех масс, которые вознесли на вершину политической жизни большевистских демагогов.

Но даже для крайних пессимистов некоторые черты теперешнего режима явились неожиданностью. Трудно было ожидать, например, полного упразднения правосудия и возведения в перл создания самосудов под нынешним именем «революционных трибуналов», трудно было думать, что коммунистическая «беспощадность» нового строя выразится в беспорядочном, по-дамски капризном терроризовании социалистической интеллигенции, при сравнительной безнаказанности подлинной буржуазии; особенно же изумила всех та — даже для рус-

ского человека непривычная подкупность и продажность, которой с первых же дней своего господства щеголяли многие агенты «рабоче-крестьянского» правительства. Ни в движении немецких «истинных социалистов», так едко высмеянных коммунистическим манифестом, ни в Луи-Блановском мещанском социализме, ни в парижской коммуне 1871 года не было и признаков того жеманфишизма², той глубокой коррупции, которые разъедают правящий аппарат современной власти. По своему личному составу, по своим взглядам, по своему духу исполнители директив советского правительства не имеют ничего общего с деятелями пролетарских восстаний Западной Европы, но зато как две капли воды похожи на сподвижников Наполеона III, с таким блестящим сарказмом охарактеризованных Марксом. (Последний, как известно, рассматривал демагогическую контрреволюцию «маленького Наполеона» как диктатуру люмпен-пролетариата.)

Таким образом объективно большевистская диктатура несомненно вводит нас в период разложения и распада революционных сил нации, является не высшим пунктом революции, а своеобразным проявлением контрреволюции. Но субъективно, в сознании тех рабочих масс, которые вместе со своими мелкобуржуазными «попутчиками» привели большевиков к власти, режим Смольного до самого последнего времени сохранял ореол «пролетарской республики». Организованный пролетариат только теперь, наученный горьким опытом, начинает понимать, какие предательские западни скрыты для него в пресловутом «рабочем контроле» и других якобы «социалистических» мероприятиях, которые самодержцы из большевистского Ц. К. милостиво декретировали, взвалив на плечи интеллигентных рабочих всю тяжесть их практического осуществления. Наряду с этим разочарованием в курсе, провозглашенном новой властью, растет отрицательное отношение к самой конструкции «советской» власти, крепнет убеждение, что выход из тупика может дать только общегосударственная, всею страной признанная власть, — власть, созданная Учредительным Собранием.

Этот процесс отрезвления охватывает мало-помалу не только рабочие, но и солдатские массы. Латышские батальоны,

по словам газет, отказались выполнять те полицейские функции, которые навязало им большевистское правительство, — некоторые гвардейские части, не доверяя комиссарам Смольного, сами организовали охрану Таврического дворца. До сих пор освобождение умов от большевистского гипноза шло сравнительно медленно и ограничивалось наиболее просвещенными, наиболее «сознательными» головами большевистских масс.

Но в ближайшие дни, когда результаты хозяйничанья Смольного института скажутся в виде полного отсутствия в столицах продовольствия и угля, в виде приостановки железных дорог и других проявлений для всех явного государственного хаоса, в ряды оппозиции, несомненно, перейдет и серая большевистская толпа.

Долг и чреват огромными опасностями был этот путь естественного разложения большевизма, путь изживания самими массами большевистских иллюзий. Но все же это — самый краткий и безболезненный из всех возможных путей. С самого начала большевистской диктатуры мы предостерегали от всяких попыток насильственной, внешней ликвидации Смольного, посредством ли военного разгрома, или активного бойкота служащих. Попытки подобного рода обречены были на явный неуспех и фактически только укрепляли позиции большевиков, разжигая ненависть толпы к чистой публике, поддерживая в массах убеждение, что неудачи новой власти вызваны не внутренней несостоятельностью режима, а злостным «саботажем» или открытым восстанием «буржуазии». Мы неизменно советовали служащим городских, государственных и частных предприятий продолжать свою работу до тех пор, пока это фактически возможно, пока народные комиссары своим нелепым вмешательством не ставят деловой работе непреодолимых препятствий.

В настоящий момент назревает новая, на этот раз чуть ли не всероссийская забастовка городских служащих. Как видно из резолюции служащих петербургской электрической станции, забастовка имеет лозунгом «вся власть Учредительному Собранию».

Мы очень опасаемся, что именно в настоящий момент, когда среди широких рабочих и солдатских масс уже назревает, но еще не успел окончательно определиться, перелом настрое-

ния в пользу того же самого лозунга, — что именно в этот момент преждевременное выступление служащих способно не ускорить, а задержать спасительный кризис. «Правда» и другие большевистские рептилии снова заговорят о «саботаже», о буржуазно-соглашательском «заговоре», о контрреволюционности защищаемого «каледиинцами» Учредительного Собрания. Страсти снова разгорятся и затемнят начавшее уже было проясняться сознание масс.

Иное дело, если в конфликте между Советом Комиссаров и Учредительным собранием на сторону последнего уже успеет стать значительная часть солдат и рабочих. Тогда забастовка служащих, как моральная поддержка политической инициативы, проявленной самими народными массами, может оказаться положительным и, при известных условиях, даже решающим фактором. Мы настоятельно рекомендуем поэтому служащим не вступать в бой с большевистским правительством в качестве самодовлеющей силы, но, проявляя величайшую выдержку, координировать свои действия с общим ходом событий. Это тем более необходимо, что в этом стихийном «ходе событий», как мы уже сказали, совершенно явственно обозначается перелом в сторону признания массой политических принципов, разделяемых всей социалистической и демократической частью русской интеллигенции.

¹ Опубликовано в: Новая жизнь. 1917. 26 (13) декабря. С. 1.

² Пренебрежительное, безразличное отношение. От французского выражения «je m'en fiche» — мне на это наплевать.

Большевики и анархисты¹

Вчерашние вечерние газеты рассказывают о веселеньком эпизоде, разыгравшемся накануне в Петербургском Совете Р. и С. Д.² Произошел «решительный», но очевидно, далеко еще не «последний» бой между большевиками и анархистами. Если верить репортерам, полемика вращалась не столько в плоскости принципиальных разногласий, сколько в плоскости взаимобвинений вполне конкретного характера. Бонч-Бруевич сообщил, что, очищая одно из временно захваченных помещений, анархисты очистили его, между прочим, также от находившихся там пишущих машинок и самоваров. Вождь анархистов Блейхман парировал этот аргумент ссылкой на аналогичное оскудение инвентаря в доме Кшесинской после ухода оттуда большевистского центра. Энергии обвинений соответствовала яркость украшающих эпитетов, которыми перебрасывались в своих речах оппоненты: Блейхман, обращаясь к большевикам, называл их не только «врагами революции» и «каледицами», но и «хулиганьем». Еще непринужденнее звучали реплики большевиков по адресу анархиста Горбова, который сообщил о решении анархистского митинга в цирке «Модерн» ни в коем случае не покидать квартиры, захваченной анархистами на Коломенской ул. в доме № 15, выселить из этого дома всех жильцов, и взорвать этот дом, если только к нему подступят солдаты. На эту угрозу большевистская часть собрания реагировала возгласами: «Негодяй! Подлец! Вор! Вон его! Арестовать его!»

Сам по себе вышеприведенный обмен мнениями, представляя благодарный материал для газетной хроники и маленького фельетона, лишен какого-либо интереса для историка русской революции. По-видимому, мы имеем здесь лишь образчик того вскипания страстей среди дружественных по существу, но организационно враждующих групп, о котором говорят: «милые бранятся — только тешатся». Однако в действительности назревающий конфликт между большевиками и анархистами далеко не имеет столь невинного характера, как это кажется с первого взгляда. Когда конфликт разразится, он определит собой исто-

рическую дату, не менее значительную, чем дни 3–5 июля, корниловское движение, 5 января и др.

По мере того как большевистская диктатура «укрепляется», в ней все явственнее и явственнее проступают два социально-политических лица. Первое, — явное, демагогически обращенное к массам, — ничем не отличается от анархизма, — это потребительский коммунизм всеобщей дележки, осложненный истинно-русской удачью всеобщего разгрома, это — лозунги самосудных расправ с «саботажниками», выволакивания на улицу «хапалы», «грабежа награбленного» и т. д. Но рядом с этой простонародной и, так сказать, экзотерической тенденцией у большевизма имеется и другая, эзотерическая сторона: стремление создать всемогущую централизованную власть, абсолютно безответственную, строго подчиненную партийному центру, опирающуюся на преторианскую гвардию и на обезличенную массу рабочего люда, который, будучи убаюкан демагогической фразеологией, наивно принимает эту господствующую над ним бюрократию за свою собственную массовую и классовую диктатуру.

Последние события уже не раз вскрывали указанную двойственность большевизма: проповедуя самую неограниченную местную автономию, большевики на поверку явились самыми беспощадными унификаторами, яростными борцами за восстановление великодержавия господствующего племени; сторонники выборности и переизбираемости всех государственных чиновников, они заполняют все канцелярии ставленниками своего партийного центра и пытаются забронировать теперешний законопослушный состав Советов; числясь исполнителями воли самодержавного пролетариата, они принимают для «успокоения» голодных рабочих толп такие решительные меры внешнего воздействия, о которых не смели и мечтать представители коалиционного, полубуржуазного министерства.

Анархизм, делающий быстрые успехи на почве хозяйственного развала страны, непрерывно растущей безработицы и ужасающего голода, окончательно разоблачает двуличность большевистского Януса, делает невозможным дальнейшее совмещение двух тенденций, ребром ставит вопрос о выборе пути. Анархистов можно победить двояким способом. Или их же собствен-

ным оружием, т. е. «доведением до конца» принципа «грабь награбленное»³. Но тогда мало одной разухабистой словесности в стиле «Красной газеты», недостаточно одного попустительства к грабежам и разбоям, тогда надо отказаться от всяких претензий на государственность, отрясти прах от комиссарства от ног своих, и став во главе отдельных отрядов ушкуйников, бодро двинуть их на захват фабрик, домов и прочего буржуазного имущества. Другой путь — решительный отпор анархии, противопоставление ей твердой государственной власти.

Уже то заседание Петербургского Совета, о котором мы говорим, показало, что большевикам придется вступить на этот второй путь. Но успешность последнего определяется не только наличием достаточного количества послушных штыков, но и способностью власти избавить массы, путем планомерных организованных усилий государства, от тех бедствий, которые гонят их в объятия анархистов. До сих пор большевистское государство ничего кроме гражданских войн организовывать не умело, и в своем теперешнем составе и строении ни к чему другому органически не способно. Конфликт с анархическим движением, имеющим могучего союзника в лице царя-голода, ставит вопрос о расширении базиса власти настолько остро, что от решения его большевикам не отвертеться. Однако это еще не значит, что вопрос окончательно предрешен. В настоящее время очень трудно сказать, что с большевистской точки зрения более приемлемо — восстановить так называемый единый революционный фронт, вступив в честное сотрудничество с другими социалистическими партиями, или соединиться с буржуазными дельцами, за последнее время все интенсивнее и интенсивнее проникающими в большевистские организации, образовав, таким образом, единый реакционный фронт и против анархизма и против демократии. От того, по какому из этих двух возможных направлений пойдут руководящие сферы большевизма, зависит характер следующего этапа нашей революции.

¹ Опубликовано в: Новая жизнь. 1918. 17 (4) февраля. С. 1.

² Совет Рабочих и Солдатских депутатов.

В одном из своих выступлений Ленин сказал, что вместо латинских слов «экспроприаторов экспроприируют» в агитационных целях вполне можно обходиться без латинских слов и использовать это выражение в русском варианте — «грабь награбленное». См.: Ленин В.И. Заключительное слово по докладу об очередных задачах Советской власти на заседании ВЦИК 29 апреля 1918 г.// Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Изд. политической литературы, 1974. Т. 36. С. 269.

Банкротство старой системы¹

Что война привела капиталистическое хозяйство в состояние полного развала, — это не только отдельные промышленные предприятия или группы предприятий, но и весь наш хозяйственный строй переживает глубочайший и все более и более обостряющийся кризис, — в этом не может быть никакого сомнения. Это одна из тех редких истин, которые признаны представителями всех классов русского общества, — до такой степени они очевидны и бесспорны. Как же преодолеть этот кризис? Какие меры необходимо принять для того, чтобы Россия могла оправиться от катастрофы и обеспечить себе возможность дальнейшего существования и развития? На этот вопрос дается столько же различных ответов, сколько у нас путается политических групп и партий; причем в большинстве случаев ответы эти отнюдь не отличаются достаточной отчетливостью и полнотой. В сознании демократических слоев русского общества с надлежащей ясностью откристаллизовалась до сих пор лишь одна идея: для успешной борьбы с хозяйственной разрухой необходимо воссоединение России. Это, разумеется, правда, но далеко не вся правда. Ведь и самое политическое расчленение России произошло с такой легкостью благодаря экономической разрухе, дезорганизовавшей жизнь страны еще в ту эпоху, когда существовало единое государство Российское. Следовательно, «воссоединение России» само по себе еще ничего не решает: если бы оно и удалось политически, его необходимо было бы закрепить экономически.

Как же достигнуть этого? Лишь две крайние группы русского общества — крупные промышленники, с одной стороны, и большевики — с другой, — выдвигают определенные и, конечно, диаметрально противоположные программы экономического возрождения России. Первые настаивают на восстановлении хозяйской власти капиталиста во всей ее дореволюционной полноте и неприкосновенности, вторые усматривают единственное спасение в немедленной ликвидации капиталистического предпринимательства, в замене всех частных предприя-

тий государственными. В настоящий момент мы уже имеем перед собой не только теоретические аргументы за и против, но и достаточно продолжительный опыт практического испытания обеих программ. Советская республика после непродолжительных колебаний решительно вступила на путь национализации великороссийской промышленности, с другой стороны, за время существования гетманской власти «протофис»² имел полную возможность демонстрировать на Украине спасительность буржуазного рецепта возрождения промышленности. Результаты в том и другом случае получились одинаково неутешительные — настолько неутешительные, что их нельзя объяснить одной только отрезанностью Великороссии от Украины. Казенные советские заводы, даже имеющие необходимое сырье, работают очень плохо. Производительность труда на них не удастся поднять даже при помощи пулеметного метода воздействия на сознание рабочих, плохо усвоивших себе основы своей собственной «диктатуры». Не более удачен был украинский опыт диктатуры «протофиса». Месячная добыча угля в Донецком бассейне за июнь—сентябрь 1918 г. колебалась между 39,1 и 49,4 млн пуд., т. е. не достигла и $\frac{1}{3}$ довоенной величины; выплавка чугуна ликвидирована почти окончательно: из 60 донецких домен в настоящее время действуют лишь 2.

Для того чтобы нащупать те общественные формы, в которых действительно могла бы возродиться расшатанная войной и революцией промышленность, надо ясно представить себе прежде всего те технические задания, которые необходимо при этом осуществить.

Современная «разруха» в отличие от обычных капиталистических кризисов, которые, как известно, являются кризисами перепроизводства, представляет собой кризис недопроизводства. За время войны огромное большинство промышленных предприятий обслуживало фронт, изготовляло исключительно или преимущественно предмет военного снаряжения. В России правительственные наряды на получение минерального топлива давались только оборонным предприятиям, а так как добыть уголь или нефть помимо наряда было или вовсе невозможно, или возможно лишь по крайне повышенным спекулятивным ценам, то естественно, что все нуждающиеся в минеральном

топливе предприятия, не исключая и тех немногих, которые продолжали обслуживать потребности мирного населения, должны были перекраситься в защитный цвет, т.е. хотя бы частично работать на армию. В результате нужды населения в продуктах промышленного производства могли удовлетворяться лишь в самой незначительной степени; страна жила за счет запасов, накопленных от прежних лет; и когда запасы эти истощились, наступил мануфактурный, кожевенный, угольный, керосиновый голод, неизбежным последствием которого для городского населения явился голод продовольственный, ибо деревня, получая от городских промышленных центров все меньше и меньше потребительских ценностей, естественно сокращает отпуск своих продуктов на городские рынки, отказывается кормить горожан по мере того, как эти последние превращаются в паразитов.

В настоящее время поздно говорить о восстановлении нормального хода нашей промышленности путем планомерной демобилизации или ремобилизации чисто оборонных предприятий, специально приспособленных к производству предметов военного снаряжения. Все такие предприятия уже успели так или иначе ликвидироваться. Но и предприятия, технически приспособленные к работе мирного времени, несмотря на исключительно благоприятную рыночную конъюнктуру, находятся в печальном положении: работают с крайне пониженной производительностью или вовсе приостанавливаются. Причина в том, что во время войны — при чрезвычайном перенапряжении спроса, при бешеных прибылях и все растущей дороговизне — капиталист не имел достаточных побуждений, а государственные предприятия лишены были зачастую фактической возможности заботиться о восстановлении снашиваемого основного капитала. Все внимание было обращено на возможно более полное и интенсивное использование наличных средств производства. Отработавшие свой срок машины и станки не заменялись новыми, но кое-как подправлялись и снова пускались в дело; понятие генерального ремонта отошло в область преданий. В копиях приостановились все подготовительные работы для эксплуатации новых жил по мере истощения уже разрабатываемых. На железных дорогах процент

больных паровозов и вагонов достиг неслыханной высоты и роста в ужасающей прогрессии.

Основной закон прогрессирующей промышленности заключается, как известно, в том, что все большая и большая доля годового труда нации кристаллизуется в орудиях и средствах производства. Закон этот был коренным образом нарушен; под девизом «все для победы!» происходило беспардонное расхищение накопленного труда прошлых поколений. Теперь, когда все, что возможно, уже расхищено и пущено по ветру, мы стоим перед задачей, замкнувшейся в порочный круг: для восстановления нормального хода промышленности надо в ближайшее время сосредоточить главное внимание не на производстве предметов непосредственного потребления, а на воссоздании орудий и средств производства; именно в этом направлении должна быть использована большая часть того крайне скудного количества топлива и сырья, какое добывается в настоящее время в стране; с другой стороны, необходимо немедленно и в очень значительных размерах увеличить поступление на рынок продуктов промышленности, предназначенных для непосредственного потребления — иначе голод в промышленных центрах примет настолько катастрофический характер, что самое существование этих центров станет невозможным и им придется просто ликвидироваться со всеми своими фабриками, заводами, рудниками и копиями. Этот порочный круг не может быть разорван индивидуальной предприимчивостью частных предпринимателей и настоятельно требует государственного вмешательства. Но им одним затруднения, встающие на пути экономического возрождения страны, не ограничиваются.

Последствия войны лягут на народное хозяйство тяжелым грузом неслыханно громадных платежей в пользу государства. Года полтора назад нашу экономическую литературу очень волновал вопрос об источниках покрытия той колоссальной государственной задолженности, которая явилась результатом войны. Теперь об этом уже больше не пишут, и многие надеются, что революция так или иначе аннулирует государственные долги. Надежды эти едва ли основательны. Даже большевистская власть не решилась аннулировать те государственные

процентные бумаги, которые находятся в руках мелких держателей: даже она вынуждена была принять известную долю обязательств, унаследованных ею от буржуазного строя³. Но наша государственная задолженность лишь в небольшой части является внутренней, преобладающую роль играют в ней внешние военные займы⁴. Аннулировать эти последние могла бы не русская, а только мировая коммунистическая революция. Однако шансы мировой революции до сих пор не особенно высоки: обойдя все нации, потерпевшие поражения, революция пока щадит нации-победительницы, которые как раз и являются нашими главными кредиторами. «Социалистические» перевороты наших дней представляют собой, по-видимому, специфическую форму государственного разложения в странах, хозяйственно-политическая организация которых разбита ударами войны. Но если даже это и не так, если, разочаровавшись в плодах победы, французы, англичане и американцы развернут красные знамена социалистической революции, то все же наивно было бы думать, что в пламени этого всемирного пожара сгорят без остатка наши внешние государственные долги. Многим социал-демократам покажется чудовищным предположение, что социалистическая республика Франции или Англии потребует от нас выполнения долговых обязательств, заключенных царским режимом, с такой же жестокой неумолимой настойчивостью, как это сделали бы Шейлоки международного империализма. Однако всего несколько месяцев назад нам показалось бы еще более чудовищным, еще более нелепым предположение, что солдаты социалистической Германии в интересах планомерной эвакуации помогут монархическим войскам гетмана бороться с республиканскими войсками Петлюры. А передышечный союз с правительством Вильгельма, заключенный нашей коммунистической республикой для того, чтобы обеспечить себе успех в гражданской войне с «социал-предателями»⁵? Кто мог три-четыре года назад предвидеть все эти гримасы истории? Но пора уже прозреть и понять, что духом возвышенного благородства, духом вселенской любви и всепрощения не могут быть запечатлены «социалистические революции», происходящие в атмосфере величайшего оскудения и одичания, созданного четырехлетней войной.

Представляется, таким образом, более чем правдоподобным, что революция, буде таковая произойдет в победоносных странах, приведет не к аннулированию, а лишь к национализации наших внешних займов, так что нам во всяком случае придется выплатить все до последней копейки. Но этого мало. Возродившаяся Россия должна будет затратить громадные средства на помощь населению тех местностей, которые подверглись особенно сильным опустошениям во время войны внешней и войн гражданских, она должна будет поддерживать миллионные массы вдов; сирот и калек, созданных всеми этими войнами.

Сверх того, для восстановления промышленности придется усиленно ввозить из заграницы рад фабрикатов и полуфабрикатов, в то время как развить соответственно экспорт нашего сырья ввиду всеобщего обнищания и голода не представится возможным. При колоссальном обесценении нашей валюты эта пассивность торгового баланса заставит нас ежегодно уплачивать за границе весьма солидную дань.

Выразить в цифрах тяжесть того балласта, который в силу всего этого ляжет на наше будущее народное хозяйство, нет возможности. В настоящий момент нельзя учесть даже приблизительно тех новых опустошений, которые вдобавок к ужасному наследству международной войны причинит нашей экономической жизни эпоха еще не законченных гражданских войн. С уверенностью можно сказать лишь одно: никакими налогами, никакими государственными монополиями нельзя будет выкачать из населения тех колоссальных сумм, которые потребуются для того, чтобы свести концы с концами в грядущем государственном бюджете «обновленной» и «возрожденной» России. Если наш национальный доход только восстановится в своих довоенных размерах, мы будем поставлены в абсолютную невозможность справиться с экономическими последствиями войны и революции.

Только быстрое и значительное повышение национального дохода может дать государству ресурсы, необходимые для того, чтобы сколько-нибудь благополучно выбраться из тупика. Другими словами, задача состоит не в простом «восстановлении» производительных сил, а в их увеличении в несколько раз.

Народному хозяйству должна быть придана такая организация, чтобы уменьшенное войной количество живых рабочих сил производило втрое, вчетверо больше продуктов, чем производилось их пять лет назад.

Возможен ли такой чудодейственный скачок? В сельском хозяйстве, находящемся в руках мелких самостоятельных производителей, мыслима лишь медленная эволюция производительных сил. Иное дело промышленность: здесь революция производительных сил теоретически вполне возможна, практическая же ее осуществимость зависит исключительно от уровня развития и соотношения общественных сил.

При капитализме рост производительности труда идет быстрее, чем при какой бы то ни было из предшествовавших ему форм хозяйства. Однако это вовсе не значит, что капиталистическое производство способно в полной мере использовать все возможности в области развития производительных сил. Этого нет даже в рамках каждого отдельного предприятия, т. е. там, где творческая сила капитала имеет возможность развернуться вполне беспрепятственно. Так, в Германии, электрическая промышленность которой является образцом для всего мира, наряду с предприятиями, понизившими себестоимость киловатта до 2–2,5 пфеннига, существовали еще до войны предприятия, где киловатт обходился в 20 пфеннигов, т. е. производительность труда была в девять раз ниже максимально возможной ее величины. В той же высокоразвитой капиталистической Германии не редкость встретить паровую машину устарелого типа, поглощающую при том же полезном эффекте вдвое больше угля, чем машины новейшей конструкции. Задача возрождения промышленности состоит, очевидно, не в том, чтобы поддержать все предприятия данной специальности, хотя бы самые отстающие, а, наоборот, в том, чтобы, немедленно ликвидировать эти последние, сосредоточив все производство на тех немногих фабриках и заводах, которые поставлены в наиболее благоприятные условия как в смысле технического оборудования, так и в смысле снабжения сырьем и топливом. Опыт американских трестов доказывает, что при рациональном проведении такой реформы, несколько оставшихся предприятий в состоянии быстро догнать и превзойти по своей производительности десят-

ки упраздненных. Однако в условиях современного недопроизводства, бешеной дороговизны и крайней неустойчивости общественных отношений рациональная трестификация главных отраслей нашей промышленности силами самих капиталистов неосуществима. Непосредственный интерес толкает предпринимателей не в сторону рационализации производства, не в сторону сложных работ и больших затрат на его усовершенствование, а в сторону возможно более интенсивного, «спекулятивного» использования всего того, что еще осталось от русской промышленности. Трестирование могло бы быть проведено лишь по инициативе, при материальном содействии и под контролем государства.

Но техническая организация каждого отдельного предприятия есть еще самая сильная сторона капитализма. Гораздо более значительные препятствия к развитию производительных сил создает индивидуалистический капитализм в области хозяйственных взаимоотношений между отдельными самостоятельными предприятиями, а также между всей совокупностью капиталистических предприятий и потребителями. Здесь в качестве единственного регулирующего начала капитализм старого типа признавал лишь свободную конкуренцию, свободных товаропроизводителей, и эта, как называл ее Маркс, «анархия капиталистического производства» совершенно несовместима с экономным и рациональным использованием производительных сил страны. В довоенное время марксистская литература обращала внимание главным образом на одно опустошительное последствие капиталистической анархии: на кризисы перепроизводства, обрекающие рабочий класс на голод и безработицу вследствие того, что все товары произведены в избытке и не могут найти себе немедленного сбыта. Но опустошительность капиталистической анархии проявляется не только в кризисах, не только в периодических катастрофах производства; и в периоды своего нормального своего, так сказать, «успешного» осуществления система конкуренции капиталистических товаропроизводителей неразрывно связана с громадной непроизводительной растратой народного труда. Мы бегло отметим здесь лишь наиболее яркие, наиболее резко бросающиеся в глаза «недостатки механизма».

1. Сколько-нибудь развитой капитализм характеризуется, как известно, детализацией и специализацией производства; изготовление какого-либо продукта разделяется обычно на ряд последовательных операций, на которых каждая выполняется особым самостоятельным предприятием. Этим достигается крупное повышение производительности в рамках отдельных предприятий, но создается целая масса бесполезных издержек в общественном производстве, рассматриваемом как одно целое. В самом деле, допустим, что в данной области таких обособившихся специализированных стадий производства имеется пять. Это значит, что сырой материал, прежде чем превратиться в готовый продукт, пять раз становится товаром, который должен быть продан на рынке в условиях анархической свободной конкуренции; пять раз колесит с этой целью по стране, отнимая перевозочные средства, залеживается на складах; пять раз впитывает в себя труд многочисленных торговых посредников. Избежать этого бессмысленного расхищения производительных сил возможно, только объединив все производство продукта от начала до конца в одном «комбинированном» предприятии. Но такая задача зачастую не под силу даже крупнейшему капиталисту. Даже при трестификации различные стадии производства нередко объединяются в руках отдельных трестов.

2. Свободная конкуренция заставляет предпринимателей блистать «богатством выбора», гоняться за всеми колебаниями потребительских вкусов, за всеми причудами и капризами моды. В результате каталоги лучших фирм заключают в себе сотни и тысячи номеров там, где без всяких неудобств для потребителя могли бы фигурировать немногие десятки рационально установленных и строго специфицированных сортов товара. Установление такой спецификации дало бы возможность сделать крупнейшие сбережения в затратах труда.

3. Распределение капитала между отдельными видами производства определяется не настоятельностью различных общественных потребностей, а размерами платежеспособного спроса. Если предметы роскоши при данном положении рынка обещают особенно высокую прибыль, то именно в эту сторону будут направлены главные усилия капиталистов. Между

тем в условиях современного катастрофического оскудения растрата народных сил и средств на производство предметов роскоши абсолютно недопустима. Лишь в строго продуманной последовательности, ограничиваясь на первое время безусловно необходимым, можно восстановить разрушенную промышленность.

4. Капиталистическое производство, поскольку оно основано на принципе свободной конкуренции, не может обойтись без многочисленных коммивояжеров, всякого рода иных работников рекламы, без целой армии торговых агентов и посредников, функции которых станут совершенно излишними при сколько-нибудь планомерном распределении (например, при организации этого последнего по типу больших централизованных потребительских кооперативов).

Только устранение всех этих и многих других дефектов частного хозяйственного капитализма дало бы возможность экономически «возродить» страну, подняв производительность труда на ту высоту, какая необходима для постепенного залечивания тяжких ран, нанесенных народному хозяйству войной и революцией.

Ясно, что задача эта неосуществима без планомерного общественного регулирования народного хозяйства, что простой возврат к «старому режиму» невозможен. В Германии это было признано значительной частью буржуазии еще в тот период, когда ничто не предвещало немецкой революции, когда шансы на победу Германии были, по-видимому, особенно значительны. Полтора года назад В. Ратенау⁶ писал: «Старое погибло и никогда уже более не вернется. Если это и был рай, то теперь это рай потерянный. Печалиться о потерянном, жалобно молить о возвращении невозвратимого унижительно для человеческого достоинства и не соответствует германскому духу». Это писал тот самый Ратенау, который по настоянию независимых социал-демократов ныне удален из комиссии, разрабатывающей план хозяйственного преобразования Германии, — удален, очевидно, за недостаточно радикальный образ мыслей.

Не вернется «потерянный рай» и в России, несмотря на то, что наши капиталисты в противоположность Ратенау положи-

тельно истекают мольбами о возвращении невозвратимого, считая, очевидно, такое поведение как нельзя более соответствующим человеческому достоинству и русскому духу.

Но если победа над разрухой возможна только при помощи планомерного регулирования всего народного хозяйства, то почему же такое прискорбное фиаско потерпели большевики, усилия которых были, по-видимому, направлены именно к тому, чтобы осуществить эту систему возможно полнее и решительнее? Этому вопросу и вопросу о том, в каких формах государственное регулирование производства могло бы иметь успех, мы посвятим следующую статью.

¹ Впервые опубликовано в: Мысль (г. Харьков). 1919. № 1-2. С. 3-9.

² Имеется в виду П. П. Скоропадский (15.05.1873-26.04.1945), российский генерал, украинский военный и политический деятель; гетман Украины с 29 апреля по 14 декабря 1918 года.

³ Декретом советского правительства уже 23 декабря 1917 г. были запрещены все операции с ценными бумагами. Тем не менее Народный банк РСФСР в 1918 г. выдавал ссуды под аннулированные ценные бумаги малоимущим держателям ценных бумаг. Выдача ссуд производилась по соответствующим удостоверениям советов о нуждаемости держателей ценных бумаг. Ссуды выдавались в размере 50% номинала, но не свыше 5 тыс. руб. отдельному лицу. У мелких держателей, имеющих ценных бумаг на сумму до 500 руб., банк покупал аннулированные бумаги. См.: <http://www.cbr.ru/today/print.aspx?file=/today/history/narbank.htm>.

⁴ Это утверждение неточно. В конце октября 1917 г. государственный долг достиг 60 млрд руб., в том числе внутренний — 44 млрд и внешний — 16 млрд руб. Декретом ВЦИК от 3 февраля 1918 г. все государственные займы, заключенные царским и Временным правительствами, были аннулированы. Декрет предусматривал компенсацию всем гражданам, владевшим облигациями внутренних займов на сумму не более 10 тыс. руб. См.: <http://www.cbr.ru/today/print.aspx?file=/today/history/narbank.htm>.

⁵ С весны 1918 г. в коммунистической прессе социал-предателями называли меньшевиков и эсеров. См., напр.: Бухарин Н.И., Преображенский Е.А. Азбука коммунизма // Преображенский Е.А. Архивные документы и материалы: 1886-1920 гг. М.: изд. Главархива Москвы, 2006. С. 521.

⁶ Ратенау В. (29.09.1867-24.06.1922) — германский промышленник, сторонник плановой экономики военного типа, министр иностранных дел Германии периода Веймарской республики.

Коммунизм или государственно-упорядоченный капитализм?¹

В предыдущей статье¹ были указаны те трудности, которые встают на пути восстановления разрушенного войной народного хозяйства в его старых, частнокапиталистических формах. В сложившейся обстановке интересы отдельных капиталистических предпринимателей направлены отнюдь не в сторону воссоздания уничтоженных войной и революцией средств производства. При все растущем товарном голоде, при катастрофическом падении стоимости денег сколько-нибудь интенсивная работа в этом направлении является для частного капитала совершенно невыгодной, а в большинстве случаев и фактически непосильной; прибыль дает в настоящее время не борьба с «разрухой», а дальнейшее ее усугубление: «спекулятивное» использование тех немногих средств и продуктов производства, какие еще сохранились в руках предпринимателей. Но если бы даже частным капиталистам и удалось поднять производительность отдельных предприятий и приблизительно до того уровня, на каком она стояла до войны, то этим наше народное хозяйство еще не было бы спасено от «разрухи». Военно-революционные опустошения страны так грандиозны, что справиться с ними, располагая лишь теми производительными силами, которые имелись у нас в довоенное время, ни в коем случае не удастся. Дело идет, таким образом, не о простом, а, так сказать, о «потенцированном»² возрождении промышленности, о повышении производительности народного труда в несколько раз. Наконец, «восстанавливать» промышленность, поддерживая все предприятия, выгодные с чисто коммерческой точки зрения, значило бы окончательно погубить промышленность. Острый недостаток топлива, сырья, перевозочных средств повелительно требует, чтобы работа по восстановлению промышленности велась в тщательно продуман-

¹ См.: Мысль № 1-2. (Имеется в виду статья «Банкротство старой системы» — см. с. 228—238 настоящего издания. — *Прим. научн. ред.*)

ной последовательности: на первых порах все усилия должны быть направлены на удовлетворение самых неотложных нужд в области личного и особенно в области производительного потребления, и лишь мало-помалу, по мере преодоления голода на средства производства, могут быть обслужены потребности менее настоятельные. Очевидно, что для выполнения всех этих задач свободная игра частнопредпринимательских интересов совершенно не подходит, — требуется планомерная общественная организация производства и распределения. В какие же формы должна отлиться такая организация?

В Германии этому вопросу посвящена обширная литература. Русская читающая публика по статьям Ю. Ларина (Лурье) в общих чертах знакома с той системой государственного регулирования хозяйственной жизни страны, которая была создана немцами во время войны и для войны³. Но уже четыре года назад, когда упомянутая система только еще начинала складываться, предусмотрительная мысль германских экономистов и финансистов, выдающихся теоретиков и практиков в различных областях народного хозяйства приступила к выяснению хозяйственных организационных задач так называемого переходного периода, т. е. того периода, который наступит тотчас же по окончании войны. Многие соображения, высказанные в этих работах, сохраняют свою ценность при всяких условиях и, несомненно, будут использованы современным германским правительством. Но так как авторы германских проектов не предвидели ни военного разгрома своего отечества, ни вызванной этим разгромом революции, то в целом планы их не могут уже получить полного осуществления и даже в пределах самой Германии сохраняют в настоящее время лишь исторический интерес. Тем более это относится к России, которая не сумела создать даже зачатков военно-государственной организации хозяйства, которая экономически разгромлена войной не менее, чем Германия, а в своих революционных устремлениях достигает порой размаха, по истине апокалипсического.

Необходимо оговориться. Из сказанного вовсе не следует, что правы те коммунисты и неоккоммунисты, которые за последнее время, всуе тревожа прах маститых славянофилов, заговорили о «мессианстве» русского народа, о его призвании указать

гнилому Западу пути к спасению. Если запад и начал загнивать, то в противоположность рыбам не с головы, а с хвоста, крайней оконечностью которого как раз и является ваше возлюбленное Отечество. Имеются, однако, все основания надеяться, что болезнь эта не смертельна, что процесс распада сменится процессом возрождения, которое, конечно, начнется не с хвоста, а с головы. Говоря без аллегии: в будущем, как и встарь, нам придется не учить Запад, а учиться у него, придется с неизбежными запозданиями и искажениями пересаживать к себе те формы общественно-хозяйственной организации, которые в новой обстановке, созданной последствиями войны, будут развиваться в передовых странах культурного мира — в Германии, в Англии, в Соединенных Штатах. Но в настоящий момент эти страны только что закончили войну, тип послевоенного хозяйства в них еще не установился, — в то время как мы уже два года назад фактически вышли из войны и более года назад вступили в самую решительную фазу революции, освободившую наше социальное творчество от всяких пут старого буржуазного режима. Представляется поэтому более целесообразным отправляться не от тенденций западноевропейского развития, а от нашего собственного, достаточно уже обширного опыта, с тем чтобы потом сопоставить его итоги с указанными тенденциями.

Венцом экономической политики в революционной России является «национализация»: национализированы банки, железнодорожный и водный транспорт, целый ряд промышленных предприятий, за последнее время национализирована городская торговля, поговаривают даже о национализации крестьянского сельскохозяйственного инвентаря. Однако этот столь часто употребляемый термин является весьма многосмысленным: под национализацией разумеются в различных случаях ее практического применения далеко не одинаковые общественные формы, и в частности, формы общественного заведования промышленностью, интересующие нас в первую голову, претерпели за время существования советского режима очень знаменательную эволюцию.

Первым лозунгом большевиков был, как известно, «рабочий контроль», т. е. контроль над финансовой и администра-

тивной деятельностью предпринимателя, осуществляемый фабрично-заводским комитетом, избранным всеми рабочими данного предприятия. Но так как диктатура пролетариата фактически лишала предпринимателя всяких хозяйских прав, то рабочий контроль, естественно, приводил к полному отстранению капиталиста и сосредоточению всех организаторских функций в руках фабрично-заводского комитета. В результате получился промышленный строй, который, не имея ни одной из положительных сторон частнохозяйственного капитализма, не только удерживал, но и утративал все его отрицательные стороны. Новый коллективный хозяин быстро усвоил психологию старого, индивидуального: с таким же рвением отстаивал он интересы «своего» предприятия, старался перебить сырье и топливо у конкурентов и отнюдь не избегал спекулятивного использования случайных излишков. Но в противоположность капиталисту фабрично-заводской комитет был совершенно не осведомлен в вопросах административного и в особенности финансового заведования предприятием и к тому же не имел никаких побуждений экономно вести дело; в расчете на субсидии своего пролетарского правительства он с легким сердцем доводил эксплуатационные расходы до совершенно фантастических размеров.

Этот первый опыт национализации промышленности был настолько демонстративен, что вынудил руководящие круги коммунистов резко изменить свою тактику. До октябрьского переворота коммунистическая партия выдвигала вперед фабрично-заводские комитеты как истинно революционные пролетарские органы, совершенно не зараженные тем мещанским соглашательским духом, который свил себе гнездо в профессиональных союзах. После октябрьского переворота пришлось признать, что высокореволуционный пыл в период борьбы за власть нисколько еще не гарантирует от сугубо мещанского, пределами своей колокольни ограниченного использования плодов победы.

Профессиональный союз, охватывающий рабочих целой отрасли производства, обладает более широким кругозором и большей свободой действий, чем фабрично-заводской комитет, находящийся в полной зависимости от рабочих данного

предприятия. Учитывая это обстоятельство, коммунисты, естественно, пришли к мысли о необходимости использовать профессиональные союзы как противоядие фабрично-заводским комитетам.

Новый лозунг гласил: в коммунистическом обществе профессиональные союзы перестают быть организациями классовой борьбы пролетариата и превращаются в орудие государственного регулирования промышленности; каждый профессиональный союз руководит производством в своей отрасли, опираясь на фабрично-заводские комитеты, как на подчиненные профессиональному центру органы.

На практике, разумеется, эту директиву далеко не везде удалось провести достаточно гладко: антагонизм между профессиональными союзами и фабрично-заводскими комитетам не изжит и по сию пору. Однако независимо от этого, новая фаза экономической политики далеко еще не решала вопроса о формах организации производства. Профессиональные союзы по составу своих деятелей были почти так же мало приспособлены к непосредственному управлению предприятиями, как и фабрично-заводские комитеты. Сверх того, по самому типу своей организации они могли бы взять на себя эту задачу лишь в том случае, если бы производство в каждой охватываемой союзом отрасли было уже заранее централизовано, объединено в тресты или по крайней мере в синдикаты.

Таким образом, проблема государственного синдицирования и трестирования промышленности встала перед советской властью в тот самый момент, как она, перестав полагаться на революционную самодеятельность масс, вынуждена была ясно и точно ответить на вопрос: что же на деле, на практике, по отношению к российской промышленности, означает тот «социализм», который на словах был провозглашен октябрьской революцией. И с ответом нельзя было медлить, ибо местные власти — отдельные комитеты, провинциальные советы, областные объединения, чуждые гамлетовских сомнений центра, — продолжали направо и налево «национализировать» предприятия по самым разнообразным поводам, чаще всего в виде кары за действительный или мнимый саботаж капиталиста, и, разумеется, нисколько не считались с экономической целесообраз-

ностью той или другой национализации. Кое-какие из этих национализированных предприятий центральной власти удалось денационализировать, но там, где «революционная инициатива» местных деятелей отличалась особенно широким размахом, коммунистическому государству не оставалось ничего другого, как принимать под свою высокую руку груды без толку и смысла национализированных предприятий, обременяя свой бюджет огромными непроизводительными расходами. Так, группа национализированных местными силами уральских заводов неукоснительно каждый месяц приносила государству 70 миллионов чистого убытку, пока, наконец, «чехо-словаки» не избавили советское правительство от этой обузы.

Пытаясь противопоставить стихийным национализациям снизу более или менее упорядоченное регулирование производства сверху, советская власть сначала возымела намеренно избрать соглашательский путь и в виде опыта вступила в деловые переговоры с группой капиталистов относительно организации грандиозного металлургического треста. Неизвестно, что помешало осуществлению этого намерения: выяснившиеся в процессе переговоров саботажные умыслы предпринимателей или боязнь замарать чистоту своей политической позиции, но только переговоры были прерваны, и приблизительно с середины прошлого лета курс правительственного корабля был твердо установлен на беспощадную «национализацию». С тех пор многие десятки предприятий были конфискованы и переданы в исключительное заведование государственной власти. Во главе каждой однородной по производству группы таких предприятий поставлены «централизованные правления», состоящие при Высшем Совете Народного Хозяйства и сосредоточивающие в своих руках всю полноту организаторской власти в пределах вверенной им отрасли. Декреты об учреждении «центральных правлений» усиленно подчеркивают, что «никакие местные органы правительственной власти (совдепы, совнархозы, комиссариаты труда и т. п.) не могут вмешиваться непосредственно, помимо центрального правления, в административно-хозяйственные дела управляемых ими предприятий». Об участии в делах управления агентов профессиональных союзов или фабрично-заводских комитетов нет более и речи.

Итак, от непосредственно всенародного творчества через синдикализм и областную автономию к централизованному государственному бюрократизму — вот тот цикл развития, который проделал принцип национализации промышленности за год существования советской власти. Это, разумеется, прогресс, но прогресс довольно умеренный. Опыт убедил правящие сферы, что та свободная и сознательная товарищеская самодисциплина, которая является предпосылкой социалистической организации производства, не доступна для широких масс российского пролетариата. Следуя примеру своих предшественников — частных капиталистов, советская власть вынуждена была прибегнуть к насаждению внешней дисциплины, для чего необходимо было централизовать управление производством и оградить поставленное во главе его фабрично-заводское начальство от всякого вмешательства подчиненных в административные дела. Но внешняя дисциплина не обязательно покоится на голом принуждении. Гораздо успешнее и с меньшей затратой силы достигается она путем умелого использования непосредственных личных интересов каждого отдельного пролетария. Старый капитализм знал не только штрафы, расчеты и другие методы принуждения и устрашения, он применял наряду с этим сдельную оплату труда, премии, участие в прибылях — целую систему мероприятий, привязывающих рабочего к установленному фабричному порядку прочными узами личной выгоды. Пыталась ввести эти утонченные методы капиталистической муштры и советская власть, но без особенного успеха. Разговоры о введении сдельной оплаты, премий и даже «системы Тэйлора», по-видимому, так и остались разговорами. Осуществлению их на деле помешало не столько отсутствие в российском пролетариате воли к повышению жизненного уровня путем более напряженного труда, сколько физическая невозможность трудиться сколько-нибудь интенсивно при том голодном пайке, каким вынужден довольствоваться, несмотря на свою диктатуру, пролетарий советской России¹.

¹ В № 2–3 издаваемого комиссариатом труда журнала «Статистика Труда» помещено интересное исследование Струмилина о прожиточном минимуме петроградского рабочего. Резюмируя свои статистические выкладки,

Как бы то ни было, поскольку дело касается пролетариата, советской властью осознана необходимость создать внутренний стимул к повышению производительности труда на почве личной заинтересованности трудящегося. Но, странным образом, в советских сферах не поднимался до сих пор вопрос о применении того же метода к членам заводууправлений, инженерам, техникам, вообще к руководящему персоналу промышленности, несмотря на то, что в этой среде психологические предпосылки свободного товарищеского социализма развиты в еще меньшей степени, чем среди представителей ручного труда. Организовать управление национализированными предприятиями по типу казенных заводов доброго старого времени — вот тот идеал, к которому стремится в настоящее время социалистическое правительство Великороссии. Бюрократический формализм, система отписок, механическое исполнение начальственных предписаний при полнейшем равнодушии к тому живому делу, ради которого эти предписания издаются, — вот та трудовая атмосфера, которая при таких условиях должна воцариться на национализированных предприятиях. И это еще в лучшем случае — в том случае, если идеал будет достигнут и советской власти на деле удастся оградить своих промышленных чиновников от дезорганизующего их работу вмешательства всякого рода советов и комитетов, избираемых номинально диктаторствующим пролетариатом. Очевидно, что даже при полной удаче национализаторской политики в ее теперешних формах будут совершенно неосуществимы та строгая рационализация промышленности, то быстрое повышение ее производительности, которые, как мы видели выше, необходимы для преодоления нашей хозяйственной разрухи.

автор пишет: «Допуская даже, что рабочий вовсе не платит за жилище, донашивает старую одежду и вообще не делает никаких иных расходов, кроме затрат на пищу, он из необходимых ему 107 тыс. калорий в месяц не получает и 48 тыс. калорий, т. е. 44%. Этого количества не достаточно даже для простого поддержания жизни без истощения организма... производительного труда от него при таких условиях, разумеется, ожидать не приходится». (*Струмилин С. Г.* Прожиточный минимум и заработки чернорабочих в Петрограде в 1914–1918 гг. // *Статистика труда.* 1918. № 2–3. С. 4–8. — *Прим. научн. ред.*)

Однако и этот скромный результат далеко еще не достигнут советской властью. Невмешательство легко декретировать, но нелегко осуществить. И фактически национализированные предприятия не только работают хуже образцовых капиталистических фабрик, но стоят значительно ниже того невысокого уровня, на котором находились казенные заводы царского правительства. К сожалению, в нашем распоряжении нет цифровых данных, позволяющих иллюстрировать производительность национализированных предприятий. Но зато мы имеем данные о работе распределительного аппарата советской республики, и данные эти показывают, что по коэффициенту полезного действия советская бюрократия относится к бюрократии царской приблизительно так же, как орудие каменного века к паровой машине.

Распределительные органы, созданные царским правительством во время войны, функционировали очень неудовлетворительно; если наряды их выполнялись в размере 75–80% назначения, положение считалось благополучным, но все же случаи, когда недогруз превышал половину назначения, были сравнительно редкими и признавались катастрофическими.

Посмотрим же, как работают распределительные органы коммунистического строя. По данным, опубликованным отделом экономических исследований ВСНХ, мяса для всех потребляющих районов в июне 1918 г. было назначено к отправке 809337 пуд., отправлено 30943 пуд., или 4%; в июле 1918 г. назначено 133 тыс. пуд., отправлено 7 тыс. пуд., или 5% назначения. Погрузка живого скота составляла в июне 17%, в июле — 4% назначения; погрузка яиц в июне — 5%, в июле — 2% назначения, погрузка животного масла в июне — 2,2%, в июле — 0 (недогруз по всем потребляющим районам 100%), недогруз составил: растительного масла — 93% в июле, мануфактуры — 94% в августе. Не лучше обстояло дело и с хлебом, для добывания которого были затрачены такие грандиозные силы и средства, двинуты в деревню реквизиционные отряды, созданы комитеты бедноты. Погрузка хлеба для всех потребляющих районов составляла в январе 9,2%, в феврале-марте — 12,93, в апреле — 7,25, в мае — 8,48, в июне — 4,4% назначения. Любопытно, что даже продовольственный аппарат коалиционного пра-

вительства, работавший очень скверно и вызывавший столько справедливых нареканий со стороны большевиков, состоявших тогда в оппозиции, должен быть признан образцовым сравнительно с аппаратом советской России. Так, в марте 1917 г. погрузка хлеба составляла 41,4%, в апреле — 24,7, в мае — 56,9, в июне — 34,5, в июле — 22,3, в августе — 31,7% назначения. В результате, по исчислению Н. Орлова¹, Временное правительство обеспечивало петербуржцу 8–9 фунтов хлеба и круп, а советское правительство — 3,5 фунта в месяц. Правда, Н. Орлов видит причину падения нормы обеспечения не в ухудшении распределительного аппарата, а в отторжении от советской России хлебородного юга и Сибири. Однако этим обстоятельством можно объяснить лишь абсолютное уменьшение количества распределяемых продуктов, но никак не повышение процента недогруза. Ибо при исчислении месячного наряда в основу кладутся не действительные потребности населения, а те ресурсы, которыми фактически в данный момент и при данных условиях располагает правительство. Другими словами, процент недогруза характеризует собой не размеры реального недостатка в продукте, а лишь ту степень, в какой данное учреждение способно выполнить свои собственные задания, лишь коэффициент полезного действия распределительного аппарата.

И как мы только что видели, для распределительных аппаратов советской республики коэффициент этот совершенно ничтожен; им удается в среднем выполнить не более $\frac{1}{20}$ назначения, да и эта двадцатая попадает почти исключительно в распоряжение привилегированных центров потребления — Москвы, Петербурга и Центрального Продовольственного Бюро железных дорог. Остальные потребители не получают, как правило, ничего: в таблицах отдела экономических исследований графы всех потребляющих пунктов и районов, кроме только что указанных, неизменно украшаются цифрой — 100% недогруза.

¹ См. его труд «Продовольственная работа советской власти», с. 341. (Имеется в виду работа: Орлов Н. А. Продовольственная работа советской власти. М.: Народный Комиссариат продовольствия, 1918. — Прим. научн. ред.)

Таким образом, работа распределительных аппаратов советской республики является, бесспорно, классическим образчиком «саботажа». Эта гигантская, неуклюжая, поглощающая огромные средства машина вертится впустую, почти не задевая своими колесами стихийно разваливающегося народного хозяйства. Голодающий обыватель вынужден промышлять себе пропитание собственными средствами; избавленный от эксплуатации крупных спекулянтов, он отдан в кабалу еще более хищной, еще более безжалостной мелкой спекуляции мешочников.

В чем же корень зла и как помочь горю? Послушаем, что говорит об этом Н. Орлов, автор цитированного нами интересного труда о продовольственной работе советской власти. Мнение этого советского деятеля для нас тем интереснее, что будучи горячим сторонником общей политики Совнаркома, он свободен от всяких подозрений в предвзятом злопыхательстве по адресу советского строя и, с другой стороны, не являясь членом правительственной партии, может высказывать свои мысли о необходимых реформах с той свободой суждения, которую не решаются позволить себе официальные коммунисты, связанные партийной дисциплиной. Н. Орлов говорит полным голосом, «ставя все точки над *i*», то самое, что давно уже осознали наиболее толковые из коммунистов и что робко и нерешительно, с приличествующими пролетарской власти прикрытиями пытается в последнее время проводить в жизнь Совнарком.

Н. Орлов констатирует, что за 10 месяцев советской власти не удалось хоть сколько-нибудь приостановить развал промышленных предприятий, рационально переведя их на работу мирного времени: «В действительности мы далеки от этого сегодня еще больше, чем в октябре прошлого года... А взяли мы хоть один род товаров как следует и вполне в наше государственное распределение? Нет. Мануфактура, сахар, металлы, топливо... Какой бы продукт ни попался нам на глаза из тех, что официально числятся на учете, мы можем смело сказать, что по ведомостям учитывающих учреждений приходится лишь $\frac{1}{10} - \frac{1}{100}$ его часть». Почему же советский механизм работает так плохо? Потому, отвечает Н. Орлов, что, строя свою схему, «мы всегда и всюду стремились поступать так, будто вокруг нас

не вчерашние рабы, не вчерашние мещане... а люди, родившиеся и выросшие в рамках развитого социалистического строя. Мы старательно игнорировали и материальные интересы, и честолюбие, и привычку к мещански независимому бытию, и резко выраженные индивидуалистические склонности наших сотрудников и государственных деятелей» (с. 387). В результате, вместо ответственных и работоспособных единоличных исполнителей созданы безответственные и неработоспособные коллегии, вместо работников, заинтересованных в успехе общегосударственного дела, — представители профессиональных интересов, пекущиеся только о своих доверителях, вместо планомерного централизованного управления — анархическое хозяйничание местных органов, воплощающих в себе принцип «всей власти на местах». А потому «является насущной задачей выгнать из всех канцелярий, коллегии, советов, комитетов, комиссий, центров, главков 80% людей, неспособных к производительному труду. Централизация, личная инициатива и ответственность, упрощенное делопроизводство и отчетность — вот чего требует народное хозяйство... Пустые фабричные корпуса и битком набитые пишущей братией многоэтажные отели — это позор... На капиталистическом западе гудящими народом заводскими корпусами управляют крошечные бюро. Нам надо достичь того же» (с. 384–385).

«Ни один уважающий свои знания и опыт инженер не пойдет к нам теперь, ибо сплошь и рядом кучка невежественных рабочих, проникнутая узким пониманием своих интересов, свяжет инициативу такого человека... Необходимым условием оживления нашей обрабатывающей промышленности является устранение всех центров, главков, комитетов и советов от непосредственного вмешательства в производство, передача всех административно-распорядительных функций в руки ответственных перед комиссаром производства директоров, работающих на основах тантьемного вознаграждения» (с. 391). На тех же «основах» рекомендует автор организовать выполнение прочих государственных функций. «Государственная работа должна быть построена по принципу заказа (поручения) одного лица другому». «Контрагент», принимающий такой государственный заказ, организует работу по собственному

усмотрению за единоличной ответственностью. Вознаграждается контрагент на рекордном праве: его «жалованье» будет слагаться из четырех элементов — качества выполненной работы, времени выполнения работы, количества ее и затрат на ее выполнение. Сумма его заработка прямо пропорциональна качеству и количеству, обратно пропорциональна времени и затратам. Конечно, на таком же основании контрагент будет оценивать и труд своих сотрудников (с. 389).

Мысли здравые, ибо при наличных социально-психологических предпосылках и в среде пролетариата, и в среде интеллигенции нет иного способа форсировать производительность труда, как испытанный капитализмом метод подстегивания личного интереса, соревнования, искусственного отбора при помощи «рекордного вознаграждения».

Какой же общественный тип будет представлять собой советская Россия, если ей удастся преодолеть все внутренние сопротивления и последовательно провести в жизнь принцип государственного строительства, рекомендуемый Н. Орловым? Это не будет старый частнохозяйственный капитализм, ибо здесь организатор предприятия не является его собственником, но заведует им на определенных условиях, выполняя задания государства. Но это не будет и отрицанием буржуазного строя, ибо основные начала последнего — внешняя дисциплина, авторитарная организация производства, личная заинтересованность в деле и даже прибыль (тантьемы, премии и т. д.) — сохраняются неизблемыми. Это будет тот самый государственный упорядоченный капитализм, который еще во время войны, при неограниченной диктатуре империалистических правительств, начал складываться в Германии, Англии, Америке. Неумолимая экономическая необходимость толкает нашу коммунистическую революцию к усвоению тех же форм общественного строительства, какие эволюционно развиваются в капиталистических странах.

Сейчас еще нет возможности сказать, сумеет ли советская Россия усвоить этот властно диктуемый ей строй без новых политических революций или контрреволюции. С уверенностью можно утверждать лишь одно: раз в нашей хозяйственной жизни так или иначе укрепятся начала государственно-упоря-

доченного капитализма, политической надстройкой над ними явится не советская, а буржуазно-парламентская конституция.

¹ Впервые опубликована в: Мысль (Харьков). 1919. № 3. С. 57–64.

² Имеется в виду потенциальная функция, значения которой быстро увеличиваются при росте переменной.

³ Ларин Ю. (Лурье Михаил Александрович) (1882–1932) — советский экономист, деятель революционного движения, литератор. Имеется в виду работа «Борьба за пищу. Государственная коммунальная организация продовольствия в Германии» (Пг.: Книга, 1916.).

О «пролетарской культуре». Социалистическая культура как предпосылка успешной революции¹

Скептики, подвергающие сомнению социалистический характер тех революций, которые охватили в настоящее время восточную Европу, указывают в подкрепление своей позиции на крайне низкий уровень производительных сил как раз в тех странах, где революционный пламя разгорелось всего ярче. Далее, они обращают внимание верующих коммунистов на то, что колоссальная опустошительная работа войны объективно отодвинула от социализма даже самые передовые страны капиталистического мира. Германия находится накануне полного экономического банкротства, накануне безысходного голода и распада всей промышленности. При таких условиях широкие планы социалистического строительства фактически не осуществимы, как бы революционно ни был настроен пролетариат, овладевший государственной властью: не до жиру, быть бы живу. И не только в побежденной Германии, но и в пределах победоносной коалиции — в Италии, Франции и даже Англии — война вызвала огромное понижение уровня производительных сил. Если даже согласиться, что пять лет тому назад передовые капиталистические страны экономически были подготовлены к социализму; если даже признать, что переживаемая нами мировая катастрофа есть крах капитализма, принявший форму империалистической войны, а не социалистической революции, исключительно потому, что в августе 14-го года международный пролетариат не обнаружил достаточной сплоченности и революционной решимости, — если даже все это и так, то теперь уже горю не поможешь, запоздалое революционное раскаяние пролетариата, водружающего знамя своей диктатуры на развалинах капиталистического хозяйства, не превратит этих развалин в цветущий вертоград² социализма, а только окончательно довершит разложение промышленности.

Так рассуждают скептики. И фактически они, конечно, правы. Правы немецкие шедеймановцы, утверждающие, что введение «немедленного социализма» очень быстро приведет Германию к такому положению вещей, при котором «нечего будет социализировать». Еще более правы в своем скептицизме русские «социал соглашатели». Советская Россия уже достигла того, что для Германии является пока устрашающей перспективой. У нас уже имеется чудовищно разросшийся социализирующий аппарат, но нет почти никаких объектов для социализации, — по крайней мере, в пределах досягаемости для этого аппарата. Видимость социалистического строительства поддерживается до поры до времени энергичной бумажной работой бесчисленных канцелярий. Но так как надвигающийся бумажный голод грозит лишить объекта даже и эту сферу деятельности отечественного коммунизма, то в ближайшем будущем нам предстоит, по-видимому, созерцать весьма поучительное зрелище: полный паралич коммунистических учреждений как результат полного политического торжества партии коммунистов.

Итак, факты, бесспорно, говорят в пользу скептиков. Но теоретическое объяснение, даваемое этим фактам и сводящееся, как мы только что видели, к указанию на падение уровня производительных сил вследствие войны, не вполне точно и, во всяком случае, не достаточно, не исчерпывает вопроса, а потому и не дает возможности сделать всех надлежащих выводов из правильно нащупанной позиции.

Прежде всего возникает вопрос: позволительно ли все материальные опустошения, произведенные войной, без дальнейшего анализа отождествлять с уничтожением производительных сил воюющих народов? Коммунисты не без основания указывают, что мерою развития производительных сил является не количество тех материальных благ, которыми общество располагает, а совершенство тех методов общественного труда, при помощи которых материальные блага приспособляются к удовлетворению определенных потребностей. «Производительные силы» — термин социологический, а не технический, или естественно научный; «производительные силы» — не вещь и не совокупность вещей, а *общественное*

отношение. Думать иначе — значит впасть в тот самый «фетишизм», который Маркс разоблачил, критикуя обычное представление о товаре, как о вещи, по самой природе своей обладающей ценностью.

В самом деле, фабрика, оборудованная по последнему слову техники, есть драгоценная производительная сила в руках цивилизованного общества. Но та же самая фабрика в руках дикарей совсем не является производительной силой: это только беспорядочная груда сырых материалов — камня, металла, ремней, — из которых лишь путем упорного труда дикарь может сделать что-нибудь пригодное для жизни, например, оружие, домашнюю утварь и т. п.

Допустим теперь противоположный случай. Представим себе, что общество с упрочившимся, закрепившимся в нравах и обычаях, социалистическим строем потерпело стихийную катастрофу (землетрясение, наводнение и т. п.), опустошившую материальные ресурсы его существования приблизительно в такой же степени, в какой только что законченная война опустошила современную капиталистическую Европу. Было бы нелепо предположить, что такое социалистическое общество найдет нужным вернуться к частно-хозяйственному строю на все то время, как производительные силы, разрушенные катастрофой, не будут восстановлены и доведены до своего прежнего уровня. Очевидно, наоборот, что именно в период восстановления общественного хозяйства, в период острой борьбы с последствиями народного бедствия, необходимо с особенной тщательностью использовать все те преимущества в области производительности, планомерности и организованности общественного труда, какие социалистические методы хозяйства имеют по сравнению со всякой частно-хозяйственной, то есть более или менее анархической системой.

Таким образом, если бы европейское общество уже накануне войны было действительно подготовлено к социалистическому перевороту, то теперь, после войны, социализация Европы была бы не только возможной, но и настоятельно необходимой мерой, — она явилась бы лучшим средством для того, чтобы в кратчайший срок и с наименьшими усилиями залечить ужасные раны, нанесенные войной народам культурного мира.

Итак, где же критерий, позволяющий решить, подготовлено или не подготовлено, созрело или не созрело данное общество для социалистического переустройства?

Как мы только что видели, количество материальных богатств, находящихся в распоряжении общества, как в виде предметов непосредственного потребления, так и в виде средств производства, таким критерием служить не может. Не та или другая совокупность вещей, а наличность определенного социально-психологического уклада жизни, определенной системы общественных склонностей, привычек, навыков является предпосылкой осуществимости социализма. Для того чтобы социализм стал возможным, пролетариат уже в период борьбы с капитализмом должен воспитать в себе все те свойства, которые необходимы ему как строителю грядущего общества.

Какие же это свойства? Многие думают, что успешность социалистического переворота будет гарантирована, если руководящие слои пролетариата усвоят себе³ технические сведения, необходимые для того, чтобы контролировать работу профессиональной интеллигенции, которая при социализме будет фактически организовывать производство точно так же, как она организовывала его при капитализме. Это величайшее заблуждение. Инженеры и техники, даже при наилучших намерениях, могут превратить частнокапиталистические предприятия в государственные, в казенные, но отнюдь не в социалистические. Для отдельных отраслей производства такая реформа может оказаться необходимой, но, в общем и целом, она не может не привести к упадку промышленности.

У нас очень распространен предрассудок, будто уже одно обращение в пользу государства частно-капиталистической прибыли способно излить на пролетариат и беднейшее крестьянство великие и богатые милости. Питающие подобного рода надежды забывают, что на повышение уровня жизни рабочих масс может быть затрачена лишь та сравнительно небольшая доля прибавочной ценности, которая составляет фонд *личного* потребления капиталиста, — все же остальное, что капиталист расходует на амортизацию, расширение и улучшение дела и др. производительные нужды, государственная власть, конфисковавшая предприятие, должна расходовать точно таким же

образом. Но и фонд личного потребления капиталиста не попадет в руки рабочих, ибо его едва-едва хватит на уплату жалованья добавочным агентам надзора, контроля и управления, которыми государственное предприятие вынуждено заместить «хозяйский глаз» частного капиталиста. Следовательно, огосударствление не дает особенной выгоды даже тогда, когда оно не сопровождается падением производительности. Между тем это последнее в огромном большинстве случаев неизбежно: пока главным побудительным мотивом производительной деятельности остается стремление к личной выгоде, частный капиталист, при прочих равных условиях, неизбежно окажется более удачливым организатором, чем государство, сумеет лучше использовать в интересах предприятия психологию своих рабочих и служащих. Итак, поскольку психология рабочих и служащих как агентов производства, сохраняет буржуазно-индивидуалистический характер, постольку «социализация» или «национализация» предприятий является мерой глубоко реакционной, понижающей производительность общественного труда. Чтобы справиться с ее финансовыми последствиями, «социалистическому» государству приходится или опустить заработную плату значительно ниже того уровня, на котором она стояла при капитализме, — что очень мало гармонирует с идеей о пролетарской диктатуре, — или же чрезвычайно вздуть цены на продукты национализованной промышленности, — что восстанавливает против режима пролетарской диктатуры все непролетарские слои населения.

Можно ли, однако, говорить о «буржуазно-индивидуалистической» психологии пролетариата в эпоху столь мощной пролетарской революции, в эпоху, когда рабочий класс обнаружил столько несокрушимой энергии, выдержки и сплоченности в борьбе с буржуазным миром, — наконец в эпоху, когда почти все организаторские функции в народном хозяйстве и государственном управлении выполняются пролетарскими «коллективами».

Боевая стойкость пролетариата не подлежит никакому сомнению, но она еще отнюдь не свидетельствует о преодолении индивидуализма в сфере положительной, созидательной работы. Ведь и белогвардейские отряды обнаруживают иногда боль-

шую храбрость и сильно развитый дух боевого товарищества. Можно ли отсюда заключить, что белогвардейцы в процессе закаляющей их гражданской войны утрачивают буржуазно-индивидуалистическую психологию и усваивают себе психологию социалистическую? Своеобразный солдатский коммунизм, порождаемый обстановкой боевой жизни и укрепляемый воинской дисциплиной, доступен для самых различных общественных классов, слоев и сословий, но от него до творческого социалистического сознания, как до звезды небесной далеко. Что же касается «коллективов», ведающих у нас строительством хозяйственной и государственной жизни, то — увы! — они гораздо более напоминают неуклюжие и неработоспособные петровские «коллегии», которыми началось развитие нашей бюрократии, нежели свободные, стройные и гибкие организации, которые социализм должен поставить на место отжившего свой век чиновничества.

Социализм есть общественное устройство, совмещающее максимум организованности и максимум свободы. Социализм лишь в том случае победит и упрочит свою победу, если преодолеет анархию капиталистического производства до конца: не только в пределах каждого отдельного государства, где эта анархия проявляется в виде свободной конкуренции предпринимателей, но и в международной области, где капиталистическая анархия приняла форму опустошительного милитаризма. Социализм, следовательно, должен планомерно организовать хозяйственную жизнь культурного мира в единое, строго продуманное целое. Но такая организация не может быть построена на почве внешнего государственного принуждения, не может быть управляема централизованным бюрократическим механизмом. Ибо вселенская бюрократия обладала бы гигантской непреодолимой инерцией, наложила бы печать абсолютного застоя на все общественные отношения, сделала бы совершенно неосуществимым сколько-нибудь энергичное развитие производительных сил.

Таким образом, социализм, реализованный в этой государственно-бюрократической форме, начал бы загнивать и разлагаться на другой же день после своей победы.

Действительно, «преодолеть» капитализм, т. е. преодолеть все ограничения, воздвигаемые этим последним на пути раз-

вития производительных сил, мыслимо лишь при том условии, если величайшая планомерность общественной организации хозяйства будет осуществлена не бюрократической властью, а свободным товарищеским союзом производителей.

Очевидно, что такой тип организации в корне противоречит тем социально-психологическим данным, которыми характеризуется буржуазное общество: оно требует колоссального сдвига, выработки новой психологии, нового мироотношения, новых бытовых форм, — одним словом, новой общественной культуры, не менее отличной от современной, чем это последнее отлично от культуры средневековья. И даже для того, чтобы создать те переходные формы общежития, которые могли бы воспитать массы в духе социалистической культуры, пролетариат, по крайней мере, в лице своих передовых элементов, должен уже теперь, при господстве капитализма, стать носителем новой культуры, — иначе он не сможет даже приступить толком к переустройству общества.

В Европе буржуазный строй восторжествовал окончательно лишь в XIX веке. Но уже в глубине средних веков торговые городские республики стали питомниками буржуазного быта, буржуазного мировоззрения, буржуазной культуры. За триста лет до своего материального торжества над средневековьем буржуазия одерживает над ним ряд блистательных духовных побед. В эпоху возрождения буйно разрастается буржуазная культура, враждебная средневековой традиции, проникнутая духом свободного исследования и ярким индивидуализмом: возникает новая наука, новое искусство, новая философия, новая религия.

Может ли социализм, ныне претендующий на мировое господство, предъявить что-либо, хоть отдаленно напоминающее этот пышный расцвет творческих сил пробужденного к новой культуре общественного сознания? Наметился ли тот новый стиль бытия и мышления, который должен составить основу социалистической культуры? Что принципиально нового внес социализм в нравственное сознание людей, в музыку, в поэзию, в живопись, в философию и религию?

Много лет тому назад Н. Ленин с большим удовлетворением писал: «В марксизме нет ни грана этики»⁴; он мог бы с еще боль-

шим удовлетворением прибавить «в марксизме нет ни грана эстетики», и уже, конечно, «ни грана религии», — нет, вообще, ничего, кроме методологии познания в области общественных наук. Правда, методология эта гениально задумана Марксом и блестяще применена к делу его талантливыми учениками. Марксизм — почтенная научная школа, но совсем не «мировоззрение», и менее всего зачаток новой общественной культуры. Но именно с марксистской точки зрения такое явное и полное отсутствие высших проявлений социалистической культуры было бы совершенно необъяснимо, если бы социалистическая психология уже имелась налицо.

Носители столь новой, столь отличной от всего буржуазного, психологии не могли бы, конечно, довольствоваться «идеологическими надстройками», созданными буржуазией; не могли бы, с другой стороны, удовлетвориться простым отрицанием буржуазных ценностей (ни грана этики!), ибо это свидетельствовало бы о крайней скудности, о великой духовной нищете социалистической культуры, в то время как по самому своему общественному заданию социализм требует чрезвычайно богатой и сосредоточенной духовной жизни.

Не остается, таким образом, ничего другого, как предположить, что отсутствие высших форм социалистической «идеологии» свидетельствует об отсутствии сколько-нибудь развитой социалистической психологии. А раз это так, приходится, по-видимому, прийти к выводу, что современная Европа менее созрела для социализма, чем Европа XV века для буржуазной революции.

Так это или нет, — ясно, во всяком случае, что проблема «пролетарской культуры» представляет в настоящее время глубочайший животрепещущий интерес не только для, так называемых культурных, работников, но и решительно для всякого специалиста.

В следующей статье мы рассмотрим, как понимается эта проблема теми организациями и отдельными деятелями, которые ставят своей задачей развитие пролетарской культуры.

¹ Опубликовано в: Мысль. 1919. № 4. С. 99–103.

² Вертоград (*устар.*) — сад, виноградник.

- ³ Сохранен стиль оригинала.
- ⁴ Имеется в виду следующее высказывание Ленина: «Нельзя не признать поэтому справедливости утверждения Зомбарта, что “в самом марксизме от начала до конца нет ни грана этики”: в отношении теоретическом — “этическую точку зрения” он подчиняет “принципу причинности”; в отношении практическом — он сводит ее к классовой борьбе» (*Ленин В.И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве* // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 440–441).

Рецензия на книгу: Н. Ленин (Вл. Ульянов) «Пролетарская революция и ренегат Каутский» (Москва, 1918)¹

Полемическая брошюра Ленина, разоблачающая ренегатство Каутского, выдержана в строго большевистском стиле. «Лакейство перед оппортунистами, т. е. в конце концов перед буржуазией» (с. 242)², «нечестный подход к вопросу» (с. 243). «Либо крайняя глупость, либо весьма искусное мошенничество» (с. 244). «Столь гнусную ложь мог сказать только негодяй, продавшийся буржуазии, или, что совершенно одно и то же, доверившийся П. Аксельроду» (с. 275) ... Одним словом:

Кабы только не этот мой девичий стыд,
Что иного словца мне сказать не велит,
Я б тебя, прощельгу, нахала,
И не так бы еще отругала³.

Состояние запальчивости и раздражения юриспруденция старого режима склонна была рассматривать как смягчающее вину обстоятельство. Но даже встав на эту буржуазно-примиренческую точку зрения, критика едва ли сможет вынести автору рассматриваемого труда оправдательный вердикт.

Упрекая Каутского в бесчисленных подтасовках и подменах, Н. Ленин построил всю свою аргументацию на следующей сплошной подмене. Каутский утверждал, что в стране, созревшей для социалистического переворота, диктатура пролетариата может быть только диктатурой большинства населения, возглавляемого пролетариатом, а потому пролетариат в период социалистической революции не имеет никакого основания уничтожать демократические учреждения, построенные на всеобщем избирательном праве; наоборот, он заинтересован в том, чтобы использовать эти учреждения как наилучшее оружие своей классовой диктатуры. Н. Ленин усматривает в этом рассуждении преступнейшее ренегатство и поучает Каутского, что в руках стоящей у власти буржуазии демократия есть

средство угнетения пролетариата. «Буржуазная демократия... при капитализме не может не оставаться узкой, урезанной, фальшивой, лицемерной, раем для богатых, ловушкой и обманом для эксплуатируемых, для бедных», — пишет Н. Ленин⁴. Пусть так. Но о каком «капитализме» может идти речь в социалистической республике, уже год назад отстоявшей у буржуазии банки, общественные здания, печатные станки, даже частные квартиры и мебель? Фальсифицировать всеобщие выборы, превратить их в ловушку и обман у нас могла бы только партия коммунистов, сосредоточившая в своих руках всю государственную власть, монополизировавшая печать, имеющая таким образом все средства материального и морального давления на массы. И если Советская республика не решается, несмотря на это, ввести всеобщее избирательное право, мало того, боится осуществить свою собственную советскую конституцию, если даже выборы в советы ни разу не происходили до сих пор правильно, с гарантиями действительной свободы для избирателей и избираемых, а неизменно стряпались по-домашнему, то, очевидно лишь потому, что правящая партия при всех своих успехах все еще не рассчитывает получить большинство голосов даже среди признавших советскую конституцию избирателей. Другими словами, на деле, на практике всем своим поведением коммунисты на каждом шагу подтверждают, что диктатура их есть государственное насилие меньшинства русского народа над большинством, а в этом и заключается гвоздь ренегатского утверждения Каутского.

Другое важное преступление Каутского состоит в том, что, признавая Советы могучим орудием революционной борьбы пролетариата, он очень низко расценивает их как органы государственного управления. Любопытно, что это утверждение, вызывающее особенное негодование автора брошюры, последний опровергает исключительно ссылками на мысли, высказанные Марксом и Энгельсом по поводу Парижской коммуны. Казалось бы, вместо этой скучной, схоластической возни с устаревшими текстами священного писания куда поучительнее было бы учесть опыт нашей революции, привести факты, практически иллюстрирующие ту творческую мощь, которую проявило Российское государство «типа коммуны» в деле соци-

алистического строительства. Таких фактов Н. Ленин не привел по той простой причине, что их нет, что наши советские организации обнаружили свою полную несостоятельность во всех областях государственного управления, что усилия московского правительства, и в первую голову, самого Ленина, давно уже направлены на уничтожение обанкротившихся учреждений «типа коммуны» и замену их организациями буржуазно-бюрократического типа. По типу капиталистических трестов летние декреты пытаются организовать управление главнейшими группами национализированных предприятий, бюрократическое начало насаждает Н. Ленин, воюя с «болтающими» выборными комиссиями и противопоставляя им принцип «личной ответственности».

Вся практическая деятельность Ленина и других членов великороссийского правительства является живым, наглядным опровержением тех дифирамбов советскому типу организации государства, которыми переполнена рассматриваемая брошюра. Эта коренная неискренность постановки самого основного вопроса лишает полемические упражнения автора всякого значения, обесценивает даже те правильные мысли, которые имеются в книжке.

Опровергнуть критику Каутского невозможно, ибо сама жизнь с каждым новым месяцем, с каждой новой неделей все более и более подтверждает справедливость этой критики.

Однако ввиду того, что Каутский мог еще сохранить известный авторитет в большевистских кругах, облить его помоями, отделать на все корки за ренегатство было по тактическим соображениям необходимо.

Остается только пожалеть, что эту черную, неблагодарную работу взял на себя лично глава правительства, пожертвовав для нее несколькими днями своего драгоценного для государства времени. Проще было поручить уничтожение нового ренегата обслуживающим советскую печать Стекловым⁵. Журналисты этого советского «типа», сделавшие своей литературной специальностью разоблачение социал-вредителей и давно уже утратившие в этой самоотверженной работе последние остатки «девичьего» и всякого иного стыда, сумели бы далеко пре-

взойти Н. Ленина виртуозностью разоблачительных эпитетов. А для большинства аудитории только это и нужно.

- ¹ Впервые опубликовано в: Мысль (Харьков). 1919. № 7. С. 235–236. Книга Ленина посвящена работе К. Каутского «Диктатура пролетариата», опубликованной в Вене в 1918 г. Переводы на русский язык: *Каутский К. Диктатура пролетариата*. Екатеринослав: Наука, 1919; *Каутский К. Диктатура пролетариата; От демократии к государственному рабству; Большевизм в тупике*. М.: Антидор: Андреева, 2002.
- ² Ссылки Базарова на работу Ленина даны по: *Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37*.
- ³ *Толстой А. Поток-богатырь (1871)*.
- ⁴ См.: *Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 252*.
- ⁵ Имеется в виду Юрий Михайлович Стеклов (Овший Моисеевич Нахамкис), 1873–1941. В 1917–1925 гг. редактор газеты «Известия ВЦИК» (впоследствии «Известия»).

Последний съезд большевиков и задачи «текущего момента»¹

Недавно закончившийся съезд² коммунистической партии представляет, бесспорно, огромный общественный интерес. Съехалась не просто одна из партий, но партия «по преимуществу», партия, держащая в своих руках всю полноту власти. Ее программа есть вместе с тем и наша государственная программа.

Естественно было ожидать, что оценивая «текущий момент» и намечая перспективы своей дальнейшей работы, большевики будут исходить не только из голых теоретических схем, но постараются учесть опыт своего полуторагодового господства, примут во внимание те колоссальные сдвиги, те совершенно непредусмотренные тенденции развития, которые обнаружил за это время наш коммунистический строй.

Ожидание это оправдалось лишь наполовину. В блестящей речи, произнесенной при обсуждении вопроса о новой партийной программе, В. Ленин с полным бесстрашием и не допускающей никаких кривотолков ясностью вскрыл действительное направление нашего общественного развития.... Но гора родила мышь: никаких практических выводов не последовало: и в партийной программе, и в резолюциях съезда сохранились в полной неприкосновенности все трафареты обычной коммунистической фразеологии, стоящей в непримиримом противоречии с анализом вождя партии. Очевидно, по тактическим соображениям, Ленин счел несвоевременным менять политический курс в соответствии с высказанными им основными положениями и пока ограничился лишь осторожным зондированием почвы, лишь теоретической подготовкой общественного мнения партии к грядущим переменам. Нельзя не пожалеть об этой чрезмерной робости, ибо как раз настоящий момент особенно благоприятен для решительных действий, в то время как в дальнейшем всякие попытки выпрямить политическую линию могут оказаться уже запоздалыми.

Но прежде чем перейти к этой теме, восстановим в своей памяти основные черты той эволюции, которую проделал советский строй за 18 месяцев своего существования.

Самый важный и поучительный урок этого периода нашей истории заключается в том, что вся схема пролетарской революции, выдвинутая деятелями октябрьского переворота — классическая, марксистская схема — оказалась совершенно неприложимой к современной русской действительности, мало того, силою вещей превратилась в свою полную противоположность.

В самом деле. По теории партия пролетариата, захватив политическую власть, не нуждается в применении государственного насилия к представителям рабочего класса, но пользуется орудиями принуждения лишь для того, чтобы сломить сопротивление буржуазии; по мере ослабления этого последнего государство мало-помалу «отмирает», растворяясь в свободном союзе трудящихся. На практике октябрьское государство, сломив сопротивление буржуазии и впитав в себя значительную ее часть в качестве «советских служащих», не только не отмирает, но разрастается с чудовищной быстротой, словно гигантская раковая опухоль, съедающая все прочие ткани социального организма. И по мере роста «государственного аппарата» растет его принудительная сила, направляемая уже не столько на борьбу с поумневшей и притихнувшей буржуазией, сколько на дисциплинирование трудящихся масс. Успехи, достигнутые в этой области большевиками, поистине огромны¹. Если при царском самодержавии нехватка хлеба — по нынешнему масштабу очень незначительная — вызвала в Петербурге революцию; если при Временном правительстве всякое возрастание дороговизны, всякое уменьшение пайка сопровождалось бурными волнениями рабочих, то в настоящее время, несмотря на зверский голод, рабочие волнения сравнительно редки. Пролетариат, бесспорно, мирится с заработной платой в $\frac{1}{5}$ прожиточного минимума, стоически выдерживает муки голода, в крайнем случае тихо разбредается по деревням в поисках

¹ В тех случаях, когда дисциплинирование принимает особенно решительные формы, рабочие фигурируют в официальных рапортах под псевдонимом «шкурников» и «хозяйчиков».

пищи и по первому требованию начальства покорно выносит восторженные резолюции о беззаветной поддержке Советской власти: *Ave Caesar, Imperator, morituri te salutant!* ³

Не менее поразительные результаты достигнуты Советской властью и в борьбе со всякого рода сепаратизмом: уездным, губернским, областным, национальным. И характерно опять-таки, что это усиление центра осуществилось не благодаря, а вопреки тем принципам, которые были торжественно провозглашены в октябре 1917 года. Как известно, октябрьский переворот подарил всем народам России полную свободу самоопределения «вплоть до отделения». Мало того, согласно коммунистической доктрине, строившей советскую республику по типу «государства-коммуны», неограниченное политическое самоопределение принадлежит любому провинциальному совдепу как воплощению «всей власти» пролетариата на местах.

Местные совдепы *не подчинены* всероссийскому центру, а лишь морально *считаются* с его авторитетом, вступая с ним и друг с другом в добровольную «федеративную» связь; именно это и означает буква «Ф» в официальном титуле нашей республики «Р. С. Ф. С. Р.». И в первые месяцы после октябрьского переворота губернские и уездные народы государства Российского самоопределялись с величайшей энергией, не обращали почти никакого внимания на «директивы» центра, законодательствовали напропалую... особенно в области контрибуций, конфискаций и реквизиций. Были отдельные случаи, когда даже волостные совдепы возвышались до государственной самостоятельности, смело шли «вплоть до отделения», заводили собственные таможни и облагали попудным сбором все грузы, перевозимые по железной дороге через территорию данной волости. Но мало-помалу Советской власти удалось, ни на йоту не умаляя формального полномочия местных органов «диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства», оставив букве «Ф» ее почетное место в заголовке Конституции, свести суверенитет провинциальных совдепов почти на нет, восстановив бюрократическую централизацию во всех ее дореволюционных правах. Конечно, и поныне многие «губисполкомы» продолжают под сурдинку вести собственную государственную политику, «саботируя» неприятные для них декреты и цирку-

ляры московской власти. Но ведь то же самое было и в доброе старое время: губернаторы, а в отдаленных уездах даже исправники недаром любили возглашать: «Я здесь царь и бог!» Номинальному самодержцу Российской империи приходилось мириться с отчуждением очень значительной доли своего суверенитета в пользу местных администраторов. Эта неприятная особенность присуща всякому самодержавию, всякой олигархии — коммунистической не в меньшей степени, чем дворянской или буржуазной. И нельзя не признать, что власть, сумевшая в обстановке ужасающей государственной разрухи довести престиж бюрократического центра почти до той высоты, на которой он стоял при старом режиме, не оставляет желать ничего большего в смысле своей силы, твердости и решительности.

Но быть может, всего знаменательнее успехи большевиков в деле воссоединения латышей, белорусов, украинцев и прочих так называемых «неисторических» народностей под скипетром московской власти как представительницы державного великорусского племени. Иллюстрируем это лишь одним примером. Все помнят ту бурю негодования, какую возбудил среди демократов-самостийников проект договора между Антантой и петлюровцами, согласно которому эти последние должны были оплатить военную поддержку союзников предоставлением украинских железных дорог в распоряжение Франции. А когда через две недели после этого инцидента московское правительство согласилось оказать украинскому денежную помощь лишь на условии «объединения» украинских железных дорог и банков с великорусскими, то никаких протестов, насколько нам известно, не последовало. Московское требование прошло совершенно незамеченным широкой публикой, не вызвало никакого обсуждения в печати и на собраниях, было воспринято советской Украиной как нечто само собой разумеющееся. Украинское, белорусское и прочие национальные советские правительства, сохраняя весь декорум государственной власти, посылая «ноты» иностранным державам, имея «собственные» армии, в действительности ничуть не более самостоятельны, чем те маршалы и генералы, которых Наполеон I в награду за верную службу делал королями и герцогами завоеванных областей. И здесь буква «Ф» символизирует не столько Федерацию, сколько Фиговый ли-

сток, прикрывающий исполнительные органы единого государственного аппарата, возглавляемого московским Совнаркомом.

Поэтому поистине в открытую дверь ломился искренний, но наивный большевик Бухарин, требовавший на съезде, чтобы в программу коммунистической партии вместо федералистического принципа был внесен пункт, открыто провозглашающий необходимость полного экономического и политического объединения всех стран и народов, объятых коммунистической революцией. Объективная логика текущего момента такова, что все революционные страны — даже «советские» по своей конституции — находятся в состоянии войны с коммунистической Россией до тех пор, пока во главе их стоят партии, желающие вести самостоятельную национальную политику. А когда у власти становятся «коммунисты», те группы общественных деятелей, связанных с нашими правящими сферами столь же тесными интимными узами, как маршалы и генералы наполеоновской армии с французским императором, тогда полное экономическое и политическое единство осуществляется само собой, в гораздо более совершенных формах, чем это могли бы гарантировать какие бы то ни было параграфы партийной программы или государственной конституции. Ленин был, бесспорно, прав, решительно восстав против предложения Бухарина. В самом деле, к чему дразнить самостийных гусей? Зачем давать повод к формальному обвинению Российской республики в «империализме», в захватных замыслах, если без всяких лишних и неприятных слов ход событий идет как раз в том направлении, как это хотелось бы Бухарину?

Превращение «государства-коммуны» в свою полную противоположность — в централизованную бюрократическую олигархию вполне оправдало себя как метод «успокоения» народных масс, взбудораженных военной и революционной разрухой. Только заменив бурное демократическое творчество советов управлением сверху, только вручив всю полноту власти в центре и на местах строго дисциплинированной аристократии так называемых «партийных ячеек», коммунисты сумели прекратить наиболее разрушительные проявления всеобщей анархии и водворить на всем протяжении советской России относительно сносный внешний порядок. Большевики, возбу-

дившие к себе в начале революции такую бешеную ненависть со стороны всех русских патриотов, видевших в них предателей Отечества и разрушителей государства, на деле оказались высокогосударственной, мало того, единственной подлинно государственной партией в обстановке нашей революции. И, как мы уже неоднократно упоминали, этот блестящий результат, заставивший даже Пуришкевича воспеть дифирамбы Советской власти, получился вопреки всем планам, одушевлявшим деятелей октябрьского переворота, в полном противоречии с той Марксовой схемой развития пролетарской диктатуры, которую в медовый месяц коммунистического режима пытались провести в жизнь вожди большевиков.

Но если «политическая надстройка» в процессе своей полуторагодовой эволюции все более и более отдаляется от коммунистического идеала, от свободного безгосударственного союза трудящихся, если она все более и более приближается к централизованному бюрократическому самодержавию, характерному для первоначальной стадии капитализма, то приходится допустить, что аналогичный процесс совершается и в недрах «экономического базиса», что вместо преодоления капитализма получилась его деградация, вместо прогрессивного перехода от буржуазной к социалистической организации производства — реакционный возврат от высших капиталистических форм к низшим примитивно-капиталистическим и докапиталистическим формам хозяйства. Эту тенденцию и подчеркнул в своей программной речи В. Ленин. Проект партийной программы во второй, *новой* своей части говорит о синдикатах и трестах, об империализме и финансовом капитале как материальной предпосылке социалистического переворота. Так как мы уже полтора года назад совершили социалистический переворот, то Бухарин и настаивал на том, чтобы в программе осталась только эта новая ее часть; старая же, трактующая о борьбе пролетариата в рамках уже уничтоженного в России капиталистического строя, подлежит, по его мнению, аннулированию как явно устаревшая. В противовес этому Ленин утверждал, что схема, начертанная в программе, совершенно не соответствует действительному положению вещей в современной России. «Мы переживаем сейчас последствия импери-

алистской войны и начала диктатуры пролетариата, и в то же время в целом ряде областей России, которые были более отрезаны друг от друга, чем прежде, мы переживаем возрождение капитализма и развитие его первой стадии... Взять хотя бы крах транспорта, который мы так хорошо — или вернее так плохо — на себе испытываем. Что значит крах транспорта в империалистической системе? Возвращение к самым первоначальным формам товарного производства... Мы хорошо знаем, что такое мешочники... А ведь эту категорию вы не подведете ни под какую диктатуру пролетариата, а должны будете вернуться к низам капиталистического общества и товарного производства. Выскочить из этой печальной действительности посредством гладкой и цельной программы значит выскочить в нечто безвоздушное и заоблачное, написать программу неверную... Прошлое нас держит, хватает тысячами рук и не дает делать шага вперед или заставляет делать эти шаги так, как мы их делаем... только учитывая действительность, мы сможем разрешить такие вопросы, как, скажем, отношение к среднему крестьянству. В самом деле, откуда мог взяться средний крестьянин в эпоху чистого империалистического капитализма? Ведь даже в странах просто капиталистических его не было... он есть мелкий товаропроизводитель. Вот та азбука капитализма, которую сказать нужно, потому что из этой азбуки мы все еще не вылезли. От этого отмахнуться и сказать: «зачем нам азбука, когда мы финансовый капитал изучили?» — это в высшей степени не серьезно»⁴.

Если «империалистическая война» подорвала нашу крупную капиталистическую промышленность, а «диктатура пролетариата» еще обострила процесс ее разрушения, вернув нас к «азбуке капитализма», то, казалось бы, всякие «безвоздушные» и «заоблачные» программы коммунистического строительства надо предоставить небожителям вроде Н. Бухарина и заняться насущным практическим делом: от «азбуки капитализма» перейти понемногу к его слогам, от слогов к словам и предложениям, и только тогда, когда в процессе этого развития исчезнут и мешочники, и средние крестьяне, и прочие представители «первоначальных товарно-хозяйственных форм», когда капитализм не в мечтаниях благочестивых теоретиков,

а на деле, в конкретной русской действительности, произнесет свою заключительную финансово-империалистическую фразу, только тогда поставить вопрос о коммунизме. Однако такого вывода Ленин не сделал. У него выходит как-то так, что наряду с разрушением производства в одних областях возможен самый подлинный социализм в других, хотя эти счастливые области предусмотрительно не поименованы. Он пытается утешаться тем, что аналогичные разрушительные процессы происходят и в других странах. Конечно, «на миру и смерть красна», но каким образом эта мировая смерть крупного производства может спасти диктатуру российского пролетариата, остается все-таки невыясненным. Единственный практический результат выступления Ленина — принятая съездом резолюция о более мягком отношении к среднему крестьянству. Но и эта резолюция, ограничивающаяся одними моральными увещаниями, никаких реальных последствий иметь не может. Резолюция рекомендует направлять скорпионы пролетарской диктатуры исключительно против кулаков, но отнюдь не против среднего крестьянства: к средним крестьянам не должны применяться произвольные реквизиции, с них надлежит взysкивать чрезвычайный налог в мягкой форме, «не останавливаясь даже перед уменьшением общей суммы налога»⁵. Но так как точных признаков, позволяющих отличать среднего крестьянина от кулака, не указано, то все эти благопожелания, конечно, останутся на бумаге и ни в малейшей степени не смягчат наступательного рвения местных комиссарчиков всех ведомств и наименований. Да если бы даже и удалось резко отделить кулаков от широкой массы среднего крестьянства, это последнее все-таки не сделалось бы поклонником советской власти. Средний крестьянин, конечно, враг кулака, но не принципиальный, а, так сказать, личный. Мелкий хозяйчик завидует крупному, но именно потому, что его задушевная мечта — главный двигатель его хозяйственных трудов и забот — это самому «выбиться в люди», стать зажиточным крупным хозяином. И если власть своими преследованиями «кулаков» делает невозможным само существование крупных хозяйств, она убивает основной стимул хозяйственной энергии в мелком и среднем крестьянстве, способствует понижению производительности земледельческого труда и сеет глубокое

недовольство существующим режимом в среде тех самых широких трудовых масс, которые имеется в виду привлечь на свою сторону решительной «классовой политикой». Вообще, удачная «классовая политика» требует не только решительности действий, но и некоторой гибкости ума.

Но хуже всего то, что резолюция большевистского съезда ни одним словом не затрагивает самый злосчастный, самый самоубийственный принцип советской продовольственной политики, а именно оставление крестьянину одного только продовольственного пайка и отчуждение по убыточным твердым ценам всего остального хлеба. Осуществить эту программу на деле, разумеется, совершенно не удалось, а между тем ее контрреволюционное воздействие на крестьянскую массу и, что еще хуже, на посевную площадь успело уже сказаться в полной мере. Сама «Правда» озабочена вопросом о том, как заставить крестьянина засеять весь надел, несмотря на грозящее ему отобрание излишков сверх продовольственной нормы. Средство, предлагаемое почтенной газетой, сводится к тому, чтобы полный паек на душу получало лишь то семейство, которое обработает весь надел; за каждую необработанную десятину налагается штраф в виде понижения нормы душевого пайка. И в самом деле, с точки зрения коммунистических чиновников, органом которых является «Правда», лучше ничего и выдумать нельзя. Подумайте только: какое грандиозное поприще для советских контролеров! Сколько новых вакансий! Сколько удобнейших поводов проявить строгость и милость — строгость по отношению к строптивым «кулакам», милость по отношению к податливой «бедноте», готовой пойти на мировую и спастись от продовольственных репрессий путем небезвыгодной для обеих сторон сделки! А ведь имеется очень простое средство выкачать из деревни потребное количество хлеба, ничуть не раздражая крестьянство, а, наоборот, внося в него действительное «успокоение». Средство это — натуральный подесятинный налог. В самом деле, после всей той неразберихи и всех тех вакханалий, которые имели место у нас до сих пор в продовольственном деле, мужик перекрестился обеими руками, если бы ему было объявлено, что отныне военные, комбедные и всякие иные экспедиции за хлебом прекращаются, всякого рода «чрезвычайные» и нечрезвычай-

ные сборы в пользу Советской власти раз и навсегда отменяются, а вместо всего этого каждое сельское общество должно собрать из нового урожая и доставить в определенный пункт столько-то зерна с каждой десятины удобной надельной земли. Можно сказать с уверенностью, что сельские общества с величайшей готовностью выполнили бы это требование, лишь бы отвязаться от компрода и прочих правительственных агентов. Города получили бы в 2–3 раза больше хлеба, нежели доставляется им теперь, и притом сравнительно без хлопот, без мобилизаций лучших пролетарских сил в реквизиционные отряды; неутомимые продовольственники оттерли бы кровавый пот с чела своего и к немалой пользе для государственного бюджета $\frac{3}{4}$ этих доблестных деятелей можно было бы освободить от их многосложных обязанностей, направив к более производительным занятиям. Почему же такие простые соображения не приходят в голову современным государственным деятелям? Не потому ли, что мысль бюрократа фатально работает в направлении расширения штатов и углубления репрессий и органически неспособна обратиться в противоположную сторону? Как бы то ни было, ясно одно: прочный мир с крестьянином-средняком не удастся заключить до тех пор, пока в налоговой продовольственной и аграрной политике капризы чрезвычайных мероприятий не уступят место твердым нормам, серьезно считающимся с положением середняка как мелкого товаропроизводителя и со всеми теми объективными тенденциями развития, которые из этого положения вытекают.

Однако даже при выполнении этого условия Советская власть не сделается, конечно, властью крестьян-середняков — в лучшем случае она вступит с ними в устойчивые «добрососедские отношения». Какова же подлинная социальная природа этой власти? Чьей «диктатурой» она в настоящее время является? Диктатурой пролетариата, как гласит официальный титул? Но говорить о пролетарской диктатуре в обществе, стремительно эволюционирующем от высших форм капитализма к низшим, значит забыть азбуку марксизма. Политическая власть не может не служить интересам того класса, который при данном уровне развития господствует в экономической области. Какой же класс экономически господствует в совре-

менной России? Очевидно капиталист эпохи первоначального накопления или, как проще назвал его Ленин, мелкий и крупный «мешочник», «спекулянт». И пока нами не изжит период первоначального накопления, пока не создались условия, позволяющие капиталу от спекулятивного хищничества перейти к нормальной торговой и промышленной деятельности, до тех пор всякая власть — независимо от намерений и планов ее отдельных представителей, на деле неизбежно окажется диктатурой мешочников и спекулянтов. От действия этого закона не удастся ускользнуть и современной власти, несмотря на то, что во главу своей внутренней политики она поставила борьбу с мешочничеством. Борьба ведется путем запрещения частной торговли и попытки организовать производство и распределение продуктов силами государства. Если бы попытка эта удалась, был бы убит не только спекулятивный, но и всякий вообще капитал, и мы действительно вступили бы в некую переходную между капитализмом и социализмом форму общежития. Но попытка не удалась и не могла удалась. У нас отсутствует статистика, но всякому из повседневного опыта известно, что через государственный аппарат проходит лишь ничтожная доля обращающихся в стране товаров: по меньшей мере $\frac{9}{10}$ распределения сосредоточено по-прежнему в частных руках.

Государственное регулирование уничтожило нормальный товарообмен, поскольку он еще существовал, но тем самым в высшей степени стимулировало спекуляцию. В самом деле, там, где нет абсолютного недостатка в товаре, экономической предпосылкой спекулятивной торговли является расстройство транспорта, создающее возможность колоссальной разницы цен в отдельных пунктах страны, некогда связанных между собой в единый капиталистический рынок. Заградительные отряды и прочие решительные меры дополняют естественные затруднения транспорта искусственными, которые окончательно выбивают из строя простодушных торговцев старого типа, но ничуть не обескураживают истинного спекулянта по призванию. Этот последний легко находит ключ, отмыкающий перед его товаром все замки правительственных запретов; для него наличность заградительного отряда — не политическая, а чисто экономическая категория: повышение накладных расходов

по доставке продукта и устранение с рынка менее ловких мешочников, сбивающих цены своей конкуренцией. Таким образом запретительная политика не уничтожает, а совершенствует спекуляцию, производит своего рода естественный отбор спекулятивных талантов, способствует процветанию наиболее искусных, изобретательных и энергичных, наилучше приспособленных к своей профессии капиталистов первоначального накопления. Неудивительно, что советский государственный корабль густо обрастает спекулянтами. И напрасно начальство думает, что корпус правительственного корабля можно очистить от спекулянтов механически, как очищают морское судно от присосавшихся к нему ракушек. Нет, спекуляция не только извне налипла, она насквозь пронизывает всю систему современного государственного регулирования, составляет самую его душу. Спекулянт — не просто паразит, но вместе с тем и действительная опора правительства, герой, спасающий власть в критических случаях. Когда внезапно обнаруживается острый недостаток продовольствия на каком-нибудь фронте, когда грозит замереть из-за недостатка топлива какой-нибудь стратегически важный участок железных дорог, кто спасает положение? Советский или околосоветский спекулянт! Это он из-под земли откапывает до зарезу необходимую партию угля или хлеба; это он, платя бешеные цены, вырывает продукты из рук десятка других претендентов; это он преодолевает таинственными способами трудовую дисциплину товарищей железнодорожников и доставляет груз на место назначения с волшебной, почти дореволюционной быстротой. Экстренное снабжение в момент катастрофы осуществимо только при помощи спекуляции, что же касается снабжения регулярного, то оно при существующих условиях вообще невысказуемо; это явная утопия. Но всякая утопия, проведенная в жизнь силой принудительной власти, из романтики превращается в коррупцию — такова непреодолимая объективная логика вещей. И правительству приходится лелеять героя коррупции, крупного дельца-спекулянта, приходится мириться с тем, что режим, задуманный как диктатура пролетариата, оказывается на практике диктатурой подлинного господина нашей жизни, творца первоначального накопления.

Было бы, впрочем, ошибочно думать, что деятели первоначального накопления являются фанатиками советского режима в теперешних формах. Те миллионы керенок, которыми государство оплачивает драгоценные услуги спекулянтов, представляют в настоящее время весьма шаткое, почти призрачное богатство. Советские дельцы охотно примирились бы с понижением барышей, если бы правительство открыло для них возможность пустить более прочные корни в родную почву, превратиться из спекулянтов в солидных торговцев и промышленников. Таким образом, в среде воротил современного строя, в среде его подлинно деловых и талантливых представителей, поворот советской политики в сторону культивирования более высоких форм капитализма встретил бы не сопротивление, а всемерное сочувствие и поддержку. Что касается миллионной армии низших советских служащих, безответных канцеляристов, вынужденных в силу ограниченности своего влияния довольствоваться скудным казенным жалованьем, то они без всякого огорчения перекочевали бы опять в те частные конторы, из которых выгнала их октябрьская революция. Энергичный протест против всяких попыток восстановления «власти торгового и промышленного капитала» последовал бы лишь со стороны средней, также довольно многочисленной категории советской бюрократии. Мы имеем в виду полчища юных комиссаров, отличительные внешние признаки которых — несокрушимо победоносный вид, безупречный френч, слева под мышкой внушительный портфель, справа — шикарная дама в каракулях. Их внутренние качества — склонность к головокружительно-быстрому передвижению на автомобилях и лихачах, безграничная самоуверенность при глубочайшем невежестве и полная неработоспособность при кипучей показной деловитости. Социальное происхождение этого слоя довольно разнообразно: тут есть и бывшие студенты, служившие во время войны в «земгусарах»⁶, и выходцы из мелкой буржуазии, разоренной революцией, и бывшие рабочие. Все они радикально оторвались от своей социальной среды и усвоили характерные особенности той деклассированной богемы, того «люмпен-пролетариата», общественную физиономию которого так блестяще обрисовал Маркс. Это насквозь паразитический элемент современной бюрократии, принципиальные «прожигатели жизни» и именно поэтому неукротимы

левые большевики, рьяные сторонники расширения советского аппарата, чрезвычайных полномочий, реквизиций, конфискации, экзекуций и национализации. Судя по типичному тренду их жизни, в среднем комиссары этой категории должны проживать раз в 10–12 больше казенного жалованья.

Но они отнюдь не являются активными деятелями первоначального накопления, наоборот, это расточители *par excellence*⁷, наиболее надежные потребители продуктов разнообразнейшего мешочничества.

Так как всякое оздоровление нашей экономической политики больно ударило бы как раз по люмпен-пролетарским элементам бюрократической армии, то, естественно, малейшие намеки на возможность поворота правительственного курса в эту сторону вызывают с их стороны отчаянные вопли о нарушении священных принципов пролетарской диктатуры и т. п. Но протесты паразитических френчменов⁸ сами по себе для высшей власти не представляли бы ни малейшей опасности. Лишь в случае широкого отклика в массах подлинного пролетариата недовольство служилого люмпен-пролетариата могло бы вырасти в серьезную угрозу. Велики ли шансы для такого отклика? По-видимому, очень не велики. Для подлинного рабочего нет священных и самоценных политических принципов; каждую политическую форму он оценивает лишь как средство улучшить свое положение, т. е. добиться большей обеспеченности и большей свободы. Современный режим признается рабочим классом не потому, что он улучшил его положение в этих двух смыслах, наоборот, и в том и в другом смысле положение пролетариата, бесспорно, ухудшилось, а потому, что все другие режимы, испробованные за время революции, оказались столь же несостоятельными. Пролетариат с полным спокойствием отнесется к расширению прав частного капитала, если такого рода реформа будет сопровождаться повышением его благосостояния. Но одним только освобождением от излишних пут отечественных капиталистов этот результат не может быть достигнут. Высшие формы русского капиталистического хозяйства глубоко дезорганизованы и не в состоянии оправиться собственными силами. Постепенное вырастание благоустроенной промышленности из капитала первоначального накопления — слишком длинный и мучительный процесс.

Естественно, что мысль наших правящих кругов все настойчивее направляется в сторону привлечения иностранного капитала, в первую голову американского. Однако вопрос этот обсуждается слишком медленно и робко. На съезде ему совсем не было уделено должного внимания. В «сферах» бесконечно разрабатывается проект северной концессии, которая сама по себе вовсе еще не в состоянии вывести нас из тупика. Для восстановления наших разрушенных производительных сил американский промышленный капитал должен быть допущен не только на окраины, но и в самые центры России. И время не ждет. Под впечатлением военных успехов на юге, событий в Венгрии и Баварии престиж советской России поднялся на небывалую высоту. Теперь мы могли бы обставить проникновение американского капитала очень приличными условиями. Впоследствии, когда вскрыется иллюзорность нашего могущества, когда даст о себе знать таким трудом сдерживаемая внутренняя анархия, о выгодных условиях не придется и заикаться. Россия все равно станет добычей иностранного капитала, но если будет упущен благоприятный момент, не русское правительство поставит условия американским капиталистам, а эти последние продиктуют свой ультиматум, который Россия вынуждена будет принять без рассуждений.

- 1 Впервые опубликовано в: Мысль (г. Харьков). 1919. № 10. С. 349–358. Переиздана в: Вопросы экономики. 1991. № 2.
- 2 Речь идет о VIII съезде РКП (б), проходившем 18–23 марта 1919 г. в Москве.
- 3 Ave Caesar, Imperator, morituri te salutant! (лат.) — Слава, Цезарь, император, идущие на смерть приветствуют тебя.
- 4 См.: Ленин В. И. Доклад о партийной программе на VIII съезде РКП (б) (19 марта) // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 153–156.
- 5 Резолюция съезда «Об отношении к среднему крестьянству». См.: Восьмой съезд РКП (б). Протоколы. М.: Госполитиздат, 1959. С. 431.
- 6 Земгусары — ироничное наименование служащих Земгора — объединенного комитета Всероссийского Земского союза помощи больным и раненым воинам и Всероссийского Союза городов, созданного летом 1915 г. Эти служащие носили военную форму.
- 7 Par excellence (англ.) — преимущественно.
- 8 Френчмен — возможно, неологизм В. А. Базарова. Очевидно, ироничное наименование советских бюрократов, часто носивших френчи.

Предпосылки осуществления социализма¹

Осуществление «конечной цели» социализма мыслится в форме строго демократической организации человечества, основанной на планомерном общественном регулировании мирового хозяйства. При этом, по марксистской концепции, которая пользуется широким признанием, как наиболее глубокая и последовательная, центр тяжести грядущего преобразования составляет не идея справедливости, а идея свободы. Историческая задача пролетариата есть прежде всего радикальное искоренение всех видов тяготеющего над человеком рабства, как внутреннего, так и внешнего; выполнение этой задачи рисуется Энгельсу, как «прыжок из царства необходимости в царство свободы»².

Всякое общество, состоящее из классов, предполагает не только порабощение низших классов высшими, но и порабощение всех членов общества ими же самими созданными формами общежития. Эти формы, эти «основы» классового общественного порядка воспринимаются, как ниспосланные свыше «сверхчеловеческие» установления, а не как продукт свободной деятельности людей, да и на самом деле не являются продуктом такой деятельности. В средние века сложившиеся общественные отношения, непосредственно санкционированные религией, были частью божественного миропорядка, который заранее вводил деятельность человека в строго определенные рамки, полагая непререкаемые границы всем самочинным заданиям и достижениям индивидуума. В буржуазном обществе господство социальных отношений над людьми принимает менее возвышенную, но столь же мистическую форму «товарного» фетишизма. Жизненные нормы буржуазного общества складываются, говоря словами Маркса, «за спиной» буржуазии, возникают, как равнодействующая разрозненных индивидуальных усилий, как неисповедимый результат борьбы конкурентов, не преследующих в своей деятельности никаких обще-

ственных задач, одушевленных исключительно стремлением к наживе, к личному преуспеянию. А так как общественная связь между конкурентами в этой борьбе всех против каждого и каждого против всех осуществляется исключительно при помощи вещей-товаров, переходящих из рук в руки, от одного собственника к другому, то и нормы, возникающие в процессе конкуренции, представляются не принципами, свободно полагаемыми людьми в их взаимоотношениях, а извне данными качествами вещей, их естественными свойствами, перед которыми индивидууму остается только преклониться, как перед непререкаемым фактом или законом природы³.

Товарный фетишизм есть лишь одна из форм того господства вещей над людьми, в котором находят свое выражение характернейшие особенности капиталистического общества, его глубочайшие внутренние противоречия. Капитализм, как известно, есть эпоха бурного развития производительных сил, — и в этом его положительная историческая роль, весьма высоко оцениваемая марксизмом. Но развитие общественных производительных сил отнюдь не является сознательной, планомерно осуществляемой задачей капиталистического общества. Последнее, как целое, вообще, не преследует никаких планомерных производительных задач; каждый же капиталист в отдельности стремится лишь упрочить и расширить свою позицию индивидуального собственника, увеличить свою долю в сфере личного присвоения продуктов общественного труда и средств общественного производства. И только в той мере, в какой эти личные цели присвоения, использования, потребления не достижимы при стационарном состоянии производства, капиталист вынужден совершенствовать производственные методы в своем предприятии. Идея развития, как самодовлеющей ценности, психология творчества, находящая высшее удовлетворение в самом процессе созидания, — та «*schenkende Tugend*»⁴, о которой мечтал Ницше, — все это совершенно чуждо капитализму. Капиталист «творит» из-под палки, под угрозой своей гибели или деградации в качестве представителя господствующего класса. Развивая производительные силы, он, подобно каторжнику, прикованному к тачке, лишь повинуетя неумолимой судьбе, лишь выполняет требования своего пове-

лителя — капитала. В атмосфере конкуренции капитал не может просто сохраняться или воспроизводиться в качественно и количественно неизменных формах; он подвергается гниению и распаду при всякой попытке закрепить условия его созидания и использования на том или другом уже достигнутом уровне. Капитал сохраняется, возрастая, а успешно возрастает лишь при условии непрерывного совершенствования технической базы своего производства. Таким образом, рост производительных сил в буржуазном обществе неразрывно связан, как второстепенный и подчиненный момент, с тенденцией капитала к саморазрастанию. Тенденция же эта опять-таки принимает фетишестическую форму: в глазах капиталиста она есть объективный, от человеческой воли не зависящий закон, — естественное свойство тех вещей, в которых капитал реализуется, тех процессов, которыми он создается.

Но социально-психологическое рабство не может не воплощаться и в социально-политической области. Если для члена капиталистического общества всякая социальная связь между людьми существует лишь как внешняя необходимость, стоящая над человеческой волей и требующая безапелляционного повиновения, то на страже норм, регулирующих общение, должна стоять твердая, до зубов вооруженная власть, отделенная от общества и вознесенная над ним в качестве самостоятельной силы. Струве был совершенно прав, когда еще в бытность свою марксистом утверждал, что буржуазное государство есть не только организация господства, но также организация порядка. Государство необходимо буржуазии не только для того, чтобы держать в узде низшие классы общества, но и для того, чтобы охранять порядок в своей собственной среде.

«Конечная цель» социализма есть сознательное и планомерное осуществление той тенденции, которая бессознательно, «за спиной» буржуазии осуществляется современным обществом. Поэтому реализация конечной цели предполагает радикальное преодоление противоречий, которые раздирают капитализм и в тоже время непрерывно толкают его вперед, заставляя перерастать условия своего собственного существования. В одной из своих ранних совместных работ Маркс и Энгельс так характеризовали социалистический идеал:

«Когда антагонизм классов с дальнейшим ходом развития уничтожится и все производство будет концентрировано в руках ассоциированных индивидуумов, тогда *исчезнет и политический характер общественной власти...* Если пролетариат в своей борьбе против буржуазии организуется в класс, достигает классового господства и, в качестве господствующего класса, уничтожает старые производственные отношения, то вместе с этими производственными отношениями он уничтожает также и предпосылку антагонизма классов, уничтожает самые классы, а следовательно, и свое собственное классовое господство. На месте старого буржуазного общества, с его классами и их антагонизмом, возникает ассоциация, в которой *свободное развитие каждого является условием свободного развития всех*»⁵ (курсив мой. — В. Б.)

Не равномерное распределение продуктов труда, не торжество потребительской справедливости стоит в центре марксистской конечной цели, — все это лишь предпосылки, лишь орудия осуществления «свободной ассоциации для всеобщего свободного развития».

В «Критике Готской программы» Маркс набрасывает несколько штрихов, показывающих, в каких основных очертаниях рисовалось ему возникновение и существование «свободной ассоциации» будущего. «Лишь на высшей стадии, — пишет он, — лишь после того, как исчезнет холопская иерархия индивидуумов при разделении труда, а с нею и противоречие между умственным и физическим трудом; после того, как самый труд станет первейшей жизненной потребностью, а не только средством к жизни; после того, как вместе со всесторонним развитием человеческой личности вырастут и производительные силы и обильно забьют все родники общественного богатства, — лишь тогда узкий буржуазный правовой кругозор будет совершенно покинут, и общество напишет на своем знамени: «От каждого по его способностям, каждому по его потребностям»»⁶.

Как мы видим, по Марксу, девиз, начертанный на знамени рабочей демократии, даже при величайшем расцвете общественного богатства, не совместим с теперешней буржуазно-демократической психологией, для которой высшим идеалом

является право индивидуума на полный продукт его личного труда или на произведенный другими индивидуумами эквивалент этого продукта. Необходимо нечто большее. Труд из простого средства к удовлетворению различных потребностей должен превратиться в «первейшую жизненную потребность», в самостоятельную и главную ценность жизни; а это, разумеется, будет возможно лишь тогда, когда исчезнут все виды подневольного труда, устранится «противоречие между умственным и физическим трудом», и всякая деятельность станет свободным проявлением творческих сил человека. Только достигнув этой высшей стадии, общество действительно перерастает основы буржуазной культуры, совершенно покидает «узкий буржуазный правовой кругозор». Маркс говорит здесь не о преобразовании буржуазного права, но самую идею права характеризует как «узкую» и «буржуазную», самый метод принудительного юридического регулирования жизни считает совершенно несовместимым с общественным укладом, построенным на принципе: «От каждого по его способностям, каждому по его потребностям».

И в самом деле, представим себе на минуту, что государственная власть поставила своей задачей воздать каждому члену государства в меру его личных потребностей, взять от каждого в меру его личных способностей. Никаких общих, для всех одинаковых норм при такой строго индивидуализированной расценке граждан, очевидно, установить невозможно. Пришлось бы пустить в ход поистине инквизиторские приемы исследования души и тела каждого гражданина в отдельности, причем заранее можно предсказать, что, даже при наилучших намерениях, инквизиция подобного рода ни к чему, кроме самого безнадежного хаоса, не приведет, ничего, кроме самой отчаянной путаницы, не создаст. Не лучше обстояло бы дело и в том случае, если бы размеры личных способностей и потребностей определялись самими гражданами путем добровольных деклараций, на манер того, как это делается в настоящее время при взимании подоходного налога. Тогда государству принадлежал бы лишь высший контроль; но при отсутствии всякого твердого критерия для такого контроля оно оказалось бы совершенно беспомощным в осуществлении этой функции, аб-

солютно неспособным разобраться в тех пререканиях и тяжбах, которые возникали бы между гражданами на почве свободного «самоопределения» каждого из них в области прав и обязанностей по отношению к государству; следовательно, и в этом случае последнему осталось бы только прибегнуть к безапелляционному произволу. Таким образом, самое демократическое по своему строению государство тотчас же выродилось бы в невыносимейшую и бессмысленнейшую из всех когда-либо существовавших деспотий, если бы оно взялось за осуществление «конечных целей» современного социализма. Цель эта может быть достигнута лишь в обществе вполне свободных людей, которые переросли не только необходимость внешнего государственного принуждения, но и ту психологию, в которой находит свое внутреннее отражение, свою интимную «моральную» санкцию эта необходимость.

Социально-психологический переворот, необходимый для торжества социализма, настолько глубок, что совершившее его человечество, на наш теперешний взгляд, показалось бы не воплощением всех добродетелей, а скорее, стоящим вне наших добродетелей и пороков, по ту сторону наших критериев добра и зла, и уже, во всяком случае, по ту сторону современной доброты и современной злобы. Как наши добродетели, так и наши пороки имеют своей общей подпочвой ту буржуазную психологию «присвоения», «использования», которая в своих высших проявлениях носит название «индивидуализма». Стремиться к эксплуатации чужого труда порочно, но требовать от общества точного эквивалента затраченной в его пользу энергии добродетельно: это не только право, но и гражданский долг всякого сознательного демократа. Присвоить себе чужое открытие подло, но в высшей степени честно и похвально рассматривать явившуюся мне творческую мысль как мою собственность, и добиваться в награду за отчуждение этой собственности признания моих личных «заслуг» и получения соответствующих сим последним материальных благ: здесь я отстаиваю только свою честь изобретателя. И так далее, и тому подобное.

Между тем общество, способное осуществить девиз «от каждого по его способностям, каждому по его потребностям», должно, очевидно, радикально эмансипироваться, как от наших

буржуазно-эксплуататорских пороков, так и от наших буржуазно-демократических добродетелей. В этом обществе для морального «долга» останется столь же мало места, как и для денежных «долгов». Священная для современной демократии социальная «справедливость», требующая эквивалентности прав и обязанностей гражданина, ищущая математического равенства там, где все качественно разнородно, — займет почетное место в историческом архиве, в качестве любопытнейшего образчика механизированной психики буржуазной эпохи. Удовлетворение потребностей за счет продуктов общественного труда в той мере, в какой это необходимо для полного развития всех сил и дарований каждого члена общества, должно восприниматься, как само собой разумеющаяся предпосылка общежития. Равным образом и проявление этих сил и способностей в действии, в форме физического и умственного труда, должно принять непосредственно общественный характер, исключаящий как у самого действующего, так и у его сограждан, всякую мысль о какой-либо компенсации, о каком-либо специальном вознаграждении работника за потраченную им на пользу общества энергию.

Действительное преодоление индивидуализма отнюдь не есть подчинение индивидуума коллективной дисциплине, урезывание его запросов, ограничение его притязаний в интересах общества. Индивидуализм, как и всякое другое великое мировоззрение, знаменовавшее собой эпоху в культурном развитии человечества, может быть превзойден не извне, а изнутри, не механическим усечением, а свободным диалектическим развитием до своих крайних пределов. Личное сознание, сознание нашего «я», ярко горит как раз тогда, когда мы чувствуем себя наименее свободными, наиболее ущемленными враждебными нам воздействиями со стороны окружающего мира. Я не могу забыть о себе, когда мне приходится отстаивать свою собственность или свое право от посягательства какого-нибудь «ты», когда я стремлюсь побить конкурента, отомстить за нанесенное мне оскорбление или нанести таковое другому. Но в моменты отрешения от всего внешнего, в моменты суверенной свободы и высшего напряжения творческих сил, когда индивидуум действительно является самим собою и только

самим собою, — как раз в эти редкие моменты абсолютного самоутверждения индивидуум разрывает границы своего «я», приходят к самоотрицанию, постигает, что «его» творческий акт, в сущности, вовсе не принадлежит ему, что не он создает мысль, но мысль возникает перед ним по ее собственным объективным законам. Творческий акт, как он непосредственно дан человеческому сознанию, развенчивает божество индивидуализма, разоблачает в «я» наивно-буржуазную претензию приложить категорию собственности к тому, что совершенно не присвоимо, что, по существу своему, сверхлично, общечеловечно, непосредственно-объективно.

Объективность творческого процесса засвидетельствована показаниями бесчисленных художников и мыслителей. Вспомним, у Пушкина «тщетно, художник, ты мнишь, что творений своих ты создатель». Вспомним утверждения Фихте, что в акте художественного созерцания «отдельные я стоят выше индивидуальности, входят в сферу общего для всех единого мира». Вспомним, наконец, слова Гегеля: «Когда я мыслю... я представляю мысли развиваться из самой себя, и я мыслю дурно, если прибавлю что-нибудь от самого себя». Нет надобности множить примеры. Интуиция объективности творческого акта имеется не только у великих художников и мыслителей, но присуща и каждому из нас, рядовых обывателей. В моменты так называемых переломов мирозерцания и в другие критические периоды нашего бытия мысль, разрешающая кризис, волевое устремление, выводящее нас из тупика внутренних противоречия, никогда не воспринимается нами как «наше» произведение, как какой-то трюк нашего «я»; мы чувствуем лишь, что наше сознание озаряется новым светом, что отчетливо обрисовываются горизонты, которые раньше были окутаны мраком, и что это восходящее для нас светило не менее объективно, чем любое из светил «тверди или видимого неба». Без интуиции объективности человеческого творчества не могли бы возникнуть высшие символы поэзии, метафизики, религии. Но именно тот факт, что объективное, сверхличное начало человеческого сознания символизируется в виде обособленных от человека и господствующих над человеком метафизических существ или религиозных существ, что поэзия стремится воплощать

свои творческие замыслы в камне, красках, холсте, звуках и прочих мертвых аксессуарах человеческой жизни, а не самих живых людях, — именно этот факт и показывает всего нагляднее, каким жалким и слабым зародышем является в нас до сих пор наше творческое самосознание, как бесконечно далеки мы еще от того полного преобразования нашей психики силой творческой интуиции, без которого невозможен «прыжок из царства необходимости в царство свободы».

Почему это так происходит, прекрасно объяснил еще Пушкинский «книгопродавец» в своей реплике на восклицание «поэта», что он ищет только «свободы»:

Внемлите истине полезной:
 Наш век — торгаш; в сей век железный
 Без денег и свободы нет. ...
 Предвижу ваше возражение;
 Но вас я знаю, господа;
 Вам ваше дорого творенье,
 Пока на пламени труда
 кипит, бурлит воображенье;
 Оно застынет — и тогда
 Постыло вам и сочиненье.
 Позвольте просто вам сказать:
 Не продается вдохновенье.
 Но можно рукопись продать.

Не только можно, но и необходимо. В наш торгашески-железный век поэт в часы «жертвоприношений Аполлону», когда «на пламени труда кипит, бурлит воображенье», не чувствует себя слитым со всеми остальными людьми, не сознает непосредственной всечеловечности своего творчества, — он вынужден, наоборот, духовно отделиться от человеческого торжища, мысленно бежать на «берега пустынных волн, в широко-шумные дубравы». В общество себе подобных он возвращается лишь в качестве владельца готового «продукта» творчества, который требует сбыта; здесь поэт является лишь торгашом среди торгашей. Таким образом, даже люди, в наивысшей степени одаренные творческими способностями, не в состоянии реально преодолеть рабский строй буржуазных отношений между людьми,

не в силах на деле возвыситься над пошлостью мещанского индивидуализма. В еще большей степени это относится к средним людям, которые зачастую проходят всю свою жизненную карьеру, ни разу не приметив в своей душе присутствие того «пламени», на котором кипит и бурлит свободное творчество.

Чтобы ввести человечество в царство свободы, передовой класс буржуазного общества уже должен обладать соответственной психикой, т. е. достаточно развитой внутренней свободой и достаточно сильной волей к осуществлению этой внутренней свободы в отношениях между людьми. Без этого никакая степень материальной зрелости и даже перезрелости общественного строя не приведет людей к «прыжку». Ведь, если какой-нибудь «материальный», за моей спиной совершившейся, процесс поставит меня на краю рва, то это еще не значит, что я непременно прыгну на тот берег: при недостатке умения и желания прыгать я имею в своем распоряжении целый ряд иных перспектив: я могу присесть на бережку, и даже прилечь, могу потоптаться на месте, прогуляться назад и, наконец, скатиться на дно оврага. Ни одна из этих перспектив не исключена и для человеческих обществ, перерастающих тот социальный базис, на котором они были некогда построены. Когда говорят «общественное преобразование стало объективно необходимым», то это отнюдь не следует понимать в том смысле, что существует некая историческая необходимость, гарантирующая успешность преобразования. Приведенная фраза означает только одно: дальнейшее развитие общества невозможно без преобразования, и если общество не найдет в себе внутренних сил, достаточных для коренной реформы, то песенка его спета: оно обречено на разложение. Итак, для перехода от буржуазных форм общежития к свободным требуется наличность влиятельной группы людей, уже выработавших в себе свободную социальную психику; но, как мы упоминали, именно буржуазные формы общежития исключают возможность развития свободной психики. Получается, по-видимому, порочный круг.

Такой порочный круг не раз уже возникал в истории, и разрешался он или тем, что попавшие в его клещи общества разлагались и погибали, или тем, что еще задолго до перезревания «материального базиса», в недрах существующего общества

появлялись предтечи грядущей культуры, возникали оазисы, в которых частично осуществлялись условия эмансипации, мало-помалу нарастали психические силы, достаточные для того, чтобы в надлежащий момент совершить необходимое преобразование. Так, буржуазный строй стал господствующим в Англии к концу 17-го, во Франции к концу 18-го, в большинстве прочих европейских стран к половине 19-го столетий. Но уже за долго до своего окончательного торжества буржуазная культура имела своих великих провозвестников и пророков. Вся наука, философия и поэзия эпохи ренессанса, все религиозные движения эпохи реформации отмечены духом буржуазной культуры, не говоря уже о деятелях французского и германского «просвещения», которые непосредственно формировали и закаляли психику борцов за общественную программу «третьего сословия». К моменту выступления буржуазии в качестве господствующего класса основы буржуазного, индивидуалистического мировоззрения уже вполне сложились, уже имелись значительные и влиятельные кадры людей, с детства впитавших в себя сущность этого мировоззрения. Наблюдается ли что-либо подобное в настоящее время? Можно ли сказать, что деятели социалистического движения являются подлинными предтечами свободно-коллективистической культуры, глашатаями ее духа, зачинателями ее мировоззрения?

Обыкновенно, на этот вопрос дают положительный ответ. В марксизме большинство его сторонников видит подлинную и полную «идеологию» класса, призванного построить новое общество; марксизм принято рассматривать как законченное «миросозерцание», радикально превзошедшее буржуазную культуру, включающее в себе все, что необходимо грядущему человечеству. И если рабочая демократия терпит внутреннее крушение, обнаруживает явную психическую неустойчивость и беспомощность перед лицом грозных задач исторического момента, то, по господствующему среди марксистов мнению, это происходит исключительно от того, что пролетариат еще недостаточно проникся истинами марксизма.

Однако если мы, отрешившись, насколько это возможно для живых людей, от всякой предвзятости, присмотримся ближе к той системе взглядов, которая составляет, так сказать,

официальное, общепризнанное содержание марксизма, то вынуждены будем констатировать, что в марксизме не только нет законченного коллективистического мировоззрения, но нет даже зачатков этого последнего, что в нем вообще отсутствуют многие элементы, существенно необходимые для всякого мировоззрения. Марксистская концепция исчерпывается теорией так называемого «исторического материализма», т. е. определенной *методологией* социально-исторического исследования. Как бы глубоко ни была задумана эта методология, как бы обстоятельно ни была она разработана, она, очевидно, еще не составляет никакого «миросозерцания», ничуть не предрешает того или другого отношения к миру. «Метод», «наука» есть только орудие, направленное волей к осуществлению известных целей и ценностей. Разумеется, и эта воля, и эти ценности, как социально-психологические факты, подлежат, в свою очередь, объяснению с точки зрения общего метода. Но вопрос сейчас вовсе не в том, как объясняется историческое возникновение признаваемых марксизмом ценностей или руководимой им воли. Мы хотим прежде всего узнать, какие же именно верховные ценности санкционирует марксизм, каково же именно конечное направление его воли. Как это ни странно, но на эти основные для каждого «миросозерцания» вопросы классический марксизм не дает никакого ответа. Каждый отдельный марксист должен, конечно, как-нибудь разрешить проблему, принять на свой личный риск и страх какое-нибудь миросозерцание; и некоторые пытались связать приемлемое ими личное миросозерцание с теоретической концепцией марксизма; но ни одна из этих попыток не удостоилась всеобщего признания, — официально марксизм так и остался голый методологией.

За невозможностью подвергнуть анализу не существующее марксистское мировоззрение, приходится, волею или неволею, обратиться к мировоззрению, преобладающему среди марксистов.

В своем отношении к внешнему миру вообще, к «природе» в широком смысле этого слова, большинство марксистов придерживается, как известно, материализма французских просветителей 18 века. Что это миросозерцание и по своему историческому происхождению, и по своему содержанию явля-

ется ярко и, так сказать, демонстративно буржуазным, — в этом не может быть ни малейшего сомнения. Представление о мире как о совокупности неделимых атомов, обладающих неизменными свойствами, было, конечно, отражением буржуазного идеала с его самодовлеющими индивидуумами, наделенными неотъемлемыми, «естественными» правами гражданина и человека. Но особенно худо то, что марксистские последователи французских материалистов еще усугубили буржуазность этой концепции. А именно, просветители — идеологи героического периода буржуазной культуры — не чужды еще были сознания реального контакта с объективным миром, не чувствовали еще потребности выносить материю за пределы всякого человеческого восприятия, превращать реальное бытие в метафизическую «субстанцию». Эту прискорбную операцию выполняли марксистские ученики французской буржуазии. Для них, как явствует из соответственных писаний Плеханова, Ортодокса⁷, Рахова, Деборина и пр., категория буржуазной собственности стала основой мирозерцания, пределом, его же не преjdeши, по крайней мере, человеческими силами; они обнаружили полнейшую неспособность найти хоть что-нибудь объективное в поле своего сознания: всякое содержание человеческого восприятия испытывается ими как нечто насквозь «субъективное», как неотъемлемая собственность их «я»; поэтому единственным спасением от «солипсизма» явилась для них вера в трансцендентное бытие материальных атомов. Как мы видим, воззрение перечисленных теоретиков марксизма на природу не только не выходит из рамок буржуазного мирозерцания, но и забавно утрирует индивидуалистическое самочувствие буржуа, доводит его до истинного комизма.

Оставим однако эту сторону «марксистского» мирозерцания. Дискуссия о сущности природы была лишь эпизодом в развитии марксизма, да и то, по преимуществу, марксизма русского. Заграничные авторитеты на нее почти не реагировали. «Neue Zeit»⁸, склоняясь к «ортодоксальной» точке зрения Плеханова, милостиво разрешила считать материальные атомы наряду с алкоголем и обязательным оспопрививанием за «Privatsache»⁹, т. е. за такую вещь, относительно которой каждому марксисту позволительно иметь свое приватное мнение.

Гораздо интереснее вопрос о высших ценностях марксизма в области общественных отношений, об этической стороне марксистского мировоззрения. Мораль пролетариата является отражением его классовых интересов — вот все, что может сказать нам по этому поводу концепция исторического материализма. Но что же такое «классовый интерес» пролетариата? Является ли он просто совокупностью индивидуальных интересов всех отдельных пролетариев, или же здесь имеется в виду некоторая сверхличная, реально-классовая психика? Общепризнанного, официального марксистского ответа на этот вопрос опять-таки не имеется. Что же касается «частных мнений», то колеблясь между двумя полюсами — индивидуалистическим и коллективистическим, — они явно склоняются в сторону первого. Сверхличные реальности играют в жизни современного марксистского деятеля столь же скромную роль, как в жизни трезвого буржуазного политика, и сознаются в обоих случаях одинаково смутно. Марксист склонен поэтому опасаться этих жупелов, подозревая в них капканы, расставленные на погибель пролетариату реакционными идеалистами, метафизиками, и, чего Боже упаси, даже клерикалами. С другой стороны, признать классовый интерес арифметической суммой индивидуальных интересов, провозгласить по-бентамовски, что долг пролетария стремиться к наибольшему благу наибольшего числа товарищей по классу, также не разрешает марксистская совесть. Ибо, во-первых, сам Маркс ошельмовал Бентама как буржуазного пошляка¹⁰, во-вторых, если бы даже и была теоретическая возможность предать соответственный текст благозабвению или благоистолкованию, этого не позволили бы сделать неумолимые уроки повседневной практики: слишком часто индивидуальные и узкогрупповые интересы пролетариев вступают в конфликт с интересами общеклассовыми, слишком очевидна неразрешимость таких конфликтов на почве каких-бы то ни было арифметических операций с личными выгодами отдельных членов класса. Приходится, волею или неволею, апеллировать не к индивидуальным интересам, а к чувству классовой «солидарности», к товарищеской «дисциплине», к партийному «долгу», одним словом, к какому-то сверхличному началу, не называя его од-

нако собственным именем, не определяя ближайшим образом, в чем оно заключается.

Впрочем бентамовская мораль даже в области чисто буржуазных этических систем является самой наивной и вульгарной. Гораздо глубже и отчетливее буржуазное нравственное сознание было сформулировано Кантом. Кант совершенно чужд попыткам поверхностных буржуазных эмпириков построить общественную мораль на почве так называемого «разумного», т. е. дальновидного и расчетливого эгоизма. Все непосредственные желания, влечения, интересы, пристрастия и страсти буржуа замыкаются в заколдованном круге его самовладеющего «я»; общественная связь не может восприниматься им как нечто, естественно полагаемое эмпирической волей человека, но встает перед его сознанием в ореоле высшего абсолютного закона, «категорического императива»¹¹, требующего беспрекословного признания. Категорический императив — это монарх буржуазной души, но монарх конституционный и даже конституционно-демократический. Категорический императив конституционен, ибо он не распоряжается по произволу судьбой подвластных ему индивидуумов, не требует от них таких-то и таких-то определенных поступков, но санкционирует лишь самую форму долженствования, самый принцип общеобязательного законодательства, не предрешая содержания этого последнего; он «царствует, но не управляет». Категорический императив демократичен, ибо он постулирует полное равенство прав и обязанностей граждан: «действуй так, чтобы правило твоего поведения могло быть в то же время правилом поведения всех прочих людей». Наконец, категорический императив космополитичен, или, по меньшей мере «пацифичен», ибо под «прочими людьми» законодательство его понимает не только граждан данного отечества, но все вообще существа, одаренные человеческим разумом.

Во второй половине 19-го столетия эта последняя сторона кантовской этики была подвергнута радикальному пересмотру, что привело, в конце концов, к необходимости коренным образом перестроить и все здание, воздвигнутое кенигсбергским философом. «Чистый практический разум» получил чистую отставку, и вместо него категорические «максимы пове-

дения» стало диктовать патриотическое чувство. Национализм, все сильнее и сильнее овладевая сознанием различных слоев и классов буржуазного общества, получил широкое признание и в рядах социал-демократов, которые начинают превозносить его как первый действительный шаг к преодолению буржуазного индивидуализма: сначала, мол, научимся сливать свою личность с национальным коллективом, а потом, напрактиковавшись в сей добродетели, распространим свои благожелательные чувства и на все человечество: «через национализм к международнойности!» Жаль только, что эта новая мудрость арифметической постепенности в основе своей столь же наивна, как старый бентамизм, запоздалой отрыжкой которого она является. Национализм не «преодолевает» индивидуализма, а только калечит и уродует его. Если этика либерально-буржуазной эпохи связывала сознание людей чисто формально, то этика национализма накладывает узду на самое содержание человеческого творчества. Какой бы род деятельности вы ни избрали, национализм везде предвосхищает результат ваших усилий, везде заставляет вас работать на заданную тему, приходиться к заранее определенным выводам. Вы обязаны служить данной совокупности людей, преклоняться перед их данными особенностями, помогать их процветанию за счет других человеческих групп, быть может, с вашей точки зрения, гораздо более ценных. Очевидно, что о свободном творчестве тут не может быть и речи: императив националистической этики не конституционен, а грубо деспотичен; творческие силы человека ретируются им в духе средних веков: как «*ancillae theologiae*»¹², как рабыни священного кодекса предустановленных истин.

Долгое время среди идеологов рабочей демократии к кантианству склонялись только «ревизионисты», т. е. более или менее открытые отщепенцы. Марксисты же отнюдь не склонны были усваивать ни либерально-кантовской, ни тем более националистической этики. Не противопоставляя этим моральным воззрениям ничего положительного, марксизм не упустил, однако, случая разоблачать их с точки зрения исторического материализма как явно буржуазные концепции. Так было в сравнительно спокойный «органический» период развития. Но вот грянула мировая война и картина резко изменилась. Плеханов

провозгласил кантовскую этику основой марксистского отношения к международным проблемам. Ортодокс поспешила реабилитировать права кантовского морального императива в их полном объеме, во всех сферах личной и общественной жизни. Потресов¹³ написал ценный трактат об арифметической и социологической необходимости пройти через национализм на пути к международной и посвятил святыням национализма лирическое стихотворение в прозе. Все это можно было бы легко понять, а следовательно и простить, если бы такого рода прыжки задом из царства мнимой свободы в царство реальной необходимости совершались с приличествующей им, как и всяким попятным движениям, скромностью. Но когда нас с апломбом уверяют, что понятие права и справедливости в международной области есть откровение социализма, что ни один из буржуазных приват-доцентов не осмелился до сих пор коснуться сей опасной темы (засиженной всякого рода приват-доцентами, как трактирное зеркало мухами)... Когда присяжный марксистский философ с методичностью и самодовольством добродетельного пастора поучает, что без категорического императива не только нельзя совершить в мире ничего великого, но трудно даже воздержаться от похищения чужих платков... Когда проникновенный исследователь свободолюбивой русской интеллигенции начинает благоговенно кадить в клоповниках и ретирадах всемирной истории, именуя их храмами пролетариата, и в тоне библейских пророков обличает окаянство всех не приемлющих его новой веры... Тогда остается только развесть руками. И хочется спросить всех этих почтенных и заслуженных деятелей социализма словами поэта-футуриста¹⁴:

«А вы ноктюрн сыграть могли бы
На флейте водосточных труб?»

Ибо, поистине, ноктюрном водосточных труб журчит и благоухает «музыка будущего», столь авторитетно льющаяся из столь компетентных уст.

Но, позвольте, скажет читатель, вы называете имена людей, хотя и очень почтенных, однако, несомненно, несколько свихнувшихся, не выдержавших испытания наших суровых дней. Но ведь они не одни; существует многочисленная оппозиция, которую все более коробят эти заезженные банальности, пре-

подносимые в качестве последнего откровения высшей мудрости. Это — правда, оппозиция существует; правда и то, что ее все сильнее коробит и тошнит. Но в том-то и трагизм оппозиции, что ничего, кроме этой тошноты, у нее, в сущности, нет за душою, что ничего, кроме отвержения, критики и разоблачения, она не в силах противопоставить засасывающему всех и вся болоту буржуазной пошлости. Есть ли хоть один оппозиционер, который мог бы, положа руку на сердце, сказать, что ему удалось не отрицательно только, не научно-критически, а положительно и творчески превзойти основы буржуазной морали, как в ее прежних классически-либеральных, так и в ее теперешних упадочно-националистических формах? Пишущему эти строки ни разу еще не приходилось слышать или читать о существовании такого человека. И можно с уверенностью сказать, что его нет, да и не может еще быть в настоящее время.

Но если с метафизикой и моралью дело обстоит столь плохо, то, быть может, больше просветов имеется в поэзии, в художественном творчестве, которое в переходные эпохи особенно чутко улавливает проблески грядущего? — Достаточно поставить этот вопрос, чтобы сам собою обрисовался безнадежно отрицательный ответ. В самом деле, ничтожнейшие секты, охватывающие сотню-другую безграмотных мужиков, представляющие, по существу, очень скромные вариации господствующей религии, умеют создавать свою поэзию, свои песнопения, порой очень немудрящие, но всегда выпукло и характерно выражающие положительную сторону данного мировосприятия. Между тем могучее всемирно-историческое движение, теоретики которого говорят о новой эре в культурном развитии человечества, бессильно создать собственную поэзию, бессильно воплотить в художественных образах свои великие предчувствия. Ведь, конечно, не являются такой поэзией грядущего ни русские фабричные частушки, ни аналогичные песенки западных рабочих. В них много талантности, много здорового меткого юмора, но нет и признаков зарождения новой психологии.

Если народное творчество нашего времени не заключает еще в себе элементов положительного преодоления буржуазной культуры, то мы не найдем таких элементов и в произведениях

отдельных художников, деятелей искусства *par excellence*¹⁵. Это тем более знаменательно, что буржуазная культура уже давно утратила способность создавать «высокое», патетическое искусство. Со времен возникновения символизма, стремление эмансипироваться от буржуазной психологии, отыскать иные, более глубокие и богатые родники духовного творчества становится господствующим среди молодых художников. Символисты или, как их первоначально называли «декаденты», жадно ловили все, что могло показаться откровением нового духа, — только бы уйти от мертвящей буржуазной пошлости; они, несомненно, с величайшей готовностью восприняли бы и заботливо взрастили в своей душе семена свободного коммунизма, если бы таковые существовали в природе. Некоторые даже вполне сознательно старались стать певцами пролетарской культуры. Однако, несмотря на обилие среди символистов выдающихся дарований, задача эта оказалась неосуществимой. Символистам не удалось стать предтечами новой культурной эпохи, не удалось даже в самомалейшей степени сыграть ту историческую роль, какую по отношению к буржуазной культуре выполнили художники Возрождения. Символизм дал человечеству много прекрасных произведений искусства, но это не поэзия Возрождения, а поэзия увядания, не художественный ренессанс, а художественные реминисценции. Презрительная кличка «декаденты», вызывающе воспринятая символистами в дни их бурной юности, оказалась пророческой, — теперь это можно сказать, не рискуя ошибиться, ибо символизм — законченная полоса в истории современного художества: молодые силы выступают уже под новыми, пока столь же мало обнадеживающими знаменами.

В полном согласии с психологией находится и практика рабочей демократии¹. Ни там, ни здесь нет еще и проблесков гря-

¹ С тех пор, как были написаны эти строки (январь 1917 г.), практика рабочей демократии, по-видимому, значительно обогнала психологию. В России и др. государствах восточной и средней Европы провозглашены социалистические республики. Но — увы — от этого декларативного до действительного осуществления социализма еще целая пропасть. А потому выводы настоящей статьи ничуть не колеблются, напротив, лишь подтверждаются событиями последних 2-х лет.

душей зари, не видно еще никаких намеков на положительное преодоление буржуазности. «Конечная цель» никогда не выступала еще в качестве руководящего принципа деятельности, она почиталась лишь как отвлеченная формула, тем более священная, чем меньше ее связь с практической работой и борьбой за существование.

Знаменитые голосования 4 августа 1914 года — голосования, которыми две крупнейшие рабочие партии Европы, германская и французская, санкционировали милитаризм, — произвели на многих впечатление катастрофы. И действительно, с формальной стороны, это был резкий разрыв с прошлым, нарушение целого ряда резолюций, торжественно провозглашенных как национальными, так и международными конгрессами. Но если обратить внимание не на торжественные резолюции, формулы и девизы, украшавшие международные сношения рабочих партий, а на действительное содержание этих сношений, на те реальные задачи, которые здесь ставились и разрешались, то в голосованиях 4 августа нельзя будет усмотреть ничего катастрофического: наоборот, они представляются психологически неизбежным завершением всей предыдущей практики второго интернационала.

Деловая политика второго интернационала ни на йоту не выходила за пределы тех форм, какие практиковались буржуазным пацифизмом официального и неофициального происхождения. Подобно конгрессам дипломатическим, международные конгрессы рабочих строго охраняли принцип суверенитета национальных организаций, принцип невмешательства во внутренние дела каждой отдельной «секции». Подобно буржуазному пацифизму, международная солидарность рабочих носила, по преимуществу, сентиментально-праздничный, декларативно-парадный характер: будничная повседневная деятельность была строго замкнута в границах отдельных отечеств. Центральный орган интернационала — так называемое международное бюро — выполнял в своей среде те же приблизительно функции, какими был облечен центральный орган официального пацифизма: функции, по преимуществу, осведомительные, и, лишь с согласия спорящих сторон, посреднические при конфликтах.

Ту же самую роковую зависимость от форм и методов буржуазной политики обнаруживала внутренняя деятельность рабочих партий. Все внимание поглощалось борьбой за улучшение позиции рабочих в рамках существующей организации общества: с этой точки зрения расценивались приемы и способы борьбы; на этой почве разыгрывались битвы между радикалами и оппортунистами. У солидных, авторитетных деятелей движения не возникло и вопроса о том, в какой степени тот или другой прием, тот или другой тип организации способствует формированию новой психики, необходимой для выполнения исторической миссии пролетариата. И когда французские синдикалисты попытались выдвинуть этот вопрос, они подвергались всеобщим нападкам не только за то, что проблема была поставлена ими недостаточно глубоко, а разрешена совсем убого, но и за самую постановку столь вредной и пустой проблемы.

При таких условиях, не удивительно, что, несмотря на созревание и даже явное перезревание буржуазно-индивидуалистического уклада жизни, рабочая демократия не в силах взять на себя инициативу необходимых преобразований. Не удивительно, что обостренная современным кризисом потребность в планомерной организации общественного хозяйства удовлетворяется в настоящее время в форме государственного капитализма, создаваемого верхами буржуазии при полной растерянности рабочего класса.

Само собой разумеется, что «планомерность» эта существенно отлична от планомерности социалистического идеала. Однако нельзя отфилософствовать того факта, что система государственного капитализма кладет конец хозяйственной анархии в рамках отдельных передовых государств, и, ничуть не урезывая доходов крупных финансистов и промышленников, значительно смягчает опасные для них стороны противоречия между индивидуальным присвоением продуктов народного труда и общественным характером их производства.

Ввиду всего сказанного выше, нам представляется совершенно невероятным, чтобы рабочая партия в сколько-нибудь близком будущем смогла использовать эту новую форму буржуазного строя, как орудие для создания подлинно социалистического, свободно-планомерного хозяйства. Единственно доступной

для нее в данных условиях задачей является задача, сформулированная германскими оппортунистами: превращения хозяйства, основанного на извлечении прибыли, «в государственную хозяйственную организацию, рассчитанную на обслуживание потребления», в *Bedarfsdeckungswirtschaft*¹⁶, как гласит неуклюжий термин новейшего изобретения. Но правильно поставив вопрос, германские оппортунисты вступили на явно несостоятельный путь его разрешения; в национально-милитарной форме *демократическая* государственная организация, имеющая целью с доступной для государства мерой планомерности обслуживать потребление народных масс, — очевидно не осуществима. Рамки этой организации должны быть уже с самого начала намечены настолько широко, чтобы охватить все цивилизованные страны, связанные в одно целое международным разделением труда. Дело идет здесь об очень обширной и сложной организации. Но так как она нисколько не порывает с основами принудительной, буржуазно-демократической государственности; так как, с другой стороны, общие контуры этой организации уже начинают вырисовываться в стихийных процессах переживаемого нами времени, — то здесь перед современной демократией встает проблема, которую нельзя признать принципиально для нее непосильной. От того, сумеет ли пролетариат проявить надлежащую инициативу и сплотить вокруг себя прочие демократические элементы, заинтересованные в успешном разрешении указанной задачи, зависит ход всемирной истории в течение ряда ближайших десятилетий, а может быть, и столетий.

¹ Опубликовано в: *Базаров В. А. На пути к социализму*. Харьков: тип. «Просвещение», 1919. С. 3–22.

² Речь идет о высказывании Энгельса о коммунистическом обществе, в котором «объективные, чуждые силы, господствовавшие до сих пор над историей, поступают под контроль самих людей. И только с этого момента люди начнут вполне сознательно сами творить свою историю, только тогда приводимые ими в движение общественные причины будут иметь в преобладающей и все возрастающей мере и те следствия, которых они желают. Это будет скачок из царства необходимости в царство свободы». См.: *Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 20. С. 295.*

- 3 Далее Базаров излагает взгляды Маркса на проблему товарного фетишизма. См.: *Маркс К. Капитал. Т. 1*// Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 23. С. 82–83.
- 4 *Schenkende Tugend* (нем.) — даруемая добродетель.
- 5 См.: *Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии*// Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 4. С. 447.
- 6 См.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 19. С. 20.*
- 7 Ортодокс, настоящая фамилия — Аксельрод Л. И. (1868–1946) — философ и литературовед, участница социал-демократического движения.
- 8 Имеется в виду «Die Neue Zeit» — марксистский журнал германской социал-демократической партии. Выходил с 1883 по 1923 г.
- 9 *Privatsache* (нем.) — личное дело.
- 10 Маркс назвал И. Бентама «трезво-педантичным, тоскливо-болтливый оракулом пошлого буржуазного рассудка XIX века» (*Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 23. С. 623*).
- 11 Категорический императив — термин, введенный И. Кантом в работе «Критика практического разума» (1788). Существует две его формулировки: «Поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом» (*Кант И. Соч., т. 4, ч. 1. М.: Мысль, 1965. С. 260*) и «поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого также как к цели и никогда не относился бы к нему как к средству» (там же. С. 270).
- 12 *Ancillae theologiae* (лат.) — служанка богословия. Так в средние века богословы определяли назначение философии. Выражение приписывается итальянскому историку католической церкви Цезарю Баронию (1538–1607).
- 13 Потресов А. Н. (1869–1934) — видный деятель российского социал-демократического движения, один из основателей РСДРП. Меньшевик, после Октябрьской революции эмигрировал.
- 14 Речь идет о В. В. Маяковском.
- 15 *Par excellence* (фр.) — преимущественно, главным образом.
- 16 *Bedarfsdeckungswirtschaft* (нем.) — государственное хозяйство, удовлетворяющее потребности.

«Ножницы» и плановое хозяйство¹

Переживаемый нашим народным хозяйством кризис существенно отличается по своей экономической структуре от тех «заминок», «срывов», «катастроф», которые в таком изобилии сыпались на нашу промышленность в предыдущие годы. То были кризисы острого *недопроизводства*. То тот, то другой элемент хозяйственного процесса оказывался в ничтожном минимуме, и равняясь по этому минимуму, испытывали жесточайшую депрессию все прочие хозяйственные отрасли. Вследствие недостатка денежных средств или продовольствия Донбасс терял добрую половину своих забойщиков, добыча угля катастрофически падала, возникал угольный голод, над целым рядом фабрик, заводов, железных дорог нависала угроза вынужденной приостановки. Не успевали наши хозяйственники справиться с кризисом Донбасса, как столь же внезапно разверзался кризис транспорта: значительная масса паровозов, числившихся до сих пор здоровыми, обнаруживала вдруг признаки острого заболевания. И как только что «На помощь Донбассу!», так теперь «На помощь транспорту!» мобилизовались экстренные силы и средства, начиная с организации добровольческих артелей в целях ремонта больных локомотивов и кончая заказами за границей.

В истории возникновения и преодоления этих кризисов недавнего прошлого проблема сбыта, рыночных цен, платежеспособного спроса не играла определяющей роли. Рынок, едва начавший складываться под влиянием новой экономической политики, получил благодаря неурожаю 1921 г. такой мощный сдвиг в сторону удорожания сельскохозяйственных продуктов, что цены промышленных изделий, выраженные в «ржанных единицах», казались относительно весьма умеренными. Таким образом, несмотря на то, что диспропорция между трудовой стоимостью основных продуктов земледелия и промышленности была тогда отнюдь не меньше, чем в наши дни, и еще в 1920 г. отмечалась некоторыми экономистами, рыночная конъюнктура голодного периода замаскировала ее, и только хлебное

изобилие истекшего хозяйственного года заставило рынок выявить это основное противоречие нашей экономики в виде широко развернувшегося зева знаменитых «ножниц»².

Но вместе с тем выявилось и кое-что другое. 1922/23 г.³ был первым после революции годом, заверившим свое течение без тех внезапных перебоев и срывов в работе, которые переживали главнейшие отрасли нашей индустрии за предыдущие три года. «Хозяйственный расчет» принес свои плоды. В области концентрации производства, в области более рационального использования наличных технических ресурсов и рабочей силы достигнуты несомненные успехи. Анализируя в связи с проблемой «ножниц» отчеты различных трестов, промышленная секция Госплана констатировала, что представленные ей калькуляции и статистические материалы, несмотря на все свое несовершенство, все же позволяют прийти к некоторым положительным заключениям: в большинстве случаев концентрация проведена в достаточной мере и нет признаков той явной бесхозяйственности, которая отличала работу нашей промышленности в прошлое время.

Результатом этих первых успехов организационного характера и явилось то обстоятельство, что в 1923 г. наша промышленность преодолела кризисы частичного *недопроизводства* и, расширяя свою продукцию более или менее равномерно и последовательно во всех главнейших отраслях, к осени дозрела до всеобщего кризиса *перепроизводства*, первого после войны кризиса нормального капиталистического типа.

Правда, тех колоссальных избытков товаров, тех ломящихся под грудами продуктов складочных помещений, о которых рассказывают нам летописи кризисов развитого капитализма, у нас в настоящее время отнюдь не наблюдается. Мы исчерпали платежеспособный спрос при весьма еще незначительном размахе индустриальной продукции: в среднем она не превосходит $\frac{1}{3}$ довоенного уровня, а в некоторых важнейших отраслях, как, например, в металлургии, не достигает и 10% этого уровня. И как раз в этих соотношениях, а не в «кризисе сбыта» самом по себе, вся острота современного положения. Что вынужденная работать в условиях рыночного товарообмена наша неокрепшая еще государственная промышленность не в состо-

янии пока предотвращать кризисов общего перепроизводства, в этом не было бы еще большой беды. Особенными успехами в этой области не могут похвалиться и мощные американские тресты, держащие в своих руках все нити национального производства. Но, бесспорно, в высшей степени тревожным является то обстоятельство, что при существующих ценах рынок перенасыщен такой незначительной продукцией, что он не в состоянии поглотить металла, произведенного в размерах средней годовой выработки 50-х годов прошлого века. Неудивительно поэтому, что проблема кризиса сбыта в связи с проблемой расхождения цен на сельскохозяйственные и промышленные товары за последние недели приковывает к себе исключительное внимание как наших экономистов, так и наших государственных органов, руководящих хозяйственной жизнью республики. В настоящей статье мы хотим отметить лишь некоторые наиболее общие итоги и выводы дискуссии, имевшей место в связи с этой проблемой⁴.

Как известно, немало копий ломалось и до сих пор ломается по вопросу о причинах расхождения «ножниц» за последние месяцы. Так как каждая из вскрытых анализом «причин» персонифицируется затем в лице того или другого «виновника» наступившего положения вещей, то понятна та страстность, с которой ведется этот спор. «Если бы чьим-либо интересам противоречило положение $2 \times 2 = 4$, то истина эта и поныне не считалась бы очевидной». Однако, несмотря на то, что в данном случае предмет спора гораздо сложнее таблички умножения, тем не менее кое-какие выводы наметились, как мне кажется, с достаточной очевидностью.

Прежде всего отчетливо вскрылось одно методологическое недоразумение, состоящее в том, что в споре о причинах летнего расхождения ножниц сторонники различных точек зрения зачастую понимали под «причинами» далеко не одинаковые экономические категории. С одной стороны, исследовались так называемые ценностно-образующие факторы, т. е. те затраты живого или кристаллизованного труда, которые должны быть возмещены в цене товара при продаже его по действительной ценности. С другой стороны, ставился вопрос: при какой рыночной конъюнктуре могла фактически реализоваться в продажной цене

товара эта его чрезвычайно вздутая при современных условиях «действительная» ценность? И далее: какие причины создали тот недавний перелом конъюнктуры, благодаря которому цены, рыночно приемлемые в летние месяцы, стали неприемлемы осенью? Ясно, что вопрос о составных элементах калькуляторной себестоимости и цены, которые гарантируют предпринимателю возмещение издержек с начислением известной прибыли, и вопрос об условиях фактической рыночной реализации этой цены лежат в совершенно различных плоскостях.

Разче всего их различие иллюстрируется полемикой относительно роли кредита в создавшемся кризисе. Несмотря на относительную дороговизну кредита (до 60% годовых), на долю его как ценностно-образующего фактора падает совершенно ничтожная часть возрастания цены промышленных товаров — по исчислению С. Г. Струмилина, около 5%⁵. Но как мера экономической политики, влияющей на конъюнктуру, как искусственная поддержка трестов в их стремлении взвинчивать цены за пределы рыночно-приемлемой высоты, система усиленного кредитования промышленности за счет банкнотной эмиссии, несомненно, явилась фактором, обострившим кризис. Именно в качестве такого не «ценностно-образующего», а если можно так выразиться, *конъюнктурно-образующего* фактора и выдвигает на первый план кредитную политику Госбанка С. А. Фалькнер⁶. И в очерченной таким образом плоскости рассмотрения вопроса он, как мне кажется, прав. В самом деле, чем объяснить тот на первый взгляд загадочный факт, что цены на промышленные изделия благополучно вздувались в течение самого глухого сезона, в летние месяцы, и наткнулись на преграду в виде кризиса сбыта в сентябре и октябре, т. е. как раз в тот момент, когда емкость нашего рынка в силу реализации урожая достигает своего годовичного максимума? Единственно возможное объяснение заключается в том, что производственные и торговые организации, опираясь на щедрый кредит Госбанка, в летние месяцы воздерживались от реализации крупных партий товара, рассчитывая распродать накопившиеся запасы во время осеннего оживления рынка. А когда это осеннее оживление не оправдало возлагавшихся на него ожиданий, когда воочию обнаружилось все несоответствие между платежеспособ-

собным спросом деревни и ценами на предметы промышленности, кризис сбыта, давно уже имевший место, но искусственно замаскированный кредитной политикой и тем самым усугубленный, обнаружился в полной силе. Одним из многих подтверждений такого толкования может служить сопоставление динамики оптовых и розничных цен. Бюро экономико-статистической секции Госплана сопоставило стоимость оптовых и розничных цен 19 товаров по 19 рынкам СССР за все месяцы истекшего хозяйственного года. Если принять за 100 оптовые цены каждого месяца, то движение розничных цен по группам сельскохозяйственных и промышленных товаров представляется в следующем виде (см. табл.).

Как по группе сельскохозяйственных, так и по группе промышленных товаров разница между розничными и оптовыми ценами растет в течение первого квартала истекшего хозяйственного года, а затем с небольшими колебаниями в ту и другую сторону систематически падает в течение всех остальных месяцев. Что это значит? Так как розничный торговец не пользовался льготным кредитом и, не обладая капиталом, не мог выдерживать товары на складах, но вынужден был оборачивать их возможно быстрее, приспособляясь к требованиям рынка, то размеры тех надбавок к оптовой цене, которые ему удавалось осуществлять в различные периоды года, должны быть довольно точным отражением колебаний подлинной рыночной конъюнктуры. Если принять эту предпосылку, то приведенные ряды цифр недвусмысленно свидетельствуют о том, что оживление на рынке росло в течение первого квартала, начиная же, примерно, с января и вплоть до конца 1922/23 г. рынок неуклонно сжимался; причем колебание это особенно резко и отчетливо выражено как раз в группе интересующих нас промышленных товаров, где январский уровень превышает сентябрьский почти вдвое (74,6% надбавки против 36,8%), в то время как по группе сельскохозяйственных товаров амплитуда колебаний не достигает и 50% минимума. Другими словами, депрессия в сбыте промышленных товаров начинает обнаруживаться уже с февраля-марта текущего года, т. е. как раз с того момента, когда раствор «ножниц» начал особенно быстро раздвигаться (составляя, однако, всего половину своей теперешней величины).

ДАТЫ			Розн. цена всех товаров в % к оптов.	Розн. цена с.-х. товаров в % к оптов.	Розн. цена промышл. тов. в % к оптов.			
1 окт.	1922 г.	...	144,6	149,0	137,2	140,2	158,6	164,1
1 нояб.	"	...	145,5		138,6		156,3	
1 дек.	"	...	152,3		142,7		169,4	
1 янв.	1923 г.	...	154,0	145,4	141,2	138,9	174,6	154,9
1 февр.	"	...	145,0		136,6		155,4	
1 марта	"	...	141,7		135,8		150,8	
1 апр.	"	...	145,1	142,7	147,2	138,7	142,4	144,9
1 мая	"	...	142,1		136,1		149,2	
1 июня	"	...	140,4		138,1		142,6	
1 июля	"	...	110,1	138,7	137,2	135,6	143,5	149,0
1 авг.	"	...	141,5		138,6		144,7	
1 сент.	"	...	135,7		133,3		136,8	
1 окт.	"	...	137,6		132,4		142,0	
Среднее за год			...	143,9	138,3	151,3		

Однако и одними только средствами кредитной политики кризис не мог бы быть предотвращен, если бы даже политика эта и была идеально предусмотрительной. И вообще, кредитная, как и всякая иная экономическая, политика при наличии современных народнохозяйственных диспропорций могла смягчить или, наоборот, форсировать стихийно возникший кризис, но не создать или уничтожить его. Как показывает анализ ценностно-образующих факторов, установление сколько-нибудь приемлемых соотношений между ценами на промышленные и сельскохозяйственные продукты требует глубоких и радикальных преобразований в структуре нашей промышленности. С. Г. Струмилин, пользуясь приблизительными, но все же достаточно обоснованными коэффициентами, приходит к выводу, что одно только «нормальное» расхождение «ножниц» на 1 октября 1923 г. составило бы 163%, причем под «нормальным» он понимает то отступление от довоенной пропорции, которое вызывается понижением нагрузки предприятий и производительности труда по сравнению с 1913 г.⁷ Сюда надо присоединить еще не менее «нормальные» накладки на повышение налогов и акцизов (10–12% к цене чистой продукции вместо 3% довоенных), на вздорожание кредита (повышение цены продукта процентов на 5), на рост железнодорожных тарифов (около 9 коп. на пуд чистой продукции, т. е. на 20–25% выше довоенных). Все это вместе повысит «нормальное» расхождение еще на 12–15%, доведя его до 180–185%. Фактически раствор «ножниц» гораздо шире — 1 октября 1923 г. он измерялся 320%.

Для того чтобы оценить всю угрожающую серьезность этих цифр, необходимо не упускать из виду, что и довоенное соотношение, условно принятое здесь за норму всех норм, в действительности может быть названо «нормальным» лишь в очень иронических кавычках. «Ножницы», т. е. дороговизна и плохое качество продуктов нашей отсталой промышленности тяжело ложились на крестьянское хозяйство довоенного времени. «Ножницы» были одним из главнейших тормозов развития производительных сил в деревне, одним из ярких проявлений тех «норм» довоенного уклада жизни, которые привели этот последний к не совсем нормальным событиям 1905 и 1917 гг. Ставить идеалом или хотя бы ближайшей целью современной

экономической политики реставрацию довоенных «ножниц» было бы явным недоразумением. Вообще в наших экономических построениях довоенное время так часто фигурирует в качестве ориентировочного штандарта⁸, что многие невольно забывают всю условность этой ориентации и начинают безоговорочно держать курс экономических и технических улучшений на довоенный уровень, точно это невесть какое Эль-дорадо. Ориентировка на довоенное время вполне естественна и законна, поскольку дело идет о самых первых шагах планового хозяйства, о наилучшем использовании тех технических ресурсов, которые перешли к нам по наследству от старого строя. До сих пор, как было отмечено выше, весь наш прогресс в области хозяйственной рационализации почти не выходил из только что указанных рамок. Но наступает момент, когда жизнь повелительно ставит перед нами гораздо более трудную и сложную проблему: проблему радикального технического преобразования главнейших производственных процессов; и тут, разумеется, довоенное время нам не указ, тут надо искать гораздо более совершенных образцов.

Разверстая пасть «ножниц» и есть наиболее чувствительная, назойливая, неотступная форма проявления этого требования жизни. В самом деле, из приведенных выше расчетов видно, что путем дальнейших организационных улучшений на достигнутом уже техническом базисе мы сможем сжать зев «ножниц» максимум до 160–180% довоенного соотношения. Как бы ни были быстры, решительны и удачны намечаемые в настоящее время мероприятия по удешевлению административно-промышленного и торгового аппарата, а также по организации экспорта сельскохозяйственных продуктов, успехи, достижимые по совокупности этих усилий, ограничены указанным пределом. Дальнейший прогресс требует уже серьезного повышения загрузки предприятий при одновременном росте производительности труда. При тех донельзя изношенных остатках «довоенного» — допотопного оборудования, которыми мы оперируем в промышленности, крупные сдвиги в этом направлении едва ли осуществимы посредством одних только организационных реформ. Есть основание думать, что значительная часть возможных на этой почве достижений уже сделана в ис-

текшем году и дальнейшая рационализация промышленности потребует больших затрат на техническое переоборудование. А раз это так, то во весь рост встает вопрос о хозяйственном планировании.

Период «военного коммунизма», который считается эпохой господства особенно жесткого планирования, в сущности этой славы вовсе не заслуживает. Тогда планировалось только распределение; в области же производства шли ощупью, от случая к случаю, бросая силы на борьбу то с той, то с другой «катастрофой», по мере того, как эти последние разверзались под нашими ногами.

Истекший год был первым годом *практического применения* планового начала в производстве, но пока это планирование ограничивалось наиболее легко достижимыми улучшениями в организации отдельных предприятий и отраслей производства. Это была *рационализация технического разделения труда*. Народного хозяйства в целом — в области *общественного разделения труда* — планирование истекшего года еще не касалось: производственные программы и кое-какие ориентировочные перспективные планы идеями подлинной рационализации не задавались, и в лучшем случае исходя из существующих соотношений сглаживали, или, как у нас любят говорить, «увязывали», особенно резкие противоречия.

Поскольку дальнейшая рационализация требует крупных затрат из общегосударственных фондов, она при скудности этих последних, очевидно, неосуществима без самого тщательного и продуманного планирования в масштабе всего народнохозяйственного целого. Как должно быть построено такое планирование? Вопрос этот требует самостоятельного обсуждения и выходит из рамок настоящей статьи.

В заключение я считаю лишь необходимым оговорить, хотя бы в двух словах, одно возможное недоразумение. У нас любят противопоставлять плановое хозяйство нэпу и усиление планового начала считают невозможным без ущемления нэпа. Что в нэпе далеко не все прекрасно, не подлежит спору. И тем не менее, как показывает опыт, самый приступ к *практическому осуществлению* планирования — на первый раз в скромных рамках технического разделения труда на исто-

рически унаследованной материальной базе — стал возможен только благодаря нэпу, т. е. наличию рынка и тесно связанной с этим последним системы «хозяйственного расчета» на государственных предприятиях. Переход к планированию в народно-хозяйственном масштабе требует не ликвидации, а, наоборот, укрепления и развития тех же самых основных начал.

- 1 Впервые опубликовано в: Экономическое обозрение. 1923. № 10. С. 10–14.
- 2 Впервые термин «ножницы» применительно к соотношению цен на промышленные и сельскохозяйственные товары использовал Л. Д. Троцкий в докладе о промышленности на XII съезде РКП (б) 20 апреля 1923 г. См.: Двенадцатый съезд Российской Коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет. 17–25 апреля 1923 г. М.: Красная новь, 1923. С. 292–293.
- 3 В 20-е годы XX в. в СССР хозяйственный год начинался 1 октября. ЦИК и СНК СССР приняли постановление «О переносе начала хозяйственного года с 1 октября на 1 января» 20 сентября 1930 г. Хозяйственный год, начинающийся 1 октября 1922 г. и заканчивающийся 30 сентября 1923 г., обозначался как 1922/23 год.
- 4 Материалы дискуссии опубликованы в журнале «Экономическое обозрение» (1923. № 12). См.: *Крумин Г. И.* О некоторых уроках кризиса (С. 10–14); *Кржижановский Г. М.* Тезисы к вопросу о «ножницах» (С. 14–27); *Кактынь А. М.* Причины «ножниц» и основные меры к их устранению (С. 27–33); *Боголепов М.* К разрыву цен (С. 33–38); *Первушин С. А.* Торговая депрессия осенью 1923 г. (С. 38–44).
- 5 См.: *Струмилин С. Г.* Емкость нашего рынка // Бюллетень Госплана 1923. № 1–2. С. 33.
- 6 Например, см.: *Фалькнер С. А.* О товарной и денежной теориях повышения цен // Социалистическое хозяйство. 1923. № 9–10. С. 33–56.
- 7 См.: *Струмилин С. Г.* К проблеме расхождения цен // Экономическая жизнь. 1923. 2 ноября.
- 8 Так в оригинале.

К методологии перспективного планирования¹

(В дискуссионном порядке)

Едва ли надо доказывать, что система национализированной промышленности может существовать и развиваться только при наличии плана, охватывающего народное хозяйство в его целом. Это, в сущности, простая тавтология, — трюизм, самоочевидность которого отнюдь не подрывается тем обстоятельством, что в условиях переживаемой нами эпохи распределение продуктов должно осуществляться не в непосредственном плановом порядке, а при помощи «вольного» товарного рынка.

Если формально «новая экономическая политика» и представляется компромиссом, ограничением планового начала государственной промышленности в интересах окружающей эту последнюю мелкобуржуазной стихии — крестьянства, то по существу дело обстоит совершенно иначе. Военный коммунизм был эпохой полного идеологического и юридического торжества планового принципа при полном его экономическом бессилии. Государственная промышленность являла собой хронический кризис недопроизводства, периодически сгушавшийся в подлинные катастрофы, то на том, то на другом из важнейших хозяйственных фронтов. На борьбу с этими последовательными катастрофами, грозившими параличом всей государственной машины, и уходила организованная энергия работников госпромышленности. При таком положении вещей фактически отсутствовало не только планирование в общегосударственном масштабе, но и сколько-нибудь рациональное использование наличных ресурсов в пределах каждой отдельной отрасли производства, каждого отдельного предприятия.

1922/23 хозяйственный год, первый год развернутого нэпа, знаменует собой крупный шаг вперед в этом отношении. В истекшем году впервые была достигнута некоторая концентрация

производства, некоторая рационализация распределения и использования рабочей силы, повышена нагрузка работающих предприятий, введены в определенные рамки расходы по консервации предприятий не действующих и т. д. В результате темп развития промышленности стал значительно более быстрым и ровным; резких перебоев не наблюдалось; продукция во всех отраслях сильно выросла, а вместе с тем неуклонно повышалась производительность труда и заработная плата. Выраженные в абсолютных цифрах, все эти достижения более чем скромны, но относительный успех по сравнению с предыдущим периодом не подлежит сомнению. И успех этот, несмотря на благоприятные внешние и внутренние условия момента (мир с Антантой, хороший урожай, ликвидация последствий гражданских войн), не имел бы места, если бы основные начала нэпа — вольный рынок и «хозяйственный расчет» — не успели войти в жизнь и прочно укрепиться в ней. Опыт показал, что оздоровление госпромышленности могло начаться лишь с того момента, когда удалось осуществить личную заинтересованность каждого работника в результатах его труда и личную ответственность за добросовестность труда. Но, быть может, еще важнее другая сторона дела. Централизованная организация производства и распределения в общереспубликанском масштабе до чрезвычайности усложняет задачи контроля и самоконтроля. При этой системе последствия каждой отдельной ошибки сказываются в виде материального ущерба не там, где такая ошибка произошла, а лишь на конечных результатах всего государственного хозяйствования в целом. Разобраться в этих суммарных итогах, выделить в этом универсальном интеграле долю, падающую на каждое частное мероприятие, — задача, практически весьма трудная, да и теоретически, как известно, разрешаемая с полной строгостью лишь в немногих, сравнительно простых случаях. Между тем рынок в связи с «хозяйственным расчетом» дает, так сказать, автоматическую оценку результатов деятельности каждой отдельной отрасли производства, каждого отдельного предприятия и, таким образом, создает тот механический счетчик, который на теперешнем уровне развития нам безусловно необходим для сколько-нибудь толковой постановки контроля и самоконтроля в государственной промышленности.

Таким образом, было бы ошибочно думать, что усиление и углубление планового начала равносильно ущемлению нэпа, частичному возврату к методам предыдущей эпохи. Как раз наоборот, основные элементы нэпа являются в обозримом будущем необходимыми *предпосылками* всякого действенного планирования и регулирования, и потому именно в интересах самого планового хозяйства, а отнюдь не по соображениям одной только «смычки» с деревней, требуют всемерного укрепления и ограждения. В противовес господствующему взгляду мы рискнули бы защищать такой тезис: нэп является необходимой формой смычки города с деревней лишь постольку, поскольку сам промышленный город не в состоянии превзойти нэп в своей внутренней экономической структуре.

Однако сказать, что успешное плановое хозяйство в современной России возможно лишь на почве нэпа, не значит еще решить вопрос о методах хозяйственного планирования. Отмеченный выше успех последнего хозяйственного года создан был исключительно упорядочением отдельных отраслей и отдельных предприятий госпромышленности. Если здесь можно говорить о торжестве планового начала, то лишь применительно к *техническому разделению труда*, т. е. той ограниченной области, которой присуща рациональность и планомерность даже при системе частнокапиталистического хозяйства. В этих рамках государственный капитализм может и должен использовать — *mutatis mutandis*², конечно, — весь сложный арсенал методов, разработанных частным капитализмом (нормализация, стандартизация, типизация производства, научная организация труда и т. п.).

Новая проблема возникает не тут, а в области *общественного разделения труда*, в области сочетания отдельных предприятий и отраслей государственного производства в единое согласованное целое. Планирование общественного разделения труда есть в полном смысле слова непечатое поле; здесь нет до сих пор не только каких-либо бесспорных практических достижений, но даже общепризнанных теоретических директив. Самая постановка вопроса возбуждает серьезные разногласия. Спрашивают, возможно ли и нужно ли разрабатывать перспективный план государственного хозяйства, когда огромное большин-

ство трудящихся — крестьяне, кустари, ремесленники — работают вне непосредственного государственного контроля, когда не поддающийся никакому регулированию «урожай» может перевернуть вверх ногами самый прекрасный план, и когда над этой двойственной системой государственных и частных хозяйств господствует товарный рынок с его стихийными приливами и отливами? Не правильнее ли, при таких условиях, отбросить утопии (некоторые прибавляют: «мелкобуржуазные» утопии) широкого и далекого планирования, довольствуясь экономической политикой, основанной на точном учете конъюнктуры момента и ближайшего, конкретно уже намечающегося будущего? Иметь ориентировочные производственные программы на текущий бюджетный год, конечно, необходимо, но какой практический смысл имеют программы, подлежащие осуществлению в течение пяти, семи, десяти лет? Не будут ли они при той огромной неточности, которая присуща всем нашим далеким предвидениям, только сбивать с толку здоровое реалистическое чутье хозяйственных практиков? И не окажутся ли поэтому наши перспективные пяти-, семи- или десятилетки дезориентирующими, вместо того, чтобы быть «ориентировочными»?

С этой скептической оценкой перспективного планирования можно было бы условно согласиться, если бы наше народное хозяйство представляло из себя полнокровный, пропорционально сложенный организм с упроченными традициями здорового развития. Тогда, действительно, достаточно было бы учитывать конъюнктурные показатели для того, чтобы исправлять мелкие случайные отклонения — по мере того, как сии обнаруживаются, и, таким образом, облегчать естественный ход народно-хозяйственного развития. И только в тех случаях, когда технический прогресс ставит на очередь радикальное переоборудование той или другой крупной отрасли промышленности, приходилось бы отступать от этого метода, выяснять перспективу необходимых затрат и ожидаемых от них результатов на ряд лет вперед.

Но в том-то вся и беда, что *каждая* отрасль нашей современной экономики нуждается в радикальном переустройстве, в целой технической революции для дальнейшего нормального функционирования. Эпоха империалистических и гражданских

войн произвела такие грандиозные деформации в системе нашего народного хозяйства, создала такие диспропорции между его отдельными частями, что конъюнктурные показатели сами по себе ничего не дают для выявления общих линий экономической политики.

Пусть, например, изучение конъюнктуры привело нас к выводу, что в текущем производственном периоде платежеспособный спрос в большей мере насыщен продуктами металлургии, чем продуктами текстильной промышленности. Значит ли это, что для восстановления гармонического развития надо поддерживать металлургию и форсировать текстиль? Конечно, нет. Стоит только припомнить, что продукция текстильной промышленности достигает у нас уровня 90-х годов прошлого века, в то время как выплавка чугуна стоит на уровне 40–50-х годов того же столетия, для того, чтобы убедиться в необходимости иметь независимую от всякой текущей конъюнктуры многолетнюю программу восстановления металлургии. Изучение конъюнктуры необходимо для выработки тех конкретных мероприятий (в области политики цен, организации торговли и т. п.), при помощи которых всего целесообразнее проводить общую плановую директиву в условиях текущего момента. Но сама эта общая директива, конечно, не может сложиться на почве конъюнктурных наблюдений; для этого нужна совершенно иная постановка проблемы, иные методы ее решения. А именно: требуется отчетливо представить себе, экономически и финансово оценить те основные этапы, которые должно пройти наше народное хозяйство для того, чтобы его зияющие диспропорции заменились органической согласованностью частей, его техническая полуразрушенность была устранена путем переоборудования, отвечающего требованиям современной техники. Короче говоря, потребна рассчитанная на длительный период *восстановительная программа*, и потребность эта настолько настоятельна, что даже буржуазное правительство, будь оно возможно в современной России, вынуждено было бы положить в основу своей экономической политики какой-нибудь репарационный план. Тем более, конечно, нуждается в перспективном плане восстановления нашего народного хозяйства правительство коммунистическое.

Но что же такое этот *восстановительный* план, и как его строить?

Прежде всего, необходимо отметить, что термин «восстановительный» нельзя понимать слишком буквально. Простое восстановление нашего хозяйства в тех формах и соотношениях, какие оно имело до войны и революции, не может быть задачей современного планирования. В дискуссии по поводу «ножниц»³ неоднократно и справедливо указывалось, что диспропорция, так ярко выразившаяся в расхождении промышленного и сельскохозяйственного индексов, есть явление хроническое, традиционное, тяготевшее над нашей довоенной экономикой так же, как и над теперешней. И в довоенное время целый ряд причин задерживал развитие производительных сил в деревне, тормозил рост промысловых культур, рост товарности сельскохозяйственной продукции и т. д. Сверх того, радикальные перемены в классовом составе населения, явившиеся результатом революции, не могли не отразиться самым существенным образом на структуре потребительского рынка. Все эти обстоятельства должны быть учтены плановыми органами при построении перспективы хозяйственного возрождения страны.

Не «восстановление», а *реконструкция* народного хозяйства является нашей плановой задачей. Довоенные отношения указывают в первом приближении лишь тот минимальный уровень производительных сил, которого необходимо достигнуть для того, чтобы дальнейшее развитие могло быть поставлено на здоровые рельсы, но они никоим образом не дают готовой схемы желательных соотношений между отдельными подразделениями народного труда. Само собой разумеется, однако, что и в планировании этих внутренних сдвигов необходимо ограничиться минимумом, устраняющим наиболее бьющие в глаза аномалии в структуре и технике современного производства. План должен дать не вдохновляющую широкую картину возможных или желательных достижений, а точный чертеж и строгий учет тех объективно необходимых ближайших преобразований, без которых здоровое развитие народного хозяйства немыслимо.

Этим очерчиваются рамки делового перспективного плана, намечается его конечная цель. Что касается конкретных мето-

дов его построения, то, на первый взгляд, наиболее трезвым и надежным подходом была бы экстраполяция тех тенденций к оздоровлению, которые уже фактически определились в динамике нашего народного хозяйства за последние годы. Такой чисто *генетический* путь к выяснению перспектив ближайшего развития попытался применить Трансплан⁴ в своей большой и во многих отношениях очень поучительной работе, набрасывающей на 12 лет вперед основные линии развития железнодорожного транспорта и грузооборота⁵. Работа эта, послужившая одним из основных материалов для Транспортной секции Госплана при составлении ею доклада президиуму «О перспективном плане железнодорожного транспорта на пятилетие 1923/24–27/28 гг.», представляет первую серьезную попытку дать согласованную перспективу развития главнейших отраслей нашей продукции. Но именно поэтому вскрывшаяся в процессе этой работы невозможность последовательно провести избранный ее авторами генетический метод является особенно поучительной. На основании статистических данных о первой половине 1923 г. и предшествующих лет Трансплан построил, например, такие динамические ряды добычи угля.

Прирост или убыль годовой добычи каменного угля в % к предыдущему году

Годы	Донбасс	Кузбасс	Черемхово	Подмосковный	Уральский
1921	+ 21,1	+ 15,4	- 3	- 8,2	+ 7
1922	+ 13,6	+ 12,3	- 26	- 12,6	+ 2
1923	+ 3,0	- 28,7		+ 32,2	+ 21

Достаточно бросить беглый взгляд на эти цифры, чтобы убедиться, что о сколько-нибудь устойчивых тенденциях развития в такой важной отрасли, как добыча твердого минерального топлива, пока еще говорить не приходится. Скачки показателей чрезвычайно велики и неправильны; положительные показатели причудливо чередуются с отрицательными. При таких условиях нет, очевидно, никакой возможности получить согласованный перспективный план путем учета фактически наме-

тившихся тенденций развития и их экстраполяции на будущее. И если по Донбассу Трансплан кладет в основу перспективной продукции арифметическую среднюю от прироста последних трех лет, то по Кузнецкому бассейну он берет максимальную цифру за трехлетие, а по Черемховскому, где все показатели отрицательны, совершенно отбрасывает фактическую динамику и устанавливает вероятный перспективный прирост, исходя из иных соображений. Не лучше обстоит дело с нефтью, рудой, чугуном сахаром и др. отраслями, принятыми в расчет Транспланом. Нигде генетический метод не приводит к удовлетворительным результатам, и приходится идти путем экспертных прикидок, т. е. или непосредственно формулировать известные целевые задания (например, доведение сахарной промышленности в такой-то срок до такого-то уровня), или ориентироваться на перспективные заявки отраслей промышленности, потребляющих данный продукт (руды, чугун), — причем эти заявки, в свою очередь, построены на основе интуитивно-экспертной оценки технических возможностей каждого данного производства в отдельности.

Насколько ненадежны эмпирические показатели развития за последние три года, видно на следующем примере. Имея данные лишь за первое полугодие 1923 г., Трансплан исчислил рост добычи донецкого угля в 1923 г. по сравнению с 1922 г. в 3%. Между тем, всего через два-три месяца после окончания рассматриваемой работы дополнительные данные заставили повысить эту примерную цифру в 10 раз. Вместо трех точек 21.1, 13.6 и 3 эмпирическая кривая продукции Донбасса определилась тремя точками 21.1, 13.6 и 30, что радикально меняет средний коэффициент прироста. Спрашивается, имеем ли мы право экстраполировать этот поправочный коэффициент на будущее? Чтобы ответить на этот вопрос, посмотрим, почему данные летних месяцев 1923 г. так сильно изменили относительный прирост первого полугодия. Произошло это, как оказывается, исключительно потому, что летом 1923 г. Донбасс избежал сезонного паралича, пережитого им и в 1922 и 1921 гг. В то время как тогда число забойщиков уменьшалось в летние месяцы почти вдвое, падая с 13 до 6–7 тыс., в 1923 г. мы имеем в начале 13 тыс., в разгар летнего затишья 12 с лишним и осе-

нию снова 13 тыс. забойщиков. Таким образом, интересующий нас скачок вверх отнюдь не является следствием органического роста производства, имеющего устойчивый и длительный характер, но вызван при неизменном общем размахе производства (13 тыс. забойщиков) устранением тех периодических катастроф и «перебоев», которыми страдала наша промышленность в предыдущие годы. Если на будущее время мы сохраним только это приобретение 1923 г., то продукция будет стационарной; прирост, зависящий от действительного развития производства, получится лишь по элиминированию колебаний, вызванных процессом организационного упорядочения предприятий; элиминирование же это осуществимо не методами генетического, суммарно-статистического исследования, а лишь посредством специальной экспертной оценки положения дел в каждой отдельной отрасли промышленности.

Этих примеров, думается нам, более чем достаточно для иллюстрации того *a priori* ясного тезиса, что экстраполяция коэффициентов, выведенных из наблюдения хозяйственного развития двух-трех последних, в высокой степени аномальных, лет, не может послужить фундаментом для построения перспективной программы нашего хозяйственного возрождения. План восстановления и реконструкции той части национального производства, которая находится в непосредственном заведывании государства, должен строиться не генетически, а *телеологически*: не путем проецирования в будущее фактической динамики настоящего, а путем целевого построения таких преобразований в современной промышленности, при осуществлении которых ее фактическая динамика впервые сможет стать выражением тенденций здорового и прочного развития.

Иначе обстоит дело с сельскохозяйственной продукцией. Здесь государство не является хозяином и может лишь косвенно стимулировать те или другие естественно намечающиеся тенденции мерами экономической политики. Уже по одному этому целевая конструкция была бы в данном случае лишена всякого практического значения. Перспектива сельскохозяйственного развития может быть построена лишь генетически; и несмотря на колоссальные трудности, зависящие от недостатка надежного статистического материала, выявление фактических

тенденций развития в крестьянском хозяйстве, гораздо менее промышленности деформированном войной и революцией, сможет дать достаточно надежные коэффициенты, и, во всяком случае, представляет единственный путь к уяснению перспектив этой количественно доминирующей отрасли национального производства. Разумеется, и при построении восстановительной программы сельского хозяйства нельзя ограничиться одной экстраполяцией эмпирически установленных коэффициентов роста, но необходимо усложнить работу допущением некоторых заранее заданных сдвигов, поскольку эти последние могут быть достигнуты определенной системой экономической политики. Но «телеологически» (в расчете на успешную экономическую политику) вносимые коррективы могут быть здесь лишь скромной надстройкой на широком базисе генетически установленных тенденций развития.

Построенная таким способом схема возрожденного сельскохозяйственного производства должна учесть не только общие размеры этого последнего, но и степень его товарности», а вместе с тем и емкость крестьянского рынка по отношению к продуктам городской промышленности. Следовательно, генетически выведенный перспективный план сельскохозяйственной продукции явится тем фундаментом, к которому должны быть приноровлены телеологически конструируемые перспективные планы отдельных отраслей промышленности.

Из сказанного ясно, что расчет вероятного производства в одних только натуральных единицах совершенно недостаточен для получения толкового перспективного плана, из которого можно было бы извлекать надежные директивы для текущей экономической политики. Перспективный план должен быть не только планом продукции, но и планом реализации: он должен учесть себестоимость предположенной продукции, продажные цены на главнейшие продукты, размеры платежеспособного спроса на них и доказать, что принятое им соотношение между отдельными отраслями производства отвечает структуре рынка. Другими словами, схема возрожденного хозяйства, построение которой составляет основную задачу перспективного планирования, должна быть дана в форме *баланса народного хозяйства* на предположенной ступени его развития

и при наличии вошедших в план качественных сдвигов и реконструкций.

Конечно, о бухгалтерски точном балансе в данном случае не приходится и мечтать. Речь идет лишь о самой общей характеристике метода согласования отдельных сторон народно-хозяйственной перспективы. Гнаться за деталями и «отцеживать комаров» не имеет большого смысла, ибо заранее можно сказать, что при бесконечной сложности такого перспективного балансирования многие «верблюды» останутся не учтенными; тем не менее, основные элементы предположенного планом производства и распределения совершенно необходимо сбалансировать между собой, так как только таким путем возможно проверить правильность построения плана и оценить его практическую жизненность.

Ввиду новости и трудности работы по перспективному народно-хозяйственному балансу представлялось бы в высшей степени полезным начать с составления народно-хозяйственного баланса за один из довоенных годов. Несмотря на необходимость существенных отступлений от довоенной структуры народного хозяйства, о чем мы уже говорили выше, такой довоенный баланс дал бы очень много для первоначальной ориентировки и для решения целого ряда методологических трудностей, с которыми, несомненно, придется столкнуться при разработке перспективного баланса. Наконец, для отчетливой оценки всех охваченных перспективным планом этапов и линий развития, кроме заключительного баланса, безусловно необходим еще и вступительный баланс, т. е., скажем баланс за 1922/23 г., первый год более или менее нормального хозяйствования, который поэтому и надлежит считать начальным годом восстановительного периода.

Остается еще вопрос о календарных сроках реализации перспективного плана.

Из предыдущего уже ясно, что перспективный план, учитывая лишь минимально необходимые для возрождения народного хозяйства качественные и количественные трансформации, должен быть рассчитан на сравнительно небольшой срок — на 5–10 лет, не более. Однако надо заранее сказать, что точное исчисление срока осуществления восстановительной програм-

мы и, в особенности, точное расписание ее по отдельным календарным годам, есть задача неразрешимая и, по существу дела, совершенно не нужная. Доля восстановительной программы, падающая на данный календарный год, определяется целым рядом конкретных обстоятельств, не поддающихся точному предвидению; таковы: отечественный и мировой урожай, состояние международного товарного рынка, размеры вложения иностранного капитала в форме займов и концессий и т. д. и т. п.

Различно складываясь в различные годы, равнодействующая всех этих заранее не учитываемых влияний заставит нас не только менять темп восстановления, но и отступить от тех пропорций, которые предусмотрены восстановительным планом. Возможно, например, что конкретная ситуация данного года приведет к реализации $\frac{1}{5}$ программы по восстановлению легкой и всего $\frac{1}{10}$ программы по восстановлению тяжелой индустрии. Это вовсе не будет свидетельствовать ни об ошибочности, ни о ненужности восстановительного плана, но лишь о том, что суровая действительность вынуждает нас идти к намеченной цели более извилистыми путями, чем это бы нам хотелось. И как раз на фоне не устранимых фактических зигзагов регулятивное значение тщательно продуманного плана выступает особенно ярко, ибо только идеальная линия плана дает возможность своевременно заметить каждый отдельный зигзаг, оценить его опасность и сосредоточить все усилия на подтягивании отстающих отраслей хозяйственного строительства. При отсутствии перспективной плановой директивы такое выравнивание линии развития происходит лишь на основании уроков опыта, лишь по мере того, как оказывающиеся в минимуме отрасли приводят к фактической дезорганизации все хозяйственное целое, т. е. сопровождается громадной добавочной растратой производительных сил и государственных средств.

Таким образом, по самой своей идее, по самому своему заданию перспективный план восстановления нашего народного хозяйства не имеет ничего общего с календарным расписанием работ хозорганов на несколько лет вперед. План дает лишь координаты той точки, какой мы, во что бы то ни стало, должны достигнуть, если желаем хозяйственного возрождения страны;

отдельные отрезки пути к этой точке могут быть определены по величине и направлению лишь в конкретной обстановке места и времени; претендовать на сколько-нибудь точный априорный расчет годового осуществления перспективной программы было бы или наивным утопизмом или прямым шарлатанством. Поэтому распределение наших пяти-, семи- или десятилеток по отдельным годам носит всегда грубо примерный характер. Это необходимо настойчиво подчеркивать, и, быть может, во избежание недоразумений лучше было бы вообще не разбивать перспективный план по годам, довольствуясь точным расчетом конечного пункта и некоторых промежуточных этапов, носящих переломный характер, — ведь, только это и нужно для построения той общей директивы восстановительной хозяйственной политики, которая составляет единственную реальную цель перспективного планирования.

Приведенные выше соображения достаточно очерчивают как будто бы и основную задачу перспективного планирования, и основные приемы подхода к ее решению.

Детализировать методологию построения плана возможно лишь в процессе практической работы над отдельными его сторонами. Здесь, несомненно, встанет целый ряд сложнейших методологических проблем, удовлетворительное решение которых потребует напряженных усилий со стороны работников различных специальностей, привлеченных к этому делу Госпланом.

В настоящий момент работы Госплана в области перспективного планирования находятся в следующем состоянии. Заслушаны в президиуме и подверглись обсуждению доклады председателя Экономико-статистической секции о емкости рынка в 1922/23 году⁶ и председателя Промышленной секции о пятилетнем перспективном плане 33 главнейших отраслей промышленности⁷. Заслушаны, но еще не обсуждены доклады о перспективном пятилетнем плане железнодорожного транспорта и внешней торговли.

Сельскохозяйственная секция еще не представила своего прогноза, который по сути дела должен бы быть основой всех прочих подразделений перспективного плана⁸. Мы имеем, таким образом, главнейшие вехи баланса истекшего года, но нет

еще ни довоенного баланса, ни многих основных данных, необходимых для построения баланса перспективного.

На этой стадии работ было бы, очевидно, преждевременно делать какие-либо частные заключения относительно методологии или самого содержания подготовляемой Госпланом пятилетки. Мне, однако, не хотелось бы закончить эту статью, не подчеркнув одного рокового дефекта всех наших перспективно-плановых работ, дефекта, всецело зависящего от неудовлетворительности первичных материалов и потому не устранимого при настоящем положении вещей. Беда в том, что у нас нет сколько-нибудь точного учета наличных производительных сил, и, прежде всего, мы очень мало знаем о состоянии *основного капитала государственной промышленности*. Между тем, для построения обоснованного восстановительно-реконструктивного плана необходимы самые точные и детальные сведения в этой области не только по каждой отдельной отрасли, но и по каждому отдельному предприятию. При отсутствии этих данных перспективное планирование теряет добрую половину своего практического значения, а государственному кошельку гарантируются многомиллионные убытки, которых легко было бы избежать.

В работе И. Г. Александрова «Восстановление производства и России»⁹ наглядно иллюстрируется важность точного учета наличных технических данных при реконструкции производства. Производство, стоящее на уровне передовой техники, дает, при прочих равных условиях, рост продукции, пропорциональный количеству капитальных вложений. Производство, восстанавливаемое из состояния паралича, на первых порах, когда используются лишь наилучшие оборудованные единицы, характеризуется относительно более значительным эффектом: ничтожные затраты капитала приводят здесь к очень значительному подъему продукции. Но чем дальше идет восстановительный процесс, тем больше затрат приходится делать для получения того же возрастания продукции. Следовательно, если мы выразим графически рост продукции, как функцию капитальных затрат 1) на предприятии, заново оборудованном, и 2) на предприятии, восстановленном без технической реконструкции, то в первом случае получим наклонную к оси абсцисс прямую, во втором — кривую, обращенную выпуклостью вверх;

причем кривая эта сначала поднимается круче прямой, затем, все более и более загибаясь, пересекает прямую и чем дальше, тем больше отстает от этой последней в своем восходящем движении. Совершенно ясно, что максимально выгодным моментом для перехода от восстановительного процесса к реконструкции является та точка, в которой касательная к кривой, символизирующей восстановление, имеет тот же наклон к оси абсцисс, что и прямая, графически изображающая собой ход реконструированного производства. Если реконструкция будет совершена значительно раньше или, в особенности, значительно позже этого оптимального момента, то государство понесет крупные убытки, произойдет совершенно излишняя и неознаградимая растрата производительных сил. Для исчисления же указанного оптимума необходимы самые исчерпывающие сведения о техническом состоянии данного предприятия или данной группы предприятий.

Вопрос осложняется еще тем, что реконструкция предъявляет зачастую совершенно иные требования к районированию предприятий, чем это имело место при прежнем оборудовании. Поясним это одним только примером, заимствованным из той же работы И. Г. Александрова. Современная металлургическая техника характеризуется настолько экономным расходом угля на единицу выплавляемого продукта, что становится выгодным строить заводы у рождения руды, а не близ угольных копей, как это было раньше. Отсюда ясно, например, что план возрождения нашей южной металлургии будет рациональным лишь при том условии, если он установит оптимум не только в смысле реконструкции, но и в смысле территориального распределения восстановительных и реконструктивных затрат. Ошибка в том или другом отношении имела бы своим последствием огромные одновременные убытки или длительную задержку в развитии производительных сил.

Говоря о необходимости точно учесть оптимальный момент перехода от восстановительных процессов к реконструктивным, я отнюдь не противоречу сказанному выше о неосуществимости точного календарного планирования. Дело идет здесь об исчислении не момента времени, а той *стадии* восстановительного процесса, на которой переход к техническому

переустройству производства становится экономически рациональным. В зависимости от конкретных обстоятельств данного хозяйственного года мы можем замедлить или ускорить темп нашего экономического возрождения. Пусть, например, предусмотренная планом ступень восстановительного процесса достигнута будет на 2-3 года позднее, чем предполагалось при составлении плана; это ни на йоту не изменит того факта, что именно на данной ступени от простого восстановления всего рациональнее перейти к реконструкции.

Насколько имеющиеся в нашем распоряжении данные не достаточны для составления рационального плана восстановления и переоборудования нашей промышленности, хорошо известно всем экономистам и техникам, интересующимся этой проблемой. Я сошлюсь лишь на свидетельства членов Госплана, работающих над перспективным планированием нашего народного хозяйства.

А. А. Неопиханов в своем докладе «О перспективном плане железнодорожного транспорта на пятилетие 1923/24–27/28 гг.»¹⁰ отмечает, что методологически правильно построить перспективный план восстановления жел.-дор.¹¹ хозяйства невозможно «за невыяснением основного капитала жел.-дор. транспорта и за отсутствием у транспорта баланса», и тут же указывает на опасности, вытекающие из такого положения вещей: «Настоящий перспективный план, — пишет он, — следовало бы облечь в форму баланса, с которым вступает транспортное предприятие в предстоящий пятилетний период и с коим оно выходит из него, ибо только в таком случае будет легко выявить в доступной и наглядной форме все те органические изменения, которые за это пятилетие произойдут в строении и бытии его основных и оборотных капиталов, а, стало быть, и во всем предприятии в целом.

Такая форма перспективного плана представляется нам не только удобной в смысле наглядности, но и единственно правильной по существу, ибо она вводит в учет изменения в основном капитале предприятия, а не рисует только эксплуатационные результаты деятельности этого предприятия без учета изменений в его основном капитале, как это делается ныне. (Подчеркнуто мною. — В. Б.).

При этой последней форме плана, т. е. когда не прослеживается судьба основного капитала или прослеживается лишь в мало показательных косвенных технических признаках (как, например, восстановление рельсового хозяйства, шпального, мостового, вагонного и паровозного и т. п.), очень нетрудно впасть в большие и роковые для судьбы данного предприятия ошибки, заключающиеся в том, что кажущиеся финансовые успехи эксплуатации железных дорог в смысле сведения дотации казны к нулю будут в действительности покупаться невидимой для малоопытного взгляда дальнейшей растратой основного капитала транспорта, и его фактический крах в смысле неспособности справиться с растущим грузооборотом может совпасть с расцветом его эксплуатационно-технических и финансовых коэффициентов, как это и случилось по существу в результате Рухловского¹² хозяйствования на транспорте за период 1908–1915 годов»¹³.

О печальном состоянии наших сведений относительно ресурсов, потребных на восстановление промышленности, профессор П. С. Осадчий в докладе «Перспективы внешней торговли на ближайшее пятилетие 1923/24–1927/28 гг.» говорит: «Особенные трудности представляет оценка потребностей в импорте на ряд лет машин и оборудования фабрик и заводов, без руководящих планов восстановления их для работы в новых условиях народного хозяйства. Таких планов не существует. Поэтому представленные перспективные планы импорта машин и оборудования должны быть расцениваемы как сырые материалы, без твердых фундаментов. Подведение этих фундаментов представляет очередную задачу плановой работы как первичных плановых органов, так и Госплана. Не имея планов восстановления и реконструкции нашей промышленности, хотя бы по главнейшим ее отраслям, не учтя, что должно быть восстановлено, что реконструировано и что ликвидировано и возрождено на новых началах, невозможно правильно разрешить вопросы о финансировании промышленности, в частности о размерах импорта и использования тех кредитов, которые, можно ожидать, будут нам предоставлены за границей в ближайшем будущем»¹⁴.

Прибавлять что-либо от себя к этим двум красноречивым цитатам значило бы ослаблять ту силу, с которой они подчеркивают и самую наличность данного факта, и вытекающие из него последствия.

Необходимо, очевидно, принять самые серьезные меры к тому, чтобы состояние основного капитала наших государственных предприятий было приведено в полную ясность. Здесь нельзя отделаться какой-нибудь новой анкетой или очередным требованием сведений-отписок от подлежащих учреждений. Надежные результаты даст только кадастр, т.е. специально организованная перепись промышленных предприятий, обставленная всеми гарантиями компетентности и беспристрастности выполнения. Разумеется, подобного рода перепись обойдется недешево. Но в данном случае излишняя расчетливость была бы совершенно неуместна даже с точки зрения столь популярного в наши скудные дни девиза «советская копейка рубль бережет», ибо каждая копейка, толково затраченная на выяснение основного капитала государственной промышленности, сбережет не рубль, а сотни и тысячи рублей непроизводительных расходов.

-
- 1 Впервые опубликовано в: *Базаров В. А.* К методологии перспективного планирования. М.: Изд. Госплана, 1924. В конце 1923 г. доклад Базарова о методологии планирования был обсужден и получил одобрение на чрезвычайном заседании Президиума Госплана (См.: В Президиуме Госплана // Бюллетень Госплана. 1923. № 11–12. С. 119–120). Переиздаваемая работа содержит основные положения этого доклада.
 - 2 *Mutatis mutandis (лат.)* — с соответствующими изменениями, изменив то, что следует изменить.
 - 3 Например, см., статью «Ножницы» и плановое хозяйство» в настоящем издании.
 - 4 Трансплан — транспортная плановая комиссия, созданная в 1921 г. при народном комиссариате путей сообщения (НКПС).
 - 5 См.: Госплан. Материалы к перспективному плану. Вып. 1. Неопиханов А. А. О перспективном плане железнодорожного транспорта на пятилетие (1923/1924–1927/1928 гг.). М.: тип. МКХ, 1924. 88 с.
 - 6 См.: *Струмилин С. Г.* Емкость нашего рынка // Бюллетень Госплана. 1923. № 11–12. С. 3–34.

- 7 См.: *Калинников И.* Промышленный план и его осуществление // Бюллетень Госплана. 1923. № 3-4. С. 22-26.
- 8 Такой прогноз сделал Н. Д. Кондратьев в докладе, который был заслушан на Пленарном заседании Президиума Госплана СССР 4 июня 1925 г. См.: *Кондратьев Н. Д.* Основы перспективного плана развития сельского и лесного хозяйства // Труды Земплана. Вып. 5. М.: Новая деревня, 1924.
- 9 *Александров И. Г.* Восстановление производства в России. М.-Л.: Госплан, 1924.
- 10 См. выше, сноску 5.
- 11 Сохранен стиль оригинала.
- 12 У Неопиханова допущена небольшая неточность. Рухлов С. В. (1852-1918) стал министром путей сообщения не в 1908 г., а в январе 1909 г.
- 13 *Неопиханов А. А.* О перспективном плане железнодорожного транспорта на пятилетие (1923/1924-1927/1928 гг.) // Материалы к перспективному плану. Вып. I. М.: Госплан, 1924. С. 18-19.
- 14 *Осадчий П. С.* Перспективы внешней торговли на ближайшее пятилетие 1923/24-1927/28 гг. // Материалы к перспективному плану. Вып. II. М.: Госплан, 1924. С. 14.

К вопросу о хозяйственном плане¹

Плановое хозяйство обычно противопоставляется хозяйству товарному. И вообще говоря, это, конечно, совершенно правильно: законченное плановое хозяйство предполагает непосредственное общественное управление всеми сторонами производства и распределения, — социализм несовместим с товарным рынком, как известно каждому школьнику первой ступени. Однако диалектика развития к социализму чрезвычайно сложна и, как всякая диалектика, движется противоречиями. В частности, на той ступени развития, которую переживает народное хозяйство СССР, сочетание товарного рынка и планового хозяйства является таким диалектическим, движущим вперед противоречием, а отнюдь не простым компромиссом между социалистическим и капиталистическим началом. В рамках общественно-производственных возможностей данной эпохи и данной страны нэп есть основная предпосылка успешного хозяйственного планирования, диктуемая внутренней структурой государственной промышленности, и было бы глубоко ошибочно видеть в современной экономической политике какое-то самоограничение планового принципа в интересах мелкобуржуазной крестьянской стихии.

Период так называемого военного коммунизма был эпохой идеологического и юридического торжества хозяйственного плана при его фактическом бессилии. В эти годы планомерность и рациональность отсутствовали не только в государственном производстве как целом, но даже и в отдельных отраслях, в отдельных предприятиях его, т. е. там, где строгий план и учет присущи частнокапиталистическому хозяйству. В деле использования производственных механизмов и живой рабочей силы, в деле распределения этой последней по цехам господствовали случай и стихия. И только принцип «хозяйственного расчета», неразрывно связанный с восстановлением товарного рынка, позволил приступить к обузданию этой стихии путем более или менее планомерного осуществления, более или менее рационально построенных программ. Только «новая экономиче-

ская политика» дала возможность провести на деле некоторое сокращение контингентов, более правильное распределение в производстве работников различной квалификации, повысить нагрузку регулярно действующих предприятий и перевести на «консервацию» или ликвидировать предприятия, не могущие по тем или иным причинам действовать регулярно.

Товарный рынок явился *предпосылкой* этих успехов в двояком смысле. Во-первых, он облегчил восстановление личной заинтересованности каждого трудящегося в результатах труда и личной ответственности за добросовестность труда. Во-вторых, и это особенно, важно, он чрезвычайно упростил функции фактической проверки работы предприятий, а следовательно, и всяческое хозяйственное регулирование. Я позволю себе пояснить это одним житейским примером. В настоящее время во многих московских домах, освещаемых электричеством, один счетчик приходится на несколько квартир, причем оплата энергии, учитываемой таким «коллективным» счетчиком, раскладывается на отдельных квартиронанимателей пропорционально имеющемуся у каждого из них числу лампочек. Наблюдение показывает, что при такой системе каждый житель расходует, как общее правило, больше энергии на одну лампочку, чем это он делал в дореволюционное время при наличности «индивидуальных» счетчиков, несмотря на то, что энергия теперь обходится значительно дороже, а бюджет пользователя обычно ниже довоенного. Нечто подобное имеем мы и в государственном хозяйстве. Товарный рынок и базирующийся на нем «хозяйственный расчет» создают своего рода индивидуальный счетчик, автоматически отмечающий результаты деятельности каждого отдельного предприятия, что, конечно, очень упрощает задачу контроля и самоконтроля. При отсутствии товарного рынка экономическое значение каждого отдельного хозяйственного акта реально сказывается не там, где такой акт имел место, а лишь на общих результатах всего государственного хозяйствования в целом. И само собой понятно, что в этих суммарных результатах, где причудливо перекрещиваются между собой и накладываются друг на друга ошибки и достижения, удачи и неудачи тысяч предприятий, практически невозможно выделить долю, падающую на каждое

отдельное из них. Таким образом, стихийный «коллективный счетчик», действующий при системе непосредственно государственной организации производства и распределения, совершенно недостаточен для цели планирования и регулирования, а создание точного и детализированного искусственного учета представляет задачу, не разрешимую на той ступени общественной организованности, какая определяется достигнутым у нас уровнем развития производительных сил.

Если бы наша промышленность уже доросла до того уровня, при котором завершенное плановое управление ее является возможным и целесообразным, то не представляло бы никаких особых затруднений в организации планового продуктообмена между деревней и госпромышленностью. Тогда не было бы необходимости создавать вольный рынок в качестве «смычки» города с деревней, и даже при легализации свободного товарооборота этот последний фактически существовал бы лишь в отношениях мелких товаропроизводителей между собой. Поэтому в противовес господствующему взгляду можно сказать, что смычка между государственной промышленностью и мелким самостоятельным товаропроизводителем требует свободного товарного рынка лишь постольку, поскольку сама государственная промышленность, на данном ее уровне, нуждается в нэпе как основной предпосылке своего нормального существования и развития.

Однако сказать, что государственный капитализм нуждается в товарном рынке для успешного осуществления своих хозяйственных планов, значит сказать еще очень немного. В этом отношении между государственным и частным капитализмом нет принципиальной разницы. Ведь и частный капитализм, когда он дорастает до синдицирования и трестирования, вводит строгую планомерность и техническую рациональность не только в отдельные предприятия, но и в целые отрасли производства. В указанных рамках наш юный государственный капитализм, естественно, является учеником западноевропейского и американского капитала; он стремится усвоить выработанные этим последним методы концентрации и специализации производства (стандартизация, типизация, нормализация, НОТ и т. д.). И в необходимости усвоения этих методов не может

быть никакого сомнения; здесь существуют огромные фактические трудности, на которых я не могу останавливаться, но нет никакого принципиального вопроса.

Принципиальный вопрос возникает дальше и состоит в следующем. Должно ли наше народное хозяйство, пока оно стоит на почве государственного капитализма и нэпа, т. е. в настоящее время и в обозримом будущем, ограничить плановый принцип теми рамками, в каких он практикуется капиталистическими странами, или же необходимо некое планирование в более широком масштабе по отношению ко всему хозяйственному целому? Господствующие у нас на сей предмет взгляды, поскольку они выразились в литературе и официальных заявлениях руководителей экономической политики страны, довольно разнообразны, занимая обычно середину между двумя полярно противоположными взглядами. Первый из этих крайних взглядов, исходя из абсолютной необходимости плана, объемлющего все народное хозяйство, связывает расширение планового начала с ограничением и ущемлением нэпа и, следовательно, проектирует с теми или другими оговорками и поправками возвращение к методам эпохи военного коммунизма. Другой крайний взгляд исповедуют те, которые, не видя возможности без тяжелых экономических потрясений отступить от основных начал нэпа, относятся ко всяким универсальным планам народного хозяйства скептически. Согласно этому второму течению «единый хозяйственный план» является при системе государственного капитализма утопией, и регулирование отдельных отраслей и сторон государственного производства должно опираться не на широкие перспективные планы, а на точный учет фактически сложившейся и намечающейся на ближайшее будущее «конъюнктуры».

Отвергая *a limine*² первую точку зрения, мы не можем согласиться и со второй, несмотря на то, что ее исходное положение представляется нам бесспорным. Государственный капитализм по объему своего планирования действительно ограничен примерно теми же рамками, как и высокоразвитый частный капитализм. Верно ли, однако, что трестированный и синдицированный частный капитализм в состоянии вести производство, руководясь учетом рыночной конъюнктуры без всякого широ-

кого перспективного планирования? Это не вполне верно даже применительно к нормальным эпохам, ибо капиталистические тресты и синдикаты, как известно, не только приспособляются к рыночной конъюнктуре, но и делают конъюнктуру, для чего им в той или другой степени необходимо ориентироваться на перспективу развития народного или даже мирового хозяйства в его целом. Но если при обычных условиях организованный капитал не может ограничиться одним только регулированием сообразно наметившейся уже конъюнктуре, то это сугубо невозможно при такой далеко не обычной и нормальной структуре производства, какая имеется у нас сейчас в России. При тех колоссальных деформациях, которые произвело в нашем народном хозяйстве десятилетие империалистической и революционных войн, толковое управление промышленностью республики невозможно без более или менее продуманного *восстановительного плана*.

В этом и лежит центр тяжести вопроса о плановом хозяйстве в его теперешней конкретной постановке. Даже условно соглашаясь, что государственный капитализм при нормальных условиях не нуждается в перспективном плане и может обойтись одними только производственными программами на текущий год, мы для современной России должны выработать широкий план возрождения народного хозяйства, — план, осуществление которого как раз и призвано создать условия здорового естественного развития, позволяющего успешно хозяйствовать, руководясь текущими показателями конъюнктуры.

Что же должен дать нам восстановительный план и как его построить?

Ответим сначала на первый вопрос. Восстановительный план должен точно учесть диспропорции современного народного хозяйства, наметить меры к их устранению и доказать практическую осуществимость последних. В настоящее время у нас относительно благополучно обстоит дело с предметами широкого потребления; рынок предъявляет к ним все растущий спрос, и, несмотря на чрезвычайно высокие издержки производства и продажные цены, соответственные отрасли развиваются быстрее других и приносят, по-видимому, достаточную прибыль. В гораздо более тяжелом положении находится про-

изводство средств производства, обслуживающее по преимуществу государственную промышленность и транспорт. Здесь сокращение производства несравненно значительнее, нагрузка предприятий меньше, убыточность пока неустранима. Таким образом, стихийно сложившаяся конъюнктура отнюдь не создает тенденции к выравниванию имеющихся диспропорций, а, наоборот, стремится еще усугубить их. И если бы наша экономическая политика руководилась исключительно текущей конъюнктурой, т. е. непосредственной рентабельностью предприятий, мы быстро пришли бы к почти полному аннулированию металлургии, металлообработки, силового хозяйства, а вместе с тем подорвали бы тот базис, на котором может развиваться сравнительно рентабельная легкая индустрия.

Вообще, не надо закрывать глаза на то, что форсирование нашей крупной индустрии по непосредственным своим результатам есть дело весьма малорентабельное, требующее огромных затрат, которые начнут окупаться лишь в более или менее отдаленном будущем. С точки зрения ближайших интересов нашего государственного бюджета, который тесно связан с бюджетом крупной индустрии, всего рентабельнее было бы, конечно, ликвидировать госпромышленность, открыть таможенные заставы и насытить крестьянский спрос дешевыми продуктами иностранного производства. Это повысило бы налоговую платежеспособность основной массы населения, сняло бы с государства бремя дотаций, поглощаемых промышленностью, и позволило бы чрезвычайно упростить и удешевить аппарат государственного управления. Несмотря, однако, на всю соблазнительность с точки зрения непосредственных интересов фиска³, такая программа всеобщего окрестьянивания России никем у нас не защищается, ибо очевидно, что по своим политическим и экономическим последствиям она прямо противоположна той задаче, которую ставят перед собой руководители нашей экономической политики.

А раз это так, раз последовательно руководиться принципом максимальной рентабельности при данной конъюнктуре мы не можем и должны вопреки конъюнктуре идти на крупные затраты для поддержания и развития крупной промышленности, необходимо последовательно продумать этот второй путь, за-

ранее учесть и оценить, во что он нам обойдется при наиболее рациональном его прохождении. Это и есть задача перспективного восстановительного плана.

Как построить такой план?

Уже из сказанного ясно, что восстановительный план не может ограничиться перспективой роста продукции, выраженного в натуральных единицах, хотя бы с примерным учетом необходимых для этого дотаций. Составленные по этой схеме пяти-семи-десятилетки различных хозорганов оставляют совершенно невыясненным вопрос: что же будет представлять собой данная отрасль промышленности по достижении ею конечного пункта перспективного плана? Будет ли она доведена по своей технической организации до уровня зарубежных конкурентов и таким образом прочно станет на собственные ноги, или же она по-прежнему останется музеем устарелого и лишь кое-как подправленного оборудования, а следовательно, по завершении данной пятилетки вступит в новую пятилетку столь же неустойчивого, подкрепляемого непрерывными дотациями бытия? Точного ответа на этот вопрос не дает ни одна из существующих попыток построения перспективного плана. Да это и неудивительно. Для учета тех затрат, которые связаны с переоборудованием существующих государственных предприятий по технически наиболее совершенным образцам, необходимо по каждому отдельному предприятию располагать самыми исчерпывающими сведениями о фактическом состоянии основного капитала, необходимо оценить не только его физическое, но и его моральное изнашивание за годы войны и революции. Между тем таких сведений ни по одной отрасли госпромышленности у нас не имеется. И когда наши экономисты и статистики пытаются осветить современное состояние основного капитала, они вынуждены довольствоваться грубейшими прикидками: например, взять основной капитал акционерных обществ по последним опубликованным данным, вычесть из него нормальный довоенный процент ежегодной амортизации, помноженный на число лет, в течение которых амортизация не производилась, и оперировать с остатком как с якобы наличным основным капиталом. Само собой ясно, что такими приемами позволительно пользоваться лишь при самых общих сообра-

жениях, да и то с большими оговорками; но они совершенно недопустимы там, где дело идет о конкретном учете и точной оценке технических преобразований, потребных для реконструкции каждого отдельного предприятия, каждой отдельной отрасли производства.

Здесь нельзя ограничиться примерными статистическими прикидками или отдельными обследованиями и анкетами более или менее любительского типа, — необходима тщательнейшим образом подготовленная и осуществленная перепись госпромышленности, промышленный кадастр. Бесспорно, подобного рода специальная перепись, обойдется очень недешево, но с расходами в данном случае приходится помириться, ибо, приступив к делу реконструкции без точного предварительного учета, мы неизбежно сделаем ряд ошибок, за которые государственная казна будет расплачиваться многомиллионными убытками.

Учет и оценка технической реконструкции государственной промышленности составляют одну сторону восстановительной программы. Другая ее сторона заключается в согласовании или, употребляя модный термин, в увязке отдельных технических программ. Восстановительный план должен доказать не только свою техническую, но и свою экономическую рациональность, другими словами, должен доказать, что предположенная им продукция различных отраслей при данных ее размерах и данной себестоимости будет соответствовать структуре рынка. Таким образом, восстановительный план необходимо разработать в виде перспективного баланса народного хозяйства; только балансовый метод позволяет убедиться в том, что предположенная реконструкция создаст единое и стройное целое, возрожденный народнохозяйственный организм, способный к здоровому развитию, а не *membra disjecta*⁴ единичных органов, быть может, абсолютно нежизнеспособных в своей совокупности, несмотря на техническое совершенство каждого из них в отдельности.

Из сказанного ясно, что смысл перспективного планирования вовсе не заключается в погодном расписании той или другой производственной перспективы. Осуществим ли мы преобразования, необходимые для возрождения нашего хозяйства

в течение пяти, семи, десяти или двенадцати лет, — это нельзя заранее предвидеть: это зависит и от размеров урожаев, и от конъюнктуры мирового рынка, и от политической международной ситуации, позволяющей нам в большей или меньшей степени использовать приток иностранного капитала. Но какую бы долю перспективного плана мы ни реализовали в течение данного года, какие бы отступления от программы ни заставляла нас делать текущая экономическая или политическая конъюнктура, мы ни на минуту не должны упускать из виду конечной задачи — возрождения нашего народного хозяйства. К точной формулировке этой задачи, и только к ней, сводится восстановительный перспективный план.

Я ограничился указанием наиболее общих и, как мне кажется, наиболее бесспорных подходов к разрешению вопроса о хозяйственном плане. При разработке его встанут десятки методологических проблем более частного порядка, о которых говорить в этой связи было бы неуместно.

1 Опубликовано в: Экономическое обозрение. 1924. № 6. С. 218–223.

2 *A limine* (лат.) — сразу.

3 Фиск (лат. *Fiscus* — «корзина» или «денежный ящик») — государственная казна.

4 *Membra disjecta* (лат.) — разрозненность.

Темп накопления и «командные высоты»¹

Труднейшей проблемой перспективного планирования является *определение* общего темпа хозяйственного развития на более или менее продолжительный срок вперед. Существующие в этой области работы весьма различными способами подходят к решению указанной задачи, и лишь в редких случаях авторы их дают вполне ясный и точный отчет о тех предпосылках, которые лежат в основе их предвидения. Составитель одного из наиболее широко задуманных и интересных по выполнению перспективных планов — Трансплан Народного комиссариата путей сообщения рекомендует руководствоваться в интересующем нас вопросе осторожной мудростью древнего Эзопа. Когда один прохожий спросил Эзопа, сколько часов пути до Спарты, Эзоп, гласит предание, ответил: «Иди». И только после такого практического исследования быстроты хода путешественника, сказал этому последнему, через сколько времени он достигнет Спарты.

Легенда, бесспорно, поучительная, но, к сожалению, малоприменимая к хозяйственному развитию современной России. В самом деле, основная предпосылка Эзопа состояла, очевидно, в том, что странник будет двигаться до Спарты с той самой постоянной скоростью, с какой он продефилировал перед мудрецом, повинувшись приказанию идти. Но можем ли мы исходить из подобной презумпции? Вправе ли мы допустить, что развитие производительных сил СССР пойдет теперешним темпом вплоть до самой нашей «Спарты», вплоть до создания того возрожденного, технически усовершенствованного и экономически упорядоченного государственного хозяйств, кото-

¹ От редакции. Тов. Базаровым, бесспорно, выдвинут основной вопрос социалистического строительства. Редакция считает, что данный тов. Базаровым слишком общий анализ предпосылок не дает права делать столь категорические выводы о перспективах социалистического накопления. Поднятые в статье вопросы ставятся на обсуждение.

рое не только по субъективным планам своих руководителей, но и по объективному содержанию работ будет заслуживать названия социалистического?

Нетрудно убедиться, что такое допущение было бы совершенно произвольным.

Пройденный нами со времени прекращения гражданской войны отрезок пути характеризуется целым рядом своеобразных условий, которые никоим образом нельзя ввести в качестве постоянных коэффициентов в формулу перспективного развития народного хозяйства России. Поэтому, если бы даже для настоящего и ближайшего прошлого мы сумели вполне точно вычислить и вычертить кривую роста наших производительных сил, то для будущего мы получили бы уравнение с неопределенными коэффициентами, или, как говорит математика, с переменными параметрами. Такое уравнение дает не одну определенную кривую, а целый пучок кривых, и чтобы решить, какая из этих теоретически одинаково возможных кривых будет иметь место в действительности, надо для каждого переменного параметра найти особое уравнение.

Таким образом, построение формулы хозяйственного развития, поскольку мы употребляем это выражение не фигурально, а в точном и строгом смысле, представляет задачу чрезвычайной сложности — задачу, для решения которой мы не располагаем в настоящее время ни достаточно дифференцированным экономическим познанием, ни достаточно изощренным математическим орудием¹. Но где нельзя добиться точных уравнений, там зачастую гораздо легче построить неравенства, указывающие пределы возможных колебаний интересующей нас величины. Пусть мы не в состоянии исчислить того уровня развития, какого при заданных условиях достигнут производительные силы страны в таком-то году. Но даже без детального анализа мы можем составить себе приблизительное представление о диапазоне возможных колебаний, о расстоянии между

¹ По характеру задачи очевидно, что элементарные экономические взаимозависимости, подлежащие интегрированию, должны иметь форму уравнений с частными производными, разрешимых лишь в немногих простейших случаях.

минимумом и максимумом в зависимости от изменения того или другого фактора, влияющего на развитие производительных сил. Даже самые грубые прикидки подобного рода не лишены практического значения, особенно в тех случаях, когда фактор, о котором идет речь, не лежит всецело в области непреодолимых хозяйственных стихий, но может быть изменяем мерами экономической политики.

В настоящей статье я коснусь лишь одного, правда главного, фактора роста производительных сил, а именно *темпа накоплений* и, воздерживаясь пока от всяких цифровых прикидок, попытаюсь установить некоторые принципиальные положения, без принятия или отвержения которых перспективное планирование теряет всякую реальную основу.

Для нашего огосударственного хозяйства вопрос о темпе накопления имеет совершенно исключительную остроту. Если в какой-либо капиталистической стране обнаружится вследствие неудачной экономической политики замедленный темп накопления, то это может послужить толчком к реформам, перестраивающим политику по образцу более передовых, но также капиталистических стран. Самая система промышленности остается при этом незатронутой, ибо среди исторически сложившихся известных форм хозяйства нет ни одной, могущей хоть бы в отдаленной степени конкурировать по темпу накопления и техническому прогрессу с капитализмом как таковым.

В ином положении находится советская промышленность. Как новая система общественного хозяйства, впервые в мировой истории осуществленная в широком масштабе, она может считаться окончательно упроченной лишь с того момента, когда практически, на деле покажет свои технико-экономические, а следовательно, и культурные преимущества перед капитализмом.

Между тем экономические преимущества государственно-организованного хозяйства смогут ярко обнаружиться лишь при достаточно высоком развитии производительных сил.

Уничтожение класса частных собственников-эксплуататоров и связанное с этим переворотом гражданское и политическое возвышение трудящихся создают, конечно, огромный моральный эффект. История нашей гражданской войны, нашей разрухи и голода наглядно показала, с каким героизмом способны

трудящиеся отстаивать свои революционные завоевания в самых отчаянных условиях. Но в обстановке сравнительно уравновешенного бытия, когда нет возбуждающих моментов гражданской войны или иноземной блокады, никакой моральный подъем не может держаться неопределенно долгое время, раз он не подкрепляется подъемом материальным, быстрым ростом всеобщего благосостояния и наглядными преимуществами установленной системы хозяйства. Датируя наш восстановленный период с момента ликвидации голода, мы можем констатировать, что в эти первые годы хозяйственного строительства материальный подъем шел достаточно интенсивно: в области заработной платы, производительности труда, внутренней и внешней торговли, в области государственных финансов достигнуты крупные успехи; от хаоса разрухи мы настолько близко подошли к упорядоченному равновесию, что оказалось возможным ввести твердую денежную единицу. Были отдельные тяжелые моменты, кризисы и перебои, но в целом экономический материальный базис не вступает в резкое противоречие с идеологией планового хозяйства. Хотя и без «единого хозяйственного плана» мы планировали с бесспорным успехом.

Но, как известно, успех этот был достигнут не благодаря технической реконструкции, а благодаря более умелому использованию наличной, унаследованной от прошлого техники. *A priori*² ясно, что возможности такого чисто организационного прогресса на неизменном и даже понижающемся вследствие естественного износа материальном базисе сравнительно ограничены. И есть основание думать, что на многих государственных предприятиях мы уже теперь приближаемся к тому пределу, за которым одними только организационными мерами, без крупных вложений капитала на переоборудование, нельзя достигнуть существенного повышения производительности труда, а следовательно, и существенного улучшения уровня жизни трудящихся. Сознание этого обстоятельства и заставило выдвинуть на первый план идею «социалистического накопления», оживило интерес к перспективному планированию и вообще к проблемам динамики советского хозяйства.

Что же такое *социалистическое* накопление? Поскольку термин «социалистический» употребляется не как украшающий

эпитет, а как определение понятия, под социалистическим накоплением, очевидно, надо разуместь накопление, осуществляемое внутри национализированной промышленности за счет прибавочного труда самой этой промышленности или специальных государственных дотаций. Что касается дотаций, то само собой разумеется, что самостоятельным источником накопления промышленных ресурсов они служить не могут. Средства, взимаемые государством путем налогов с сельского населения, помимо покрытия общегосударственных нужд, должны быть, как общее правило, обращаемы на поддержание самого же сельского хозяйства; превращение же налогового аппарата в насос, систематически перекачивающий ресурсы из деревни в город, было бы не только политически опасно, но и экономически едва ли рационально. Таким образом, государственные дотации даже при самых благоприятных финансовых перспективах надо рассматривать как функцию, а не как источник социалистического накопления, как средство рационального перераспределения ресурсов внутри промышленности, а не как фонд их пополнения.

Остается, следовательно, накопление за счет прибавочного труда. Можно ли рассчитывать, что этот ресурс будет в руках советской промышленности более обильным, чем в руках капиталистов? Устранение частного предпринимателя в качестве потребителя части прибавочной ценности при всем его громадном социально-политическом значении, о котором было сказано выше, с интересующей нас здесь чисто финансовой точки зрения не дает сколько-нибудь заметного плюса. Абсолютно фонд личного потребления капиталиста может быть очень значительным, но в общей массе присваиваемой прибавочной ценности он всегда играет скромную роль, ибо как указал еще Маркс, классово-сознательный капиталист рассматривает личное потребление не как цель, а как непроизводительные потери своего предприятия, истинное назначение которого есть самовозрастание капитала. И чем прогрессивнее капитализм, чем богаче и могущественнее каждый отдельный капиталист, тем относительно меньше доля личного потребления. Что же касается стоимости аппарата управления, то здесь капиталист не менее экономен, чем в вопросе о заработной плате, и имен-

но в качестве частного собственника избавлен от некоторых издержек, неустранимых для общественной организации производства. Вальтер Ратенау в своем «Новом хозяйстве»³ и других работах, посвященных социализации, исчисляя огромные выгоды, которые плановое хозяйство извлечет из окончательного преодоления капиталистической анархии, вместе с тем доказывал, что непосредственные издержки управления при социализме неизбежно будут несколько выше, чем при капитализме.

Так это или не так, но во всяком случае не подлежит сомнению, что аппарат управления современной русской промышленности обходится значительно дороже капиталистического, так что в этом отношении «довоенные нормы» являются для нас труднодостижимым идеалом.

Если за счет устранения капиталистической эксплуатации мы не только в данный момент, но и в будущем не сможем сколько-нибудь значительно увеличить фонд накопления, то за счет преодоления капиталистической анархии можно было бы достигнуть очень многого. Однако не в теперешнем обветшавшем, полуразрушенном военно-революционной эпохой народнохозяйственном механизме, а на гораздо более высоком уровне развития производительных сил. Для того чтобы наглядно представить себе ту огромную роль, которую играют в данном случае размах производства и его общее полнокровие, достаточно сопоставить, например, современную Россию и современную Англию. Хозяйство обеих стран пострадало от мировой войны; и там, и здесь последствия войны привели к образованию огромной и очень устойчивой безработицы. Но в то время как в Англии рациональная борьба с безработицей невозможна исключительно в силу капиталистической формы тамошнего народного хозяйства, у нас никакая форма хозяйственной организации не в состоянии быстро рассосать безработицу без привлечения новых средств. В самом деле, в Англии наряду с избытком рабочей силы имеется значительный «избыток капиталов», т. е. в конечном счете избыток средств производства, не находящих себе достаточно «рентабельного» с капиталистической точки зрения применения на родине. Такое положение вещей заставило правительство принять ряд мер, облегчающих кредит тем странам, которые на занятые

в Англии деньги дают заказы английской же промышленности и тем способствуют уменьшению местной безработицы. Совершенно очевидно, что будь Макдональд главой не номинального только, а действительного, полномочного социалистического правительства, хотя бы и ограниченного рамками нэпа, такая потребность в экспорте капитала не могла бы возникнуть. Ведь вся трудность положения заключается в том, что платежеспособный спрос английского населения не в состоянии поглотить по выгодным для капиталистов ценам всей потенциально возможной национальной продукции и тех иномземных товаров, на которые она может быть частично обменена. По соображениям рентабельности капиталистический мир не может ликвидировать кризис путем повышения местного платежеспособного спроса, т. е. в первую голову путем повышения заработной платы. Но для социалистического общества такой выход как нельзя более естествен и «рентабелен». Повысить заработки настолько, чтобы наличная покупательная сила населения вместе с вновь возникшей покупательной силой поставленных на работу безработных соответствовала по ценности продукции, предназначенной для непосредственного потребления и обмена на заграничные продукты потребления, — вот и все, что нужно для преодоления английского кризиса¹. При этом количество прибавочного труда, извлекаемого из каждого отдельного работника, уменьшится, но вся сумма национального накопления благодаря отсутствию безработицы может даже увеличиться.

Иное у нас. Наша безработица сопровождается огромным *недостатком* капитала. Не какие-либо соображения рентабельности, а абсолютное отсутствие необходимых орудий или сырых материалов мешает нам выйти из кризиса. Так, безработица среди текстильных рабочих обусловлена не столько концентрацией, сколько неполной загрузкой предприятий; неполная загрузка вызвана ограниченностью средств, необхо-

¹ Технически эта задача довольно сложна, так как приходится принимать во внимание не только размер, но и изменившуюся после войны структуру внутреннего и в особенности внешнего спроса. Но не в этих качественных проблемах главная трудность преодоления кризиса капиталистическими методами.

димых для закупки сырья, и имеет своим следствием повышение себестоимости, а значит, и цены товара; повышенная продажная цена сокращает платежеспособный спрос крестьянства, в результате — слабый сбыт фабричных тканей и наряду с этим рост домашнего прядения и ткачества. Еще более драстический⁴ пример: оборудование электрических станций в некоторых из наших городов настолько изношено, что, по исчислению специалистов, постройка новых турбин сразу удешевила бы электрическую энергию в 4-5 раз; при этом частное потребление возросло бы, конечно, в десятки раз, соответственно увеличив доходы станции, но заказать новые турбины не на что. Такова типичная природа противоречий и кризисов нашего хозяйства: это не «относительные» капиталистические кризисы, зависящие от формы производства, а *абсолютные*, устранимые лишь путем прилива новых ресурсов.

Таким образом, наша бедность, наша техническая отсталость мешают нам использовать те организационные моменты, которые позволяют социалистической промышленности осуществлять более быстрый темп накопления, чем это доступно при прочих равных условиях промышленности частнокапиталистической. Но зато имеются причины, мешающие Советскому правительству использовать технические усовершенствования во многих таких случаях, когда частному капиталисту решительно никто не мешает. При проводившемся недавно обследовании одного треста было, между прочим, исчислено, во что обошлось бы построить заново по последнему слову техники предприятие, продукция которого равнялась бы продукции треста. Получилась цифра 15 млн руб., в то время как восстановление строений и машин треста в том самом виде, в каком они когда-то были созданы, стоило бы не меньше 25 млн руб. Но количество необходимых для этого усовершенствованного предприятия станков, а следовательно, и рабочих вчетверо меньше теперешнего.

На базисе полнокровного производства социалистический организатор не встретил бы никаких препятствий к введению такого мощного технического усовершенствования, ибо его результатом явилось бы не выбрасывание за борт избыточных рабочих, а расширение производства в соответствии с его уде-

шевлением и обусловленным этим последним повышением спроса. В крайнем случае избыточная рабочая сила нашла бы себе какое-либо иное применение в родственных отраслях труда. При наших ресурсах ни тот, ни другой путь невозможен, у нас нет дополнительных средств для немедленного расширения продукции, и поэтому замена устаревших предприятий более совершенными неизбежно сопровождалась бы длительной безработицей для избыточных рабочих. Следовательно, по причинам социальным, не существующим для частного капиталиста, советской промышленности нередко придется отказываться от реконструкций, технически чрезвычайно прогрессивных, и растрачивать свои скудные ресурсы на возобновление более дорогого и менее продуктивного оборудования.

Наконец, необходимо иметь в виду еще одно обстоятельство, омрачающее ближайшие перспективы нашего хозяйственного развития. При той степени изношенности, какой отличается оборудование современных фабрик и заводов, списывание на амортизацию обычных 4–5% представляется совершенно недостаточным для того, чтобы накопить к моменту окончательного изнашивания необходимый для восстановления резервный фонд. Нужно отчислять в три, в четыре, в пять раз больше нормы — в зависимости от ветхости того или другого предприятия. В большинстве случаев отчисления в таких размерах превосходят финансовую мощь госпромышленности; потому вместо своеобразного восстановления или переоборудования по более современным образцам наши фабрики вынуждены будут в значительном числе случаев заниматься в порядке текущего ремонта бесконечным штопаньем бесконечно расплзающихся дыр, что не может не привести к прогрессивному падению производительности труда, а вместе с тем и к сжатию, если не полному аннулированию накопления.

Если бы мы располагали более или менее надежными данными о состоянии основного капитала нашей госпромышленности, то исходя из довоенных норм амортизации и внося поправки в смысле высказанных выше замечаний, можно было бы сделать цифровую прикидку относительно темпа социалистического накопления и тех сроков, по истечении которых это накопление позволило бы развернуть положительные стороны

социалистической системы хозяйства. Ввиду отсутствия надлежащих сведений расчет подобного рода представляется пока затруднительным. Впрочем, в нем и нет особенной надобности, так как независимо от конкретных цифровых выкладок ясно, что перспектива, построенная на почве накопления чисто социалистического, т. е. ограниченного внутренними ресурсами госпромышленности, в смысле темпа развития представляется наименее благоприятным вариантом. Мы можем ошибиться на пяток лет в ту или другую сторону, преувеличить или преуменьшить остроту отдельных предстоящих нам кризисов, но не приходится сомневаться в том, что путь этот потребует, чтобы целое поколение пролетариата провело жизнь в величайшем подвижничестве, довольствуясь тем скудным и неустойчивым уровнем жизни, который до сих пор был присущ всем эпохам первоначального накопления.

Вполне понятно, поэтому, что ригоризм чисто социалистического накопления отнюдь не является руководящим принципом нашей экономической политики. Наше законодательство предусматривает привлечение в промышленность частного капитала в форме арендованных, концессионных, смешанных предприятий. И, как известно, законодательство в этой своей части не остается мертвой буквой. Сознвая недостаточность имеющихся в ее распоряжении средств производства, государственная власть не упускает случая пополнить свои силы накопленным трудом, находящимся в собственности частного капитала, поскольку это удастся сделать на приемлемых условиях. Но по мере того, как роль частного предпринимательства в нашей промышленности возрастает, возникает вопрос о принципиально допустимых границах такого симбиоза государственного и частного капитала. Как наиболее желательный оптимум, естественно, намечается такое соотношение, при котором государство, сохраняя за собой командные высоты, в максимальной степени форсировало бы темп развития, разрешая местному или иностранному капиталу занимать все те хозяйственные позиции, обладание которыми этим высотам не угрожает.

Но что такое командные высоты промышленности? Понятие это остается в достаточной степени неопределенным, а без уяс-

нения его нельзя установить четкой и выдержанной директивы в политике накопления.

Прежде всего очевидно, что под командной высотой неправильно было бы, как это иногда делается, понимать количественное преобладание государственных предприятий во всех отраслях народного труда. Ни в политике, ни в экономике реальная власть не определяется количественным подсчетом принципиально равноценных элементов, решающую роль и там, и здесь играет *качественное* превосходство отдельных групп, численно нередко весьма ограниченных. Ведь весь обман буржуазной демократии, основательно разоблаченный у нас, в том и состоит, что, несмотря на юридическую равноправность каждого гражданина, действительные права принадлежат всегда небольшому числу граждан высокой экономической квалификации. То же самое и в области товарного рынка: власть принадлежит здесь не тому, кто производит количественно преобладающую массу данного товара, а тому, кто производит хотя бы и меньшинство товарных единиц, но при качественно наивысших условиях, т. е. при наименьшей себестоимости.

Английские текстильные фабрики окончательно убили ручное ткачество лишь к 40-м годам XIX столетия, но уже в конце XVIII столетия, когда ручные ткачи производили огромное большинство товарных единиц, было ясно, что гегемония в текстильной промышленности, ее командные высоты окончательно завоеваны фабричным производством. Об этом ни на минуту нельзя забывать, планируя демаркационную линию между государственным и частным капиталом в нашей промышленности. Если государственная промышленность будет выпускать на рынок 80% продукции, а частный капитал всего 20%, но при лучшем техническом оборудовании, а следовательно, при меньшей себестоимости, то командные высоты будут принадлежать не государственному, а частному капитализму: этот последний станет диктовать политику цен, и государство сможет вести свое производство безубыточно лишь в меру благоволения к нему частного капитала. Справедливо, разумеется, и обратное: государственная промышленность, держа в своих руках всего одну пятую или одну четверть продукции главных отраслей, окажется неоспоримой обладательницей ко-

мандных высот, если находящаяся в его заведовании группа предприятий по своей технике, по своей организации, по своему территориальному расположению построена настолько удачно, что никакие ухищрения частного капитала не дадут ему возможности производить дешевле госпромышленности. Необходимо добавить, что прочное завоевание командных высот требует не только образцовой организации группы госпредприятий в каждой отдельной отрасли промышленности, но и тесной спайки между государственными группами различных отраслей. Государственная промышленность в капиталистическом окружении должна представлять собой единое органическое целое, стройный и мощный комбинат, не зависящий от частного рынка в деле снабжения себя сырьем и топливом. В настоящей статье я не могу останавливаться более подробно на принципах организации такого центрального государственного комбината. Отмечу только, что много ценных указаний в этом отношении можно найти в немецкой литературе, посвященной вопросам «социализации», особенно в брошюре видного инженера-практика Альфонса Гортена «Sozialisierung und Wiederaufbau» (Berlin, 1920). Юридическая схема Гортена к нам, конечно, малоприменима в силу совершенно иных социально-политических условий, но его организационно экономические соображения сохраняют свою силу и для современной советской России.

Все это очень хорошо, но, скажут скептики, прежде чем сделать соус из зайца, надо иметь зайца. Прежде чем строить планы рационального использования притока частного капитала в нашу промышленность, надо иметь капиталистов, согласных работать в России на приемлемых для нас условиях. Мне представляется, что сомневаться в возможности привлечь капитал при достаточно выдержанной и последовательной политике не приходится. Мы уже сейчас имеем значительное число действующих концессий и еще больше концессионных предложений. И если до сих пор концессии ограничивались почти исключительно предприятиями, работающими на экспорт, то не потому, что капитал считает для себя невозможным завязать серьезные и прочные связи с СССР. Разумеется, инциденты вроде пресловутого меморандума английских банкиров

или нападения берлинской полиции на наше торгпредство менее всего свидетельствуют о принципиальном примирении международного капитала с советской Россией. Но капиталист в своей практической политике отнюдь не *Prinzipienreiter*⁵. И поскольку потребность в экспорте капитала в странах высоко развитого капитализма существует и обостряется, священные принципы капиталистического класса неизбежно будут уступать дорогу практическим интересам отдельных капиталистов, стремящихся «заработать» на русских концессиях. И если такими отщепенцами явятся на первых порах не первоклассные, а сравнительно второстепенные фирмы, ищущие средства поднять свою конкурентоспособность с магнатами отечественной промышленности, то от этого советское хозяйство ничего не проиграет, а кое-что даже выиграет.

Разумеется, преобразование современной системы госпромышленности в центральный государственный комбинат, окруженный частно-капиталистическими арендаторами и концессионерами, есть длительный процесс. Строить комбинат придется по частям, по мере того, как приток капитала в промышленность будет создавать финансовые и социально-экономические предпосылки для образцового переоборудования намеченной группы госпредприятий. Но план комбината необходимо создать уже теперь, дабы освобождающиеся средства целесообразно затрачивались на его построение, а не расходовались зря на консервацию никуда не годных предприятий или случайное затыкание случайно обнаруживающихся дыр и прорех.

Только проектируемая здесь смешанная система государственного и частнокапиталистического хозяйства — система, необходимость которой доказывал В. И. Ленин еще весной 1918 г., способна «облегчить муки родов» социализма и вызвать к жизни достаточно быстрый технический прогресс без параллельного роста безработицы и при непрерывно повышающемся уровне жизни трудящихся⁶. Но этим не исчерпывается ее значение. Центральный государственный комбинат уже в первые годы своего существования, охватывая пока довольно ограниченную часть промышленности страны, будет иметь все же достаточно широкий базис, чтобы при условии действительно образцового оборудования выявить на деле организационно-технические

преимущества коллективного ведения производства. Он явился бы, таким образом, не только надежной опорой правительства при регулировании рынка, но вместе с тем и опытно-показательной школой практического социализма, подводя вполне реальную основу под социалистическую идеологию задолго до окончательного торжества социализма. Следовательно, здесь не только нет элемента принципиальной уступки капитализму или сдачи уже завоеванных позиций, а как раз наоборот; здесь впервые были бы созданы такие позиции, которые не по настроению занимающих их лиц, а по своему действительному содержанию, по своему, так сказать, материальному составу заслуживали бы название социалистических.

Несмотря на свою кажущуюся сложность и искусственность, путь смешанного накопления в действительности гораздо естественнее, легче и главное прямее, чем путь чисто социалистического накопления. Учесть количественно перспективу развития смешанной системы хозяйства, особенно теперь, когда еще самые основы этой смешанной системы не заложены, чрезвычайно трудно. Тут придется исходить из теоретически сконструированного оптимума и нескольких вариантов. Однако, центр тяжести проблемы вовсе не в этих количественных прикидках. Существенно важно выяснить *качественную* природу хозяйственной системы переходного периода, ее основную структуру. К этой работе вполне возможно приступить уже в настоящее время. И чем скорее мы ею займемся, тем увереннее, а значит, и успешнее будет наша экономическая политика в области накопления.

¹ Впервые опубликовано в: Экономическое обозрение. 1924. № 11. С. 26–34.

² *A priori* — до (без) доказательства, опыта (*лат.*)

³ См.: *Ratenaу В.* Новое хозяйство / Пер. с нем. с предисл. проф. С. Членова. М.: Тип. изд. Сев.-зап. промбюро ВСНХ в Пг., 1923.

⁴ От английского *drastic* — резкий, впечатляющий.

⁵ *Prienzipcenreiter* (*нем.*) — буквоед, начетчик.

⁶ Например, см.: *Ленин В.И.* О «левом» ребячестве и мелкобуржуазности // Полн. собр. соч. Т. 36. С. 295–296.

О «восстановительных процессах» вообще и об «эмиссионных возможностях» в частности¹

Термин «восстановительный процесс» получил в современной экономической литературе право гражданства с легкой руки В.Г. Громана². И в этом бесспорная заслуга последнего, ибо без отчетливого представления о природе восстановительных процессов ничего нельзя понять в нашей современной экономике. К сожалению, как раз природа восстановительного процесса, как такового, его внутренняя структура и логика до сих пор плохо осознана большинством рассуждающих и пишущих на эту тему людей. Одни, основываясь на гигантских коэффициентах нашего современного экономического роста, предаются самому фантастическому оптимизму, — другие, не усматривая за этим ростом никакой солидной базы, проникаются иронией по отношению к самой идее восстановительного процесса, доходят до упорного отрицания вполне очевидных фактов.

Так как вести полемику по этим двум линиям, определяемым интуитивными настроениями, — дело малоплодотворное, то, надеемся, читатель извинит нас, если мы прежде чем обратиться к конкретным явлениям конкретной действительности, поставим его с некоторым педантизмом присмотреться к понятию восстановительного процесса в его, так сказать, чистом виде.

Итак, что такое восстановительный процесс?

Всякая система отношений, имеющая определенную организационную структуру, стремится возвратиться в состояние равновесия (статического или динамического), если какие-либо внешние силы подвергли эту систему деформации и если размеры деформации не настолько значительны, чтобы вызвать распад системы³.

Каков механизм подобного рода процессов?

Так как внутренние силы сцепления, стремящиеся вернуть деформированную систему в состояние равновесия, напряже-

ны тем больше, чем значительнее отклонение от равновесия, то, очевидно, темп скорости «восстановительного процесса» *должен замедляться*ⁱ по мере того, как убывает разница между данным состоянием системы и состоянием ее устойчивого равновесия. Причем, — еще раз подчеркнем, — устойчивое равновесие может быть не только статическим, но и *динамическим*: характеристикой этого последнего применительно к жизненным и, в частности, общественным процессам являются определенные количественные соотношения между частями нормально развивающегося целого.

Только что формулированный принцип применим ко всякой системе организационных связей: механической, биологической, социальной. Так, например, маятник, получивший толчок, колеблется, постепенно сокращая размахи своих качаний под влиянием трения, пока, наконец, не успокаивается в положении устойчивого равновесия. Этому же закону «затухающего колебания» подчинены движения звучащей струны, разряд электрической батареи, волны, расходящиеся от брошенного в воду камня, «конъюнктурные» колебания рыночного спроса и предложения и даже смена политических форм в переходные периодыⁱⁱ.

В действительности, распространенность явлений интересующего нас типа, по-видимому, еще гораздо значительнее, чем обыкновенно думают. По мере того, как в точных науках

ⁱ «Темп скорости», т. е. ускорение; сама скорость при убывающем ускорении может и возрасть, если сопротивление среды не велико.

ⁱⁱ Высшая точка революционного подъема в послевоенной Европе отмечена коммунистическими восстаниями в Германии, Австрии и Венгрии, подготовкой всеобщей забастовки во Франции, организацией «тройственного союза» в Англии, захватом фабрик итальянскими рабочими. Победа реакции ознаменовалась крушением не только социалистических, но и демократических завоеваний революционного периода, умалением даже обычных конституционных форм и более или менее открытым господством надпарламентского фашизма. Затем идет провозглашение эры демократического пацифизма: колебание вверх, доходящее только до режима Эррио — Макдональда. В настоящее время намечается новое колебание вниз, — однако, лишь в пределах фешенебельного парламентского консерватизма. Так, в ряде затухающих колебаний Европа приближается к равновесию, отвечающему действительному соотношению ее классовых сил.

все большие и большие завоевания делает статистический метод, строгие законы старой физики, химии и механики оказываются лишь статистическими средними, т. е. не безусловно необходимыми, а лишь наиболее вероятными сочетаниями, вокруг которых колеблются, тяготея к ним, всевозможные реальные процессы, не укладывающиеся в своем причудливом конкретном разнообразии ни в какие жесткие законы.

Впрочем, затухающие периодические колебания, хотя и являются широко распространенными в общественной жизни, относятся в этой области, главным образом, к явлениям, так называемого, «конъюнктурного» и вообще скоропреходящего характера. Между тем влияния конъюнктурных, сезонных и пр. периодических или вообще волнообразных колебаний как раз и необходимо элиминировать для того, чтобы восстановительные процессы, составляющие предмет нашего исследования, выявились в чистом виде. Сами же они не носят волнообразного характера, не принадлежат к числу периодических явлений и представляют собой тот частный случай затухающего колебания, при котором процесс постепенно замирает, приближаясь к состоянию равновесия, и за линию этого последнего ни в коем случае не переходит.

Для более наглядного выяснения дела разберем сначала один фиктивный пример. Допустим, что некоторая страна, изготавливающая из привозного сырья какой-либо предмет массового потребления (напр., хлопчатобумажные ткани) и по климатическим условиям не могущая развить производство этого сырья у себя дома, подверглась длительной блокаде со стороны своих соседей как раз в отношении этого необходимого ей сырья. Очевидно, на время блокады наша гипотетическая страна вынуждена будет заместить невозможную в новых условиях продукцию изготовлением какого-либо суррогата отечественного происхождения. Предположим, что по истечении ряда лет блокада мгновенно прекратилась и страна снова переходит от суррогата к первоначальному продукту. Спрашивается, каким темпом будет развиваться его продукция, если производственные возможности страны не ограничены?

Ясно, прежде всего, что мгновенным этот переход быть не может. Как бы ни был плох и мало выгоден применявший-

ся во время блокады суррогат, долговременное пользование им создало известные навыки среди населения, известные привычки, которые даже при явной для всех предпочтительности подлинного продукта требуют некоторого, хотя бы и очень короткого, времени для того, чтобы исчезнуть, очищая место новым приспособлениям. Таким образом, темп восстановительного процесса ни на каком конечном расстоянии от уровня равновесия не может быть бесконечно большим; линия, графически изображающая восстановительный процесс, как бы круто не поднималась она к уровню равновесия, должна иметь плавный вид: она не может иметь ни острых углов, ни разрывов, ни точек возврата, ни уединенных точек. Не может она иметь также точек перегиба, т. е. невозможны такие моменты, когда восстановительный процесс, еще не достигший равновесия, сам собой, без всякого воздействия посторонних сил¹, временно приостанавливается и затем разгорается снова⁴. Так, в нашем примере спрос на возобновленную продукцию будет, очевидно, расти максимально быстро в самом начале; затем темп этого роста будет неуклонно падать под влиянием двух причин: во-первых, потому, что по мере удовлетворения новым продуктом все большей и большей части нуждающегося в нем населения неудовлетворенная часть потребителей будет уменьшаться количественно; во-вторых, потому, что наиболее подвижная, наиболее быстро ориентирующаяся в новой обстановке часть потребителей удовлетворит свои потребности в первую очередь, в дальнейшем же выступят в качестве покупателей люди, медленнее меняющие свои сложившиеся навыки. Другими словами, с ростом процесса понижается не только количество, но и качество элементов, еще им не охваченных: не только остается все меньше и меньше неиспользованных людей, но и каждый оставшийся человек все менее и менее интенсивно содействует развитию процесса. В силу этого, восстановительный процесс имеет тем большую быстроту, чем дальше достигнутая им точка от уровня равновесия, — по мере же приближения к этому последнему темп процесса непрерывно

¹ Читатель не должен забывать, что мы исследуем восстановительный процесс в чистом виде, т. е. отвлекаемся от всяких перемен внешней среды.

убывает, становясь бесконечно медленным на бесконечно малом расстоянии от уровня равновесия. Когда остается ничтожно малое число неудовлетворенных потребителей, восстановительный процесс, как таковой, практически заканчивается: дальше уже идет развитие производства на почве роста населения, роста его благосостояния или удешевления продукции, повышающего полноту удовлетворения потребностей. Все это процессы нормального органического развития, не имеющие ничего общего с восстановительными процессами, подчиняющиеся совершенно иным законам, определяющие своим темпом тот *уровень динамического равновесия*, к которому стремятся восстановительные процессы отдельных элементов общественного целого, почему-либо задержанных в своем росте и потому оказавшихся в минимуме.

Само собой разумеется, решить, имеем ли мы перед собой восстановительный процесс в точном смысле этого слова или явление какого-либо иного порядка, можно только путем конкретного анализа наличных эмпирических данных. Прежде чем применять на деле формулу восстановительного процесса и делать на основании ее какие-либо практические выводы, надо доказать, что в каждом данном случае налицо имеются все необходимые для этого предпосылки.

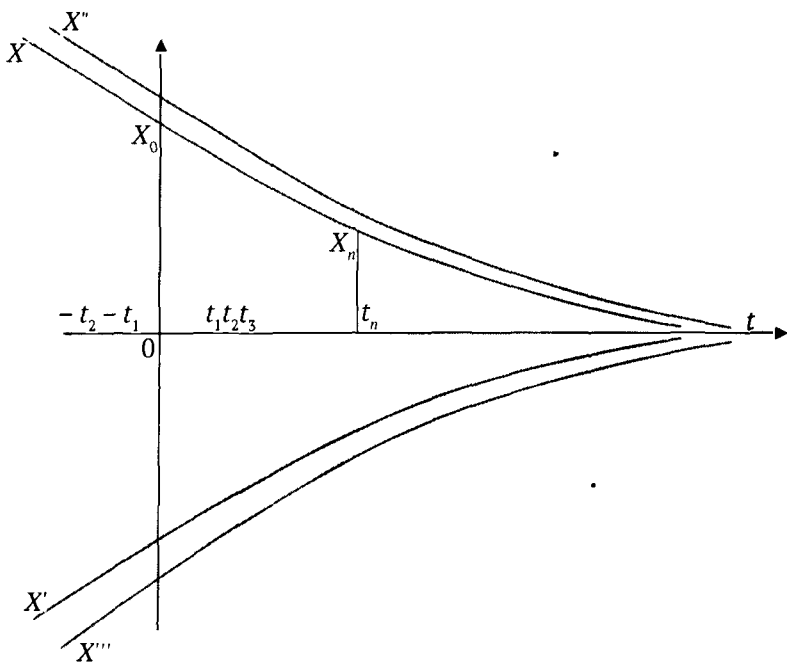
Но пока мы охарактеризовали восстановительный процесс только *качественными* признаками, практические результаты приложения этого понятия будут довольно скудны. Мы сможем, правда, лучше ориентироваться в наличном материале нашей общественной экономики, лучше понять структуру отдельных участков или элементов этой последней, разъяснить некоторые кажущиеся парадоксы, устранить некоторые недоразумения и предрассудки. Это отнюдь не безделица, но этого все же мало для практика, этого недостаточно и для теоретика. Основная задача практики, а, следовательно, и теории, как ее главного орудия, не классификация и качественная характеристика сущего, а предвидение будущего, количественный учет тенденций развития. Для того чтобы превратить качество в количество, логику в математику (а в этом и состоит в конце концов проблема так называемого точного познания), в нашем случае нет необходимости прибегать к каким-либо произ-

вольным гипотезам: достаточно обозначить математическими символами те элементарные «свойства», которые были нами только что отысканы в структуре восстановительного процесса. Сопоставление полученных таким путем математических обозначений и даст ту формулу, которая выразит общий закон восстановительного процесса, позволяющий перейти от качественной характеристики к количественному анализу.

Для удобства исследования мы будем оперировать не с абсолютными размерами, достигнутыми восстановительным процессом к данному моменту времени, а с тем расстоянием, какое ему еще осталось пройти до уровня равновесия.

Отложив на горизонтальной оси (см. рис. на с. 362) от какой-нибудь точки, произвольно принятой за начало процесса, в правую сторону отрезки, пропорциональные времени, прошедшему за период наблюдения ($t_1, t_2, t_3, \dots, t_n$ — буквы эти обозначают количество дней, недель, месяцев или каких-нибудь других единиц времени), будем на ординатах, проведенных в каждой такой точке, откладывать отрезки, пропорциональные расстоянию, отделяющему в момент наблюдения исследуемый процесс от того уровня равновесия, к которому он стремится. Уровень равновесия совпадает, таким образом, на нашем рисунке с осью t . Расстояния, в зависимости от моментов времени, к которому они относятся, будем обозначать буквами $X_0, X_1, X_2, \dots, X_n$. Ход восстановительного процесса изображен кривой X . Уже известные нам свойства восстановительного процесса геометрически выражаются в том, что кривая X плавно опускается к уровню равновесия, не имеет ни перегибов, ни острых углов, ни разрывов и обращена выпуклостью все время вниз, т. е. по мере приближения к уровню замедляет интенсивность своего падения; в течение бесконечно длинного времени она приближается к оси t на бесконечно близкое расстояние, никогда, однако, ее не пересекая. Другими словами, ось t есть *асимптота* кривой.

В реальной действительности каждый восстановительный процесс начинается в определенный момент времени, на конечном расстоянии от уровня равновесия. Но теоретически ничто не мешает нам допустить, что линия X , символизирующая процесс, продолжается бесконечно далеко влево, сохраняя все

перечисленные выше свойства. Так как на конечном расстоянии от уровня равновесия скорость восстановительного процесса неизбежно конечна, то ордината X может достигнуть бесконечно большой величины лишь на бесконечно большом расстоянии от точки 0 , а это значит, что второй асимптоты, перпендикулярной оси t , кривая X не имеет.

Если мы, далее, измерим в различные моменты времени не самые расстояния, отделяющие процесс от равновесия, а *темп* или скорость изменения этих расстояний⁵, то найдем, что кривая темпа обладает теми же свойствами, какие характеризуют кривую самого процесса, за одним исключением: если расстояние от уровня равновесия мы принимаем за величину положительную, то темп их изменения есть величина отрицательная, ибо в данном случае мы имеем темп *убывания*, а не возрастания расстояний с течением времени. Графически это выразится в том, что кривую темпа, которую мы обозначим буквой X' , придется начертить не над, а под линией t . В остальном кривая темпа должна характеризоваться всеми

признаками, установленными выше по отношению к кривой расстояний⁶, ибо отступление, хотя бы от одного из них, с логической неизбежностью вызвало бы то или другое искажение установленной нами характеристики кривой X . Так, например, если бы кривая X' имела точку перегиба, т. е. выпрямилась на мгновение, чтобы обратиться затем выпуклостью в другую сторону, то это значило бы, что расстояние в известный момент начинает убывать не с замедляющейся, а с постоянной скоростью, вопреки основной структуре восстановительного процесса; если бы X' не имела ось t своей асимптотой, то и процесс X не замирал бы по мере приближения к линии t , но стремился бы пойти дальше нее, и линия t не была бы уровнем равновесия; если бы кривая X' имела вторую асимптоту, перпендикулярную оси t , на конечном расстоянии от точки 0 , то скорость восстановительного процесса приобрела бы бесконечно большую величину на конечном расстоянии от равновесия и т. д.

Раз кривая X' обладает всеми свойствами, характеризующими восстановительный процесс, и отличается от кривой X только расположением под осью t , то, перевернув чертеж, мы имеем полное право принять линию X' за нашу основную кривую. Отсюда в свою очередь следует, что должна существовать кривая X'' , изображающая скорость изменения X' , так сказать, *темп изменения темпа*, которая находится с X' в совершенно такой же связи, как X' с X ; она противоположна по знаку кривой X' (т. е. так же, как и X , лежит выше линии t), но во всем прочем аналогична X и X' . Ясно, что совершенно таким же образом из существования кривой X'' вытекает существование кривой X''' , выражающей темп изменения X'' , и т. д. до бесконечности.

Математики темп процесса, измеренный в данный момент времени, называют его *первой производной по времени*, темп изменения темпа — второй производной и т. д. Наши символы X' , X'' , X''' означают, следовательно, первую производную X по t , вторую производную X по t и т. д.

Выведенные выше закономерности можно кратко выразить таким образом. Кривая расстояний X во всех точках имеет бесчисленный ряд производных последовательных высших порядков; первая производная X на всем протяжении от $t = -\infty$ до $t = +\infty$ отрицательна, вторая X'' положительна, третья X'''

отрицательна и т. д.; наконец, при $t = -\infty$, $X = -X' = +X'' = -X''' \dots = +\infty$; при $t = +\infty$, $X = -X' = +X'' = -X''' = \dots (X^n) = 0$.

По какому же закону может изменяться величина X , раз все поименованные выше условия должны быть выполнены?

Щадя нервы читателя, и без того уже, вероятно, донельзя переутомленные обилием математической символики, мы не будем приводить здесь доказательств¹, но укажем просто, что имеется один и только один вид функций, отвечающий всем поставленным нами требованиям; это показательные функции, имеющие такое начертание $X = c \cdot a^{-kt}$ или $X = c/a^{kt}$, где a , c и k некоторые постоянные, а X и t переменные (в нашем случае расстояние и время).

В самом деле, если связь между X и t выражается только что написанным уравнением, то при t , равном отрицательной бесконечности, X равно бесконечности положительной; при t , равном положительной бесконечности, X равно нулю; на всем этом протяжении кривая плавно опускается к оси t , будучи все время обращена к ней выпуклостью; функция имеет бесчисленное количество производных, в точности ее воспроизводящих и отличающихся от нее только постоянным коэффициентом, причем равные между собой отношения X'/X , X''/X' и т. д. имеют знак «минус». Ни алгебраические, ни тригонометрические, ни какие-либо показательные функции иного типа всем условиям нашей задачи не удовлетворяют.

Итак, из самой структуры восстановительного процесса, из сочетания самых общих признаков, качественно отличающих процессы подобного рода от всех иных, вытекает тот закон, которым количественно определяется ход этих процессов.

Закон этот гласит: $X = c \cdot a^{-kt}$ или употребляя обозначения, более удобные для вычислительных целей, $X = X_0 e^{-kt}$. В этой последней формуле X_0 есть непосредственно измеренное расстояние процесса от уровня равновесия в тот момент, от которого мы условились отсчитывать наши наблюдения как от начала (нулевая точка на рисунке), e — основание натуральных логарифмов, k — коэффициент, различный для разных процессов и характеризующий их интенсивность⁷, X — расстояние

¹ Любители найдут их в конце статьи в особом приложении.

от уровня равновесия в момент наблюдения, наконец, t — время, протекшее от начала до момента наблюдения.

Выше в качестве образчика восстановительного процесса мы привели *exemplum fictum*⁸ страны, возрождающей после продолжительной блокады разрушенную этой последней отрасль производства. Восстановительные процессы современной Советской России в огромном своем большинстве носят тот же общий характер, но, разумеется, безмерно запутаннее и сложнее, чем наш методически упрощенный пример.

Мы предположили, что производственные возможности в данной области не ограничены, а подлежащий насыщению потенциальный спрос (уровень равновесия) заранее точно известен. В действительности нашим производственным возможностям в рамках чисто восстановительного процесса поставлены довольно узкие пределы, намечаемые производительностью той или другой отрасли при максимально возможной загрузке наличных средств производства. При теперешнем состоянии сведений об основном капитале нашей промышленности граница эта, определяющая собой уровень равновесия с технической стороны, может быть указана, — точнее говоря, указана — лишь очень приблизительно. С другой стороны, и потенциальные размеры платежеспособного спроса в той или другой области (второй элемент, определяющий уровень равновесия) после глубокого-социально-экономического переворота, пережитого страной, представляются весьма гадательными. Наконец, мы имеем дело не с временной задержкой хозяйственного процесса в одной области, а с жестокой деформацией всего народно-хозяйственного целого, грубо нарушившей все нормальные соотношения частей. И если при этом элементы, оказавшиеся в минимуме, проделывают восстановительный процесс, так сказать «двойного напряжения», подтягиваясь вместе со всеми прочими к общему уровню равновесия и вместе с тем испытывая специальное ускорение за счет своего отставания от восстановительного процесса в целом, то с другой стороны — и, быть может, в еще большей степени — эта наличность то там, то здесь возникающих частных «минимумов» тормозит общий ход восстановления нашего народного хозяйства. Картина в достаточ-

ной степени сложная и запутанная, требующая пристального и детализированного анализа.

В настоящей статье я попробую в виде первой иллюстрации метода приложить выведенную выше формулу восстановительного процесса только в одной сфере, в сфере денежного обращения.

На первый взгляд может показаться странной попытка начать с изучения процесса, отличающегося наибольшей сложностью, и притом в максимальной степени обусловленного всей совокупностью других элементов хозяйственного целого. Два соображения заставляют, однако, избрать этот путь: одно — фактического, другое — принципиального порядка. Во-первых, денежное обращение — одна из немногих областей, где мы имеем точные эмпирические данные за последовательные и достаточно краткие периоды: цифры общего количества денег, выпущенных в обращение, не возбуждают никакого сомнения; характеризующие покупательную силу рубля индексы, конечно, более или менее условны, но все же динамика их дает довольно надежную опорную точку для суждения (за исключением немногих, исключительных периодов). Все эти данные можно сопоставить не только ежемесячно, но и подекадно; в большинстве других областей мы не имеем такого материала. Во-вторых, нигде концепция восстановительного процесса не породила такого обильного скопления недоразумений и предрассудков, как там, где она связывается так или иначе с денежным обращением. Поэтому именно по отношению к денежному обращению представляется особенно существенным установить право на приложение этой концепции, а вместе с тем очертить с возможно большей отчетливостью и те рамки, в которых ее применение является действительно правомерным.

Еще древнеримская мудрость констатировала бесплодность спора в тех случаях, когда спорящие стороны опираются на различные исходные положения⁹. В вопросе о денежном обращении как будто бы не должно быть места этой безнадежности спора, ибо, обыкновенно, противники кладут в основу своего анализа один и тот же «*principium*», а именно формулу количественной теории денег: «Количество денег в обращении, умноженное на быстроту их оборота, равняется сумме цен уча-

ствовавших в обороте товаров» (точнее было бы сказать: сумме цен всех совершившихся в единицу времени товарных сделок); при этом вносятся известные поправки на влияние кредита, чекового обращения и т. д.

Приняв формулу, трудно возражать против арифметически вытекающих из нее выводов. Но любопытное дело: пропорция количественной теории приемлется или страстно отвергается у нас в зависимости от того, какая из четырех входящих в уравнение величин оказывается на практике постоянной. Если вы скажете «количество товаров в обращении увеличилось, количество денег в обращении пропорционально возросло при неизменном индексе товарных цен, а, следовательно, быстрота оборота денег оставалась постоянной», — то с вами благодушно согласятся. Но если вы констатируете: «за данный период количество денег в обращении возросло при неизменном индексе и товарообороте, следовательно, быстрота оборота денег уменьшилась», то вы навлечете на себя громы негодования: вас назовут «инфляционистом», легкомысленным подрывателем основ денежной реформы, против вас мобилизуют грозную фалангу уничтожающих цитат, заимствованных у всех авторитетов, начиная Карлом Марксом и кончая Козьмой Прутковым¹.

Что же говорят факты?

В марте месяце, в момент осуществления денежной реформы, в стране обращалось всякого вида денег на 375 млн червонных рублей; в настоящий момент количество денег в обращении достигло 750 млн рублей, т. е. возросло на 100%, в то время как товарооборот, даже по расчетам величайших оптимистов, увеличился не более чем на 15–20%. Если бы быстрота оборота денег оставалась более или менее стационарной, то указанный процесс должен был бы носить все признаки резкой инфляции — покупательная сила рубля должна была бы понизиться за эти 9 месяцев по меньшей мере на 40–45%. Между тем ничего подобного на практике не наблюдалось; наоборот, произо-

¹ Как это сделал, например, тов. Волин в своем талантливом антиинфляционистском памфлете, помещенном в настоящей книжке «Экономического обозрения». (См.: Волин Л. Динамика нашего денежного обращения как она есть // Экономическое обозрение. 1925. № 1. С. 78–90. — Прим. научн. ред.)

шла даже легкая *дефляция*: общий индекс товарных цен с марта по ноябрь упал на 12% и только декабрь ознаменовался небольшим его повышением, причем, однако, и в настоящее время покупательная сила рубля процентов на 8 выше, чем в марте.

Но, говорят нам, республика спасена от инфляционного по-топа героическими усилиями ВСНХ, искусственно понизившего цены на промышленные товары.

Тут прежде всего приходится отметить, что «искусственность» эта — вещь в достаточной степени условная: на деле политика регулирования цен удается лишь тогда, когда она с надлежащей гибкостью приспособляется к *естественным* рыночным отношениям и лишь сглаживает резкие скачки территориальных, сезонных или конъюнктурных колебаний. И уже во всяком случае несомненно, что как раз за последние 8–9 месяцев проявления политики снижения цен были гораздо скромнее, чем это было бы нужно для того, чтобы заровнять тот гигантский провал, который разверзается под нашими ногами в результате своеобразного применения к текущей действительности пропорций количественной теории денег¹⁰. При равном весе на нашем рынке промышленных и сельскохозяйственных продуктов и при повышающейся, вследствие неурожая, цене последних, компенсация 40-процентного падения покупательной силы червонца потребовала бы понижения цен на промышленные продукты более чем в пять раз. Но всякому известно, что на нашем рынке нет ни одного промышленного товара, продаваемого за 20% его февральской стоимости.

Как ни кинь, все клин! Никаких реальных процессов в нашей экономике, способных, помимо замедления оборота денег, объяснить полнейшее отсутствие инфляции при том огромном темпе роста, который обнаружила денежная масса именно после реформы, никто до сих пор не указал, да и указать их за отсутствием подходящего эмпирического материала нет никакой возможности.

Откуда же этот полемический пыл, это героическое упорство в борьбе с фактами? Источник вдохновения здесь столь же чист и высок, как и у того легендарного рыцаря, который создал прототип восстания против грубого факта в своем незабываемом турнире с ветряной мельницей. И там и здесь защищается честь

прекрасной дамы, но в наш практический век это уже не Дульцинея Тобосская, а Денежная Реформа, белоснежная репутация которой не допускает, по мнению ее верных рыцарей, даже и мысли об изменчивой скорости оборота.

Помилуйте, в самом деле, что же это за «твердая единица», если она с фривольностью «падающей валюты» готова менять темп своего обращения чуть не каждый день. Твердая валюта лишь постольку и тверда, поскольку ей присуща устойчивая, стабильная скорость. Поэтому долой коварных оболыстителей, увлекающих совалюту¹¹ на скользкий путь всяческой изменчивости!

Соображения этого порядка продиктованы не только душой возвышенной, но и умом здравомыслящим. Весь недостаток их в том, что они абсолютно статичны, абсолютно не считаются с динамикой общественных процессов. При данной структуре советского товарооборота и кредитооборота стабильному червонцу бесспорно должен быть присущ устойчивый коэффициент обрацаемости. Но было бы величайшей наивностью думать, что коэффициент этот может быть усвоен червонцем на другой же день после денежной реформы. Переход от совзначной¹² системы, при которой денежная единица обращалась в несколько десятков раз быстрее «нормальной» скорости стабильного рубля, к новой структуре товарооборота есть не мгновенное волшебное превращение, а общественный процесс, протекающий, как и все процессы в нашем мире, с конечной скоростью. Картина денежного обращения за последние 3–4 года как раз и рисует нам сей типичный восстановительный процесс, для которого нормальная скорость обращения не начало, а конец, не исходный пункт, а предельный уровень равновесия, асимптотически достигаемый все более и более замедленным темпом.

Укажем в двух словах на механизм этого процесса.

Скорость обращения денег у нас нередко смешивают с быстротой перемещения денежных знаков в пространстве и стараются прежде всего отделить деньги, «действительно находящиеся в обороте», — от денег «тезаурированных», т. е. покоящихся в кошельках, чулках, или кубышках. Эта технически неразрешимая, а экономически бессмысленная задача свидетельству-

ет лишь о поистине безбожном, в наш марксистский век, впадении многих экономистов в ересь «товарного фетишизма». Деньги не вещь, а «общественное отношение», меновая сделка — не перемещение товаров в пространстве, а «превращение формы ценности» в головах товаровладельцев. Поэтому экономический коэффициент быстроты обращения денег устанавливается не физическим местонахождением того или другого клочка штемпелеванной бумаги, а количеством *общественных* актов, меновых сделок, приходящихся в среднем на *общественную* денежную единицу, т. е. на каждый рубль, выпущенный государством в обращение в качестве денежного знака и не утративший этой своей социальной квалификации.

Следовательно, исключить из рассмотрения тезаврированную часть денег — значит, сделать проблему исследования быстроты денежного обращения неразрешимой. Объектом наблюдения, позволяющим всего легче судить об изменениях коэффициента обращаемости, как раз и служат тезаврированные деньги, стационарная кассовая наличность, кассовые остатки учреждений, предприятий и отдельных потребительских хозяйств.

Как известно, падающие совзнаки не могли выполнять роли орудий сбережения. Не только «накопление» в собственном смысле слова было не осуществимо при помощи совзнаков, но и то временное подкапливание средств, которое необходимо для удовлетворения текущих потребностей, погашаемых через сравнительно продолжительные сроки. Для ремонта и возобновления одежды, обуви, инвентаря, жилища и т. п. рабочая или крестьянская семья должна неделями и месяцами сколачивать гроши. В совзначный период такое текущее накопление было осуществимо и действительно осуществлялось только в форме *товарных* запасов. То же имело место и в эпоху параллельных валют, так как червонец был малопригоден для данной цели, вследствие своей крупной купюрности. И только после реформы государственные деньги стали мало-помалу отвоевывать эти свои исконные позиции у ржи и прочих «валютных» товаров совзначной эры. Не забудем, сверх того, что и накопление в собственном смысле слова у нашего крестьянства реализуется путем откладывания по зернышку: сегодня пятак, через

неделю гривенник и в редких случаях сразу целый полтинник. Наконец, необходимо принять во внимание и то повышение благосостояния, которое явилось автоматическим следствием уничтожения эмиссионного налога и которое особенно сильно должно было повысить потребление продуктов не первой, а второй необходимости, т. е. именно продуктов, требующих подкапливания средств.

Если мы учтем все это и многое другое, о чем здесь нет возможности распространяться, то, во-первых, увидим, какой колоссальный резервуар для денежного обращения открыла реформа совершенно независимо от развивающегося товарооборота, — во-вторых, поймем, что наполнение этого резервуара в такой стране, как СССР, с ее 100-миллионным крестьянским населением, разбросанным по медвежьим углам, требует не 2–3 месяцев, а несравненно более длительного срока.

Процесс отложения новых денег в виде оборотных кассовых средств 30 миллионов хозяйств Советского Союза и есть главная составная часть того явления, которое называется, и совершенно правильно называется, «замедлением скорости оборота денег», ибо нормальная скорость оборота рассчитывается на денежную массу, выполняющую все присущие ее общественной природе функции, а отнюдь не на ту качественно и количественно урезанную программу, какой вынужден был довольствоваться падающий совзнак.

После всего сказанного выше было бы неуважением к понятливости читателя, если бы мы стали подробно доказывать, что емкость резервуара, созданного или, точнее говоря, восстановленного в своих нормальных размерах денежной реформой, определяет собой новый уровень равновесия, и что процесс заполнения этого резервуара имеет все признаки типичного восстановительного процесса.

Перейдем к его количественному анализу, который и составляет «конечную цель» настоящей статьи.

Исследуемый нами процесс есть восстановительный процесс *второго порядка*. По отношению к нему рост товарооборота, который в настоящее время также далеко еще не закончил своей восстановительной стадии, является *динамическим уровнем равновесия*. Следовательно, влияние растущего товарооборота

должно быть нами элиминировано; мы хотим определить, исходя из эмпирических данных последних 8-9 месяцев, тот темп роста денежной массы, какой она должна бы была иметь при условии, что как покупательная сила рубля, так и размеры товарооборота остаются неизменными.

Сгруппируем необходимые данные.

ТАБЛИЦА 1

Дата	Покупательная сила рубля (по общ. опт. индексу Госплана в % к марту)	Размеры товарооборота в % к марту	Среднее количество денег, фактически находящихся в обращении	Денежная масса, приведенная к постоянному курсу рубля и постоянному товарообороту ²³
			в млн черв. руб.	
1	2	3	4	5
1924 г.				
Март	100	100	378,5	378
Апрель	104,5	86,0	421,6	512
Май	108,5	87,5	458,6	571
Июнь	112,0	89,0	480,9	610
Июль	107,0	98,2	505,8	554
Август	105,0	103,0	551,4	566
Сентябрь	111,5	105,0	604,4	639
Октябрь	113,0	109,8	649,1	670
Ноябрь	112,0	112,8	698,1	692
Декабрь	108,5	(108,8)	(735)	(732)

В этой таблице более или менее гипотетическими являются линии цифры 3-го столбца, определяющие динамику товарооборота и заимствованные из материалов, предоставленных в мое распоряжение В. Г. Громаном. Обойтись совершенно без приблизительных исчислений было невозможно, так как тогда пришлось бы исследовать эмпирическую кривую,

представляющую собой результат наложения друг на друга двух разнородных восстановительных процессов и бесчисленных воздействий конъюнктурного характера, а это равносильно было бы отказу от попытки исследовать интересующее нас явление в чистом виде.

Итак, цифры 5-го столбца дают нам 10 точек, к которым надлежит применить выведенную выше формулу $X = X_0 e^{-kt}$. При недостаточности данных или сомнительности некоторых из них технически наиболее простой и практически наиболее надежный способ исчисления получился бы в том случае, если бы можно было построить экстраполяцию, считаясь исключительно с размерами, фактически достигнутыми, процессом за время наблюдения, и не подгоняя коэффициент «К» нашей кривой к месячной динамике эмпирических точек¹⁴.

Такая возможность имелась бы, если бы нам откуда-нибудь заранее был известен тот уровень равновесия, к которому стремится изучаемый восстановительный процесс, ибо это позволяет определить коэффициент «К» по начальной и конечной точке пройденного процессом пути.

Искомый уровень равновесия за последнее время определялся несколькими экономистами. Все эти исчисления, разумеется, носят гипотетический характер, но любопытно, что, оперируя самыми разнообразными методами, различные авторы приходят к довольно близким результатам. Я возьму здесь как наиболее осторожное исчисление С. Г. Струмилина, который (в неопубликованной еще работе) дает две цифры для «нормального» количества денег в советском народном хозяйстве при средней величине товарооборота истекшего 1923/24 года: 1200 млн руб. как минимальный вариант и 1470 млн руб. как наиболее вероятную величину.

По расчету, положенному в основу цифр 5-го столбца нашей таблицы, товарооборот в марте 1924 г. на 10% превышал среднюю годовую за 1923/24 год, с другой стороны, среднее месячное количество денег в обращении по нашей таблице на 4% выше принятого С. Г. Струмилиным. Внося соответствующую поправку, мы должны повысить «норму» минимального варианта до 1273, норму наиболее вероятного варианта до 1506 млн рублей. Проводя нашу кривую через точки марта и ноября,

находим, что при первом варианте коэффициент $K = 0,054$, при втором варианте $K = 0,0407$. Первый вариант дает для сентября 1925 года 934, а для декабря того же года 985 млн руб., второй вариант соответственно 964 и 1027 млн рублей.

В то время как уровни равновесия по разным вариантам различаются между собой на 18%, цифры суммы денежного обращения, исчисленные на год вперед, расходятся только на 3–4%. Характер кривой таков, что даже при очень приблизительном определении уровня равновесия размеры процесса на ближайший и довольно значительный период времени могут быть установлены с относительной точностью. Так, например, если бы уровень равновесия мы повысили на 100% по сравнению со вторым вариантом, т. е. определили «нормальное» количество денег в обращении при мартовском размере товарооборота явно несуразной цифрой 3000 млн черв. рублей, то на сентябрь месяц 1925 года наша формула дала бы 1032 млн рублей, т. е. всего на каких-нибудь 7% больше цифры, исчисленной, исходя из уровня в 1506 млн и на 11% выше цифры минимального варианта (в последнем случае разница уровней достигает 135%).

Итак, фактическая динамика денежного обращения и гипотетическое исчисление нормального уровня, которое само по себе в достаточной степени правдоподобно, и возможные неточности которого к тому же в значительной мере элиминируются самым методом его использования, приводят нас к выводу, что «эмиссионные возможности» на оставшуюся часть 1924/25 года достигают 185–220 млн рублей (принимая декабрьскую цифру равной 750 млн). В основу этого расчета положены, как уже было неоднократно подчеркнуто, размеры товарооборота, имевшие место в момент осуществления реформы. Если товарооборот к октябрю 1925 года возрастет, количество денег в обращении, исчисленное на ту же дату, должно быть пропорционально увеличено, в случае сжатия товарооборота — пропорционально уменьшено.

Представлялось бы весьма заманчивым произвести расчет, исходя исключительно из фактической динамики денежного обращения (приведенного к постоянному товарообороту и курсу рубля) без всяких извне заимствованных предположений о ве-

личине нормального уровня. Здесь открывается возможность подойти к выяснению тех условий равновесия, к которым тяготеют восстановительные процессы нашего хозяйства, основываясь только на анализе самих этих процессов и не прибегая к доведенным аналогиям, которыми на каждом шагу оперируют и пока что вынуждены оперировать наши экономисты. Тем самым мы получили бы в свое распоряжение контрольный метод, позволяющий наметить те границы, в которых эти аналогии правомерны.

К сожалению, как было уже отмечено, такой анализ требует довольно большого числа весьма точно установленных точек. Мы только что видели, какие слабые смещения близких к моменту наблюдения точек производят огромные сдвиги уровня равновесия. Справедливо, конечно, и обратное: если мы по ближайшим точкам захотим судить об уровне равновесия, малейшие неточности в установлении этих последних приведут нас к существенным ошибкам.

Обращаясь к данным, сгруппированным в столбце 5 нашей таблицы, мы видим, что в течение первых трех месяцев после реформы денежное обращение растет, довольно строго следуя закону восстановительного процесса, — затем наступает некий катаклизм: количество денег в обращении (не фактическое, разумеется, а *приведенное к мартовскому товарообороту и мартовскому курсу рубля*) резко снижается. После небольшой заминки восстановительная кривая снова принимает свою специфическую форму, но уже с иным коэффициентом затухания.

Что это значит? Произошел ли действительный разрыв в самом ходе восстановительного процесса, как такового? Или же те показатели, при помощи которых мы пытались выявить восстановительный процесс в его чистом виде, почему-либо дали осечку, вследствие чего наша колонка цифр рисует в первые месяцы после реформы не динамику денежного обращения *при прочих равных условиях*, а как раз изменения этих последних, т. е. какие-то не элиминированные нами конъюнктурные толчки и колебания?

В действительности, по всей вероятности, имело место и то и другое. С одной стороны, наши конъюнктурные показатели в первые месяцы после реформы не заслуживают особого доверия. Припомним, что в первом, втором, а отчасти и тре-

тьем месяце после реформы остро ощущался, так называемый, «разменный голод», приводивший во многих местах к установлению *лажа*¹⁵ на мелкие купюры. Лаж этот повышал среднюю покупательную силу рубля, но ни в каких индексах он, конечно, не отразился. С другой стороны, и обычные показатели помещичьего движения товарооборота за этот исключительный период могли оказаться менее надежными, чем обычно.

Однако, одними неточностями индексов и ошибками в определении товарооборота отмеченные выше аномалии кривой денежного обращения не могут быть объяснены. Тем более что внесение поправки на лаж мелких купюр только усугубило бы интенсивность подъема кривой за первые месяцы, а следовательно, и «кризисный» перегиб на четвертом месяце.

Более чем вероятно, что заполнение твердой валютой резервуара семейных касс действительно разбилось у нас на два процесса, характеризующиеся различными сроками и различными коэффициентами роста. Сначала выступил город, дав очень быстрое, но вместе с тем и быстро исчерпывающееся возрастание кривой. Если взять первые четыре точки столбца 5 таблицы и определить плавный уровень намечаемой ими линии по формуле восстановительного процесса, то окажется, что полного насыщения («нормального» уровня равновесия) этот последний достигает при 641 млн руб., а следовательно, в мае месяце был уже на исходе и начиная с июня—июля не мог оказывать заметного влияния на восстановительный рост денежного обращения в его целом; можно, таким образом, думать, что в дальнейшем этот последний определяется главным образом деревней, приобретая более или менее устойчивую структуру. Выделяя по нашей формуле плавный уровень из шести последних точек столбца 5, на которых влияние бурного процесса первых месяцев уже не сказывается, получаем некоторую возможность судить о «нормальном» уровне денежного обращения и сроках его достижения на основании одного только эмпирического материала, помимо каких-либо статистических прикидок, опирающихся на довоенные данные.

Вот сопоставление результатов, полученных двумя только что описанными методами.

ТАБЛИЦА 2. РОСТ ПОТРЕБНОСТИ В ДЕНЕЖНОЙ МАССЕ, ВЫЗЫВАЕМЫЙ ЗАМЕДЛЕНИЕМ БЫСТРОТЫ ОБОРОТА ДЕНЕГ

Дата	Исчислено на основании					
	наиболее вероятного струмилинского варианта		минимального струмилинского варианта		одних только фактических данных о денежной эмиссии за июнь—декабрь 1924 г.	
	В млн руб.	В %	В млн руб.	В %	В млн руб.	В %
1	2	3	4	5	6	7
Сент. 1924 г.	623	100,0	625,8	100,0	626,4	100,1
Окт. 1924 г.	658	105,6	659,8	105,4	661,8	105,7
Нояб. 1924 г.	692	111,1	692,0	110,6	694,1	110,8
Декаб. 1924 г.	725	116,2	722,5	115,5	723,7	115,5
Янв. 1925 г.	756	121,3	750,4	119,9	750,0	119,7
Февр. 1925 г.	786	126,2	778,4	124,4	775,3	123,8
Март 1925 г.	814	130,7	804,8	128,6	797,8	127,4
Апр. 1925 г.	842	135,2	829,4	132,5	818,3	130,6
Май 1925 г.	869	139,5	852,7	136,3	837,1	133,6
Июнь 1925 г.	894	143,5	874,8	139,8	854,2	136,4
Июль 1925 г.	918	147,4	895,5	143,1	869,9	138,9
Август 1925 г.	942	151,2	915,5	146,3	884,2	141,2
Сент. 1925 г.	964	154,7	934,3	149,3	897,8	143,3
Окт. 1925 г.	986	158,3	952,1	152,1	909,2	145,1
Нояб. 1925 г.	1006	161,3	969,0	154,8	921,1	147,0
Декаб. 1925 г.	1027	164,8	985,0	157,6	931,1	148,7
«Нормальный» уровень равновесия	1506	—	1273	—	1035	—

Норма денежного обращения, исчисленная на основании одних только фактических данных последнего полугодия, оказывается на 18% меньше минимального варианта С.Г. Струмилина, но потребность в денежной массе к январю 1926 года, соответствующая этой норме и закону восстановительного процесса, всего на 6% меньше минимальной и на 10% меньше наиболее вероятной цифры струмилинского исчисления.

Результат этот можно было бы признать вполне удовлетворительным, если бы исчисление, опирающееся на одни только фактические данные, располагало достаточно обильным и надежным материалом. Но, как уже было сказано, шести точек не достаточно для того, чтобы иметь уверенность в том, что полученный вывод — не случайность. Сверх того, отбрасывание 3 первых точек допустимо лишь постольку, поскольку правильна гипотеза, что в первые месяцы искажение кривой вызвано наличием такого слагаемого, роль которого в совокупном процессе закончилась к июню—июлю истекшего года.

В заключение одно замечание практического порядка.

Никакая теоретическая перспектива, никакая экстраполированная кривая, рисующая динамику процесса в его чистом виде, как бы правильно она ни была задумана, как бы тщательно она ни была вычерчена, не может, конечно, служить календарным планом текущих экономических мероприятий, — не может именно вследствие своей чистоты и правильности. Всякий прогноз вынужден отвлекаться от целого ряда временных и «случайных» явлений, которые для практической политики зачастую имеют и должны иметь решающее значение.

В частности, размеры кредитной эмиссии на каждый текущий месяц должны исчисляться, как это и делается на практике, не по какой-либо заранее составленной кривой, а на основе экспертного учета всех элементов торгово-промышленной и финансовой конъюнктуры момента. «Чистый» закон процесса дает практику не конкретные предписания, а лишь некоторую предельную ориентировку: он сигнализирует опасность при чрезмерно оптимистической оценке конкретной ситуации, и, наоборот, устраняет необоснованные страхи, навеянные априорным пессимизмом.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Следующие соображения приводят к выводу, что свойства восстановительного процесса могут быть выражены только уравнением вида: $X = X_0 e^{-kt}$.

1) Отношения $\frac{X'}{X}, \frac{X''}{X'}$ т. д. должны иметь конечные значения

на всем протяжении восстановительного процесса от $X = \infty$

до $X = 0$; включая и сами пределы. В самом деле, если бы $\frac{X'}{X}$ об-

ращалось в бесконечность при $X = 0$, то это означало бы, что X' сохраняет конечные размеры, в то время как X становится меньше всякой данной величины, т. е. что ось абсцисс не есть асимптота для X' , — а это противоречит понятию восстано-

тельного процесса. Равным образом отношение $\frac{X'}{X}$ не может

обращаться в бесконечность при $X = \infty$, ибо это предполагает, что, по мере возрастания X , X' достигает бесконечно больших значений в то время как само X (а следовательно, и t) еще сохраняет конечные размеры, т. е. что кривая X' имеет помимо асимптоты $X = 0$ еще другую асимптоту, а именно ординату, уравнение которой $t = -a$, где « a » величина конечная; но это опять-таки противоречит нашему определению понятия восстановительный процесс.

2) Из пункта 1) непосредственно следует, что при $X=0$ отношения $\frac{X'}{X}, \frac{X''}{X'}$ и т. д. стремятся к одному и тому же конечно-

му пределу C , а при $X = \infty$ — к пределам C_1, C_2, C_3 и т. д. (при чем C_1, C_2, C_3, \dots также величины конечные).

Пусть искомое уравнение восстановительного процесса есть $F(X, t) = 0$. Решив его по t и подставив соответственные вели-

чины в выражения $\frac{X'}{X}$, $\frac{X''}{X'}$, $\frac{X'''}{X''}$ и т. д., мы можем выразить

эти последние в функции от X . Допустим, что $\frac{X'}{X} = f(X)$. Тогда

$\frac{X''}{X'} = f'(X) + f(X)$ или $\frac{X''}{X'} = f'(X) X + \frac{X'}{X}$. При $X = 0$ (принимая

во внимание, что $\frac{X'}{X}$ и $\frac{X''}{X'}$ конечны) получаем $\frac{X''}{X'} = \frac{X'}{X}$. Совер-

шенно таким же образом обнаруживаем, что $\frac{X'''}{X''} = \frac{X''}{X'}$. Итак,

при $X = 0 = \frac{X''}{X'} \dots = f(0) = C$. С другой стороны, $\frac{X''}{X'} - \frac{X'}{X} = f'(X) X$

или $f'(X) = (\frac{X''}{X'} - \frac{X'}{X})/X$. Отсюда, при $X = \infty$ $f'(X) = 0$, а следова-

тельно, $f(X) = C_1$. Равным образом, при $X = \infty$ $\frac{X''}{X'} = C_2$ и т. д.

3) Итак, функция $\frac{X'}{X} = C$ при $t = +\infty$ ($X=0$) и $\frac{X'}{X} = C_1$ при $t = -\infty$ ($X=+\infty$).

Предположим, сначала, что $\frac{X'}{X}$ не есть линейная функция t

(из предыдущего следует, что $\frac{X'}{X}$ функция непрерывная, име-

ющая во всех точках производную).

При этом возможны в свою очередь две гипотезы.

1) Функция $\frac{X'}{X}$ имеет в пределах какого-либо конечного ин-

тервала несколько максимумов и минимумов, т. е. носит волнообразный характер. Но, как уже было указано в тексте, восстановительный процесс есть явление существенно неперидическое, чуждое волнообразным колебаниям. Мы еще не зна-

ем, может или не может меняться отношение $\frac{X'}{X}$, но мы уже

знаем, что буде оно меняется, это раз начавшееся изменение должно *под влиянием одних только внутренних сил восстановительного процесса* плавно нарастать или убывать, но ни в коем случае не пульсировать, переходя через ряд максимумов, минимумов и разделяющих их точек перегиба. И если бы даже при детальном фактическом исследовании того или другого конкретного восстановительного процесса оказалось, что с внутренней структурой этого последнего тесно связаны силы, вызывающие волнообразные колебания, то и тогда на первой ступени формального анализа необходимо было бы отделить их, как условно-конъюнктурные, от «векового» плавного уровня кривой восстановительного процесса.

2) Остаются таким образом только предположения, что кривая

вая $\frac{X'}{X}$ имеет между точками C и C_1 а) один максимум, б) один

минимум, или в) вовсе не имеет таковых. Но ввиду того, что $C - C_1$ есть величина конечная, а расстояние между C и C_1 по оси t бесконечно велико, кривая в этих трех случаях будет во всех точках иметь бесконечно малую кривизну, т. е. будет выражаться линейным уравнением¹.

Итак, с понятием восстановительного процесса совместима

только гипотеза, что $\frac{X'}{X} = at - k$ (знак минус при k потому, что

$\frac{X'}{X}$, как мы знаем, отрицательно). В частности $C = a(+\infty) - k$ и C_1

$= a(-\infty) - k$, т. е. $a = 0$. Прямая $\frac{X'}{X}$ параллельна оси абсцисс

(причем коэффициент k остается неопределенным: всякая прямая, параллельная оси t , удовлетворяет условию).

Искомое уравнение восстановительного процесса, сле-

довательно, имеет вид: $\frac{X'}{X} = -k$; интегрируя его, получаем: $\lg X/X_0 = -kt$ или $X = X_0 e^{-kt}$.

¹ При этом, конечно, подразумевается, что кривая не имеет точек перегиба.

Таким образом, более точное определение восстановительного процесса состоит в том, что скорость его X' в каждый данный момент времени пропорциональна расстоянию от уровня равновесия, т. е. величине X (а не какой-либо иной функции от X). Отсюда уже с логической необходимостью вытекают все перечисленные в тексте качественные характеристики восстановительного процесса, а также логарифмический закон его течения.

- 1 Опубликовано в: Экономическое обозрение. 1925. № 1. С. 11–29.
- 2 См.: Громан В. Г. О некоторых закономерностях, эмпирически обнаруживаемых в нашем народном хозяйстве // Плановое хозяйство. 1925. № 1. С. 80–101; № 2. С. 125–141.
- 3 Концепция равновесия Базарова формировалась под сильным влиянием идей А. А. Богданова. Формулировка восстановительного процесса, которую дает Базаров, фактически совпадает с формулировкой принципа Ле Шателье, который Богданов считал универсальным для любой системы: «Если система равновесия подвергается воздействию, изменяющему какое-либо из условий равновесия, то в ней возникают процессы, направленные так, чтобы противодействовать этому изменению». См.: Богданов А. А. Всеобщая организационная наука. Ч. 1. 1913. СПб.: Изд. М. И. Семенова. С. 254.
- 4 Подробнее теорию равновесия Базаров развил в работе «Капиталистические циклы и восстановительный процесс хозяйства СССР», в которой для графического изображения восстановительного процесса им была использована кривая, имеющая точку перегиба (см. наст. изд. Т. 2. С. 103–104).
- 5 Базаров в своих работах использует термин «темп» для обозначения скорости. Если какой-либо показатель задается как функция времени $x(t)$, то темп или скорость задается как первая производная этой функции, т. е. $x'(t)$.
- 6 Это предложение фактически означает, что $x'(t) = kx(t)$, где $k < 0$. На самом деле этого уже достаточно для получения общей формулы восстановительного процесса. Действительно, данное уравнение можно записать: $dx(t)/dx = kx(t)$ или $dx(t)/x(t) = kdt$. Интегрируя это уравнение, получаем, что $\ln(x(t)) + C = kt$. Следовательно, $x(t) = x_0 e^{kt}$. Базарову, однако для получения этой формулы потребовались длинные выкладки.
- 7 Здесь, очевидно, имеется в виду, что $k > 0$. Поэтому в формуле для получения отрицательного показателя степени величина k берется со знаком минус.
- 8 *Exemplum fictum (лат.)* — условный, фиктивный пример.
- 9 Речь идет об известном изречении — *contra principia negantem disputari non potest (лат.)* — с тем, кто отрицает основные принципы, спорить невозможно.

- 10 Согласно количественной теории денег, цены определяются количеством денег в обращении.
- 11 Имеется в виду советская валюта — червонец, введенный в 1922 г.
- 12 Совзнаки — бумажные денежные знаки, выпущенные Народным комиссариатом финансов РСФСР в 1919 г. и действовавшие до 1924 г.
- 13 Величины денежной массы, приведенные в столбце 5, получены следующим образом: номинальная денежная масса (столбец 4) умножена на индекс покупательной способности рубля (столбец 2) и затем разделена на индекс объема товарооборота (столбец 3). В данных столбца 5 содержатся небольшие неточности, вызванные, по-видимому, округлением при вычислениях.
- 14 Здесь, по существу, утверждается, что если знать, каково состояние равновесия денежной массы, то коэффициент проще всего определить по начальной и конечной точкам, не используя промежуточные данные.
- 15 Лаж — в данном случае повышение рыночного курса денежных знаков по отношению к их нарицательной стоимости. Иначе это явление называется ажио.

Перспективы нашего народно-хозяйственного развития на 1925/26 год¹

Все перспективные народнохозяйственные планы, составлявшиеся до сих пор в Госплане СССР, в госпланах союзных республик или в плановых органах отдельных ведомств и учреждений, носили более или менее односторонний характер.

Первая широко задуманная и блестяще выполненная попытка этого рода — знаменитый план электрификации ГОЭЛРО — развертывает перспективу реконструкции силового хозяйства исходя из предпосылки, что все прочие стороны нашей экономики достигнут определенного уровня. Когда и как, в какой последовательно и при каком взаимоотношении частей будет достигнут этот общий уровень? Такого рода вопросами авторы плана электрификации не задавались, да, конечно, и не могли задаваться, ибо в ту эпоху, когда они приступили к своей работе, экономическая действительность давала слишком мало опорных пунктов для сколько-нибудь обоснованного прогноза форм и темпа хозяйственного возрождения страны.

Позднейшие опыты перспективного планирования или подобно плану ГОЭЛРО учитывали технические возможности развития той или другой отдельной отрасли народного хозяйства, условно принимая за величину данную совокупность необходимых для этого экономических предпосылок, или же, набрасывая перспективную схему развития многих отраслей, ограничивались лишь некоторыми и в большинстве случаев опять-таки техническими показателями этого развития: например, сопоставляли предполагаемые коэффициенты роста продукции, оставляя в стороне вопросы о том, при каких ценностных взаимоотношениях эта продукция может реализоваться, какие перемены предполагаются намеченной производственной перспективой в денежно-кредитном обращении, в строении и размерах государственного бюджета и т. д. и т. п.

Однако без решения всех этих проблем не может быть доказана не только реальность перспективного построения, т. е. его соответствие действительным тенденциям развития, но даже и его чисто *теоретическая возможность*. В самом деле, народное хозяйство есть органическое целое, и только учет взаимоотношений между всеми его основными элементами, только построение народнохозяйственного *баланса*, хотя бы самого грубого и приблизительного, дает возможность судить о том, совместимы ли между собой отдельные показатели роста, допущенные перспективным построением, или же они находятся в несогласимом противоречии друг с другом.

Основой перспективного баланса должны, само собой разумеется, служить балансы отчетные, т. е. народнохозяйственные балансы за последние годы. К сожалению, и в этой области дело обстоит у нас пока не совсем благополучно. Попытку построения народнохозяйственного баланса за 1922/23 г. сделала экономико-статистическая секция Госплана СССР². Однако обремененная неотложными текущими делами и не располагающая к тому же техническим аппаратом, необходимым для производства сложных дифференцированных подсчетов, связанных с этой гигантской работой, она вынуждена была ограничиться лишь самой грубой наметкой баланса, беря, например, огульно, без расчленения по отдельным элементам, такие колоссальные балансовые статьи, как государственная промышленность.

Задача составления народнохозяйственного баланса на 1923/24 г. была возложена на ЦСУ, которое, конечно, имело возможность проработать этот вопрос гораздо более детально и отчетливо. Но тут другая беда. Хотя баланс ЦСУ давно уже составлен, хотя итоги его были уже несколько месяцев назад доложены высшим государственным учреждениям, в печати он еще не опубликован, если не считать нескольких, случайно попавших в газеты цифр; всякие перспективные расчеты темпов и сроков его опубликования оказывались до сих пор «построенными на песке». По неисповедимым судьбам истории народнохозяйственный баланс на 1923/24 г. остается пока ведомственной тайной, зорко охраняемой от непосвященных, причем этими непосвященными оказываются не только частные экономисты, но и высшие плановые органы Республи-

ки³. Комиссия Госплана СССР, работавшая нынешним летом над контрольными цифрами на предстоящий 1925/26 г., употребила поистине героические усилия для того, чтобы получить балансовые данные за истекший год, ибо отчетливо сознавала, что эти данные являются тем фактическим базисом, на котором только и может быть рационально построена перспектива грядущего года. Тщетно! Все усилия разбились о стальную броню, ограждающую тайну, и комиссии пришлось выполнить свою работу без отчетных балансовых цифр.

Таким образом, по своему заданию, по своей идее контрольные цифры, выработанные в Госплане¹, представляют собой перспективный баланс народного хозяйства на 1925/26 г.⁴, но за отсутствием, или, точнее говоря, за недоступностью для комиссии надлежащих источников познания, детализированный балансовый метод не мог быть последовательно применен для построения хозяйственной перспективы грядущего года. Комиссии пришлось при сопоставлении производственных предположений отдельных хозорганов опираться главным образом на динамические коэффициенты, характеризующие эволюцию последних лет, на довоенные пропорции и эмпирически констатированный темп приближения к ним, — одним словом, пришлось положить в основу исследования ряд косвенных методов, которые при правильной постановке работы должны были бы служить лишь контрольными инстанциями для оценки итогов балансовых построений.

Прежде чем перейти к содержанию контрольных цифр, охарактеризуем вкратце природу и познавательное значение этих косвенных методов.

Производительные силы нашего народного хозяйства достигают уже настолько высокого уровня, что в будущем году на реконструкцию, на переоборудование и новое строительство возможно и необходимо затратить гораздо больше сил и средств, чем в нынешнем и в особенности в прошлом году. Однако,

¹ Необходимо оговорить, что в тот момент, когда пишутся эти строки, контрольные цифры на 1925/26 г. еще не утверждены Президиумом Госплана. Таким образом, перспектива, рассматриваемая в этой статье, носит сугубо предварительный характер.

как и в прежние годы, основное содержание хозяйственного прогресса в 1925/26 г. будет все же заключаться в более полном и более интенсивном использовании унаследованного от прошлого основного капитала. В общей системе народнохозяйственного развития элементы восстановления все еще сохраняют гораздо больший удельный вес, нежели элементы расширения производственной базы и ее реконструкции. Вместе с тем 1925/26 г. будет последним, завершающим годом восстановительного процесса. Члены госплановской комиссии и представители ведомств, участвовавшие в работе по установлению контрольных цифр, единодушно пришли к выводу, что как технические, так и экономические возможности предстоящего года гарантируют 100%-е использование всего того оставшегося от дореволюционного времени оборудования, которое пригодно к делу, но в дело еще не пущено.

Раз это так, раз мы имеем перед собой в рассматриваемой нами перспективе огромное количественное преобладание восстановительного процесса над реконструктивным, то этим уже довольно много предрешено в области темпов развития отдельных отраслей и их взаимоотношений. Из структуры восстановительного процесса аналитически вытекает необходимость более быстрого развития там, где силы, стремящиеся вернуть деформированную общественную систему к состоянию равновесия, более значительны, т. е. там, где или сама деформация больше, или неудовлетворенная вследствие деформации потребность особенно настоятельна. Прямо противоположное соотношение темпов должно было, конечно, наблюдаться в период деструктивного процесса: отрасли, удовлетворяющие наиболее настоятельные первичные потребности, должны были деформироваться всего медленнее; с другой стороны, технически примитивные и именно в силу этой примитивности организационно неподатливые виды труда должны были пострадать менее сильно, чем более сложные и гибкие по своей организации.

Как показал В. Г. Громан в своих статьях об «эмпирических закономерностях»⁵, все эти соотношения действительно имели место в практике нашего «революционного и пореволюционно-

го хозяйства»¹. В период экономической разлухи почти полный паралич охватил высокоорганизованное производство средств производства (металлургию, металлообработку) и сравнительно мало пострадали элементарные по своей технике отрасли, обслуживающие первичные потребности (сельское хозяйство, некоторые ремесла). В последующем сельское хозяйство, удовлетворяющее самые настоятельные нужды общества, первое вступает на путь возрождения и роста, но, будучи сравнительно мало деформированным, оно восстанавливается более медленно, чем сильнее пострадавшая промышленность. Подразделения этой последней вовлекаются в процесс экономического возрождения в такой последовательности: пищевая, топливная, одежно-обувная и, наконец, в последнюю очередь производство средств и орудий производства. В прошлом и позапрошлом году особенно бурным темпом восстанавливалась легкая индустрия, в текущем и в особенности в грядущем году пальма первенства переходит к металлургии и металлообработке. Возрождением тяжелой индустрии заканчивается восстановительный процесс, и в этой завершающей его фазе производство средств производства по темпу своего роста далеко обгоняет производство предметов непосредственного потребления.

Как мы видим, соотношения между быстротой восстановления отдельных отраслей отнюдь не являются постоянными на протяжении всего восстановительного процесса: здесь одна волна сменяет другую, вновь возникающие волны накладываются на угасающие; в общем получается сложная картина перемещений максимальных темпов развития из одной сферы в другую, но в этой картине нет ничего случайного или произвольного — ее основные контуры могут быть заранее начерта-

¹ В спорах о природе и закономерностях восстановительного процесса, имевших место в нашей литературе, накопилось очень много недоразумений, требующих специального разбора. Здесь не место этим заниматься. Ограничусь поэтому афористическим замечанием, что возражения, основанные на общих рассуждениях о недопустимости «аналогий» между общественной жизнью и другими областями знания, отвергаются мною *a limine* ибо дело идет здесь вовсе не об аналогиях, а о *тождественной структуре*, о тождественных количественных соотношениях в качественно различных процессах. (*A limine* (лат.) — с порога, сразу. — Прим. научн. ред.)

ны, ибо всецело определяются структурой восстановительного процесса.

Невозможность изучать фактическую динамику отдельных отраслей народного хозяйства чисто балансовым методом особенно остро ощущается при проектировании ценностных отношений, ибо вероятные схемы реализации чрезвычайно трудно построить, не имея опоры в познании тех фактических соотношений, в каких до сих пор реализовались те или другие группы товаров. Обобщенное наблюдение хозяйственных процессов прошлого установило, правда, и здесь некоторые устойчивые коэффициенты, например близкое к постоянству отношение между ценностью сельскохозяйственной и промышленной товарных масс. Однако такие широкие обобщения пригодны лишь в качестве последней контрольной инстанции для перспективных итогов, но не дают никаких указаний относительно большей или меньшей правдоподобности единичных слагаемых.

Подобного же рода контрольной инстанцией является и сравнение с довоенными данными. Само собой разумеется, что приговоры этой инстанции отнюдь не являются безапелляционными. Не говоря уже о таких сторонах народного хозяйства, где (как, например, в электротехнике и некоторых химических производствах) довоенные отношения давно остались позади даже в сфере восстановительного процесса, в строгом смысле слова довоенный критерий оценки весьма условен, так как не существует такого конкретного довоенного года или периода, который бы в полной мере соответствовал намечающейся новой системе равновесия.

Несмотря, однако, на заведомую грубость метода довоенных оценок, услуги, оказываемые им, чрезвычайно велики и до сих пор незаменимы. Проиллюстрируем это одним примером. Как известно, совокупность предприятий, в которых непосредственно учитываются размеры продукции и выработки на одного рабочего (ЦОСом⁶), охватывает лишь часть цензовой государственной промышленности. Полученные для этой части промышленности динамические коэффициенты, как правило, распространяются и на неучитываемую ее часть. Сопоставление с довоенными данными является едва ли не единственным

методом, позволяющим хотя бы до некоторой степени оценить законность или незаконность такой экстраполяции. Для текущего и грядущего года экстраполяция эта дает такие неправдоподобно высокие цифры по сравнению с довоенными, что комиссия по контрольным цифрам признала невозможным пользоваться ею и внесла поправку, исходящую из пропорций 1913 г. Разумеется, полученная таким путем цифра не может претендовать на абсолютную точность, но едва ли можно сомневаться, что она ближе подходит к действительному положению вещей, нежели практиковавшиеся до сих пор фантастические исчисления.

Труднее ориентироваться на довоенные отношения в тех случаях, когда социальные сдвиги революционного периода внесли настолько существенные перемены в строение нашей экономики, что возврат, хотя бы и приблизительный, к довоенным формам и пропорциям является заведомо невозможным. Сюда относятся, например, денежное и кредитное обращение, размеры оплаты квалифицированных работников различных профессий и т. д. Сопоставление с довоенным временем и здесь поучительно, но не в качестве меры отклонения текущей действительности от той системы равновесия, к какой она стремится, а в качестве меры своеобразия, присущего современному порядку вещей по сравнению с дореволюционным.

Мы ограничимся этими беглыми методологическими замечаниями, совершенно недостаточными для того, чтобы ввести читателя в лабораторию построения контрольных цифр, но дающими, как нам кажется, некоторое представление о тех трудностях, на которые наталкивалась эта работа и которые во многих случаях можно было преодолеть лишь весьма условно.

Переходя к содержанию контрольных цифр, остановимся прежде всего на сельском хозяйстве. Размеры урожая главных зерновых хлебов определяются на основании последних балльных оценок в 4700 млн пуд. против 3165 млн пуд. в 1924/25 г. и 5667 млн пуд. в 1913 г. Таким образом, в натуре мы имеем 83% уровня 1913 г. В довоенной оценке — в силу иной пропорции культур — процент этот несколько снижается, составляя всего 78,8, причем не надо забывать, что и 1913 г. был годом исключительно высокого урожая среди последних довоенных

лет. Урожай второстепенных хлебов дает 98,7%, урожай картофеля — даже 127% довоенного.

Крупный скачок вперед по сравнению с прошлым годом ожидается в области валового сбора технических культур, особенно хлопка и масличных семян (см. табл. 1).

Таблица 1

Валовая продукция	1913 г., млн пудов	1924/25 г., млн пудов	1925/26 г., млн пудов	1925/26 к 1913 г. по довоенным ценам, %
Лен (первичная обработка)	18,7	17,7	21,6	115,8
Конопля	19,4	19,0	22,8	117,5
Хлопок (сырец)	45,4	20,4	38,8	85,5
Масличные семена	140,5	141,2	190,0	135,3
Прочие технические травы	664,9	183,1	326,2	55,2

Усиленный убой скота в настоящем неурожайном году должен смениться под влиянием урожая интенсивным приростом стада, вследствие чего производство мяса и кожевенного сырья должно понизиться: для мяса предположено понижение с 171 до 154 млн пуд, для кожевенного сырья — с 58,5 до 53,2 млн пуд. Что касается прочих продуктов животноводства, то крупного прироста в связи с развитием и упорядочением экспорта следует ожидать в производстве яиц — с 17,6 млн пуд. в 1924/25 г. до 24,2 млн пуд. в 1925/26 г.

В итоге по всем видам сельскохозяйственного производства (включая лесоводство, рыболовство и охоту) намечается такая перспектива (см. табл. 2).

Если валовой сбор главных зерновых хлебов обещает в 1925/26 г. дать на 1500 млн пуд. больше, чем в 1924/25 г., то рост товарной части крестьянского хлеба вследствие значительного роста собственного потребления и запасов должен быть, конечно, гораздо меньше. За вычетом внутрикрестьянского оборота, т. е. для городского потребления и экспорта, намечается цифра

ТАБЛИЦА 2

Валовая продукция	1913 г.,	1924/25 г.	1925/26 г.	В % к 1913 г.		В % к предыдущему году	
	В млн руб. по довоенным ценам			1924/25 г.	1925/26 г.	1924/25 г.	1925/26 г.
Земледелие	11 782	8106	10 236	69	87	102	126
Лесное хозяйство, рыболовство и охота	1044	1044	1200	100	115	101	115
Итого сельское хозяйство	12 826	9150	11 436	71	89	102	125
Чистая продукция сельского хозяйства (без повторных статей)	8134	5532	7029	68	86	—	127

в 989 млн пуд. против 411 млн пуд. в текущем году, или в довоенных ценах продукция в 693 млн руб. вместо 306 млн руб. Итак, деревня выбросит на «внешний» по отношению к ней рынок почти на 600 млн пуд. больше хлеба, чем в нынешнем году, — на сумму почти в 400 млн довоенных рублей. Товарная часть продукции всего полеводства в довоенной оценке почти вдвое выше в 1925/26 г., нежели в 1924/25 г., — 248 млн руб. против 676 млн руб. (и 564 млн руб. в 1913 г.) Товарная часть животноводства остается почти стационарной (700 млн довоенных рублей против 668 млн). Отчуждаемая вне крестьянского хозяйства масса продуктов луговодства и садоводства значительно возрастает. В общем по всем отраслям сельского хозяйства товарная масса 1925/26 г. оценивается в 2266 млн довоенных руб. против 1613 млн в 1924/25 г. и 3020 млн руб. в 1913 г. Средний процент товарности сельского хозяйства в будущем году почти таков же, как и в настоящем (31,2 вместо 32), причем в этом отношении оба эти года уже довольно близко подходят к довоенной норме (34%).

В промышленности, как уже было сказано, максимально быстрый рост должно дать находившееся до сих пор в минимуме производств средств производства: выплавка чугуна возрастет на 70% (по последнему варианту ВСНХ даже вдвое), прокат — более чем в 1,5 раза. По всей металлопромышленности продукция 1925/26 г. в довоенных ценах определяется в 885 млн руб. против 543 млн в 1924/25 г. и 983 млн руб. в 1913 г. Текстиль, развертывание которого, как и развертывание металлопромышленности, рассчитано на использование всего бездействующего и пригодного для дела оборудования, дает уже более скромные коэффициенты прироста; довоенная оценка продукции хлопчатобумажной промышленности за 1925/26 г. выражается в 982 млн руб., в то время как соответственные цифры для текущего и прошлого года были 694 и 374 млн руб., а для 1913 г. — 1066 млн руб. Таким образом, металлическое производство достигает в 1925/26 г. 90%, хлопчатобумажное — 92% своей довоенной величины, причем годовой прирост для первого равен 63%, для второго — 42%.

Столь же быстрый темп развития, как и в металлопромышленности, предположен в электротехнической и некоторых

отраслях химической индустрии: электротехническое производство должно дать в 1925/26 г. 73% прироста по сравнению с текущим годом и достичь 337% довоенного уровня (в нынешнем году оно дало 195%, в прошлом — 119% довоенной продукции), резиновая промышленность — 67% годового прироста и 83% довоенного уровня. Производство пищевых и вкусовых продуктов, восстановившееся раньше других и достигшее уже в настоящее время весьма высокого уровня, будет расти гораздо медленнее; исключение составляет сильно отставшая сахарная промышленность: размеры урожая свеклы позволяют довести в будущем году производство сахарного песка до 52 млн пуд.; в довоенных ценах продукция сахарной промышленности возрастает в 1925/26 г. на 55% по сравнению с текущим годом, давая все же лишь 63% производства 1913 г.

Из других отраслей промышленности максимальному форсированию подлежат строительные производства (цементное, стекольное, кирпичное, лесозаготовительное) в связи с предполагаемым в будущем году значительным техническим и жилищным строительством и с подготовкой к еще более крупному строительству в последующие годы.

В нынешнем году добыча минерального топлива дает очень небольшой коэффициент прироста, сырой нефти получено на 12% больше, чем в прошлом году, выработка каменного угля стоит почти на прошлогоднем уровне. Эта заминка находится в непосредственной связи с преувеличенной программой Донбасса в прошлом году, повлекшей за собой затруднение в сбыте и чрезмерное накопление запасов. В грядущем году интенсивное развертывание металлургии и других производств, поглощающих большое количество минерального топлива, а также рост транспорта, вызываемый увеличением товарооборота, настолько повышают потребность в угле и нефти, что над ними нависает угроза топливного голода, и вместо усиленной минерализации топлива, проводившейся в истекшем году, придется кое-где снова переходить с минерального топлива на древесное. Предполагаемая в 1925/26 г. добыча минерального топлива, при которой исчерпываются до последней капли все наши наличные технические возможности, выражается для угля в 1400 млн пуд., для нефти — в 531 млн пуд. брутто, что со-

ставляет годовой прирост по углю в 40%, по нефти — в 20%, а по отношению к 1913 г. соответственно 79 и 85%. При этом не надо забывать, что 1913 г. не только по урожаю, но и по всей хозяйственной конъюнктуре был рекордным; если бы мы взяли для сравнения 1912 г., то оказалось бы, что программа угледобычи на 1925/26 г. значительно превосходит довоенный уровень.

Рассмотренная перспектива развертывания главнейших отраслей промышленности представлена в табл. 3.

По всем учтенным отраслям в среднем производство 1925/26 г. достигает 89% довоенного, давая, однако, всего 48% годового прироста против 64%, имевших место в текущем году.

Как уже было сказано, распространять эти коэффициенты на всю промышленность никоим образом не следует. По исчислению комиссии, вырабатывавшей контрольные цифры, прирост продукции для всей цензовой промышленности выразится в 1925/26 г. в 34% против 54% прироста в текущем году; для мелкой промышленности в грядущем, как и в нынешнем году, принят прирост в 30%, что для промышленности в целом дает в текущем году 48%, в будущем году — 33% прироста. По этому расчету, продукция всей промышленности в довоенных ценах составляет в 1924/25 г. 14150 млн руб., или 70% довоенной, в 1925/26 г. — 18086 млн руб., или 90% довоенной.

Производительность промышленного труда являлась до сих пор главным образом функцией нагрузки предприятий; при прочих равных условиях валовая выработка на одного рабочего растет тем медленнее, чем выше достигнутый процент нагрузки (вследствие понижения удельного веса контингента, независящего от размеров продукции). Таким образом, в будущем году при доведении в огромном большинстве производств нагрузки до 100%-го использования всего наличного оборудования естественно ожидать некоторого замедления роста производительности труда. Это априорное соображение подтверждается экспертными расчетами вероятной производительности труда по отдельным отраслям промышленности. Исключение составляют те отрасли, где в текущем или будущем году вводятся значительные технические усовершенствования.

Таблица 3

Отрасль	В млн руб. по довоенным ценам				В % к 1913 г.			В % к предыдущему году	
	1913 г.	1923/ 24 г.	1924/ 25 г.	1925/ 26 г.	1923/ 24 г.	1924/ 25 г.	1925/ 26 г.	1924/ 25 г.	1925/ 26 г.
Каменноугольная	159,6	87,4	87,6	126,0	54,7	54,9	78,9	100,2	143,8
Нефтедобыча	280,7	179,8	201,4	238,0	64,0	71,7	84,8	112,0	118,2
Добыча марганцевой руды	12,7	1,1	1,9	4,7	8,5	15,3	36,8	180,0	240,7
Соляная	8,5	5,0	6,1	7,0	59,2	71,5	82,2	120,8	114,9
Металлическая	983,3	282,6	543,2	885,0	28,7	55,2	89,8	192,2	162,6
Электротехническая	32,44	38,5	63,1	109,1	118,9	194,9	337,0	163,9	173,0
Хлопчатобумажная	1065,6	374,2	693,8	981,7	35,1	65,1	92,1	185,4	141,5
Резиновая	70,5	14,5	35,3	58,8	20,6	50,0	83,3	242,8	166,6
Спичечная	11,1	5,7	9,3	10,2	50,9	83,7	91,8	164,5	170,7
Стекольная (оконное стекло)	7,7	4,6	5,8	10,0	60,4	76,5	130,5	126,5	170,7
Сахарная	333,7	77,6	119,9	209,8	23,2	35,9	62,9	174,9	154,7
Табачно-махорочная	119,8	62,9	89,8	103,6	52,5	75,0	86,5	142,8	115,3
Итого по учтенным отраслям	3085	1134	1857	2743	36,7	60,2	88,9	163,8	147,6

По всем учтенным отраслям ожидаемый прирост производительности труда составляет по сравнению с текущим годом 18–20%. Соответствующий этому рост продукции, как мы уже видели, выражается 48%, следовательно, численность рабочих должна увеличиться примерно на 25%. Следует отметить, что этот прирост занятой рабочей силы, далеко еще не ликвидируя всей имеющейся у нас безработицы, приводит, однако, к острой нужде в квалифицированных работниках некоторых специальностей.

При проектировании заработных плат принимались во внимание динамические коэффициенты последних лет, причем имелось в виду выровнять в наступающем году существующие диспропорции между квалификацией и оплатой труда, поскольку это экономически возможно. Наибольшее повышение зарплаты (свыше 40%) по сравнению со среднемесячной текущего года предположено по союзу железнодорожников, далее идет рудная промышленность (30%), каменноугольная (25%); металлическая (23%), нефтедобывающая (20%), текстильная (13%), силикатная (14%), химическая (5%), деревообделочная (5%), писчебумажная (5%); по кожевенной, полиграфической и пищевой промышленности, где зарплата уже теперь достигла довольно значительного уровня (на 20–30% выше довоенной), предполагается стационарность реальной заработной платы. В среднем по всем союзам предполагаемый прирост зарплаты составляет 20%. Сверх этого повышения, рассчитанного для каждой отрасли труда отдельно, в связи с ее специфическими условиями предположено дать каждому рабочему независимо от специальности и квалификации специальную надбавку в 3 черв. руб. на повышение квартирной платы, необходимое для перевода эксплуатации жилищ на начала действительного хозрасчета и самоокупаемости. В итоге средняя оплата физического труда в 1925/26 г. достигнет довоенного уровня.

Переходим к проблеме рыночной реализации. Исходя из опыта текущего года, характеризующегося, несмотря на мощное развитие промышленности, неослабевающим товарным голодом, и учитывая, сверх того, повышение емкости крестьянского рынка, создаваемое хорошим урожаем, многие из наших экономистов видят главную трудность предстоящей кампании в на-

сыщении повышенного платежеспособного спроса деревни. Если общая директива торговой политики будет по-прежнему состоять в том, чтобы не раздвигать, а по возможности даже сужать раствор «ножниц», т. е. не допускать сильного падения цен на сельскохозяйственные продукты и в то же время снижать в меру падения себестоимости продажные цены продуктов промышленного производства, то возникает, по-видимому, опасность, что промышленная продукция грядущего года, даже при доведении ее до максимальных технически возможных пределов, не будет в состоянии ликвидировать товарный голод. В связи с этим уже теперь создаются проекты усиленного ввоза предметов широкого потребления из-за границы.

Признавая необходимость сохранения указанной выше общей директивы по всей ее силе, мы не разделяем связанных с нею опасений. Не надо забывать, что товарный голод — явление, трудно поддающееся количественному учету; и во всяком случае несомненно, что интенсивность товарного голода отнюдь не пропорциональна разнице между предложением товара и платежеспособным спросом на него. Если рыночное предложение на 10-15% ниже рыночного спроса, то голод на соответствующий товар будет уже ощущаться с величайшей силой. Нет поэтому никаких оснований утверждать априори, что при росте товарной части сельскохозяйственной продукции на 38% (в современных товарных рублях) и соответственном росте предметов широкого потребления на 42% (текстиль), 55% (сахар) и 60% (металлические изделия) емкость крестьянского рынка при существующем соотношении цен не будет насыщена. Напомним еще, что предполагаемая продукция будущего года составляет примерно 90% такого исключительно высокого по своей конъюнктуре довоенного года, как 1913 г. Если взять за базис близкий к средней довоенной норме 1912 г., то окажется, что производство многих предметов широкого потребления достигнет в будущем году довоенной нормы, а в некоторых весьма важных отраслях даже превзойдет эту последнюю; так, например, хлопчатобумажных тканей предположено выпустить на рынок 2415 млн м, в то время как в 1912 г. их было выработано 2176 млн м. Сбор главнейших хлебов в будущем году приближается к среднему довоенному.

Допуская, что крестьянин сразу не расширит пониженного собственного потребления сельскохозяйственных продуктов до довоенных норм, мы все же при указанных условиях едва ли можем ожидать со стороны деревни большего, чем средний довоенный, спроса на предметы непосредственного потребления, если припомним, что наиболее острая нужда в современном крестьянском хозяйстве ощущается в орудиях производства; избытки платежеспособного спроса деревни направятся, несомненно, именно в эту сторону. Следовательно, даже при полной ликвидации «ножниц», при возвращении к довоенному соотношению между ценами на промышленные и сельскохозяйственные товары крестьянский спрос на промышленные продукты в будущем году, вероятно, не превысил бы предложения¹. А так как ликвидация «ножниц» недостижима¹¹, то следует ожидать не обострения, а, наоборот, насыщения товарного голода.

Комиссия по контрольным цифрам пришла к выводу, что при наиболее рациональной с точки зрения народного хозяйства в его целом политике цен средний годовой индекс сельскохозяйственных товаров понизится на 8% по сравнению с текущим годом и примерно такое же (на 9–10%) понижение должно быть и может быть достигнуто по группе промышленных товаров (с чем согласен и ВСНХ). Предстоит, таким образом, некоторая дефляция, повышение покупательной силы червонца на 8–10%.

Если политику цен удастся провести по намеченной здесь линии, рыночная реализация в целом должна протекать нормально, с некоторым замедлением товарооборота во второй половине года и накоплением к концу его известных товарных запасов. Если же урегулировать цены в намеченных рамках не удастся, то результатом будет не товарный голод, а, наоборот, резкое снижение заготовительных цен на хлеб (на вольном

¹ Городской спрос определяется главным образом ростом зарплаты промышленных рабочих. Как мы видели, ожидаемый прирост реальной зарплаты без квартирной надбавки составляет примерно 20%, т. е. опять-таки значительно ниже прироста продукции предметов широкого потребления.

¹¹ По предположению комиссии, раствор «ножниц» в будущем году останется таким же, как и в настоящее время.

рынке), понижение платежеспособного спроса деревни, заминка в реализации, а затем и в производстве промышленных товаров, одним словом, всеобщий кризис перепроизводства.

В этом, а отнюдь не в товарном голоде, заключается главная опасность, грозящая нашему народному хозяйству в 1925/26 г. Основная трудность — реализация по намеченным ценам миллиарда пудов товарного хлеба. Наши экспортные возможности ограничены, и не столько емкостью мирового рынка, сколько провозной способностью нашего транспорта и пропускной способностью наших портов. Между тем снять с рынка в плановом порядке весь избыточный хлеб необходимо во что бы то ни стало. В крайнем случае это придется сделать путем расширения государственного резервного фонда (запроектированного в скромной цифре 50 млн пуд.) на все количество избыточного хлеба. Нет спору, иммобилизация значительных государственных средств в хлебном фонде есть операция, сама по себе непроизводительная, но лучше затратить «непроизводительно» несколько десятков миллионов рублей и тем обеспечить гармоническое развертывание производства в намеченном широком масштабе, нежели неуместной экономией создать рыночный крах, который неизбежно повлечет за собой и крах промышленный со всеми его тяжелыми последствиями, не поддающимися даже приблизительному учету.

В программе нового строительства комиссия по контрольным цифрам выдвигает на первый план жилищное строительство, составляющее в настоящее время самый тяжелый и труднопреодолимый минимум в системе нашего народного хозяйства. Произведенный в Госплане расчет показал, что если поставить ближайшей целью жилстроительства приведение в порядок существующих строений, обеспечение прироста городского населения и доведение средней жилой площади, приходящейся на рабочего, с 9 до 12 кв. аршин, то потребуются сумма в 2 млрд руб. с лишним. Технические и финансовые возможности будущего года заставляют ограничиться затратой на указанную цель всего 375 млн руб., проведя вместе с тем систему подготовительных работ, позволяющих в следующем 1926/27 г. развернуть жилищное строительство в гораздо более крупных масштабах.

Вся сумма капитальных затрат в промышленности (включая электрификацию), на транспорте, в жилищном строительстве и сельском хозяйстве достигнет в 1925/26 г. 1922 млн руб., в том числе около 950 млн руб. должно пойти на новое строительство. Сумма эта лишь в размере 718 млн руб. может быть покрыта за счет средств, имеющихся в распоряжении самих развивающихся строительство предприятий и учреждений; 520 млн руб. придется организовать на строительные цели из бюджета и в размере 600 млн руб. организовать долгосрочный банковский кредит.

Чрезвычайно много споров вызвала и, конечно, будет еще вызывать методология перспективного исчисления необходимой в будущем году денежной эмиссии, а также динамики пассивных и активных операций наших банков. Об этом вопросе надо или говорить обстоятельно, или не говорить вовсе. В настоящей общей характеристике намечаемой перспективы я вынужден избрать последнее. В прилагаемой ниже таблице наряду с прочими сводными цифрами приведены и принятые комиссией цифры денежного обращения, а также цифры текущих счетов и вкладов, с одной стороны, и учетно-ссудных операций — с другой (см. табл. 4).

История не ждет. В то время как мы все еще спорим о том, имеется ли у нас восстановительный процесс и какова именно его природа, жизнь подводит нас вплотную к завершению восстановительного процесса. 1925/26 г. — год финиша, и очевидно, лишь ретроспективно сумеем мы осмыслить теоретически этот первый фазис переживаемого нами переходного периода — «сова Минервы⁷ вылетает ночью». Но со вступлением в следующий *реконструктивный* фазис нам будет уже гораздо труднее и опаснее мириться с обычаями этой почтенной птицы. Можно было идти ощупью, учиться на ошибках и мыслить задним числом, пока текущая задача исчерпывалась оживлением унаследованных и приведенных хозяйственной разрухой в бездействие средств производства. В дальнейшем, когда каждый шаг вперед возможен лишь на почве вложения в производство нами самими созданных ценностей, когда ресурсы расширенного воспроизводства исчерпываются размерами национального накопления, каждая ошибка граничит с преступлением; ошибка на рубль равносильна растрате вдесятеро большего

Таблица 4. Сводная таблица по контрольным цифрам народного хозяйства СССР
на 1925/26 г.

	По довоенным ценам			В товарных рублях по современным ценам		В червонных рублях по современным ценам		По довоенным ценам		В товарных рублях по современным ценам		По довоенным ценам		В товарных рублях по современным ценам		В червонных рублях по современным ценам	
				млн руб.		млн руб.				% к 1913 г.				% к предыдущему году			
	1913	1924/25	1925/26	1924/25	1925/26	1924/25	1925/26	1924/25	1925/26	1924/25	1925/26	1924/25	1925/26	1924/25	1925/26	1924/25	1925/26
I. Производство																	
<i>Сельское хозяйство</i>																	
Земледелие	11 782	8106	10 236	7620	9720	13 723	16 019	69	87	65	87	102	126	121	128	121	117
Лесное хозяйство, рыболовство и охота	1044	1044	1200	980	1140	1767	1878	100	115	94	109	101	115	121	116	120	106
Итого	12 826	9150	11 436	8600	10 860	15 490	17 897	71	89	67	85	102	125	121	126	121	116
<i>Промышленность</i>																	
Крупная (ценовая)	5621	3950	5280	4190	5540	7520	9150	70	94	75	99	154	134	129	132	136	122
Мелкая	1390	1050	1370	1110	1440	2000	2870	76	99	80	104	130	130	108	130	114	119
Итого	7011	5000	6650	5300	6980	9520	11 520	71	95	76	100	148	133	124	132	131	121
Все производство	19 837	14 150	18 086	13 900	17 840	25 010	29 417	71	91	70	90	114	128	122	128	124	118
II. Товарная масса																	
<i>Сельское хозяйство (с внутрикрестьянским оборотом)</i>																	
Земледелие	3988	2537	3139	2385	2982	4295	4913	64	79	60	75	-	124	-	125	-	114
Лесное хозяйство, рыболовство и охота	510	320	500	300	475	542	783	63	98	59	93	-	156	-	158	-	144
Итого	4498	2857	3639	2685	3457	4837	5696	64	81	60	77	-	127	-	129	-	118
<i>Промышленность</i>																	
Крупная	5621	3400	4140	3600	4350	6480	7170	60	74	64	77	153	122	128	121	135	111
Мелкая	1390	1050	1370	1110	1440	2000	2370	76	99	80	104	130	129	108	130	114	119
Итого	7011	4450	5510	4710	5790	8480	9540	63	79	67	83	147	124	122	123	130	113

	По довоенным ценам			В товарных рублях по современным ценам		В червонных рублях по современным ценам		По довоенным ценам		В товарных рублях по современным ценам		По довоенным ценам		В товарных рублях по современным ценам		В червонных рублях по современным ценам	
				млн руб.		млн руб.				% к 1913 г.				% к предыдущему году			
	1913	1924/25	1925/26	1924/25	1925/26	1924/25	1925/26	1924/25	1925/26	1924/25	1925/26	1924/25	1925/26	1924/25	1925/26	1924/25	1925/26
Вся внутренняя товарная масса	11 509	7307	9149	7395	9247	13 317	15 236	63	79	64	80	125	125	114			
С импортом																	
Сельское хозяйство	4795	3002	3849	-	-	5092	6221	63	80	-	-	128	-	-	-	122	
Промышленность	7721	4644	5875	-	-	8821	10 065	60	76	-	-	127	-	-	-	114	
Вся товарная масса	12 516	7646	9724	-	-	13 913	16 286	61	78	-	-	127	-	-	-	117	
III. Внешняя торговля (по европейской границе)																	
<i>Экспорт</i>																	
Сельское хозяйство	927	204	595	-	-	354	1007	22	64	-	-	292	-	-	-	284	
Промышленность	378	66	155	-	-	108	193	17	41	-	-	235	-	-	-	179	
Итого	1305	270	750	-	-	462	1200	21	57	-	-	278	-	-	-	260	
<i>Импорт</i>																	
Сельское хозяйство	297	145	210	-	-	-255	525	49	71	-	-	14	-	-	-	206	
Промышленность	710	194	365	-	-	341	525	27	51	-	-	188	-	-	-	154	
Итого	1007	339	575	-	-	596	1050	34	57	-	-	70	-	-	-	176	
IV. Денежная масса																	
К концу года	2041	379	693	379	693	623	1157	19	34	19	34	183	-	183	-	186	
К началу года	2076	693	1261	693	1261	1157	1973	33	61	33	61	182	-	182	-	171	
Среднегодовая	2058	496	950	496	950	890	1565	24	46	24	46	192	-	192	-	176	
V. Оптовый индекс Госплана																	
<i>Сельскохозяйственный</i>																	
К началу года	1,0	-	-	0,83	0,93	1,359	1,524	-	-	83	93	-	-	140	112	155	112
К концу года	1,0	-	-	0,93	0,93	1,576	1,460	-	-	93	93	-	-	111	100	112	93
Среднегодовая	1,0	-	-	0,94	0,95	1,693	1,565	-	-	94	95	-	-	119	101	126	92

	По довоенным ценам		В товарных рублях по современным ценам		В червонных рублях по современным ценам		По довоенным ценам		В товарных рублях по современным ценам		По довоенным ценам		В товарных рублях по современным ценам				
					млн руб.				% к 1913 г.				% к предыдущему году				
	1913	1924/25	1925/26	1924/25	1925/26	1924/25	1925/26	1924/25	1925/26	1924/25	1925/26	1924/25	1925/26	1924/25	1925/26		
Промышленный																	
К началу года	1,0	-	-	1,21	1,08	1,984	1,778	-	-	121	108	-	-	113	89	79	90
К концу года	1,0	-	-	1,07	1,07	1,809	1,678	-	-	107	107	-	-	90	100	91	93
Среднегодовая	1,0	-	-	1,06	1,05	1,905	1,733	-	-	106	105	-	-	87	99	88	91
Общетоварный																	
К началу года	1,0	-	-	1,0	1,0	1,642	1,646	-	-	100	100	-	-	100	100	110	100
К концу года	1,0	-	-	1,0	1,0	1,689	1,565	-	-	100	100	-	-	100	100	101	93
Среднегодовая	1,0	-	-	1,0	1,0	1,796	1,647	-	-	100	100	-	-	100	100	106	92
По внутренней товарной массе						1,822	1,665			100	100				100		91
По товарной массе с импортом	1,0	-	-	-	-	1,820	1,674	-	-	100	100	-	-	-	-	-	92
VI. Вклады и текущие счета																	
К началу года	3844	337	640	337	640	554	1067	9	17	9	17	-	190	-	190	-	193
К концу года	4214	640	1534	640	1534	1067	2400	15	36	15	36	-	240	-	240	-	225
Среднегодовая	3956	452	1052	452	1052	811	1733	11	27	11	27	-	233	-	233	-	214
VII. Учетно-судные операции (включая долгосрочный кредит)																	
К началу года	4400	572	1139	572	1139	940	1900	13	26	13	26	-	199	-	199	-	202
К концу года	4800	1139	2428	1139	2428	1900	3800	24	51	24	51	-	213	-	213	-	200
Среднегодовая	4500	791	1730	791	1730	1420	2850	18	38	18	38	-	219	-	219	-	201
VIII. Бюджет за исключением отчислений местам, стоимости монеты, возврата в казну облигаций крестьянского займа в уплату сельскохозяйственного налога																	
	2919	1392	2064	1392	2064	2500	3400	48	71	48	71	-	148	-	148	-	136

народного достояния. Будем надеяться, что не к финишу, а к началу реконструктивного процесса, т. е. уже в течение ближайшей осени и зимы, мы сумеем вооружиться не только отчетливым теоретическим постижением, но и стройным практическим планом реконструкции. Если этого не будет, провал на историческом экзамене зрелости не только современных хозяйственников-плановиков, но и самой идеи планового хозяйства обеспечен.

- 1 Опубликовано в: Экономическое обозрение. 1925. № 8. С. IV—XX.
- 2 Результаты этих исследований нашли отражение, в частности, в книге: Гухман Б. А. Продукция и потребление СССР. К народнохозяйственному балансу 1922/23 хозяйственного года. С предисловием С. Г. Струмилина. М.: Госплан СССР, 1925.
- 3 См.: Баланс народного хозяйства Союза ССР за 1923/24 год / Под ред. П. И. Попова. Труды ЦСУ. Т. XXIX. М., 1926.
- 4 Первым плановым документом, охватывающим перспективы развития советского хозяйства как целого, стали «Контрольные цифры народного хозяйства на 1925-1926 г.». М.-Л.: Плановое хозяйство, 1925. Эта работа публикуется в настоящем издании (Т. 2).
- 5 Громан В. Г. О некоторых закономерностях, эмпирически обнаруживаемых в нашем народном хозяйстве // Плановое хозяйство. М., 1925. № 1. С. 88—101; № 2. С. 125—141.
- 6 ЦОС — Центральный отдел статистики ВСНХ.
- 7 Минерва — италийская богиня мудрости.

Рецензия на «Вопросы конъюнктуры»¹

<...> Н. Д. Кондратъев опубликовал в сборнике исследование «больших циклов конъюнктуры» — проблемы, весьма мало разработанной в мировой литературе. Анализируя понятие «больших циклов» со стороны его экономического содержания, Н. Д. Кондратъев кратко, но совершенно убедительно показывает несостоятельность того довольно распространенного в науке взгляда, что большие циклы органически не связаны с развитием капиталистического хозяйства, что они представляют собой, так сказать, «возмущения» естественной орбиты экономического развития и вызываются воздействием внешних фактор пертурбационного характера, как то: переворотами в технике, войнами и революциями, колебаниями в добыче золота и т. п. Нельзя не согласиться с профессором Кондратъевым, что все эти факторы лишь по недоразумению могут быть названы «внешними». Едва ли надо доказывать, что войны и революции не налетают на капиталистическое общество извне, подобно космическим катастрофам, но вполне закономерно вытекают из его внутреннего развития. Не менее очевидно, однако, и то, что технические изобретения, вновь открытые золотые россыпи и т. п. *осваиваются* народным хозяйством, становятся объектом систематического использования лишь тогда и лишь постольку, когда и поскольку это диктуется потребностями экономической эволюции. В действительности все эти якобы «внешние» и случайные факторы являются, говоря словами автора, «не исходными силами капиталистического развития, а его функцией и формой».

Но раз это так, раз так называемый «большой цикл» есть «форма развития», т. е. форма *secular trend*², то об этой неразрывной органической связи не следует забывать и при *техническом* анализе явления. Не следует забывать, что математическое отделение векового движения от большого цикла должно рассматриваться с этой точки зрения как совершенно

искусственный условный прием, который облегчает изучение изгибов совокупной кривой, но которому *ничего не соответствует в реальной структуре изучаемого процесса*. А это меняет смысл математических операций (ибо здесь не соблюдены все предпосылки классической теории применения способа наименьших квадратов), а главное, налагает известные ограничения на выбор математических средств анализа. Так, например, очевидно, не следует для выделения *secular trend* применять кривые, имеющие точки перегиба (в частности, параболы порядка выше 2-го), ибо в противном случае мы, приступая к анализу *первичных* («больших») волн векового движения, о которых мы пока еще ничего не знаем, произвольно выключили бы из поля нашего зрения некоторые волнообразные колебания, механически передав их в уровень. Но и при употреблении не волнообразных кривых, но резко различающихся между собой по типу и параметрам, можно легко впасть в ошибку. Представим, например, себе, что исследуя динамику каких-либо двух сторон одного и того же народного хозяйства, мы в одном случае выровняли вековое движение по показательной кривой, в другом — по прямой; совпадение фаз больших циклов получилось идеальное. Легко может оказаться, однако, что *понижительное* движение по отношению к первому плавному уровню, в который мы внесли чрезвычайно быстрое повышение темпа, будет в действительности означать ускоренное и гораздо более ускоренное развитие, чем *повышательное* движение по отношению ко второму уровню, выровненному в предположении постоянства скорости *secular trend*. Упустив это из виду, мы рисковали бы сделать неверные или, по меньшей мере, неполные экономические выводы³.

Мне кажется, что эти соображения, логически вытекающие из того экономического понимания природы больших циклов, которое развито профессором Кондратьевым, не достаточно учтены в процессе его работы. Но этим отнюдь не обесцениваются выводы автора; наоборот, есть все основания думать, что основные аналитические положения, установленные в разбираемой статье, сохранились бы и при ином техническом подходе к материалу⁴; что же касается углубленной экономической теории больших циклов, к которой автор, вероятно, перей-

дет в своих дальнейших работах, то построение ее, конечно, было бы облегчено, если бы уже с самого начала не проводилось с такой резкостью механического рассечения исследуемого процесса на большие циклы и вековое движение.

<...>

- ¹ Рецензия на издание: Вопросы конъюнктуры. М.: Изд. Наркомфина. Т. 1. Вып. 1. 1925. Впервые опубликовано в: Экономическое обозрение. 1925. № 11. С. 255–258.

Публикуется часть рецензии, относящаяся к анализу статьи Н. Д. Кондратьева «Большие циклы конъюнктуры». В этой статье Кондратьев впервые дал развернутое изложение своей концепции. Базаров был одним из немногих советских ученых, кто пытался объективно проанализировать его теорию. Он участвовал в дискуссии по докладу Кондратьева, посвященному этой теории, которая состоялась в феврале 1926 г. в Институте экономики Российской ассоциации научных институтов по общественным наукам. Опубликованные материалы дискуссии по неизвестным причинам не содержали текста выступления Базарова. См.: *Кондратьев Н. Д., Опарин Д. И.* Большие циклы конъюнктуры. М.: Изд. Института экономики РАНИОН, 1928.

- ² Secular trend (*англ.*) — вековая тенденция.
- ³ Базаров во многом предвосхитил критические замечания других ученых о теории больших циклов, в частности Опарина, который выступил с контр-докладом на дискуссии о больших циклах в Институте экономики.
- ⁴ Позднее В. А. Базаров пришел к иным выводам о теории больших циклов Кондратьева (см. его работу «Капиталистические циклы и восстановительный процесс экономики СССР», наст. изд. Т. 2).

Итоги истекшего года и злоба текущего дня¹

1924/25 хозяйственный год был, несмотря на посредственный урожай 1924 г., годом рекордных достижений нашего восстановительного процесса <...>

В прессе неоднократно указывалось на то, что в 1924/25 г. центр тяжести нашего промышленного развития переместился из области легкой индустрии, обслуживающей широкое народное потребление, в область тяжелой индустрии и вообще в производство средств производства. Положение это верно лишь относительно. В целом производство средств производства, даже если скинуть со счета топливную промышленность, находившуюся, как только что было сказано, в особых условиях, росло в истекшем году не быстрее, а, быть может, даже несколько медленнее производства предметов широкого потребления: имеющиеся в нашем распоряжении данные дают для первой группы производств прирост 53% (с учетом топливной промышленности) и 68% без нее, для второй группы — 71%. Так как эти цифры относятся только к предприятиям крупной государственной промышленности, так как, сверх того, для определения физического объема промышленности мы вынуждены пользоваться валютировкой² по довоенным ценам, всегда сопряженной с рядом условностей, то ручаться за точность этого процентного сопоставления в пределах 3%, разумеется, нет возможности. Можно сказать только одно: резкого перевеса в темпе развития производства средств производства по сравнению с промышленностью в целом в истекшем году не наблюдалось. Центр тяжести восстановительного процесса перемещается в сторону продукции средств производства в том смысле, что эта последняя, все время отстававшая в своем развитии от прочих отраслей, начинает понемногу выравниваться, идти в ногу с общим ходом промышленного роста страны, имея, однако, и донныне меньший удельный вес, чем это следовало бы при вполне гармоничном, пропорциональном росте всех частей системы. <...>

Если продукция промышленности, взятая в целом, достигла в 1924/25 г. 57,5% довоенного уровня, то для главнейших подразделений земледельческого производства урожай 1924 г. дает 53% по главной зерновой продукции и 79% по техническим культурам. Однако при анализе темпа развития промышленности и сельского хозяйства нельзя ограничиваться сопоставлением годовой продукции первой с урожаем предшествующего года. Коэффициенты, характеризующие последний квартал нашего хозяйственного года, формируются под непосредственным влиянием реализации нового урожая, мало того, уже с весны, с того момента, как начинают конкретизироваться «виды на урожай», вся рыночная конъюнктура, а следовательно, и связанное с ней развертывание промышленности протекают под существенным влиянием этих перспективных оценок грядущего урожая. Так, например, в истекшем году чрезвычайно благоприятные и в течение всего лета непрерывно повышающиеся «виды на урожай» заметно форсировали весь ход хозяйственного развития, вследствие чего обычное у нас сезонное затишье совершенно не имело места в течение прошлого лета. Поэтому показатели промышленного роста корреспондируют не с земледельческой продукцией прошлого года, а с некоторой средней величиной между прошлым и текущим урожаем. В 1925 г. урожай главных хлебов с внесением поправки на частичную гибель его вследствие дождей, испортивших уборку, составляет все же около 78% довоенного уровня. Что касается технических культур, то здесь нормы 1913 г. являются уже превзойденными: сбор льняного волокна дал 119%, пеньки — 125, хлопка — 84, льняного семени — 85,6, конопляного семени — 112, подсолнуха — даже 440% довоенного. При таких условиях нельзя не признать, что несмотря на неслыханно бурный рост промышленности в 1924/25 г., ее продукция по своему размаху и теперь еще отстает от продукции земледелия.

Значение этого обстоятельства еще усугубляется отмеченным выше сдвигом в соотношении различных видов земледельческого производства. При всех колебаниях, вызываемых сменой урожайных и неурожайных лет, основная тенденция проступает с полной отчетливостью, и тенденция эта состоит в том, что так называемые «технические», т. е. специфически

товарные, культуры развиваются значительно быстрее зерновых. Если взять товарную часть земледельческой продукции без внутрикрестьянского оборота, то окажется, что в 1913 г. стоимость отчужденных земледелием хлебов на 69% превышала стоимость выброшенных на рынок продуктов технических культур. В 1924 г. по довоенным ценам первая часть была равна второй, в 1925 г. первая превысит вторую, вероятно, на 18–20%. При этом расчете предположено, что потеря урожая 1925 г. вследствие плохой уборки хлебов, определенная в 250 млн руб., лишь в $\frac{1}{3}$ возместится сокращением запасов и потребления внутри деревни и на всю остальную часть уменьшит сумму товарной продукции, выбрасываемой на городской и внешний рынок. Но если бы даже осенние дожди и не внесли этой поправки в первоначальные соотношения, исключительно благоприятные именно для хлебных культур, то и тогда стоимость товарной части зерновой продукции была бы лишь на 45% выше стоимости товарной части технических продуктов, тогда как в 1913 г., как только что было сказано, этот коэффициент был 69%. Не подлежит, таким образом, ни малейшему сомнению, что в деревне полным ходом идет реконструкция, смысл которой — переход от универсального самопотребительского типа к специализированным товарным хозяйствам.

Это в высшей степени прогрессивный процесс, наглядно доказывающий, что черный передел нашей аграрной революции действительно дал мощный толчок развитию производительных сил земледелия и отнюдь не ограничился перераспределением земледельческих доходов в сторону всеобщего поравнения, что при наличном уровне знаменовало бы лишь равенство всеобщей нищеты. Но этот прогрессивный процесс для беспрепятственного своего развития требует форсированного роста промышленной продукции предметов широкого потребления, требует интенсивнейшей борьбы с той диспропорцией между промышленной и сельскохозяйственной продукцией, преодоление которой было провозглашено одной из основных задач нашей экономической политики два года назад — в момент констатации прославленных «ножниц», не изжитых и до настоящего времени.

Казалось бы, что по этому кардинальному и вместе с тем достаточно элементарному вопросу в настоящий момент не должно быть принципиальных разногласий. Однако как раз в последнее время широко пропагандировалась концепция, согласно которой борьба с только что указанной диспропорцией лишена смысла, ибо отсутствует объект борьбы. Основная идея этой концепции очень проста. Ни о какой диспропорции в соотношении натуральных размеров продукции, гласит разбираемая теория, не может быть и речи, раз реализация происходит на рынке, цены которого автоматически устанавливают равновесие для всяких пропорций спроса и предложения. Если предложение данного товара уменьшается при неизменной потребности в нем, то повышение цены быстро приводит к ограничению платежеспособного спроса рамками суженного предложения, и установленное таким путем новое рыночное равновесие так же действительно, как и всякое другое. А раз это так, то нельзя говорить о какой-то диспропорции между промышленным и земледельческим производством. Вопрос должен быть поставлен иначе. Что выгоднее для нашей промышленности, для наших финансов и нашего народного хозяйства в целом: стремиться к изменению существующего равновесия, настойчиво форсируя промышленную продукцию при одновременном снижении продажных цен, рискуя ошибками в прогнозе, перенапрягая наличные производительные силы, предъявляя трудновыполнимые требования к нашей кредитной системе, идя навстречу возможным перебоям и неувязкам, или же воспользоваться установившейся системой равновесия, фиксировать благоприятную для промышленности «конъюнктуру» товарного голода и высоких цен, взять медленный, но абсолютно верный и спокойный темп развития, задаваясь лишь такими производственными программами, реализация которых гарантирована даже при наихудших возможных условиях?

Сторонники цитируемой теории решительно высказываются в пользу второй альтернативы; замедленный темп развития промышленности, следующей с некоторым опозданием за земледелием, представляется им наиболее надежным путем к хозяйственному возрождению страны.

Ошибка этого построения очевидна. Она сводится к нереальности предположения, что производительные силы деревни могут и будут развиваться на основе достигнутых соотношений между промышленной и земледельческой продукцией и при соответствующем растворе «ножниц». Пока дело идет об удовлетворении максимально настоятельных и незаменимых потребностей в продуктах промышленности, крестьянин отчуждает избыток своего производства при явно невыгодном для себя соотношении цен. Но отсюда еще отнюдь не следует, что он при тех же ценностных соотношениях будет стремиться расширять потребление промышленных продуктов за пределы безусловно необходимого, соответственно увеличивая и свою собственную товарную продукцию. Яркую иллюстрацию противоположного дает как раз конъюнктура конца прошлого и начала нынешнего года. По расчетам, основанным на июльских и августовских данных об урожае, потенциальный товарный избыток хлебов определялся очень высокой цифрой. При самых щедрых коэффициентах прироста собственного потребления, потребления скота и натуральных запасов деревни получалась цифра порядка 1000 млн пуд. Потери, вызванные дождями, достигают, на основании имеющихся (правда, все еще предварительных) сведений, 240–250 млн руб. Этого снижения недостаточно для объяснения крайней сдержанности предложения хлеба в течение всех осенних месяцев. Между тем попытка найти основания для более радикальной переоценки урожая в сторону его уменьшения до сих пор не имела никакого успеха; скорее наоборот обследования на местах показали, что предварительная оценка преуменьшила действительность, так как на значительном пространстве урожай был рекордным, далеко выходящим за пределы высшей нормы, предусмотренной балловой оценкой ЦСУ. Напряженность хлебного рынка нельзя целиком объяснить без предположения, что часть потенциально-товарного хлеба, имеющаяся в наличии, так и осталась пока в потенциальном состоянии, не поступила на реальный товарный рынок вследствие невыгодного для деревни при данном размахе товарооборота соотношения цен.

Если учесть всю сумму отчужденной крестьянством продукции, если принять сверх того во внимание, что давление на-

логового прессы вследствие передвижки сроков взноса почти не проявляло себя, то получится, конечно, значительно большая величина отчуждения сельскохозяйственной продукции в обмен на промышленные товары, чем в любом из прошлых лет. Сравнительно сдержанного предложения было достаточно для того, чтобы несколько полнее, чем раньше, удовлетворить самые насущные нужды деревни в предметах промышленного производства. Однако, несмотря на наличие обильных запасов, явившихся к тому же результатом не добавочных затрат труда, а благоволения небес, крестьянин не склонен переходить за границу наметившегося равновесия, не склонен выбрасывать по пониженной цене новые порции имеющегося у него излишка продуктов, с тем чтобы выманывать из города по повышенной цене новые порции товара.

Если так обстоит дело при наличии случайно возникшего, и, так сказать, дарового избытка сельскохозяйственных продуктов, то тем менее возможно ожидать, что при фиксации современных ценностных соотношений крестьянин будет активно стремиться к повышению производительности своего хозяйства и систематически увеличивать его товарность. Неизбежным результатом такого направления экономической политики явилась бы приостановка в развитии производительных сил деревни, а вместе с тем естественно нарастало бы разочарование в целесообразности практикуемой у нас системы покровительства госпромышленности. Итак, замедление темпа развертывания промышленности на базисе достигнутых рыночных соотношений менее всего гарантировало бы нам спокойствие.

До каких же пор должна вестись теперешняя напряженная политика? Когда сможем мы передохнуть, приостановиться, вступить в русло тихого размеренного течения? Увы, по-видимому, никогда. Ограничение роста продукции и упорядоченный сбыт ее по высоким ценам — лозунг предпринимательских синдикатов и трестов. Наша система государственного регулирования потеряла бы значительную долю своего исторического оправдания, если бы оказалось, что подобно частнохозяйственным объединениям она заключает в себе какие бы то ни было тенденции, ограничивающие рост производительных сил.

Впрочем, если немыслимо указать положительную границу, то отрицательную наметить возможно — возможно наметить минимум, раньше которого приостановка политики форсирования, безусловно, недопустима. Это отнюдь не довоенный уровень. Это гораздо дальше, а именно: соотношение между ценами нашей сельскохозяйственной продукции и ценами предметов широкого потребления на *мировом* рынке — вот тот ближайший уровень, по достижении которого на нашем внутреннем рынке мы, быть может, и получим некоторую передышку.

Однако необходимость сдержанного развития нашей промышленности мотивируется иногда более сложными соображениями, требующими особого рассмотрения. Такие соображения привел, например, т. Шанин в своей статье «Экономическая природа нашего бестоварья» (см. ноябрьскую книжку нашего журнала)³.

Источник переживаемого нами товарного голода автор видит не только и даже не столько в диспропорции между промышленной и сельскохозяйственной продукцией, сколько в неправильном соотношении между главными составными частями самой промышленной продукции. Промышленность «своим товарным предложением не может оплатить своего собственного товарного спроса». «Когда крестьянство выбрасывает свою продукцию на рынок», — поясняет автор, «оно взамен отдаваемого им товара накапливает покупательные средства. Крестьянский товар вошел в промышленность, там переработан и возвращается обратно в виде промтоварной массы. Почему же эта масса оказалась недостаточной для того, чтобы компенсировать созданный ею крестьянский спрос? Ведь этот спрос создан в результате продажи крестьянской продукции промышленности. А эта сельскохозяйственная продукция в переработанном в промышленности виде должна бы возрасти в ценности, а не упасть». В прежние годы причиной такого несоответствия можно было бы признать неналаженность промышленности, малую производительность труда, проедание вложенных в промышленность ценностей. Теперь эти явления не имеют места, и причину приходится искать в другом. «Она заключается в том, что у нас идет сейчас в промышленности

непомерно форсированный процесс накопления основных капиталов. Мы вкладываем в промышленность колоссальные (на наш масштаб) массы товарных ценностей». Отсюда, по т. Шанину, и возникает основная диспропорция. По его подсчетам, в 1925/26 г. предполагается вложить в основной капитал промышленности 900 млн руб., из них на тяжелую индустрию — 575 млн и на легкую — 300 млн руб., т. е. почти вдвое меньше. Развитие легкой индустрии в текущем году предусмотрено на 33–38%, развитие же тяжелой индустрии предусматривается в размере 50%. «Тяжелая индустрия, поскольку она выплачивает огромную сумму заработной платы, форсирует спрос на предметы широкого потребления, которых она непосредственно не производит». Пока наши промышленные предприятия работали с очень неполной нагрузкой, всякое новое вложение капитала производило немедленный крупный эффект в смысле расширения продукции предметов широкого потребления. Теперь обстоятельства изменились. «Мы пускаем в ход уже предприятия второй очереди и сейчас активизируем предприятия третьей очереди, т. е. предприятия наиболее отсталые, требующие значительных ремонтно-восстановительных затрат и не могущие после всех этих затрат дать продукцию более дешевую, чем та, которую дают предприятия первой и второй очереди... мы активизируем производительные силы с такого рода жертвами, которые окупают себя лишь в малой мере». Отсюда двоякая практическая директива: во-первых, «развитие производства предметов широкого потребления и экспортных отраслей нашего хозяйства — наша центральная задача» и, во-вторых, в связи с этим, «надо взять линию более медленного на первых порах и более осторожного развертывания тяжелой индустрии. За счет экспортной выручки ввозить систематически оборудование, обработанные металлы и пр. с тем, чтобы на производство их сейчас не делать фундаментальных затрат». И наконец, в самом конце статьи автор высказывается еще более решительно: никаких затрат на развертывание тяжелой промышленности до тех пор, пока мы не разовьем в достаточной мере производство предметов непосредственного потребления и не накопим солидных товарных запасов! «Только на базе таких запасов мы сможем сказать: в таком-то году, помимо лег-

кой индустрии, можно бросить такие-то средства на развитие тяжелой индустрии».

Сильные стороны этой аргументации — в применении балансового метода к проблеме соотносительности в развитии отдельных частей народного хозяйства. Но схема баланса, набросанная автором, настолько груба, настолько далека от сложной действительности, что обосновать ею сделанные т. Шаниным конкретные выводы совершенно невозможно.

В самом деле, ценность промышленной продукции, реализуемой в деревне, даже в самом первом приближении нельзя рассматривать как переработанную в промышленности ценность отчужденных деревней продуктов сельского хозяйства. Ибо 1) помимо сельскохозяйственного сырья, промышленность, обслуживающая деревню, потребляет и сырье индустриального происхождения (например, в производстве керосина, спичек, соли, металлических изделий, домашней утвари и т. д.); 2) помимо продовольствия, заработная плата промышленных рабочих затрачивается на приобретение продуктов самой же промышленности. С другой стороны, предметы питания, продаваемые деревней в обмен на промышленную продукцию, составляют продовольственный фонд всего городского населения, а не одних только промышленных рабочих, составляющих в этом населении значительное меньшинство. Поэтому из сопоставления сельскохозяйственной продукции, выброшенной деревней на городской рынок, и промышленной продукции, завезенной в деревню, никаких выводов о диспропорции между тяжелой и легкой индустрией сделать невозможно. В частности, истекший хозяйственный год характеризуется, как было показано выше, значительным отставанием тяжелой индустрии от легкой по сравнению с пропорциями 1913 г., а 1913 г. хотя и был годом высокой конъюнктуры, но отнюдь не выделялся исключительно грандиозным размахом реконструктивных работ. Наступивший 1925/26 г. вопреки заявлению т. Шанина также не грозит нам пока никакими катастрофическими сдвигами в этой области.

Шанин утверждает, что прирост продукции тяжелой промышленности запроектирован в размере 50%, а легкой — в размере 33–38%. Если бы это даже и было верно, то при наличии

сильного отставания тяжелой индустрии от легкой не заключало бы в себе ничего страшного. Но приведенные коэффициенты преувеличены. По кругу предприятий, планируемому ВСНХ, — а именно этот круг нас в данном случае и интересует в первую голову, — контрольные цифры Гоеплана⁴ дают такие цифры предполагаемого прироста продукции по главнейшим отраслям тяжелой индустрии: каменноугольная — 44%, нефтедобыча — 18, металлообработка — 63, электротехника — 73%; по производству предметов широкого потребления: хлопчатобумажная — 42%, резиновая — 67, спичечная — 10, стекольная — 71, сахарная — 55, табачно-махорная — 15%. Относительный перевес на стороне производства средств производства есть, но не особенно крупный. Равным образом и в плане капитальных затрат 300 млн руб., отнесенным на долю производства предметов широкого потребления, противостоят не 575, а всего 495 млн руб., вкладываемых в производство средств производства, причем в этой последней сумме весьма значительной цифрой (116 млн руб.) фигурирует экспортная нефтедобывающая промышленность, всемерное форсирование которой требуется и практическими директивами т. Шанина.

Таким образом, искать причины теперешнего товарного голода в чрезмерном форсировании тяжелой индустрии нет решительно никаких оснований. Насколько неправдоподобно такое предположение, показывает следующий простой расчет. Огромные суммы, затрачиваемые на возрождение тяжелой индустрии, имеют в преобладающей своей массе очень мало отношения к сельскохозяйственной продукции. Эта последняя идет в счет лишь постольку, поскольку она расходуется на продовольствие вновь привлекаемых промышленностью рабочих. Какие же добавочные кадры рабочих втянула в себя тяжелая промышленность по сравнению с прошлым годом, когда она была в явном минимуме? За август-сентябрь число рабочих в каменноугольной промышленности возросло на 28 тыс. человек, в рудной — на 5, в металлической — на 33, а в электротехнической — на 1,3 тыс. человек, в остальных оно осталось почти неизменным. К октябрю, когда современный товарный голод со всеми его специфическими особенностями обнаружился в полную силу, прирост рабочих тяжелой индустрии вы-

разился цифрой порядка 67–70 тыс. человек. Если мы примем во внимание, что эти 70 тыс. и раньше жили в городе, потребляя сельскохозяйственные продукты, то мы, наверное, преувеличим, определив добавочный месячный спрос каждого из этих рабочих на продовольственные продукты в 1 червонец. Но даже и при таком заведомо преувеличенном допущении фактически имевшее место развертывание тяжелой индустрии повысило бы спрос города на сельскохозяйственную продукцию на какие-нибудь 500–700 тыс. руб. в месяц, т. е. на величину, ничтожно малую по сравнению с теми ценностными массами, о равновесии или диспропорции которых идет речь.

Нельзя согласиться также и с перспективной директивой задерживать развитие тяжелой индустрии впредь до того момента, когда производство предметов массового потребления достигнет широкого размаха и даст возможность накопить солидные товарные запасы, а пока что покрывать потребности развивающейся легкой индустрии в средствах производства путем импорта. Здесь прежде всего неясно, что именно подразумевается под термином «тяжелая индустрия»: ведь огромных затрат требует не только развитие металлургии и машиностроения, но и развитие добычи минерального топлива. Между тем о широком импорте угля и нефти автор не упоминает. Далее, для развития оживленного товарооборота между городом и деревней необходима интенсификация железнодорожного и речного транспорта — опять-таки область, требующая гигантских вложений, и притом в значительной своей части неосуществимых посредством импорта. Наконец, и это самое важное — при всяких перспективных планах надо помнить, что для живого организма приостановка в развитии есть не стационарное состояние, а движение назад: деградация и разложение. Если бы мы по совету автора забросили на ряд лет металлургию и металлообработку, то к моменту, когда по его плану настала бы пора приступить к развертыванию этих отраслей, они пришли бы в состояние такой изношенности, запущенности и развала, что и «развертывать» было бы нечего, а пришлось бы строить заново на чистом месте. Поставить подобного рода эксперимент — значило бы рискнуть утратой не только зданий и оборудования, но и еще гораздо более цен-

ной и труднозаменяемой производительной силы кадров квалифицированных рабочих-металлистов.

Перспективный план народнохозяйственного развития должен строиться балансовым методом, но из бесчисленного множества теоретически возможных балансов надлежит выбрать экономически оптимальный вариант. Схема перспективного баланса, намеченная т. Шаниным, этому требованию не удовлетворяет.

Однако некоторые высказанные им соображения представляют известный интерес.

Несомненно, что в течение наступающего периода реконструкции было бы крайне нецелесообразно следовать популярному у нас ультрапротекционистскому девизу: не ввозить из-за границы ничего такого, что может быть изготовлено внутри страны. Допустим, например, что при данном состоянии нашего машиностроения мы не можем обслужить какую-либо важную отрасль легкой индустрии машинами, отвечающими последним требованиям современной техники, или можем сделать это лишь по чрезвычайно высоким ценам. Тогда, конечно, предпочтительно закупить соответственные машины за границей, ибо в противном случае мы надолго обременим легкую индустрию предприятиями, обреченными работать с повышенной амортизацией и неспособными достичь нормальной для данного времени производительности труда. Это понизило бы рентабельность промышленности в целом, а следовательно, косвенным образом затруднило бы и реорганизацию неудовлетворительно работающего машиностроения. Получается порочный круг, разорвать который можно, лишь положив в основу реконструктивного плана принцип: возможно лучшее оборудование с возможно меньшими издержками. На этой основе должны намечаться экспортно-импортные программы реконструктивного периода, причем вопреки советам т. Шанина перспективные балансы надо строить таким образом, чтобы было обеспечено более или менее равномерное развертывание всех главнейших отраслей промышленности.

Принцип этот уже теперь, при самом первом приступе к реконструкции, по-видимому, нарушен, поскольку в настоящее время пускаются в ход «предприятия третьей очереди», т. е.

предприятия, технически наиболее отсталые, требующие больших затрат на активизацию, но и при этих затратах отнюдь не обещающие дать достаточно высокой производительности труда.

Надо отметить, что при первоначальной наметке производственной перспективы текущего года госплановской комиссией по контрольным цифрам совместно с представителями ведомств пуск подобного рода предприятий, заслуживающих только ликвидации, отнюдь не принимался во внимание. Девиз 100%-го использования наличного оборудования проводился не огульно, а лишь в рамках технической и экономической целесообразности такого использования по каждой отрасли. Целесообразным признавалось использование бездействующих предприятий лишь в том случае, если они после финансово-приемлемых затрат способны дать не менее удовлетворительные технические коэффициенты, чем предприятия, уже действующие. Однако перспектива, намеченная контрольными цифрами, которые принято упрекать в преувеличениях, была затем при дальнейшей конкретизации значительно расширена хозорганами. В частности, по металлургии комиссия Госплана приняла выплавку чугуна в размере 120 млн пуд., оспаривая перспективу ВСНХ, ориентированную на 144 млн пуд. Между тем в сообщениях периодической печати фигурировали еще более высокие цифры (156 млн пуд.). Подобного рода раздувание программ было нерационально и в летние месяцы, при исключительно благоприятных видах на общую народнохозяйственную конъюнктуру предстоящего года. В настоящий же момент всякое превышение намеченных в то время перспектив является сугубо немотивированным.

В нашей плановой работе очень много дефектов, неувязок, перебоев. Особенно плохо обстоит дело с искусством планового маневрирования. Наши хозяйственно-директивные и регулирующие механизмы отличаются громоздкостью и неповоротливостью; но, раз повернувшись, развивают такую солидную инерцию, что приспособление экономической политики к меняющейся конъюнктуре достигается с величайшим трудом и запозданием. Вследствие этого даже правильно намеченные директивы часто не осуществляются на практике или осуществ-

вляются лишь как отвлеченные средние величины из конкретных резких скачков в ту и другую сторону. Движение наших экономических показателей во времени идет не по плавной линии динамического равновесия растущей хозяйственной системы, а обнаруживает уклоны и зигзаги с не меньшей амплитудой колебаний, чем в капиталистических странах. Тысячу раз правы те из наших плановиков, которые до сих пор осторожно говорят о «борьбе» за плановое хозяйство, а не о наличии такового. Эта борьба при скудности наших материальных ресурсов, при нашей культурной отсталости, при нашей бедности умственными силами очень трудна, и все же она может вестись лишь путем расширения и уточнения наших плановых затрат в меру роста потребностей народнохозяйственного целого. Искать выхода из затруднений на почве искусственного сжатия плановой работы и огульного сокращения соответственных программ было бы большой принципиальной ошибкой; такое лекарство причинило бы народнохозяйственному организму больше вреда, чем сама болезнь.

-
- 1 Впервые опубликовано в: Экономическое обозрение. 1925. № 12. С. 31–42. Печатается с сокращениями.
 - 2 Валютирование — дата зачисления средств на банковский счет. В данном случае имеется в виду использование старых довоенных цен для взвешивания текущих объемов выпуска.
 - 3 Статья Л. Шанина была опубликована в журнале «Экономическое обозрение» (1925. № 11. С. 25–39).
 - 4 Контрольные цифры народного хозяйства на 1925/26 год. М.-Л.: Плановое хозяйство, 1925. См. настоящее издание, ХХХ. В дальнейшем госплановские проектировки были пересмотрены в сторону снижения показателей промышленного роста, экспорта и импорта. Это было связано с существенным недобором товарного хлеба урожая 1925 г. по сравнению с ожидавшимся. См.: Пересмотр контрольных цифр народного хозяйства на 1925/26 г. // Плановое хозяйство. 1926. № 2. С. 41–82.

О методологии построения перспективных планов^{i 1}

I. ОСНОВНЫЕ ТИПЫ ПЕРСПЕКТИВНЫХ ПЛАНОВ

1. Исторически первым опытом построения перспективного плана является проект электрификации РСФСР, выработанный ГОЭЛРО². Работа эта, составившая эпоху в развитии плановых начал в Советской России, и поныне не утратила своего актуального значения, поскольку ею намечен тот новый энергетический фундамент, на котором должна развернуться техническая реконструкция народного хозяйства СССР.

Однако ввиду того, что проект ГОЭЛРО в отдельных своих частях в настоящее время уже устарел, и в то же время ввиду того, что он не объемлет собой проблемы переустройства и рационализации народного хозяйства в целом. Госплан СССР приступил в настоящее время к пересмотру плана электрификации и к выработке *генерального плана реконструкции народного хозяйства Советского Союза*³.

2. В связи с работой ГОЭЛРО и ориентируясь на ее выводы, Госплан и плановые органы наркоматов уже два-три года назад пытались наметить календарную перспективу нашего хозяйственного роста на определенный многолетний период. В процессе этих предварительных наметок работники Госплана СССР очень скоро пришли к убеждению, что сколько-нибудь обоснованный план экономического развития Союза может быть построен лишь в форме *перспективного народнохозяйственного баланса*. Но проблема построения баланса народного хозяйства является новой в экономической науке и практике. (Отчетливая постановка ее принадлежит, правда, еще Кенэ, а некоторые элементы ее решения даны Марксом в знаменитых уравнениях

ⁱ Статья представляет собой основные положения доклада, зачитанного автором в Методологической комиссии и в Комиссии по выработке генерального плана Госплана СССР.

реализации во II томе «Капитала»; однако в дальнейшем своем развитии политическая экономия, как марксистская, так и буржуазная, почти не занималась этим вопросом.) Поэтому в тот момент, когда перед нашими плановыми работниками впервые встала практическая задача построения баланса народного хозяйства, да еще к тому же «перспективного», в их распоряжении не оказалось ни статистических, ни методологических предпосылок, необходимых для ее удовлетворительного решения. Естественно, что дальнейшие усилия были направлены прежде всего на пополнение этих фактических и теоретических пробелов. За последние годы опубликован ряд исследований, посвященных разработке отдельных сторон сложной проблемы баланса народного хозяйства. Госпланом СССР был дан набросок главнейших элементов народнохозяйственного баланса на 1922/23 г. ЦСУ заканчивает работы по построению баланса на 1923/24 г.⁴ Вместе с тем за последние годы был значительно расширен и улучшен учет текущей хозяйственной действительности, как бухгалтерский, так и статистический. Организовано систематическое наблюдение хозяйственной конъюнктуры внутри СССР и на мировом рынке. В результате всех этих многочисленных, но, к сожалению, не всегда в достаточной мере согласованных работ удалось собрать обильный статистический материал и выявить некоторые специфические особенности и закономерности, присущие динамике советского хозяйства. Таким образом, в настоящее время мы несколько лучше вооружены для перспективного планирования, чем два года назад, хотя наше статистическое и теоретическое оружие все еще не настолько совершенно, чтобы гарантировать полную удачу построения перспективного плана. Тем не менее ввиду неотложной практической потребности в перспективной «многолетке» именно теперь, когда народное хозяйство СССР заканчивает свой восстановительный процесс, приходится предпочесть несовершенный, подлежащий дальнейшему корректированию план отсутствию всякого плана. Учитывая эту острую практическую нужду, Госплан СССР предполагает в ближайшем времени дать набросок пятилетнего перспективного плана, невзирая на то, что цифры этого последнего, — особенно на теперешней стадии работы, когда еще не наметились с до-

статочной отчетливостью вехи генерального плана, — могут иметь лишь сугубо ориентировочный и предварительный характер.

3. Ближайшей контрольной инстанцией для оценки конкретных производственных программ как с точки зрения предложенного в них общего темпа роста, так и с точки зрения их внутренней согласованности между собой должен быть *перспективный баланс народного хозяйства на предстоящий год*. Посильным приближением к такому балансу являются составляемые Госпланом СССР контрольные цифры. Срок проработки контрольных цифр рассчитан таким образом, чтобы намечаемая ими перспектива могла быть обоснована отчетными данными, характеризующими уровень общественного производства и накопления за текущий год, и достаточно определенными видами на урожай грядущего года. Таким образом, масштаб развертывания производительных сил, принимаемый контрольными цифрами, опирается на фактический учет наличных ресурсов. Что же касается директивного момента, т. е. направления экономической политики, форм и способов использования наличных ресурсов, то в этом отношении контрольные цифры должны ориентироваться на генеральный и перспективный планы, принимая, разумеется, во внимание и все конъюнктурные особенности данного года.

Итак, в настоящее время работы Госплана СССР в области перспективного планирования направляются по трем основным руслам. Это, во-первых, контрольные цифры на предстоящий год, во-вторых, перспективный план на 5 лет, в-третьих, генеральный план реконструкции народного хозяйства, рассчитанный на 10–15 лет⁵.

Контрольные цифры на 1926/27 г. будут даны в августе. Спустя 1,5–2 месяца закончится работа по перспективному пятилетнему плану, первоначальный набросок которого уже опубликован. Генеральный план находится в начальной стадии своей разработки. Как уже сказано, эта очередность вызвана повелительными требованиями практической жизни, но отнюдь не является нормальной. Логическая и рациональная последовательность, которую Госплан надеется осуществить начиная с будущего года, должна быть как раз обратной: *гене-*

ральный план как основа; перспективный план как первое уточнение: контрольные цифры как вполне конкретизированный годовой отрезок генеральной перспективы⁶.

II. ГЛАВНЕЙШИЕ ЗАДАЧИ И ПРИЕМЫ ПЕРСПЕКТИВНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ

1. При оценке перспективных планов обычно имеют в виду один критерий — соответствие с действительностью. Критерий этот мог бы быть признан исчерпывающим в применении к научному прогнозу хозяйственного развития, построенному строго *генетически*, т. е. исключительно на основе учета объективных закономерностей и тенденций стихийного экономического процесса. Но перспективный план есть не только прогноз, но и директива, не только генетическое исследование, но и *телеологическая* конструкция, не только учет объективных возможностей, но и система мероприятий, необходимых для оптимального использования этих возможностей. И если экономическая политика была на деле направлена не по тем линиям, которые предположены в плане, то расхождение этого последнего с действительностью отнюдь не свидетельствует само по себе о методологических ошибках или фактических просчетах составителей плана, наоборот, совпадение с действительностью было бы в этом случае явным доказательством дефектности плана. С другой стороны, 100%-е осуществление плановых перспектив не означает еще, что перспективы эти рассчитаны идеально правильно, что намеченный ими и пройденный жизнью путь является действительно *оптимальным*⁷.

2. Итак, основная задача перспективного планирования приводит к необходимости *сочетать генетический и телеологический методы на почве отыскания оптимального пути развития*. Следовательно, цикл существеннейших методологических проблем перспективного планирования требует, прежде всего, решения двух вопросов: а) каковы должны быть взаимоотношения между генетикой и телеологией; б) что следует понимать под оптимальным путем развития?

А). Первый вопрос в принципе разрешается очень просто. Само собой понятно, что поле телеологического конструирова-

ния тем сильнее расширяется за счет генетического прогноза, чем полнее охвачена данная отрасль хозяйства непосредственным оперативным воздействием государства.

Сельское хозяйство, раздробленное на 20 с лишним миллионов мелких самостоятельных единиц и в своей товарной продукции ориентированное в значительной мере на экспорт, является той областью, где генетическое исследование играет преобладающую роль. Прямое плановое воздействие на крестьянское хозяйство мы можем оказывать лишь в той мере, в какой государственная промышленность предъявляет определенный спрос на сельскохозяйственное сырье. Косвенно, через фонд заработной платы, размах оперативной деятельности государственных предприятий и учреждений определяет ту долю товарной сельскохозяйственной продукции, которая потребляется рабочими и служащими. Таким образом, в этой части развитие производительных сил в сельском хозяйстве с количественной и качественной стороны предreshается потребностями государственного сектора, в пределах которого плановая телеология находит себе наиболее широкое применение. В остальном перспективы сельского хозяйства должны базироваться на объективном изучении исторически наметившихся закономерностей внутреннего роста и тенденций мирового рынка. Это не значит, конечно, что сельское хозяйство может быть разрезано на два самостоятельные куса, развивающихся различными, независимыми друг от друга путями. Нет, мы имеем здесь органическое целое, структура которого определяется, с одной стороны, плановым спросом государства и системой мероприятий, стимулирующих развитие особо важных для государства отраслей, а с другой стороны, стихийными тенденциями внутреннего роста и стихийной же динамикой спроса со стороны внешнего капиталистического мира.

Государственный сектор народного хозяйства является областью телеологических построений по преимуществу. Генетическое исследование дает лишь количественный учет тех ресурсов, которые могут быть использованы государственным сектором. Определить направление этого использования — главная задача плановых конструкций, высший критерий кото-

рых — целесообразность, достижение оптимальных результатов с наличным запасом сил и средств⁸.

Б). Какой смысл вкладываем мы в понятие оптимальности хозяйственных планов? Не подлежит сомнению, что на различных этапах хозяйственного строительства будет соответственным образом изменяться и само конкретное содержание оптимума. Можно, однако, указать некоторые требования, выполнение которых необходимо при всяких условиях. Эти основные «конститутивные» характеристики оптимума могут быть сведены к следующим трем положениям.

Во-первых, движение народного хозяйства от его теперешнего состояния к конечной точке, указанной генеральным планом, должно протекать плавно, *без перебоев*, что в свою очередь предполагает наличие определенных хозяйственных резервов⁹. Это требование особенно трудно осуществимо, а потому должно концентрировать в себе сугубое внимание как раз в ближайший начальный период реконструктивного процесса. Вот почему идея страховых и маневренных резервов не только логически, но, если можно так выразиться, и хронологически выдвигается вперед при построении генерального и перспективного планов.

Во-вторых, народное хозяйство не только по завершении разработанной генеральным планом реконструкции, но и в любой точке перехода должно представлять собой стройное органическое целое — максимально устойчивую систему подвижного равновесия. Возникновение временных диспропорций роста, разрешающихся в кризисы, неизбежно при стихийном ходе реконструктивных процессов, но недопустимо при плановой реконструкции. Это второе требование — требование *соразмерности и внутренней согласованности отдельных элементов реконструктивного процесса* — исключает возможность движения по прямой или какой-либо вообще заранее заданной линии и ставит вопрос о промежуточных этапах реконструкций как самостоятельную проблему планирования. Отсюда необходимость построения наряду с генеральным планом плана, перспективного в узком смысле слова, т. е. намечающего ближайшие этапы генеральной перспективы в их хронологической последовательности и органической связи.

Наконец, третья предпосылка оптимума требует, чтобы при соблюдении первой и второй предпосылок путь к цели, намеченной генеральным планом, был избран *кратчайший*¹⁰. Здесь возникает, следовательно, проблема темпа, колоссальная важность которой не раз уже отмечалась в нашей печати. Преимущества, которые в этом отношении присущи плановому хозяйству по сравнению с хозяйством капиталистическим, бесспорны и сводятся к возможности более рационального использования той доли народного дохода, которая затрачивается на реконструкцию. Но относительные размеры этой доли в нашем плановом хозяйстве на теперешней ступени его развития отнюдь не больше, а скорее даже меньше, чем в капиталистическом хозяйстве, находящемся на том же уровне развития производительных сил. Как бы мы ни старались сжимать потребительский спрос широких масс населения в течение тяжелого переходного периода ближайших лет, мы в этом отношении ни в коем случае не сможем достигнуть норм капиталистического общества. До сих пор у нас считалось нормальным, если заработная плата, определяющая размеры потребительского спроса рабочих и служащих, росла пропорционально производительности труда. В период реконструкции, когда прогресс производительности труда будет вызываться главным образом техническими преобразованиями производства, а не уплотнением рабочего дня, допустимо некоторое замедление роста зарплаты по сравнению с производительностью, но и в этом периоде она в наших условиях должна расти несколько быстрее интенсивности труда. Между тем при капитализме зарплата всегда растет медленнее интенсивности труда (сдельщина с соответственным понижением расценок, «тэйлоровские премии» и т. п.). То же самое приходится говорить и о крестьянстве. Потребительский спрос его в советской деревне будет при прочих равных условиях расти быстрее, чем он рос бы при наличии помещичьего или капиталистически-фермерского хозяйства. С другой стороны, наши аппараты планового управления хозяйством требуют относительно больших издержек. Отчасти в этом сказываются просто наша неумелость и неопытность; в известной степени относительная дороговизна аппарата является неизбежным последствием низкого уровня производи-

тельных сил и культуры. Сложнейшая и широко разветвленная плановая работа при капитализме отсутствует, отсутствуют, следовательно, и соответственные издержки управления, а та экономия, какая могла бы быть достигнута на почве концентрации и рационализации функций планового аппарата, ограничена очень скромными рамками на теперешнем низком уровне нашего хозяйственного развития. Поэтому достижение в период реконструкции более быстрых темпов роста, чем те, которые наблюдались в передовых странах капиталистического мира в годы их наиболее интенсивного развития, представляет собой задачу, в достаточной степени трудную. Во всяком случае, достижение этой цели отнюдь не гарантируется самим фактом существования у нас планового хозяйства, как многие думают, но требует величайшего напряжения, сосредоточения всех усилий. И поскольку проблема темпа является на ближайшие годы кардинальной проблемой, предрешающей самый тип дальнейшего развития, постулат максимально быстрого развертывания производительных сил должен быть верховным критерием экономической политики.

В частности, наступающий период требует с особой настоятельностью системы мер, позволяющих наиболее эффективно использовать в интересах ускорения нашего хозяйственного роста частное накопление как внутри страны, так и за границей.

Связь между тремя элементами постулата *оптимальности* может быть вкратце очерчена следующим образом. Требование *бесперебойности* характеризует лишь в самых общих чертах форму перспективной кривой, и притом с отрицательной стороны: оно говорит нам, что искомая кривая должна иметь возможно меньше точек перегиба и вовсе не должна иметь ни острых углов, ни разрывов. Требование *соразмерности частей* дает, так сказать, систему уравнений, связывающих между собой отдельные отрасли народного хозяйства в любой момент перспективного пути; но уравнения эти определяют лишь внутренние соотношения, а не абсолютные размеры народнохозяйственного процесса.

Таким образом, первое и второе требования в совокупности намечают не одну кривую, а неопределенное множество возможных кривых, целое семейство кривых, как говорят мате-

матики. Принцип *кратчайшего пути* выдвигает тот последний критерий, который позволяет выбрать из множества мыслимых кривых единственную — оптимальную¹¹.

Необходимо, однако, оговориться, что построить оптимальную линию перспективного развития с полной точностью и строгостью мы не в состоянии, и притом не только потому, что не располагаем достаточными фактическими данными, но и по существу дела. Вычисление кратчайших, или оптимальных, путей при определенных, заранее заданных условиях представляет, как известно, одну из труднейших задач счетного искусства. Современная математика указывает способы решения подобного рода задач лишь для немногих простейших случаев, да и тут приходится применять весьма изощренные методы (так называемого «вариационного исчисления»). Между тем в нашем случае и сама задача безмерно сложна, и фактические данные очень неполны и не всегда достоверны. Понятно поэтому, что достаточно детализированной и уточненной методологии перспективного планирования в настоящий момент не существует и создать ее в короткий срок невысказано; она может сложиться лишь постепенно, шаг за шагом, в процессе длительной и напряженной коллективной работы. Пока же нам приходится при отыскании оптимума прибегать к довольно грубым прикидкам и нащупывать искомую цель посредством вариантов приближений.

III. ПОСТРОЕНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО ПЛАНА

1. Диспропорции и аномалии, мешающие быстрому развитию народного хозяйства СССР, лишь в некоторой своей части созданы специфическими условиями военно-революционного периода. Значительную роль играют здесь причины, так сказать, «векового» характера, коренящиеся, с одной стороны, в территориальном распределении природных богатств страны, а с другой стороны, в тяжелом экономическом наследстве, перешедшем к нам от дореволюционной России. Так, уже в труде ГОЭЛРО указывалось на окраинное расположение наших топливных и продовольственных ресурсов и на огромную отста-

лость нашего сельского хозяйства, которая делает совершенно неустойчивым хозяйственное положение больших земледельческих районов (засушливая полоса) и может быть изжита только в результате длительной борьбы и крупных государственных мелиоративных мероприятий. Поэтому и в работе ГОЭЛРО, и в последующих работах Госплана основой генерального плана является количественный и качественный подъем энергетики всей страны. С этой точки зрения наши главнейшие усилия должны быть сосредоточены на энергетическом строительстве и упорядочении теплового и силового устройства народного хозяйства, а также на всех тех моментах, которые определяют надлежащую организованность и дееспособность всей армии живого труда — как в индустрии, так и в сельском хозяйстве. В этой концепции *электрификация страны* и ее *экономическое районирование* являются главнейшими направляющими координатами всей хозяйственной работы. Отсюда понятно, что построение генерального плана народнохозяйственной реконструкции сводится, по сути дела, к пересмотру и модернизации плана ГОЭЛРО.

2. Вышесказанное намечает главнейшие линии экономической политики, полагаемые в основу составления генерального плана. Однако генеральный план должен дать не только систему экономических директив, но и вполне конкретную картину того состояния, к которому придет народное хозяйство СССР, когда указанные директивы будут воплощены в жизнь. А так как развитие народного хозяйства в направлении общих директив генерального плана, по существу дела, безгранично, то возникает вопрос о тех количественно и качественно определенных рамках, в которые должны быть уложены конкретные построения генерального плана.

Состояние общественных производительных сил характеризуется двумя основными измерителями: 1) *уровнем* (производительностью общественного труда) и 2) *объемом* (количественными размерами общественной продукции). Следовательно, уровень и объем общественных производительных сил при построении генерального плана должны быть заданы заранее.

3. Уровень, т. е. граница тех качественных улучшений, которые объявляются генеральным планом, намечается довольно

отчетливо. В самом деле, задача генеральной реконструкции — оптимальное как в смысле техники, так и в смысле районирования использование наличных народнохозяйственных ресурсов. Процесс генеральной реконструкции не может поэтому считаться законченным до тех пор, пока у нас остаются такие предприятия или отрасли, в которых производительность труда ниже, чем у заграничных наших конкурентов, вследствие технической или организационной *отсталости*. Генеральный план есть прежде всего план радикального преодоления нашей отсталости. Разумеется, несмотря на обилие природных ресурсов СССР, могут оказаться и неизбежно окажутся отдельные подразделения производства, в которых мы в силу природных условий не сможем в обозримом будущем достигнуть снижения себестоимости, достаточного для того, чтобы отечественный продукт обходился нам не дороже, чем заграничный того же качества. Такие виды продукции, как правило, не должны включаться в генеральный план. Правда, в настоящее время и для ближайшего будущего под влиянием обостренных отношений с окружающим нас капиталистическим миром нам приходится придерживаться концепции народнохозяйственной «автаркии» СССР, но для генерального плана, закладывающего фундамент хозяйственного развития на многие десятилетия, такого рода соображения не могут иметь решающей силы. Идея международного разделения труда, идея рационального районирования общественных производительных сил в мировом масштабе обязательна для генерального плана в не меньшей степени, чем принципы рационального районирования СССР. Исключения (например, при обсуждении вопроса о направлении некоторых железнодорожных линий) могут быть сделаны только ввиду совершенно очевидных нужд самообороны Союза. Мы предполагаем и методологически вынуждены предположить, что в течение тех 10–15 лет, на которые рассчитывается генеральный план, структура капиталистического мира и его отношений к СССР останутся примерно такими же, как в настоящее время. Если эта предпосылка не оправдывается, заканчивать генеральный план нам придется при новых условиях, не поддающихся сколько-нибудь отчетливому перспективному учету. Но мы не можем и не должны предполагать, что то ве-

ковое развитие, базис для которого мы закладываем генеральной реконструкцией, будет протекать в условиях национальной обособленности и борьбы за мировые хозяйственные ресурсы. В этой более отдаленной перспективе презумпция перехода от народнохозяйственной индивидуализации к мирохозяйственному плану является вполне допустимой и для социалиста обязательной¹².

Лишь с доведением генеральной реконструкции до указанного *качественного* предела создается широкий и прочный фундамент для дальнейшего хозяйственного строительства и действительно устраняются все современные наши «диспропорции».

В настоящее время устойчивость нашей промышленности гарантирована монополизацией внешней торговли. Помимо этой своей охранительной функции, монополия внешней торговли выполняет функцию планомерного продуктообмена с границей, что в тех или других организационных формах является, конечно, неотъемлемой принадлежностью всякого планового хозяйства. Генеральный план может быть реализован лишь под охраной монополии внешней торговли, но самый процесс его реализации есть постепенное уничтожение надобности в охранительной функции монополии. И только после окончательной ликвидации этой потребности промышленность будет прочно стоять на собственных ногах, а вместе с тем приобретет несокрушимую крепость «смычка» с крестьянством, ибо при указанных условиях даже у зажиточного и, так сказать, торгово-промышленного слоя деревни исчезнут главнейшие стимулы к принципиальной борьбе с советской системой экономики.

4. Труднее вопрос о том объеме производительных сил, который следует положить в основу генерального плана в качестве второй, *количественной* предпосылки его построения. В зависимости от темпа реконструктивных работ заданный уровень производительных сил может быть фактически достигнут при различном объеме продукции, так как объем продукции будет расти и на старом техническом базисе. Из этих многих возможностей *оптимальна* только одна. Но проблема темпа и вообще пути развития, тесно связанная с выяснением это-

го оптимума, является специальной задачей не генерального, а перспективного плана в узком смысле этого слова, а также ежегодно составляемых контрольных цифр. Итак, генеральный план, дающий общую ориентировку, цель движения, есть та предпосылка, без которой нет возможности приступить к исследованию промежуточных этапов пути; а с другой стороны, как мы только что видели, существеннейший элемент самой цели, в свою очередь, зависит от пути перехода. Мы получили один из тех порочных методологических кругов, которые неизбежно возникают при попытках резко расчленить на отдельные области исследования народнохозяйственный процесс, где все динамические и статистические соотношения неразрывно связаны единством органического целого. Разрубить этот порочный круг можно только одним способом: генеральный план на основании предварительных и по необходимости очень грубых соображений задается *условной гипотезой* объема производительных сил. В перспективных планах при проработке проблемы этапов и темпов пути, ведущего к реализации генерального плана, гипотеза эта мало-помалу уточняется. Уже отсюда видно, что генеральный план ни в коем случае нельзя рассматривать как вполне законченную идейную модель, которую остается лишь с буквальной точностью воспроизвести в реальном материале хозяйственного строительства. Как и всякое подлинное человеческое творчество, реконструкция народного хозяйства до конца осознает и конкретизирует свое задание лишь в процессе его воплощения.

5. Исходя из намеченных выше принципов и рамок генерального плана возможно с любой степенью детализации дать перспективную картину реконструированного народного хозяйства по отдельным районам и отраслям производства. Но это все же будет лишь совокупность иллюстраций к определенным директивам экономической политики, а не план народного хозяйства, пока элементы такого построения не сведены к единству путем балансовых расчетов. Схема этих расчетов примерно такова.

Допустим для примера, что уровень производительных сил, принятый генеральным планом, предполагает удвоение производительности труда в промышленности и возрастание

ее в 1,5 раза в сельском хозяйстве. Пусть объем производства в среднем для всех отраслей народного хозяйства при этом возрастает втрое. Равномерности роста отдельных отраслей, конечно, быть не может. В частности, так как в промышленности производительность труда возрастает, а, следовательно, себестоимость понижается вдвое быстрее, чем в сельском хозяйстве, то сохранение соразмерности частей (как условие динамического равновесия народного хозяйства) требует относительно более быстрого роста объема промышленности. Но априори никак нельзя сказать, что и здесь промышленный рост должен именно *вдвое* опережать сельскохозяйственный. Первая балансовая проблема генерального плана ставится поэтому следующим образом: в каких пропорциях должна возрасти продукция отдельных отраслей сельского хозяйства и промышленности при указанных материальных и стоимостных предпосылках?

Для ответа на этот вопрос необходимо перспективно учесть емкость мирового рынка по отношению к нашим экспортным продуктам и емкость внутреннего рынка, как потребительского, так и производственного. Построенные с этой целью балансовые расчеты дадут возможность оценить с качественной и количественной стороны перспективную динамику рабочей силы. В промышленности количество рабочих и служащих должно, вообще говоря, расти пропорционально ценности, а не физическому объему продукции, чем определяется потребность в квалифицированной рабочей силе, а следовательно, и необходимые для ее обучения и переобучения затраты. Этим же определится и соответствующее генеральному плану перераспределение населения между деревней и городом. Наконец, установив предполагаемый прирост всего городского населения (он должен быть несколько меньше, чем прирост промышленных рабочих и служащих), мы получим представление о размерах жилищного строительства, намеченного генеральным планом. В результате всех этих расчетов получится не только «оборотная ведомость» народного хозяйства в том его виде, какой оно примет по завершении генерального плана, но и общий счет издержек, необходимых для генеральной реконструкции вещественных и человеческих производительных сил страны. Этим задача генерального плана по существу исчерпывается.

IV. ПОСТРОЕНИЕ ПЕРСПЕКТИВНОГО ПЛАНА

1. Перспективный план имеет целью конкретизировать ближайшие этапы осуществления генерального плана, причем разбивка по годам общей плановой перспективы неизбежно является условной и примерной, ибо смена годовых темпов роста зависит наряду с факторами постоянного значения от колебания урожаев и других конъюнктурных влияний, не поддающихся предвидению. И в этом нет большой беды. Если вследствие тех или других стихийно-изменчивых причин один годовой интервал перспективного плана на деле сожмется до 6 месяцев, а другой растянется на 18 месяцев, то от такой передвижки ориентировочное значение перспективного плана не пострадает. Существенно важно лишь с возможной тщательностью выполнить для каждого условно-годового отрезка перспективного плана требование соразмерности частей, т. е. достигнуть того, чтобы каждый этап осуществления генерального плана, условно помеченный в перспективном плане той или другой календарной датой, представлял собой органически связанное народнохозяйственное целое, а не случайное переплетение раздельных линий развития.

2. Если конкретный учет годовых темпов роста или невозможен, или не особенно важен для многолетнего перспективного плана, если эта задача является специфически-существенной лишь для однолетних контрольных цифр, то выяснение среднего темпа за весь многолетний период есть основа перспективного плана. И как раз в рамках наступающего пятилетия проблема эта приобретает особенную остроту. Мы подходим к исчерпанию восстановительного процесса без достаточной подготовки к грядущему периоду реконструкции, вследствие чего в начальные года реконструктивного процесса мы неизбежно должны пережить значительное замедление темпов народнохозяйственного роста. В самом деле, мы должны сейчас тратить большие средства на реконструкцию, а результаты этой последней скажутся на росте производительных сил лишь через несколько лет, когда вновь выстроенные предприятия начнут вступать в работу. Замедление темпа роста будет, очевидно, тем значительнее, чем большую

долю производительно затрачиваемого накопления будем мы направлять в новое строительство и чем меньше средств останется у нас на подновление и частичное переоборудование существующих устаревших предприятий. С точки зрения рациональных принципов реконструкции устаревшие предприятия должны лишь дорабатывать свой срок и не заслуживают значительных капитальных вложений, ибо небольшое увеличение объема и еще меньший рост уровня производительных сил покупаются здесь дорогой ценой относительно очень крупных затрат. Но избежать таких «нерациональных» затрат мы, очевидно, не сможем. В самом деле, если бы мы решили производить только такие капитальные вложения, которые представляются рациональными в свете генерального плана, то нам пришлось бы все вкладываемое в производство накопление загнать в новые строительные работы, ограничив расходы на поддержание действующих предприятий рамками так называемого «текущего ремонта». В результате на ближайший период, пока новые предприятия еще только строятся, мы получили бы уже не ослабление темпа роста, а *полную стационарность* физического объема продукции и *падение* средней производительности промышленного труда при *резком повышении* фонда заработной платы за счет кадров пролетариата, вовлеченных в строительство. Такая политика, очевидно, в корне нарушила бы требование «соразмерности частей» народнохозяйственного целого и привела бы к острому кризису и катастрофическому срыву всех наших плановых предназначений. Для смягчения трудностей переходного периода необходимо наряду с новым строительством, развертываемым в строгом соответствии с планом генеральной реконструкции, тратить очень большие средства на предприятия заведомо плохие, лишь бы добиться немедленного, хотя бы и сравнительно умеренного, повышения их производительности.

Как мы видим, в условиях непосредственного будущего критерий «соразмерности частей» и критерий кратчайшего пути вступают между собой в явный конфликт. Вынужденные в угоду первому требованию направлять крупные ресурсы на форсирование устаревших способов производства в течение трех, четырех или пяти ближайших лет, мы тем самым проигрываем

в общем темпе осуществления генерального плана, отдаляем его срок и увеличиваем его издержки.

Важнейшая задача перспективного плана и состоит в том, чтобы ввести в надлежащие рамки это экономически нерациональное, но жизненно необходимое, легко реализуемое и поэтому в глазах хозяйственника-практика особенно соблазнительное направление реконструктивных затрат. Очевидно, в ближайшие годы нерационально расходуемая доля производительного накопления будет особенно велика; по мере вступления в действие заново отстроенных предприятий она должна убывать с таким расчетом, чтобы к моменту завершения реконструкции все не вошедшие в генеральный план предприятия могли быть сведены на нет.

3. Перспективный план должен предусмотреть порядок и формы ликвидации диспропорций современной хозяйственной системы в процессе ее реконструирования. Сюда относится прежде всего проблема преодоления товарного голода и накопления товарных фондов, позволяющих регулировать внутренний рынок более действенными, гибкими и дешевыми методами, чем это имеет место в настоящее время. Маневренные товарные фонды в условиях советского хозяйства являются вместе с тем наилучшим *валютным обеспечением*, так как дают государству наиболее эффективное орудие регулирования цен на внутреннем рынке и покупательной силы бумажного рубля. В программу перспективного плана входит далее разработка вопроса о специальных резервных фондах, позволяющих вести реконструктивные работы бесперебойно, несмотря на погодные и сезонные колебания текущей конъюнктуры.

4. Одна из труднейших задач перспективного плана — проектирование ценностных соотношений. Здесь неизбежны значительные ошибки, но отказаться от этой задачи невозможно, во-первых, потому, что балансовые расчеты применимы только к ценностям, а отнюдь не к натуральным величинам продукции, и, во-вторых, потому, что перспективное указание цен есть не только научный прогноз, но и директива экономической политики. Без определенной директивной линии в области регулирования продажных цен промышленной продукции отыскание оптимальных путей реконструкции невозможно.

Основной директивой здесь должно быть на будущее время, как и в прошлые годы, снижение цен на промтовары в меру снижения их себестоимости. Другими словами, государственная политика должна стремиться к тому, чтобы промышленность развивалась в обстановке здорового умеренного «оживления», одинаково избегая и угнетающей атмосферы острой депрессии, и развращающей атмосферы «расцвета» (под «расцветом» мы понимаем бурный подъем конъюнктуры, характерный для предкризисных периодов капиталистического цикла с их кредитной инфляцией, громадным ростом прибылей, ажиотажем и спекуляцией).

V. ПОСТРОЕНИЕ КОНТРОЛЬНЫХ ЦИФР

1. Основные методы построения контрольных цифр на 1925/26 г. изложены в текстовом введении к печатному изданию этих цифр. При выработке контрольных цифр на 1926/27 г. и следующие годы методологические принципы остаются в целом неизменными. Необходимо, разумеется, принять все меры к тому, чтобы усовершенствовать способы их практического использования. В частности, с каждым новым годом метод балансовых расчетов должен расширять поле своего применения так, чтобы контрольные цифры все более и более приближались к действительному балансу народного хозяйства.

2. Принципиальное изменение в методологии контрольных цифр можно пока наметить лишь одно. Метод контрольных сопоставлений с довоенным уровнем с каждым новым годом будет играть все менее и менее видную роль, уступая место основной контрольной ориентировке на генеральный план как конечное задание и на перспективную многолетку как ближайшие этапы его осуществления.

VI. ПЕРСПЕКТИВНЫЙ ПЛАН И УЧЕТ КОНЪЮНКТУРЫ

Отсутствие достаточно разработанной методологии перспективного планирования и величайшие теоретические и практические трудности, стоящие на пути ее разработки, порождают нередко скептическое отношение к самой идее перспективного

плана. У нас довольно распространен взгляд, что широкие плановые перспективы необходимы главным образом для украшения парадного фасада советских республик, но малопригодны для практической ориентировки их будничного хозяйственного строительства. Тщательный учет наличных ресурсов, текущей конъюнктуры и выработанная на этой основе, хорошо продуманная оперативная программа хозяйственного строительства на предстоящий год — вот все, что с этой скептической точки зрения необходимо плановому хозяйству, находящемуся в стадии реконструкции. Для оценки такого рода позиции достаточно указать на то, что в рамках учета конъюнктуры и построения на этой основе ближайших оперативных программ плановые принципы присущи и трестированному капитализму. Мало того, мы знаем, что, например, Соединенные Штаты Северной Америки составляют и методически осуществляют *многолетние планы* в отдельных отраслях хозяйственного строительства (в частности, как раз в области электрификации). Наша надежда догнать и перегнать в своем развитии передовые страны капиталистического мира покоится главным образом на том, что мы рассчитываем найти более короткий и более экономный путь реконструкции, чем это имело бы место, если бы наша хозяйственная политика руководствовалась исключительно учетом стихийно меняющейся конъюнктуры. Если мы этого не сделаем, если процесс нашего «планового» строительства проделает все те зигзаги, которые совершило бы при прочих равных условиях капиталистическое строительство, то можно сказать с полной уверенностью, что наше дальнейшее развитие пойдет не более быстрым, а более медленным темпом, чем развитие наиболее мощных из наших капиталистических соперников. Но проблема темпа приобретает в ближайшее время решающее значение. Дальнейший рост относительной отсталости хозяйства СССР вследствие медленности его развития являлся бы такой жестокой практической критикой нашей плановой системы, что нам едва ли удалось бы парализовать удары этой критики какой бы то ни было теоретической аргументацией. Проигрыш темпа означает крушение самого типа хозяйства — вот как история поставила вопрос.

Разумеется, нет и не может быть абсолютных гарантий того, что нам удастся благоприятно разрешить проблему темпа даже

при самых добросовестных усилиях. Но если мы, проникнув-шись «мудрым скептицизмом», заранее признаем ее неразрешимой, мы проиграем партию наверняка. Поэтому-то методология перспективного планирования, несмотря на всю ее зачаточность, несмотря на колоссальные трудности, связанные с ее разработкой, является одной из актуальнейших научных и практических задач современности. Тщательный учет конъюнктуры при выполнении планов, разумеется, необходим, против этого никто не спорит, и именно поэтому выше было подчеркнуто, что конкретное определение годового отрезка плана возможно только в порядке составления контрольных цифр, которые опираются на достаточно выяснившуюся конъюнктуру. Но лишь маяк генерального плана может осветить общее направление движения, указать тот курс, которого экономическая политика должна неизменно держаться, обходя подводные скалы и мели быстротекущей конъюнктуры.

¹ Опубликовано в: Плановое хозяйство. 1926. № 7. С. 7–21.

² План электрификации РСФСР: Доклад VIII съезду Советов государственной комиссии по электрификации России. М.: Научно-технический отдел ВСНХ, 1920.

³ Сначала этот план рассматривался не как новая работа, а лишь как уточнение плана ГОЭЛРО. Далее вопрос об уточнении плана ГОЭЛРО рассматривался на Первом съезде плановых органов в начале 1926 г., а 2 марта того же года Президиум Госплана принял постановление об образовании особых комиссий генерального и перспективного плана, а 10 апреля — комиссии по объединению их работы (см.: ЦГАНХ. Ф. 4372. Оп. 1. Д. 344. Л. 92–93).

⁴ См.: Баланс народного хозяйства Союза ССР за 1923/24 год / Под ред. П. И. Попова. Труды ЦСУ, т. XXIX. М., 1926.

⁵ Эта проблема была поставлена Кржижановским в докладе на Первом съезде плановых органов (См.: Кржижановский Г. М. Текущие проблемы планирования // Плановое хозяйство. 1926. № 4. С. 10–30).

⁶ За всю историю советского планирования эту «логическую и рациональную последовательность» реализовать не удалось.

⁷ Термины «оптимальный», «оптимальность» часто употреблялись советскими экономистами 20-х годов. Точный смысл понятия «оптимальный» — наилучший с точки зрения определенного критерия вариант из всех допустимых вариантов. Обычным было употребление терминов «оптимальный

план» или «оптимальный вариант плана» без осознания точного их смысла. Так, первый пятилетний план был принят в двух вариантах — отправном и оптимальном. Поскольку критерий сравнения вариантов плана не был выработан, нельзя было говорить об оптимальности одного из них. Непонимание определения оптимальности плана проявилось, например, у Куйбышева, утверждавшего: «Если нельзя сказать, что пятилетний план должен быть максимальным, то можно сказать, что он должен быть оптимальным, то есть должен исходить из того, что методы работы будут улучшаться, существующие недостатки будут изживаться и что все это даст свои значительные результаты» (см.: *Куйбышев В. В.* Пересмотр перспективного плана развития промышленности // *Торгово-промышленная газета.* 1927. № 208. С. 1). Базаров был одним из немногих, кто правильно решал вопрос о построении оптимального плана.

- 8 Такое определение целей планирования соответствует современным взглядам и представляет собой общее правило рационального использования ограниченных ресурсов.
- 9 Приведем формулировку А. И. Рыкова: «Необходимо обеспечить образование резервов, так как до сих пор, при малейшей неувязке плана, при малейшем разрыве одного из наиболее слабых в цепи хозяйственных мероприятий звеньев, оно тянуло за собой всю цепь, накладывая печать напряженности на всю хозяйственную обстановку». См.: *Рыков А. И.* Итоги Пленума ЦК ВКП (б). Доклад на собрании коммунистов-хозяйственников московской организации 13 апреля 1926 г. // *Правда.* 1926. 23 апреля. С. 5.
- 10 Такой критерий оптимальности плана — достижение поставленной цели в кратчайший срок — впервые предложил Базаров.
- 11 Фактически Базаров описывает задачу вариационного исчисления применительно к построению перспективного плана. Впоследствии подтвердилась его мысль о том, что связи отдельных отраслей народного хозяйства должны задаваться системой уравнений. Хотя саму математическую модель определения оптимального плана Базаров не сформулировал, в данный период именно в его работах методология оптимального планирования была разработана наиболее глубоко.
- 12 Еще в 1906 г. Базаров писал о неотделимости экономической победы социализма от преодоления национальной замкнутости, построения мирового хозяйства по единому плану. (См. наст. изд. С. 189). Однако в данной статье важнее не столько типичная для всех марксистов убежденность в неизбежности мировой революции, сколько акцент на обязательности широких мирохозяйственных связей для нормального развития советской экономики.

О наших хозяйственных перспективах и перспективных планах^{i 1}

«Нет более трудной задачи, чем составление перспективных планов развития народного хозяйства», — такой удрученной фразой начинает свою статью о промышленной пятилетке А. М. Гинзбургⁱⁱ, один из крупнейших вдохновителей и руководителей работ по построению перспективного плана ВСНХ.

И в самом деле, при составлении перспективного плана мы наталкиваемся на чрезвычайные затруднения, притом не только технического, но и принципиального порядка. Всякий, кому приходилось иметь дело с «контрольными цифрами», знает, как трудно при неполноте и ненадежности имеющегося статистического материала, при неразработанности методологии достигнуть сколько-нибудь точного учета и балансового согласования перспектив народнохозяйственного развития на один год вперед. При расширении плановой перспективы на три, четыре, пять лет вперед эта научно-техническая сложность проблемы возрастает в колоссальной степени, становится почти непреодолимой. Однако не в этом заключается наиболее удручающий момент нашего современного перспективного планирования, а в неопределенности самого задания, в недостаточной выясненности целевой установки плана.

Проблема целевой установки во всей своей остроте встает перед нами только в настоящее время. До сих пор объектом нашего хозяйственного планирования были главным образом

ⁱ От редакции. В помещаемой ниже статье т. Базаров пытается наметить абстрактные теоретические принципы последовательной рационализации нашей промышленности. Считая эту тему весьма актуальной, редакция не может, однако, согласиться с автором, что препятствием к осуществлению его теоретической схемы являются только наши организационные дефекты и ложные традиции; в критике этих последних автор впадает, по мнению редакции, в несомненные преувеличения.

ⁱⁱ Экономическое обозрение. 1927. № 4.

восстановительные процессы. Мы стремились активизировать унаследованные от прошлого средства производства, которые оставались неиспользованными или недостаточно использованными. Общее направление нашей хозяйственной динамики было тем самым predetermined, и основная плановая задача сводилась преимущественно к тому, чтобы своевременно предусматривать и устранять частичные «минимумы», могущие в силу цепной связи затормозить развитие восстановительного процесса в его целом². Конечно, и эта проблема отнюдь не из легких и далеко не всегда находила себе в нашей хозяйственной практике удовлетворительное разрешение; но плановые ошибки восстановительного периода сравнительно легко исправимы, ибо приводят лишь к временным диспропорциям, перебоям или заминкам в экономическом росте страны и не накладывают никаких цепей на будущее.

Иначе обстоит дело в настоящее время, когда потенции восстановительного процесса почти исчерпаны и всякий крупный шаг вперед может быть осуществлен лишь на базе нового строительства или радикального переустройства существующих предприятий. Здесь можно идти самыми различными путями, но только один из них *оптимальный*, т. е. приводящий при данных ресурсах к наибольшему эффекту с наименьшими затратами³. И если наш перспективный план, хотя бы на первых порах, существенно отклонится от этого оптимума, дело реконструкции народного хозяйства потерпит урон, который лишь очень не скоро может быть исправлен. Если мы в ближайшие годы будем строить не то, что нужно, не там, где нужно, и не в той последовательности, которая необходима для максимально быстрого развития производительных сил, то мы впредь, до истечения амортизационных сроков, т. е. на 20 и более лет, свяжем, затормозим, исказим экономический рост страны этим нерациональным строительством. Мало того, этот непосредственный материальный ущерб неизбежно усугубится соответственной идеологической надстройкой: окостеневая на долгие годы, плановые ошибки строительства создадут уродливые навыки и организационные формы, неправильные приемы работы, которые в свою очередь заостенят в прочные непререкаемые традиции.

Вот в чем главная опасность, и вот почему проблема хозяйственного планирования при переходе от восстановительного периода к периоду реконструкции не только безмерно усложняется, но и приобретает принципиально иную постановку: тогда в центре внимания была *методология*, теперь — *телеология*. Об этой телеологической принципиальной стороне наших перспективных планов я и хочу сделать несколько замечаний, совершенно не вдаваясь в конкретные расчеты и цифровые выкладки.

Вполне законченного и официально санкционированного перспективного плана у нас в настоящее время еще нет, но мы имеем две серьезно проработанные перспективные гипотезы: пятилетку ВСНХ и проект центральной комиссии по перспективному плану при Госплане СССР. Для государственной промышленности гипотеза госплановской комиссии предполагает капитальные вложения в размере 5656 млн руб. за пятилетие 1926/27–1930/31 гг. (по годам: 918, 1142, 1183, 1208 и 1205 млн руб.), в результате чего производство предметов широкого потребления возрастает на 59%, реальная заработная плата промышленных рабочих увеличивается в 1,5 раза, а себестоимость промышленных изделий понижается на 17%. Пятилетка ВСНХ при несколько большем размере капитальных вложений предполагает еще более скромные показатели роста производительности труда в промышленности: 12–15% снижения себестоимости при 20%-м повышении заработной платы.

Намечаемых ВСНХ и Госпланом перспектив в области других отраслей народного хозяйства мы касаться не будем, так как и приведенные немногие данные достаточно иллюстрируют ту сторону современных перспективных планов, которая нас здесь интересует.

Лозунг момента, против которого никто уже, кажется, больше не спорит, гласит: *индустриализация*. Но для того чтобы индустриализация оправдала возлагаемые на нее надежды, она должна дать не только удовлетворительные количественные нормы роста промышленной продукции, но в первую голову решительные качественные сдвиги, т.е. улучшение продукции и вместе с тем крупное повышение производительности труда, позволяющее значительно снизить цены. Здесь альфа

и омега всех наших хозяйственных перспектив. Только обильно снабжая деревню хорошими промтоварами по очень дешевым ценам, можно создать действительный импульс к развитию нашего отсталого сельского хозяйства, которое является основной базой, а в своем теперешнем виде также главным тормозом экономического роста страны. Без этого никакие затраты на земледельческое производство, никакие усилия по распространению породистого скота, улучшенных семян, машин, никакие агрономические опыты и проповеди не дадут существенных результатов, ибо в рамках традиционного натурального хозяйства все это неприменимо или применимо в ничтожной степени, а для развития товарного хозяйства и товарных культур нужна прежде всего и больше всего коммерческая заинтересованность, т. е. наличие выгодных рыночных эквивалентов. Как известно, и до войны рыночные эквиваленты были у нас очень неблагоприятны для сельского хозяйства. Меры «покровительства отечественной промышленности», применявшиеся царским правительством, создавали для продуктов деревни чрезвычайно тяжелую рыночную конъюнктуру и систематически парализовали развитие товарной крестьянской продукции. Как же обстоит дело в настоящее время? Грубо говоря, оптовые цены на промтовары сейчас в 2 раза выше, а оптовые цены на сельскохозяйственные товары в 1,5 раза выше, чем до войны; другими словами, соотношение цен ухудшилось с точки зрения сельскохозяйственного товаропроизводителя на 30% с лишним («ножницы»). Таким образом, даже если исходить из оптовых индексов, то и тогда снижение цен на 17% на промышленные товары к концу пятилетки никоим образом нельзя признать достаточным успехом: мы далеко не достигаем в этой перспективе даже довоенного соотношения, которое в свою очередь было совершенно неудовлетворительным. Но по оптовым ценам крестьянин решительно ничего не покупает и не продает. Если же сравнить с довоенными те розничные цены, по которым продаются в деревне промышленные товары, и те отпускные цены, по которым скупщик первой руки закупает у крестьянина его продукты, то современные «ножницы» еще чрезвычайно раздвигаются. По некоторым исчислениям, нуждающимся, правда, еще в проверке, в этом реальном измерении рыноч-

ное положение сельскохозяйственной продукции ухудшалось по сравнению с довоенным не на 30%, а на целые 100%. Между тем пятилетняя перспектива госплановской комиссии предвидит снижение торговых накидок в размере примерно 3% стоимости промышленных изделий, что вместе с 17% снижения отпускных цен даст величину порядка 20%. Это капля на раскаленную плиту. Если уровень производительных сил в нашей промышленности будет повышаться таким темпом, то к концу пятилетия мы не осуществим элементарнейших предпосылок нормального развития сельского хозяйства⁴, а следовательно, и народного хозяйства в целом.

Где же искать выход из этой далеко не радостной перспективы? В мобилизации новых средств, в повышении капитальных вложений в промышленность? Из внутренних ресурсов страны, на которых базируется пятилетка, даже предусмотренные ею 5,5 млрд руб. капитальных вложений могут быть извлечены лишь с величайшим напряжением. Никакое расширение плана здесь невозможно; наоборот, необходимо предусмотреть некоторую его урезку. Широкое привлечение средств со стороны в форме иностранных кредитов и концессий, если оно удастся, может, конечно, принести существенную пользу, но и оно не решает вопроса. Пусть иностранные кредиты увеличат сумму ежегодных затрат на 20, 25, 30%. Если эффективность их будет такова же, как наших собственных вложений, то, воспользовавшись привлеченным со стороны капиталом, мы через 5 лет сможем отпускать крестьянину промышленные товары не на 20, а, скажем, на 25, в лучшем случае на 30% дешевле, чем теперь. А для надлежащего эффекта надо, как мы только что видели, добиться понижения цен в 2–3 раза.

Очевидно, корень зла не в недостаточности накопления, а в недостаточно производительном его использовании. Это прекрасно сознает и неоднократно отмечает в текстовом приложении к опубликованным материалам пятилетки сама госплановская комиссия. Это особенно подчеркивает резолюция съезда плановых работников, обсуждавших пятилетнюю гипотезу Госплана. «Съезд полагает, — читаем мы в этой резолюции, — что намеченные в пятилетке темпы роста бюджета и капитальных вложений в народное хозяйство, являющиеся

напряженными, сопровождаются рядом таких показателей эффективности вложений и роста производительности народного труда, которые не могут считаться оптимальными... Съезд обращает внимание на необходимость... значительно большего, чем это запроецировано, повышения эффективности капитальных вложений, производительности промышленного труда и снижения себестоимости промышленной продукции с широким переходом на путь массовой продукции, типизации и стандартизации» (курсив мой. — В. Б.)

Директива совершенно правильная. Но она даст действительный выход из затруднений лишь в том случае, если принять ее всерьез, как новую ориентировку всей практики нашего строительства, а не как частичную поправку, эффективность которой выразится в том, что при окончательной компоновке плана мы постараемся наскрести еще 5-6% снижения себестоимости в дополнение к уже имеющимся 20%. В самом деле, директива говорит, что радикальное повышение уровня производительных сил в нашей промышленности возможно лишь при усвоении нами последнего слова современной техники и организации производства при его типизации и стандартизации, что в свою очередь предполагает переход на путь массовой продукции. Но стать на путь массовой продукции во всех отраслях сразу невозможно; невозможна, например, массовая продукция таких изделий, которые по самому своему назначению не в состоянии стать объектом широкого спроса, невозможна массовая фабрикация машин до тех пор, пока те продукты, для изготовления которых эти машины предназначаются, не могут производиться в достаточно большом количестве. Таким образом, лозунг индустриализации, если принять его не формально и внешне, а вдуматься в его внутреннюю логику, намечает вполне определенную очередность реконструктивных работ. В первую голову наше новое строительство должно охватить те отрасли, где производство уже теперь носит массовый характер, а продукция в достаточной степени однородна по своему составу или легко может быть сведена к немногим стандартизированным сортам. Где этой предпосылки нет, там нерационально вкладывать средства в новое строительство, там надо покрывать текущую потребность путем импорта,

пока рост народного хозяйства не создаст почвы для массовой фабрикации данного продукта внутри страны.

Покровительственная политика старого режима была совершенно чужда стремлению установить рациональную последовательность в промышленном развитии страны; она защищала запретительными пошлинами всякое производство, какое было вообще возможно поставить и рентабельно вести в пределах России. Но под охраной запретительной пошлины рентабельна самая скверная и самая дорогая продукция, а так как для капиталиста совершенно безразлично, приносят ли ему прибыль хорошие и дешевые изделия или дорогие и скверные, то при капиталистическом строе универсализм покровительственной системы был вполне на месте. Покровительство отечественной промышленности было на деле покровительством отечественным *промышленникам*.

Наша монополия внешней торговли призвана в первую голову охранять план рационального развития народного хозяйства, а не какие-либо частные планы и интересы. Между тем она не только унаследовала от царской покровительственной системы ее универсализм, но и еще расширила и усугубила этот последний. Основные отрасли массового производства в нашей промышленности — текстиль, металлургия, теплосиловое хозяйство — характеризуются величайшей устарелостью и изношенностью оборудования: это кунсткамеры, единственные в мире по богатству экспонатов исторические музеи, где демонстрируются в действии все фазы развития индустрии с XVIII в. до наших дней, причем и тут «диспропорция» — XVIII и XIX вв. представлены значительно полнее XX в. И вот при таком-то положении вещей мы увлекаемся постановкой целого ряда новых производств, зачастую весьма сложных, вроде какого-нибудь экзотического в нашей культурно-бытовой атмосфере треста «Точной механики»⁵. Это имеет двояко вредные последствия для народнохозяйственного строительства: во-первых, отвлекает в область экзотики средства и силы, которые до резки нужны для добывания хлеба насущного, для рационализации коренных отраслей нашей промышленности; во-вторых, вследствие таможенного покровительства, охраняющего преждевременные эксперименты, работники многих исконных отраслей

народного труда лишены возможности иметь дешевые и доброкачественные средства производства заграничной фабрики.

Мы делаем ставку на тракторы и продаем их в три и четыре раза дороже, чем они стоят за границей. Транспорт у нас в минимуме; наше народное хозяйство чрезвычайно заинтересовано в широком развитии автомобильного движения; между тем, благодаря огромной пошлине автомобиль в СССР — предмет самой изысканной роскоши: не только частные лица, но даже довольно мощные хозяйственные организации лишены возможности покупать новые автомобили. Это наиболее яркие и бьющие в глаза примеры. Но едва ли есть хоть одна отрасль хозяйства, в которой универсализм современной охранительной политики не тормозил бы развитие производительных сил. Так, например, многие весьма нехитрые аппараты и химикалии, необходимые для предохранения садовых культур от вредителей, или совершенно отсутствуют на современном нашем рынке, или продаются по таким фантастическим ценам, которые делают их совершенно недоступными для садовода средней руки.

Но последовательное проведение индустриализации как в смысле соблюдения необходимой последовательности затрат, так и в смысле максимальной концентрации сил и средств на тех участках, которые выдвигаются вперед в порядке рациональной очередности, встречает массу возражений и чисто экономических, и социальных, и политических. Рассмотрим главнейшие из них.

Форсированная рационализация промышленности, говорят скептики, резко сокращает потребность в рабочей силе, создает огромные кадры безработных, тем самым сужает покупательную способность населения, а следовательно, и рынок для рационализированной продукции. Совершенно верно. Так именно все и происходит, когда рационализация проводится методами финансового капитала. Являются ли, однако, эти тяжкие последствия рационализации абсолютно неизбежными или их можно устранить при плановой постановке дела — вот в чем вопрос. Мне представляется, что плановая рационализация может и должна быть организована таким образом, чтобы

ни один рабочий или служащий по ее вине не потерял работы, а, наоборот, по мере ее осуществления был обеспечен заработок всему наличному населению городов и промышленных центров и его естественному приросту (от роста городской безработицы за счет избыточного населения деревни мы пока отвлечемся).

Допустим, например, что мы реконструировали до конца текстильное производство во всех тех его подразделениях, которые имеют достаточно массовый характер, в результате чего средняя производительность труда текстильщика увеличилась в 5 раз. Если мы при этом хотим не только удержать в производстве всех наличных текстильщиков с их естественным приростом, но и рассосать соответствующую долю безработных, то физический объем продукции должен возрасти в такой степени, чтобы на душу населения приходилось не в 5, а, скажем, в 6 раз больше тканей, чем в настоящее время. Возможен ли такой рост потребления? При надлежащей политике цен и заработной платы вполне возможен, по крайней мере для так называемых эластичных предметов потребления⁶, к которым относятся ткани и большинство прочих промышленных изделий. В нашем примере себестоимость снижается в 5 раз; следовательно, оставляя неизменной норму прибыли, мы можем, скажем, в 2 раза поднять заработную плату и в 2,5 раза понизить отпускные цены продукта. Как это отразится на потреблении? В деревне в настоящий момент платежеспособный спрос на промышленные изделия совершенно ничтожен, причем потребность в соответствующих продуктах частью вовсе остается без удовлетворения, частью удовлетворяется за счет собственного натурального производства.

Поэтому удешевление необходимых деревне продуктов промышленного производства должно создать рост потребления, характерный для тех случаев, когда предметы роскоши благодаря снижению цен превращаются в предметы широкого пользования. Темп роста потребления здесь в огромной степени обгоняет темп снижения цен, и лишь очень нескоро, при гигантском расширении продукции, темпы эти начинают несколько сближаться между собой. Классический пример — рост потребления автомобилей Форда по мере их удешевления. За довоенное семилетие мы наблюдаем такую картину (см. табл. 1).

ТАБЛИЦА 1. В ПРОЦЕНТАХ К ПРЕДЫДУЩЕМУ ГОДУ

Год	1910/1911	1911/1912	1912/1913	1913/1914	1914/1915	1915/1916	1916/1917
Снижение цен	18	11	13	8	11	10	18
Рост сбыта	85	98	114	48	65	77	48

В 1917 г. Америка вступила в войну, и производство Форда было милитаризовано. Послевоенные данные несравнимы с довоенными вследствие падения курса доллара; но 1920/21 г. по сравнению с 1919/20 г. дал при снижении цены порядка 20% рост потребления порядка 30%. В общем за довоенное семилетие снижение цены менее чем в 3 раза (с 950 до 360 долл. за автомобиль) увеличило спрос почти в 30 раз (с 18 до 533 тыс. шт.). Я не утверждаю, конечно, что спрос на ткани или какие-либо иные эластичные предметы потребления вырастет в нашей деревне при снижении цен в такой же гигантской пропорции, но общая тенденция должна быть та же, и при некотором росте благосостояния деревенской массы не будет ничего удивительного, если предполагаемое выше удешевление в 2,5 раза приведет к увеличению спроса в 7 или 8 раз.

Темп роста городского спроса должен, разумеется, быть менее значительным. Пусть в настоящее время неэластичные предметы потребления поглощают $\frac{1}{4}$ бюджета рабочего; при допущенном нами удвоении заработной платы эта доля упадет почти до $\frac{1}{8}$ (если цены неэластичных продуктов не меняются). Таким образом, эластичная часть рабочего бюджета возрастает номинально в 2,3 раза, что при удешевлении в 2,5 раза дает в натуре рост потребления в 5,7 раза на душу рабочего населения.

Все эти цифры «5», «2,5», «2» грубо примерны и при построении плана должны быть заменены строгими и сложными расчетами. Я утверждаю лишь одно: взятые мною масштабы и соотношения масштабов в области повышения производительности труда, расширения продукции, роста реальной зарплаты и снижения цен не представляют собой ничего фантастического,

несмотря на то, что они в несколько раз превосходят наши обычные плановые предположения. При достаточных ресурсах экономически возможно провести рационализацию так, чтобы она не только не создавала новой безработицы, а, наоборот, в процессе своего осуществления ликвидировала безработицу среди городских рабочих и служащих. Однако нет никакой возможности проводить рационализацию таким образом, чтобы каждый рабочий и служащий получил занятие там, где он в данный момент живет, и по той специальности, в какой он до сих пор работал. Рационализация — это технический переворот, создающий одни специальности и уничтожающий другие. Для иллюстрации напомним о двух крайних типах современной рационализации.

В одних случаях центр тяжести лежит в подчинении рациональному плану и систематическому контролю движений рабочего (тэйлоризация). При этом относительно уменьшается количество рабочих и возрастает количество служащих, из которых, однако, лишь очень немногие ответственные организаторы производства должны обладать высокой квалификацией, остальные являются в сущности такими же механическими исполнителями, как и руководимые ими рабочие.

Другой, и для нас гораздо более важный тип рационализации состоит в замене всех сколько-нибудь сложных ручных операций работой на специализированных автоматических станках. Для того чтобы выучиться работать на таком автомате, требуется в зависимости от способностей и культурного уровня ученика от 1 до 10 дней. Таким образом, при этом типе технической реконструкции, характерном как раз для массовой стандартизированной продукции, от подавляющего большинства участников производства не требуется никаких специальных знаний или навыков и только какие-нибудь 5–10% общего контингента должны состоять из квалифицированных, но зато весьма высококвалифицированных, рабочих и техников.

Следовательно, выставленный нами тезис, что рационализация может и должна проводиться без увеличения безработицы (хотя бы и временного), осуществим лишь в том случае, если представители занятого в производстве персонала будут готовы в любой момент взять на себя всякую работу, диктуемую

технической необходимостью, перейти с квалифицированных функций на неквалифицированные, из служащих превратиться в рабочих, а в некоторых случаях и обратно — из рабочих в служащих.

Для того чтобы воспитать такую готовность, помимо культурно-просветительных, агитационных и организационно-профсоюзных воздействий, необходима и одна материальная предпосылка: заработная плата даже для тех категорий рабочих и служащих, для которых рационализация означает переход от квалифицированного к неквалифицированному труду, ни в коем случае не должна быть понижена, а, как общее правило, подлежит повышению, и притом значительному. И при энергичном проведении рационализации эта задача разрешается очень легко, вовсе не требуя какого-либо искусственного дифференцирования оплаты труда в преобразованных предприятиях.

Выше мы предположили удвоение заработка при упятерении производительности труда. Высококвалифицированных специалистов надо будет, конечно, оплачивать очень хорошо, но так как в рационализированном производстве они должны составлять ничтожный процент, то при грубом определении масштаба величин мы можем от них совершенно отвлечься. Итак, грубо говоря, удвоение зарплаты означает, что неквалифицированный массовый рабочий рационализированного производства будет получать оплату, вдвое превышающую теперешний средний заработок рабочих и служащих. Если исходить из кривых распределения рабочих по заработку в 1924, 1925 и 1926 гг., то окажется, что при этом выигрывают 92–93% рабочих, ибо только 7–7,5% рабочих имеют заработок, более чем вдвое превышающий средний. Эти 7% исключительно высокой квалификации вовсе не нужно, да и нежелательно, растворять в общей массе; после некоторого дообучения и переобучения они на рационализированных предприятиях найдут себе место в рядах специалистов.

Но, скажут нам, при такой системе оплаты в переходный период создается вопиющая несправедливость: чернорабочий, попавший на рационализированное предприятие, без всякой заслуги с его стороны будет получать втрое больше его товари-

щей, работающих на предприятиях старого типа. «Несправедливость» эта могла бы быть аргументом против системы лишь в том случае, если бы вознаграждаемые «не по заслугам» строили свое благополучие за счет ухудшения участи остальных рабочих. Но ведь никакого понижения уровня оплаты труда на нерационализированных предприятиях не предполагается; наоборот, рационализация будет автоматически *повышать* этот уровень, и притом тем значительнее, чем энергичнее она проводится.

Теперешние наши перспективные планы рассчитаны в большинстве случаев на пять лет. При культурной отсталости, при тяжеловесности наших организационных аппаратов, при бюрократизме, при вытекающей из всего этого неизбежности серьезных «детских болезней» на первых ступенях реконструкции, пятилетнего срока недостаточно для того, чтобы до конца рационализировать производство всех предметов массового потребления. Но в 10–15 лет, несмотря на все эти осложняющие обстоятельства, рационализация может и должна быть завершена. Возьмем 10-летний срок и предположим, что рационализация производится равными порциями и что десятая часть того числа рабочих, которое было занято в начальный год, ежегодно переводится на рационализированные предприятия (естественный и всякий иной прирост мы игнорируем); будем исходить далее из наименее благоприятного допущения, что на старых предприятиях себестоимость остается стабильной, а на новых предприятиях она сразу в силу точного осуществления модели, положенной в основу рационализации, падает в 2,5 раза (пятикратное повышение производительности труда при номинальном удвоении зарплаты) и затем опять-таки не меняется до конца десятилетия. Продажные цены снижаются пропорционально снижению себестоимости. Эту ситуацию иллюстрирует табл. 2.

Как мы видим, общее удешевление промышленных продуктов массовой фабрикации в первые годы окажется очень значительным и весьма чувствительно повысит реальную покупательную силу рабочего, получающего номинально неизменную плату. При таких условиях проектируемая нами «несправедливость» не только допустима, но и в высшей степени

желательна как мощный стимул к развитию производительных сил. В настоящее время предпринимается целый ряд организационных мер, проводится в жизнь энергичная агитационно-просветительная кампания с целью создать среди рабочей массы более положительное отношение к рационализации, чем то, какое наблюдалось до сих пор. Однако без надлежащего материального базиса эта идеологическая надстройка, как бы талантлива она ни была, в лучшем случае превратит стихийное сопротивление рационализации в пассивное подчинение, основанное на сознании неизбежности. Только поставив рабочих и служащих рационализированных предприятий в исключительно благоприятное положение, мы сможем побороть историческую косность, сломать существующие традиции и вместо явно враждебного или сдержанно опасливого отношения к рационализации создать в рабочей среде атмосферу активного и одушевленного содействия ей. А такой перелом совершенно необходим для действительного успеха рационализации.

Таблица 2. В процентах к исходному году

Год	1 год	2 год	3 год	4 год	5 год	6 год	7 год	8 год	9 год	10 год
Физический объем продукции	140	180	220	260	300	340	380	420	460	500
Себестоимость всей продукции	110	120	130	140	150	160	170	180	190	200
Продажная цена единицы продукции	79	67	59	54	50	47	45	43	41	40

При пассивности рабочей массы динамика нашей реконструкции неизбежно пойдет по только что приведенной схеме: мы получим повышение производительности труда на новых предприятиях в размерах, соответствующих тому техническому образцу, который копируем при строительстве, и тому умению, с которым мы его копируем, а затем полный застой, «стабилизация» себестоимости впредь до нового, сверху проводимого переустройства по новому, более совершенному об-

разцу. Но рационализация как приступ к *социалистическому* строительству вовсе не есть одноактная драма, которую надо претерпеть для того, чтобы потом успокоиться в безмятежном пребывании на несколько повышенном уровне, пока злой гений технического прогресса не пошлет нам новых реконструкционных испытаний. Рационализация — это непрерывный и непрерывно нарастающий поток технических преобразований, переходящий по мере приближения к социализму в *перманентную техническую революцию*.

Из приведенной нами справки видно, что на предприятиях Форда, администрация которых отнюдь не ставила своей задачей прокладывать пути к социализму, себестоимость продукции снизилась за 7 довоенных лет в 2,6 раза. Конечно, Форд — исключительно одаренный конструктор, и далеко не всякому безупречному социалисту отпущены природой такие данные. Но этот гигантский технический процесс даже на $\frac{1}{10}$ не обязан своими успехами личному гению Форда; он является результатом сложения множества мелких и мельчайших улучшений, сделанных тысячами безымянных работников. Гений Форда прежде всего проявился в организационной области, в умении на капиталистической основе создать дружный коллектив, находящий для своих творческих усилий гораздо больше простора и поощрения, чем это имеет место при обычной коммерческой политике банального финансового капитала.

Если уж Форд для успеха своей системы вынужден был искать опору в коллективной самодеятельности своих наемников, то нужно ли доказывать, что успех *нашего* строительства неосуществим без активной творческой работы еще более широкого коллектива: не одной только квалифицированной верхушки, но и всей массы трудящихся. А эта последняя задача — труднейшая и важнейшая задача периода реконструкции — предполагает крупное повышение жизненного уровня рабочих при каждом крупном повышении производительности их труда.

Широкая и решительная рационализация создает почву не только для повышения зарплаты, но и для сокращения рабочего времени, что при ограниченности ресурсов нового строительства позволяет чрезвычайно ускорить рассасывание город-

ской безработицы. В комментариях к госплановской пятилетке председатель разработавшей ее комиссии С. Г. Струмилин предусматривает сокращение рабочего дня с 8 ч до 6. Однако несмотря на довольно значительное повышение зарплаты, предложенное госплановским проектом, огульное и одновременное проведение этой реформы не могло бы обойтись без понижения уровня жизни рабочих, чего следует избежать во что бы то ни стало. Если же связать сокращение часов работы с рационализацией и *определенной ступенью рационализации*, то вполне осуществима комбинация солидного повышения зарплаты и уменьшенного рабочего дня. Так, при наших примерных коэффициентах автоматическая рационализация, создаваемая простым копированием модели, дала бы возможность на новых предприятиях в первый же год увеличить номинал зарплаты в 1,5 раза при уменьшении рабочего дня с 8 до 6 ч и при снижении цен на промышленные продукты массового потребления на 21%.

Однако для того, чтобы решительно вступить на путь перманентной технической революции, недостаточно одного желания — необходимо еще и умение, которое у нас как раз «в минимуме». Работников той исключительно высокой квалификации, какая потребна для головки рационализируемых предприятий, в нашем распоряжении нет или почти нет. За последнее время в прессе уже неоднократно дебатировалась тема о привлечении заграничных выдающихся специалистов, которые могли бы достойно руководить первыми шагами нашей реконструкции и вместе с тем создали бы очаги высшей технической культуры среди работников СССР. Без этого нам, конечно, не обойтись, необходимо только не ошибиться в выборе. Дело в том, что не только у нас, но и за рубежом имеется очень много специалистов с почтенной и вполне заслуженной репутацией, которые, однако, пропитаны навыками и традициями, не имеющими ничего общего с принципами действительной рационализации. Для нового дела нужны новые люди: энергичная, талантливая молодежь, составившая себе имя удачным проведением рационализации в том широком масштабе, в каком она осуществлялась за последние годы на некоторых передовых предприятиях Германии и Америки.

Мне кажется, что для успеха наших новых культурно-технических насаждений будет чрезвычайно полезно создать и встречный поток, т. е. командировать за границу для практического изучения рационализации значительное количество наших инженеров и квалифицированных рабочих, причем опять-таки для этой цели нужны не деятели «со стажем», а пытливые и одаренные молодые люди, которые именно на образцовых заграничных предприятиях должны приобрести тот стаж, который нам в данном случае требуется.

Если ни с точки зрения «емкости рынка», ни с точки зрения интересов труда последовательное и широкое проведение рационализации в производстве предметов массового потребления не встречает непреодолимых препятствий, то, по-видимому, такие препятствия, такие жесткие лимиты ставятся сырьевой проблемой. Возьмем для примера тот же текстиль, на который мы уже не раз ссылались. Львиную долю занимает в нем производство хлопчатобумажных тканей. Между тем хлопководческие наши перспективы весьма ограничены. Как известно, в настоящее время мы чуть ли не половину необходимого нам хлопка ввозим из-за границы. В перспективных планах делаются попытки несколько ослабить эту зависимость, но без особого успеха. Возможности роста продукции как за счет повышения урожайности, так и за счет увеличения доли хлопководства среди других культур на орошаемых площадях Туркестана очень ограничены; расширение же орошаемых площадей связано с большими ирригационными работами и обещает значительное вздорожание среднеазиатского хлопка, который и так уже обходится нам дороже иностранного. Хлопководство в других районах ни в настоящее время, ни в перспективе не имеет серьезного значения.

Положение таково, что на базе союзного хлопководства строить сколько-нибудь солидные перспективы развития текстильной промышленности невозможно. В сознании этого госплановская комиссия в своих пояснениях к материалам по перспективному плану пишет: «Для ослабления и скорейшего изживания нашей зависимости от заграницы в деле снабжения хлопком, джутом и другими видами сырья вопросы о котонизации льна и переработки разных лубяных волокон должны

найти в рассматриваемом пятилетии уже практическое осуществление в виде постройки опытных фабрик».

Вопросы поставлены правильно, но темп их решения поражает своей... осторожностью. «В ближайшее пятилетие уже должны быть построены опытные фабрики». Такая скромность заданий была бы объяснима, если бы дело шло о совершенно новых экспериментах, нуждающихся еще в лабораторной проработке. Я полный профан в технологии и, быть может, я ошибаюсь, но как будто бы дело идет здесь вовсе не об открытиях и изобретениях, а о пересадке на нашу почву приемов фабрикации, достаточно разработанных. Изготовление «искусственного шелка» из лубяных волокон широко практикуется в Германии и с большим успехом. Что же касается особенно существенной для нас проблемы возможной замены хлопка льном, то, по-видимому, относительная дороговизна льняных тканей объясняется главным образом тем, что у нас (да и не только у нас) техника первичной обработки льна находится до сих пор на том же примерно уровне, до которого она была доведена при Гостомысле⁷. В Европе и Америке по разным причинам лен уступил место хлопку в производстве дешевого массового продукта. Однако и там в тех случаях, когда возникала соответственная потребность, проблема замены хлопчатобумажной ткани столь же дешевой льняной ставилась и разрешалась удовлетворительно (хотя бы тем же Фордом).

Иное положение у нас, в СССР, где имеются все предпосылки для образцового цветущего льноводства и нет никаких предпосылок для хлопководства, способного конкурировать с иностранными соперниками. Наши льноводческие районы, искони занимающие первое место среди поставщиков льняного волокна на мировой рынок, переживают тяжелый кризис вследствие сжатия мирового спроса. Превратить этот кризис в расцвет — значило бы поднять хиреющее сельское хозяйство огромного района, дать обеспеченный заработок значительным кадрам избыточного деревенского населения. Казалось бы, что при этих условиях советская Россия, ведущая плановое хозяйство, должна была выдвинуть на первое место вопрос о замене хлопка льном в качестве основного текстильного сырья, употребить все усилия для скорейшего разрешения этой крупнейшей на-

роднохозяйственной проблемы. Перспективу развития следовало бы наметить с таким расчетом, чтобы к концу пятилетия массовая фабрикация льняных тканей, замещающих хлопчатобумажные, была в полном ходу, а к моменту завершения генеральной реконструкции текстильной промышленности, т. е. лет через 10-15, была достигнута полная эмансипация от заграничного хлопка на почве новой сырьевой базы. А вместо этого мы на десятом году функционирования планового хозяйства меланхолически мечтаем о том, что в течение следующего пятилетия будут «уже» построены опытные фабрики.

Рационализируемая первичная обработка льна отнюдь не будет одним из видов тех «трудоемких» промыслов, в которых, по мнению многих наших специалистов, спасение сельского хозяйства. Как раз наоборот, применяемые в настоящий момент методы Гостомысла гораздо более трудоемки. Но так как к моменту завершения рационализации текстильной промышленности на новой базе физический объем продукции возрастет в 5-6 раз, то потребность промышленности в льняном сырье увеличится примерно в 50 раз, а чтобы удовлетворить эту потребность, производство льна должно раз в 10 превзойти довоенную норму. При таких темпах развертывания производства понижение трудоемкости, или, яснее говоря, рост производительности трудами для деревни окажется не проклятием, а благословением: разведение льна и первичная его переработка потребуют в несколько раз больше рабочих рук, чем в настоящее время, а техническое усовершенствование производственных процессов даст возможность в несколько раз увеличить заработок каждого работника.

Сказанное применимо, конечно, не только к продукции льна, но и к любому виду сырья, изготавливаемого сельским хозяйством. Сахар попал у нас в число «достаточных» продуктов только благодаря акцизу и чрезвычайной технической запущенности производства. При настоящей рационализации и соответственном снижении цен не только внутреннее потребление сахара возросло бы в несколько раз, но мы вместе с тем имели бы ценнейший экспортный продукт. И здесь индустриализация деревни, дающая высокий и прочный заработок избыточному населению, возможна только на почве развития массового и *техниче-*

ски совершенного производства, т. е. утратившего значительную долю своей теперешней «трудоемкости».

Мы подошли к проблеме аграрного перенаселения. Попытки разрешить ее путем роста поглотительной способности городов по отношению к пришлому населению едва ли могут иметь успех. По-видимому, наоборот, экономическая политика должна поставить своей задачей удержать сельское население на месте, повышая доходность земледелия и насаждая в самой деревне те виды индустрии, которые могут быть соединены с земледелием. Помимо мощного развития технических культур и предприятий по первичной обработке сырья, здесь на первый план выдвигается рационализация кустарных производств и вообще тех промыслов, которые практикуются крестьянством в настоящее время, но не дают удовлетворительного эффекта вследствие примитивности их технической организации и вследствие все той же невыгодности «эквивалентов», являющейся главным тормозом развития всех и всяческих производительных сил деревни.

Рационализировать кустарные промыслы вовсе не значит превратить их в фабричное производство. Необходимость концентрировать в заводских корпусах все механизированные отрасли труда присуща «веку пара». Но необходимость эта в очень и очень многих случаях отпадает в эпоху электрификации. Нет, например, решительно никакой нужды строить фабрики для того, чтобы рационализировать деревообделочные кустарные промыслы; если мы сумеем снабдить кустика дешевым током и дешевым станком, он в своей светелке сможет вытачивать ложки или топоры с таким же успехом, как на фабрике. Мало того, при насаждении новых производств открывается возможность привлечь сельское население к изготовлению целого ряда деталей: нарезка винтов, гаек, выработка на автоматическом станке любой стандартизированной части машины, если только она не отличается громоздкостью, могут при надлежащей постановке дела производиться на дому. Разумеется, это пока еще музыка довольно отдаленного будущего, но для правильной ориентировки в настоящем не мешает иногда и к ней прислушаться. «Города-спруты» являются в значительной степени наследием пройденной ступени в развитии производительных

сил. Страны, вступающие на путь широкой индустриализации при новой энергетической базе, имеют возможность с самого же начала взять установку на гармоническое сочетание индустрии и земледелия, о котором говорили основатели научно-социализма.

Переходим к проблеме ресурсов. Здесь на пути систематической рационализации вырастают новые баррикады устрашающих лимитов. Выше мы признали чрезмерно напряженной программу затрат на капитальное строительство промышленности как в пятилетке ВСНХ, так и в пятилетке Госплана. *Систематическая* рационализация, ограничиваясь отраслями, где производство уже приобрело достаточно массовый характер, имеет меньше объектов, чем универсалистские⁸ планы указанных пятилеток. Но по удельному весу каждый из этих объектов чрезвычайно солиден: текстиль, металлургия, основная химия и производство химических удобрений, производство строительных материалов, наконец, тепло-силовое хозяйство — все наши индустриальные киты требуют систематической рационализации, причем эта последняя вместо умеренного роста, отведенного китам в существующих пятилетках, тщится превратить их в левиафанов, увеличить в 6, 7, 10 раз их физический объем в течение ближайших 10–15 лет. Откуда взять средства для такого волшебного превращения? Надо прежде всего отметить, что, поскольку поставлен знак равенства между рационализацией и стандартизацией, затраты на капитальное строительство должны расти значительно медленнее физического объема продукции, ибо при специализации и стандартизации увеличивается не только производительность труда, но и пропускная способность станка. Однако несмотря на это остается все же неоспоримым, что для достижения намечаемых нами целей надо с теми же или с еще меньшими затратами, чем запроектировано в существующих пятилетках, достигнуть в 2–3 раза больших результатов в области капитального строительства.

Я решаюсь утверждать, что это возможно без всякого вмешательства лампы Алладина. Ведь капитальное строительство, т. е. производство строительных материалов и комбинирование этих последних в здания и сооружения, есть тоже отрасль промышленности, и притом носящая широко массовый характер,

а следовательно, поддающаяся последовательной рационализации. Мало того, эта отрасль обещает исключительно крупное снижение себестоимости при рационализации, ибо, во-первых, в настоящее время она страдает особенно сильной дезорганизацией, во-вторых, и довоенная техника строительного дела была у нас совершенно неудовлетворительной. Рационализация стандартизирует не столько типы самих зданий, сколько их элементы, что чрезвычайно повышает производительность уже по одному тому, что позволяет преодолеть сезонность строительного дела и непрерывно, в течение круглого года, изготавливать фабричным путем стандартизированные деревянные и металлические части зданий, а также элементы самих стен. Постройка, в собственном смысле этого слова, сводится при этом к сборке здания при помощи особых машин из заранее заготовленных на разных фабриках и свезенных в одно место частей. Правда, этот способ не всегда применим, но существуют и другие методы обезвреживания сезонности. Какой из них и когда должен применяться, нас здесь не интересует. Для нас существенно лишь одно: последовательная рационализация строительного дела, несомненно, в несколько раз повысила бы эффективность каждого затраченного на строительство рубля по сравнению с теперешним положением вещей (а в пятилетке предположено снижение строительного индекса на 20%).

Огромное сбережение средств и ускорение темпа индустриализации получилось бы также при более рациональном распределении сроков строительства во времени. Здесь происходит нечто прямо сногшибательное: нормы нашего поведения диаметрально противоположны элементарным требованиям хозяйственной логики. Положим, что нам надо построить 5 заводов, стоимостью в 1 миллион рублей каждый, причем ежегодно мы располагаем суммой в 1 миллион. Не надо быть гениальным калькулятором, чтобы сообразить, что при данных условиях оптимальный результат с народнохозяйственной точки зрения получится, если мы ежегодно будем строить по одному заводу; в самом деле, тогда к моменту завершения пятого завода первый успеет дать народному хозяйству четырехлетнюю продукцию, второй — трехлетнюю, третий — двухлетнюю и четвертый — однолетнюю; всего за пятилетие получится де-

сятилетняя продукция одного завода. Всякая иная комбинация даст, очевидно, меньше. Между тем наши тресты в таких случаях предпочитают начать постройку всех пяти заводов одновременно, возводя ежегодно по $\frac{1}{5}$ каждого завода; это единственная из всех мыслимых комбинаций, при которой за весь пятилетний период строительства не получается ни пуда продукции; всякое иное использование ресурсов дало бы народному хозяйству хоть что-нибудь.

Но, быть может, строительная техника, по крайней мере в ее теперешнем виде, не позволяет выстроить завод быстрее, чем в пять лет? Вот чему мы, профаны, никак не можем поверить, особенно когда, раскрыв газету, читаем, например, следующие два сообщения: 1. «*Батум*. Стандарт-Ойл на основе концессионного договора приступил к сооружению керосиноочистительного завода. Постройку предполагается закончить в 4 месяца». 2. «*Иваново-Вознесенск*. Состоялась закладка новой прядильни. План постройки рассчитан на три года».

Я совершенно не представляю себе, что легче построить, — керосиноочистительный завод или прядильню. Но вот что я представляю вполне отчетливо: если бы прядильню строил концессионер, а керосиноочистительный завод — «Азнефть», то сроки были бы как раз обратные: прядильня поспела бы в 4 месяца, а план (на то он и «план»!) постройки керосиноочистительного завода был бы «рассчитан» на три года. Ну как тут не вспомнить Гейне:

Das schaffen selbst ist eitel Bewegung
Es stumpert sich leicht in kurzer Frist.
Jedoch der Plan, die Ueberlegung
Das zeigt erst, wer ein Künstler ist!

Поистине пророческие слова! Недаром Гейне вложил их в уста самого Господа бога.

Существенная разница между трестом и концессионером в самой «установке» строительной проблемы, помимо все-

¹ «Самый процесс созидания — сущие пустяки; все можно сварганить в короткий срок. Но план, но замысел творения... вот что показывает, кто истинный артист».

го прочего, заключается в том, что концессионер учитывает как убыток каждый день, в течение которого его капитал, вложенный в новое строительство, не функционирует производительно, тогда как тресту, поскольку он строит не на заемные, а на «свои» или дотационные средства, подчас все равно, будет ли его капитал лежать втуне год, два года или несколько лет.

В интересах ускорения темпа нашего строительства эту «диспропорцию» необходимо сгладить. В распоряжении государственных промышленных организаций никаких иных средств, кроме государственных, нет и быть не может, и с каждого переданного промышленности рубля государство должно взимать известный, не слишком высокий, но все же чувствительный процент.

Для того чтобы эти выплачиваемые государству проценты не явились элементом увеличения себестоимости и продажной цены промышленных продуктов, они должны быть компенсированы соответственным снижением акцизов. Таким путем мы одним ударом убили бы двух зайцев: внесли бы существенное оздоровление в плановое использование государственных средств и очистили бы бюджет от целого ряда в достаточной степени одиозных акцизов.

Можно было бы назвать еще целый ряд методов удешевления строительства и повышения его эффективности. Но и сделанных указаний достаточно, по моему мнению, для того, чтобы оправдать основной тезис настоящей статьи: *беда наша не столько в недостатке накопления, не столько в нашей бедности, сколько в неумении использовать наши богатства.*

Остается упомянуть еще об одном существенном возражении против систематического проведения рационализации — о возражении, которое мотивируется не внутренними нуждами нашего народнохозяйственного развития, а нашим международным положением. Что отношение дирижирующих европейским концертом капиталистических держав к СССР становится все более и более нервным и грозит нам всяческими осложнениями — это совершенно бесспорно; доказывать это — значило бы ломиться в открытую дверь. Поэтому интересы обороны при составлении перспективного народнохозяйственного плана должны играть очень крупную роль. И поскольку инте-

рессы эти гарантируются надлежащей постановкой промышленности, специально обслуживающей нужды обороны, тут не может быть никаких споров. Специальные оборонные заводы должны в меру наших сил и возможностей производить все то, в чем нуждается военное ведомство, хотя бы некоторые из этих производств на данной ступени развития наших производительных сил мы и не могли поставить вполне рационально. Об этом не должно быть споров, и насколько мне известно, нет споров: все наши перспективные планы в этой части согласованы с военным ведомством.

Но при современной военной технике никакая постановка оборонных, или, как их теперь стали называть военспецы, «кадровых», заводов не может дать достаточной продукции для ведения кампании, и особую остроту приобретает вопрос о мобилизационном запасе, т. е. о тех предприятиях, которые, обслуживая гражданские нужды населения, в военное время легко могут быть приспособлены к оборонной продукции. С точки зрения такого военного запаса очень желательно развитие различных видов машиностроения, форсирование которых в ближайшие годы невозможно при последовательном проведении рационализации. Однако, исходя из этих соображений, можно было бы с некоторой убедительностью отстаивать план *непоследовательной* рационализации лишь в том случае, если бы таковая была вообще возможна. На деле же она неосуществима. Пока рост народного хозяйства не создал предпосылок для мощной продукции тех или других машин, мы никакими способами не создадим в этой области ценного для обороны «запаса», но, бросив сюда значительные средства, задержим развитие производительных сил в отраслях, изготавливающих предметы массового потребления, одинаково необходимые и для фронта, и для тыла.

Представим себе два случая. Первый: путем гигантских усилий мы добились того, что сможем отправить на фронт лишний десяток каких-нибудь диковинных военных машин (фабрикуемых тысячами на заводах наших противников), но зато вынуждены посылать людей на фронт полураздетыми и полуразутыми. И второй случай: этого десятка машин у нас нет, но и население, и армия солидно и надолго обеспечены эле-

ментарным «вещевым довольствием». Спрашивается, в каком из этих двух случаев устойчивость фронта будет лучше гарантирована? Ответ как будто бы не представляет затруднений.

Но еще важнее другое соображение: только при последовательной рационализации можно в сравнительно короткий срок довести народное хозяйство до такого уровня, при котором важные для обороны специальные производства будут представлять собой не чахлые приделки, *ad hoc*⁹ приделанные к гражданской промышленности, а мощные ингредиенты самого рационализованного народного хозяйства, по массовому размаху и по техническому совершенству не уступающие тому, что в этой области имеется у сильнейших из наших противников.

«Непоследовательная рациональность», чем бы мы ее ни мотивировали, есть всегда только *нерациональность*, т. е. недомыслие. А недомыслие ни в военных, ни в гражданских делах никогда еще не являлось залогом успеха. Я решаюсь выставить следующий тезис: только при классовой структуре общества отступления от теоретической рациональности в развитии производительных сил могут иметь реальную базу в интересах лиц или групп, руководящих общественной жизнью. При плановом хозяйстве немислим такой случай, когда теоретически и технически рациональнейший путь не был бы в то же время наиболее выгодным экономически, с точки зрения правильно понятого государственного интереса.

Из всего вышеизложенного, однако, отнюдь не вытекает, что последовательная рационализация легко осуществима в СССР. Отнюдь нет. Целые горы веками накопленного исторического мусора засыпали ее дорогу, и нужна геркулесова работа, чтобы этот мусор убрать. Тут и общая культурная отсталость, и всяческие пережитки (симбиоз пяти социально-экономических формаций, указанных Лениным¹⁰), и то обстоятельство, что наша плановая система стеснена в своем развитии враждебным ей капиталистическим окружением.

На эту тему можно написать целый трактат или даже ряд трактатов. В настоящей статье, которая и без того затянулась, я позволю себе отметить только некоторые моменты, не всегда правильно у нас оцениваемые.

Коснемся прежде всего идеологических основ нашей хозяйственной политики. Мы — ярые враги финансового капитала: с ним мы ведем борьбу не на живот, а на смерть. И там, где мы с ним непосредственно сталкиваемся, т.е. в международной области, наша политика действительно диаметрально противоположна политике финансового капитала. Но странное дело: для внутреннего употребления мы, сами того не замечая, зачастую пользуемся какой-то амальгамой из революционного марксизма и самых пахучих «принципов» финансового капитала.

Универсализм нашей таможенной системы, о котором достаточно говорено выше, несомненно, связан идеологически с охранительной идеологией капитала, и притом капитала монополистического, финансового.

Когда какой-нибудь советский экономист начинает плакаться на то, что наше рабочее население мало накапливает и не несет своих сбережений в банки, то это отрывка идеологией финансового капитала.

Когда тот же советский экономист намекает, что большим тормозом развития наших производительных сил является слишком быстрый рост зарплаты и слишком высокое социальное обеспечение, то это злейшая отрывка идеологией финансового капитала, ибо 1) быстрый рост заработной платы есть могущественнейший стимул технического прогресса, заставляющий руководителей предприятий неустанно искать улучшений, мешающий им задремать в спокойном довольстве достигнутыми успехами; 2) только при быстром росте зарплаты создается массовый спрос на все новые и новые предметы потребления, что, как мы видели, является основной материальной предпосылкой систематической индустриализации страны.

Я не буду уже упоминать о таких «уклонах», как пропагандировавшаяся у нас не так давно идея о замене прямого планирования промышленности косвенным планированием через банковский кредит, причем кредит этот должен в свою очередь регулироваться соображениями «коммерческой рентабельности». Это уже совершенно законченная система идеологии финансового капитала, в которой термин «плановое хозяйство» сохраняется лишь в виде стилистического украшения.

Но главные помехи на пути нашего хозяйственного прогресса — это те застывшие идеологические формы и организационные навыки, которые можно охарактеризовать как *бюрократизм* в широком смысле этого слова.

Обычно слово «бюрократизм» употребляется у нас в узком смысле, и понимают под ним две вещи: канцелярскую волокиту и чиновничество, в частности «комчванство». Эти пороки, унаследованные нашими аппаратами от дореволюционной бюрократии, бесспорно, представляют большое зло, и борьба с ними нелегка. Но тут по крайней мере невозможна принципиальная защита бюрократических извращений, так как их реакционное происхождение слишком ясно, слишком бросается всем в глаза.

Гораздо более твердую почву под ногами чувствуют те бюрократические извращения, которые имеют послереволюционное происхождение, которые опираются на традиции, бывшие в первые годы революции действительными орудиями развивающейся жизни, но успевшие за последние годы омертветь, «из форм развития превратиться в его оковы»¹¹. Такого рода бюрократические извращения не нуждаются в прикрытиях, они высоко и гордо держат свое принципиальное знамя, провозглашают себя лучшими завоеваниями Октябрьской революции и обвиняют в контрреволюционных происках всякого, кто пытается их критиковать. Из тысячи образчиков, просящихся под перо, пропишу лишь один. В годы гражданской войны и пайкового режима горожане пользовались занимаемой ими квартирной площадью бесплатно. В первые годы нэпа, когда оплачивать действительную стоимость содержания домов еще почти никто не мог, а потребность в неотложном ремонте заставляла тем не менее делать среди жильцов сборы, эти сборы естественно приняли форму подоходного прогрессивного налога, который затем был упорядочен и санкционирован властью. Мера жизненно необходимая, разумная, прогрессивная, ибо только в этой форме было мыслимо тогда если не развивать, то по меньшей мере предохранять от окончательного распада производительные силы в данной области. Но в настоящее время, когда имеется полная возможность перевести жилищное хозяйство на начала самокупаемости, эта система

превратилась в величайшее уродство, в одно из главнейших препятствий рационализации жилищного дела. Замечу, что вопрос о том, нужен или не нужен специальный прогрессивно-подоходный квартирный налог, сюда совершенно не относится. Если бы даже оказалось, что такой налог целесообразен, то взимать его должны, очевидно, специально на то уполномоченные государственные органы, а не продавцы товара «квартира» (причем с точки зрения упорядочения данной отрасли хозяйства совершенно безразлично, являются ли такими квартироторговцами частные домовладельцы, жилтоварищества или коммуны). Но прогрессивно-подоходная квартирная плата построена по «классовому принципу», она есть «приобретение революции», и вот несмотря на то, что уже два года назад поднят вопрос о рационализации квартирной платы, мы до сих пор еще ее до конца не рационализировали.

И прискорбно не то, что находятся узколобые люди, готовые с пеной у рта отстаивать всякую нелепость, раз к ней так или иначе прилеплен ярлык с надписью «классовый», «революционный». Прискорбно то, что люди, вполне разумные и зачастую высокоответственные, которым внутренне наивная демагогия узколобых нисколько не импонирует, не имеют мужества заявить об этом открыто, но конфузливо опускают глаза и тот час же идут на компромиссы, когда какой-нибудь ретивый совбюрократ начинает кричать о «контрреволюции», об «измене классовому принципу» и грозить «гневом пролетариата» (никто, заметим в скобках, не говорит так смело от имени пролетариата, как совбюрократ).

В близком родстве с этим квазиреволюционным бюрократизмом стоят некоторые погрешности нашей экономической политики, которые, по-видимому, вовсе не вытекают из ее общего духа и кажутся чем-то случайным, но на деле приобретают характер органических пороков. Ограничусь опять-таки только одной иллюстрацией. Никто не будет отрицать того, что в настоящее время задачи и формы классовой борьбы не те, что в эпоху гражданской войны. Тогда цель борьбы состояла в том, чтобы лишить классового врага его обороноспособности; если для этого достаточно было его обезоружить, у него отнимали оружие; если необходимо было лишить его имущества —

имущество конфисковывали; если не было другого средства, кроме физического уничтожения, его расстреливали. В ту эпоху вся эта «система мероприятий» вполне соответствовала обстановке и была неизбежна, в частности, применялась она и к деревенским кулакам там, где они поддерживали неприятельский фронт. Иное — в настоящее время. О физическом уничтожении кулаков или о превращении их в бедняков путем прямой или косвенной экспроприации не может быть и речи. Кулак исчезнет тогда, когда на почве гармонического сочетания индустрии и земледелия нам удастся создать в деревне настолько мощные формы коллективных хозяйств, что рядом с ними существование кулака станет экономически невозможным. А до этого времени задачи классовой борьбы в деревне состоят, очевидно, в том, чтобы защищать бедное и среднее крестьянство от эксплуатации кулаков и защищать в двояком смысле: в качестве мелких производителей, попадающих в кабалу к ростовщическому капиталу (кооперация, дешевый кредит, агропомощь и т. д.), и в качестве батраков, порабощаемых предпринимательским капиталом (профсоюзы, социальное законодательство и т. д.). Борьба по обеим этим линиям не только социально необходима, но и экономически *прогрессивна*, ибо она заставляет кулака от примитивных и варварских форм наживы переходить к усовершенствованным способам хозяйства, т. е. развивать производительные силы деревни. Мешать кулаку выполнять эту прогрессивную функцию отнюдь не в наших интересах. В настоящее время, когда вся наша будущность зависит от возможно более быстрого развития производительных сил и когда главным тормозом этого развития является деревня, в эту историческую эпоху лишить кого бы то ни было, хотя бы даже и заведомого эксплуататора, возможности вести пионерную работу по насаждению в деревне улучшенных методов хозяйства было бы величайшей ошибкой¹². И когда оказывается, что сочетание практикуемых у нас административных и налоговых приемов борьбы с кулачеством в одном месте привело к тому, что зажиточный крестьянин не может приобрести необходимую ему машину даже за наличные деньги, в другом месте подрезало товарное свиноводство, в третьем месте вызвало упадок товарного маслоделия, то приходится сказать, что неизжитые традиции изжи-

тых исторических эпох жесточайшим образом искажают замыслы и результаты нашей современной экономической политики.

Приведенного достаточно для того, чтобы почувствовать, какие гигантские сопротивления придется нам преодолеть по пути последовательной рационализации народного хозяйства СССР. Для успешного решения этой задачи недостаточно того, чтобы сознанием ее важности прониклись руководящие органы и дали четкие и исчерпывающие директивы. Необходимо широкое общественное движение, полное энтузиазма, упорное, не отступающее ни перед какими препятствиями, одним словом, необходим такой же героический подъем, как и в первые годы революции, но направленный по иному руслу — по руслу творческого созидания тех новых форм, ради которых, в конце концов и совершались подвиги гражданской войны.

Казалось бы, недостатка в таком энтузиазме не должно быть. А между тем найти в современной действительности его бесспорные проявления не так-то легко.

Время от времени у нас загораются, находят себе живой отклик, главным образом среди советской молодежи, но столь же быстро угасают вспышки романтического одушевления, которое я называл бы ретроспективным, т. е. смотрящим назад. Романтизм этот действительно смотрит назад, на героическую эпоху военно-революционной борьбы, и полон сожаления, что эта романтика прошлого несоединима с серой, будничной работой текущего дня. Поскольку же романтизм прошлого пытается исправить действительность, привив ей вдохновляющие его героические традиции «военного коммунизма», он силою неумолимой исторической диалектики из ретроспективного превращается в ретроградный. Но это уже «уклонизм», это почти «оппозиция», не к ночи будь помянута.

Среди вполне лояльных советских граждан, чуждых всяких уклонов, также нередко попадаются люди, с большим одушевлением говорящие о наших судьбах. Так, например, в текущей газетной прессе часто печатаются, а по мере приближения к десятилетнему юбилею будут, печататься еще чаще, горячо написанные статьи, авторы которых вспоминают пророчества врагов советского строя о его неизбежной гибели, ярко рисуют те невероятные трудности и опасности, с которыми нашей республике приходилось бороться в прежние годы, и про-

славляют те успехи, которых она достигла в настоящее время. Многие из этих статей написаны с большим подъемом, а некоторые возвышаются до пафоса, который позволяет поставить их на одном уровне с лучшими одами Державина.

Пафос — вполне законный; гордость — вполне оправданная обстоятельствами. Удовлетворительно проделав восстановительный процесс, советская система хозяйства наглядно доказала, что она есть жизнеспособная организация, могущая существовать и развиваться. Даже злейший враг советской системы Шульгин вынес из своей последней нелегальной поездки по СССР впечатление, что у нас «все как до войны, *лишь чуточку похуже*»¹³.

Но подъем, связанный с юбилейными настроениями, все же не может рассматриваться как зародыш того воодушевления, которое нам нужно для успешного строительства. Если упомянутый выше романтизм есть пафос прошлого, то это — пафос настоящего, пафос удовлетворенного собою бытия. А нужен *пафос становления, пафос будущего*. Отчетливых признаков общественного движения, согретого этим пафосом, пока не видно, и приходится верить, что грандиозность исторических задач эпохи, в которую мы вступаем, должна породить его в ближайшем будущем. Без этой веры не стоило бы и говорить о принципах последовательной рационализации.

Отсюда уже ясно, что настоящая статья отнюдь не есть критическая вылазка против перспективных планов ВСНХ или госплановской комиссии. Ответственные государственные органы, намечая перспективу народнохозяйственного развития, могли опираться только на точно установленные факты в их статике и динамике, но никоим образом не на веру в общественный сдвиг, которого пока еще нет и в зародыше. Я просил бы поэтому читателя воспринять написанное выше не как «тезисы», ответственно противопоставляемые ответственным перспективным планам, а как нечто, находящееся совсем «в другой плоскости». Это — безответственные мечтания в часы досуга совершенно партикулярного человека, или, как у нас любят выражаться, «честного беспартийного, стоящего на советской платформе».

И все-таки... «И все-таки она вертится». И все-таки история вынесет советской системе тот лестный приговор, какого у нас от нее настоятельно требуют, лишь при условии, что дальней-

шее развитие нашего хозяйства потечет не по руслу ответственных программ, а по руслу моих безответственных мечтаний.

Спешу оговориться. Опасаясь не особенно лестного приговора истории, я вовсе не намекаю на то, что советская система может провалиться. Вообще эта антитеза «устойим или провалимся» устарела, и ее пора сдать в архив. Советский строй доказал свою способность к существованию. Если мы за ближайшее пятилетие выполним хотя бы на $\frac{3}{4}$ перспективу Госплана, то в смысле технических достижений это будет не хуже (или, быть может, лишь «чуть-чуть похуже»), чем то, что мог бы достигнуть на нашем месте наш «довоенный» капитализм, а в социальном отношении, в смысле подъема уровня жизни рабочей массы, даже значительно лучше. Поэтому при отсутствии международного катаклизма, мы не провалимся даже в том случае, если провалится идея последовательной рационализации народного хозяйства. Мы существовать будем, и наши публицисты в юбилейные сроки будут обнаруживать надлежащий пафос бытия, но это тот тип существования, о котором древние римляне говорили: «propter vitam vivendi perdere causas»¹.

¹ «Латынь из моды вышла ныне», а потому необходимо пояснить, что цитата рекомендует, борясь за существование, не забывать о его смысле.

¹ Опубликовано в: Экономическое обозрение. 1927. № 5. С. 31–53.

² О законе минимума и цепной связи см.: Богданов А. А. Организационные принципы единого хозяйственного плана // Экономика и математические методы. 1988. Т. XXIV. Вып. 5. С. 798–801. Это переиздание второго раздела работы: Богданов А. А. Организационная наука и хозяйственная закономерность // Труды Первой Всероссийской Инициативной Конференции по научной организации труда и производства 20–27 янв. 1921. Вып. I. Заседания пленума конференции. М., 1921. С. 8–12.

³ Данная формулировка принципа оптимальности неточная — можно максимизировать эффект при ограничении на затраты либо минимизировать затраты при заданном размере эффекта. В других работах, например в вошедшей в настоящее издание статье «О методологии построения перспективных планов», В. А. Базаров дает правильную формулировку критерия оптимальности.

⁴ Ждать конца пятилетки не пришлось — уже в следующем, 1928 г., разразился кризис хлебозаготовок, который подтолкнул группировку И. В. Стали-

- на к резкому изменению экономической политики. Нежелание крестьян отдавать хлеб по заниженным ценам вполне можно было предусмотреть.
- 5 Имеется в виду Государственный Московский городской трест точной механики (Точмех), существовавший с 1920 по 1933 г. и производивший геофизические, медицинские, оптические, химические инструменты и приборы. Ирония Базарова не вполне ясна.
 - 6 Показателем эластичности является число, показывающее, на какой процент изменится спрос на товар при изменении на 1% его цены. Базаров, по-видимому, был одним из первых экономистов, который осуществил содержательный экономический анализ с использованием этой категории.
 - 7 Гостомysl — легендарный предводитель (посадник) новгородских словен. По данным Иакимовской летописи, перед смертью (844 г.) пригласил в Новгород на княжение своего внука Рюрика.
 - 8 Сохранен стиль оригинала.
 - 9 Ad hoc (*лат.*) — специально для данного случая.
 - 10 Имеется в виду следующая классификация: «1) патриархальное, т. е. в значительной степени натуральное, крестьянское хозяйство; 2) мелкое товарное производство (сюда относится большинство крестьян из тех, кто продает хлеб); 3) частнохозяйственный капитализм; 4) государственный капитализм; 5) социализм». См.: Ленин В. И. О «левом» ребячестве и мелкобуржуазности // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 296.
 - 11 Маркс писал: «На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями. ... Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции». См.: Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 12. М.: Госполитиздат. С. 7.
 - 12 Официальная линия была иной. Так, полемизируя с А. И. Рыковым, считавшим основной задачей плана рост производительности труда, И. В. Сталин подчеркнул, что необходим не просто рост производительного труда, а «такой рост, который обеспечивает систематический перевес социалистического сектора народного хозяйства над сектором капиталистическим». См.: Сталин И. В. Сочинения. Т. 12. С. 79–80.
 - 13 Шульгин В. В. (1878–1976) — политический деятель. 2 (15) марта 1917 г. вместе с А. И. Гучковым принял отречение Николая II от престола. После Октябрьской революции эмигрировал, с 1944 г. проживал в СССР. Речь идет о его книге «Три столицы» (Берлин, 1925), которая была написана по итогам нелегальной поездки в СССР (впрочем, поездка была организована известной организацией «Трест», созданной ГПУ, а текст книги прошел цензуру в Москве).

Использование бюджетных данных для построения структуры городского спроса в перспективе генерального плана¹

1. Структура народного потребления есть функция всей совокупности хозяйственных и социально-бытовых условий, характеризующих собой культурный уровень страны и эпохи. Поэтому попытка наметить состав городского потребления в перспективе генерального плана, исходя из бюджетных данных о теперешнем потреблении городского населения, естественно, распадается на две методологически существенно различные задачи. В первой стадии работы мы условно предполагаем, что общие социально-экономические предпосылки (соотношения цен на разные товары, размеры акцизов, налогов и тарифов, социальное законодательство, законодательство, регулирующее квартплату, и т. п.) остаются неизменными. При этой методологической фикции структура потребления народных масс является функцией одного только независимого переменного, а именно — уровня благосостояния. А так как количественный рост благосостояния (народного дохода) задан генеральным планом¹¹, то в указанных рамках наша задача может быть решена без особых затруднений. В самом деле, при неизменности экономических и социально-бытовых отношений рост благосостояния во времени должен производить в составе потребительных бюджетов те же изменения, какие мы наблюдаем в настоящий момент при переходе от менее обеспеченных групп к более обеспеченным, например, рабочая семья, расходующая в наши дни 80 черв. рублей в месяц, увеличив к концу генеральной перспективы свой бюджет до 160 руб., будет иметь ту же самую структуру бюджета, какую в настоя-

¹ В порядке предварительного обсуждения. — *Ред.*

¹¹ Мы полагаем, что самое это задание подлежит еще дискуссионной проработке. — *Ред.*

щее время имеет семья того же состава, проживающая 160 руб. в месяц. Таким образом, перспективную динамику бюджетов во времени мы можем на первой стадии работы заменить группировкой существующих бюджетов по уровню благосостояния.

2. Бюджеты городских рабочих за март 1923, 1924 и 1925 гг., являющиеся главным нашим материалом, разработаны ЦСУ в двух группировках: 1) по расходу на едока и 2) по размерам заработка главы семьи. Первая разработка, произведенная с особой детальностью и тщательностью, к сожалению, не может быть положена в основу нашей работы, так как обобщить ее выводы за отсутствием соответственных группировок всего рабочего населения мы не можем. Дело в том, что бюджетный материал, вполне репрезентативный и достаточный (около 2000 бюджетов ежегодно) для того, чтобы судить о составе потребления каждой выделенной по тому или другому признаку группы, совершенно нерепрезентативен и недостаточен для того, чтобы судить о *численном распределении* рабочих семей по группам. Следовательно, более или менее надежное представление о структуре потребления всего рабочего населения городов мы получим лишь в том случае, если характеристику потребления каждой группы, взятую из бюджетов, применим к *массовым данным* о распределении рабочего населения городов по *тем же группам*. Между тем, никаких массовых исследований о распределении рабочих семей по величине расхода на едока не производилось. В нашем распоряжении имеются лишь сведения о распределении промышленных рабочих за последние три года *по величине заработка*. Поставить знак равенства между этими двумя признаками — даже в самом первом и грубом приближении — невозможно, ибо затраты на одного едока растут не только с ростом заработка членов семьи, но и с уменьшением числа неработающих членов, приходящихся на одного работающего. Мы имеем, следовательно, здесь структуру потребления как продукт нерасчлененного действия двух разнородных факторов, между собой внутренне не связанных или находящихся в очень сложной связи, законы которой нам неизвестны. Насколько различны динамические ряды, получаемые при той или другой группировке, видно из следующего краткого сопоставления (см. табл. 1).

ТАБЛИЦА 1

	Группировка по расходу на едука (в усл. москов. руб.)					
	до 10	10-15	15-20	20-25	25-30	30 и выше
Число душ в семье	4,94	4,60	4,21	3,87	3,70	3,39
Число работников в семье	1,14	1,27	1,35	1,37	1,31	1,36
Зарботок главы семьи в %% к общему расходу семьи	79	75	71	68	68	65

	Группировка по заработной плате главы семьи (в черв. руб.)							
	до 20	20-30	30-40	40-50	50-60	60-70	70-80	80 и выше
Число душ в семье	4,19	3,87	3,77	4,08	4,14	4,28	4,24	4,57
Число работни- ков в семье	1,12	1,32	1,29	1,37	1,32	1,38	1,30	1,32
Зарботок главы семьи в %% к общему расходу семьи	45,5	56	63,4	64	68,6	69,5	74,6	79,5

Группировка по расходу на едука подбирает рабочие семьи таким образом, что с ростом бюджета средняя численность семьи систематически падает (с 4,9 до 3,4 человек), тогда как число работников и абсолютно и, тем более, относительно растет (с 1,14 до 1,36), вследствие чего удельный вес заработка главы семьи неуклонно снижается (с 79% до 65%). Если же сгруппировать

бюджетные данные по величине заработной платы главы семьи, то обнаруживаются как раз противоположные тенденции: зажиточные семьи, вообще говоря, обширнее малосостоятельных; число работающих членов колеблется без ясно выраженной закономерности, но доля участия их в общей сумме семейных расходов тем значительнее, чем семья беднее: с ростом заработка главы семейный бюджет все с большей и большей исключительностью базируется на доходе главного добытчика.

Найти методологически корректный способ применения выборочных итогов первой группировки к массовому материалу, уложенному в группировку второго рода, едва ли представляется возможным. Группировка по расходу на едука может оказать нам существенные услуги лишь в завершительной стадии нашего исследования при выяснении некоторых деталей.

Для основного же построения нам приходится воспользоваться исключительно группировкой рабочих бюджетов по размерам заработной платы глав семьи.

3. Наиболее сложной проблемой настоящего исследования является построение перспективной кривой распределения по заработку городского населения. Сначала ограничимся лишь рабочим населением городов. Статистика Труда дает нам распределение промышленных рабочих по размерам заработной платы в марте месяце 1924, 1925 и 1926 гг. (в % к итогу; см. табл. 2).

Прежде чем ставить вопрос о распределении рабочих по заработку в перспективе генерального плана, необходимо сначала дать себе отчет в том, какие тенденции развития *фактически наблюдались* в данной области за последние годы. С этой последней целью изобразим табл. 2 графически, а именно на оси абсцисс нанесем деления, соответствующие интервалам группировки по заработной плате: 0, 10, 20, 30, 40 и т. д. На каждом таком интервале, как на основании, построим прямоугольник, высота которого равна процентному количеству рабочих, приходящихся на интервал, причем масштаб высоты установим таким образом, чтобы один процент изображался отрезком, равным по длине горизонтальному интервалу. В результате получится столбчатая фигура (так называемая гистограмма), площадь которой изображает численность всего пролетариата,

ТАБЛИЦА 2

Группы по размерам заработка	1926 г.	1925 г.	1924 г.
До 20 руб.	5,0	12,0	19,9
20-30	10,8	18,6	23,2
30-40	15,6	21,8	20,0
40-50	16,9	17,2	14,2
50-60	14,3	11,1	8,9
60-70	10,4	7,0	5,6
70-80	7,8	4,4	3,4
80-90	5,7	2,8	2,0
90-100	4,1	1,8	1,2
100-110	2,9	} 2,9	
110-120	2,0		
120-130	1,4		
130-140	1,0		
140-150	0,7	} 0,4	
150-200	1,2		
200-250	0,2		
250-300			
Св. 300	-		
Средний размер заработка (в черв. руб.)	53,12	41,74	36,93

и в нашем масштабе измерения равняется 100, а площадь каждого столбика (с основанием равным единице) — количество рабочих, имеющих данный заработок, в %% к их общему числу. Если, далее, соединить прямыми середины верхних оснований столбиков, то получим первое приближение к плавной кривой распределения, так называемый «полигон распределения».

На диагр. 1 сплошными линиями нанесены такие «полигоны распределения» рабочих по зарплате для марта 1924, 1925 и 1926 г. Приступая к изучению динамических закономерностей, наблюдаемых в данной области, естественно начать прежде всего с самого простого предположения, что средние заработки каждой группы, при переходе от одной временной даты к другой, росли равномерно и в той самой пропорции, в какой выросла средняя зарплата всех рабочих за соответственный промежуток времени. Как видно из табл. 2, средний заработок всех рабочих в марте 1925 г. был на 13% больше, чем в марте 1924 г., а в марте 1926 г. на 27% больше, чем в марте 1925 г. Берем гистограмму 1924 г., увеличиваем основание каждого ее столбика в 1,13 раза и во столько же раз уменьшаем высоту каждого столбика, — получим гистограмму 1925 г., теоретически построенную исходя из предположения пропорциональности роста всех групп. Подобным же образом, увеличивая в 1,27 раза абсциссы и уменьшая в 1,27 раза ординаты гистограммы 1925 г., получаем гипотетическую гистограмму 1926 г. Полигоны, полученные из построенных только что указанным способом гистограмм, нанесены на диагр. 1 пунктирными линиями. Как мы видим, уже в 1925 г. теоретическая кривая распределения довольно близко подходит к фактической, что же касается 1926 г., то здесь совпадение получается почти идеальное, так что для интервала времени с марта 1925 г. по март 1926 г. нашу гипотезу пропорционального роста можно признать вполне оправданной жизнью. Таким образом, уже в настоящее время структура распределения рабочих по размерам заработка представляется настолько упрочившейся, что, несмотря на чрезвычайно интенсивный общий рост заработков (на 27%), несмотря на сложную и дифференцированную политику заработной платы (подтягивание отставших отраслей, выравнивание различных частичных диспропорций и т. п.), мы в общем и целом имеем строго пропорциональный рост всех групп.

В перспективе генерального плана намечаются также различные и притом нейтрализующие друг друга тенденции. С одной стороны, будет, конечно, продолжаться подтягивание некоторых высококвалифицированных отраслей, зарплата которых все еще относительно низка (напр., по сравнению с довоенным уровнем). С другой стороны, в наших условиях всегда будет

I В период 1924-1926 гг

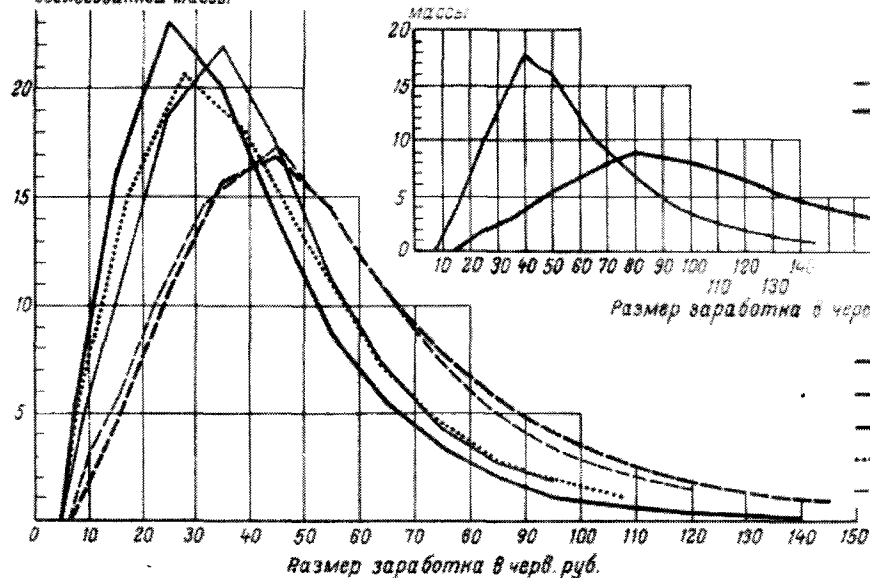
Процент
обследованной массы

ДИАГРАММА 1

II В перспективе генерального плана

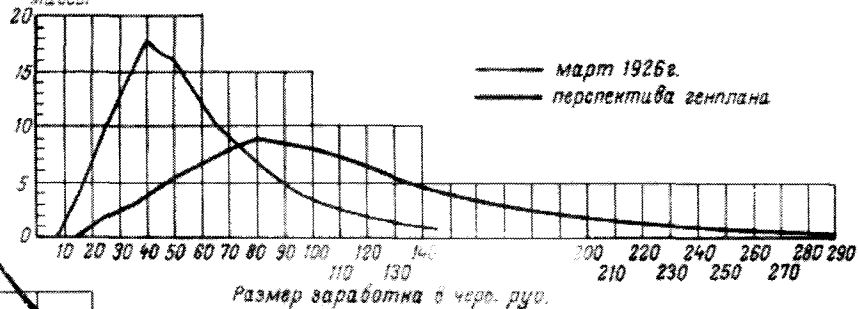
Процент
обследованной
массы

ДИАГРАММА 2

— март 1926г.
- - - перспектива генплана

— фактическое распределение в 1924г.
— фактическое распределение в 1925г.
- - - фактическое распределение в 1926г.
..... исчисленное распределение в 1925г.
- - - исчисленное распределение в 1926г.

с достаточной силой проявляться уравнивательная тенденция, заставляющая подгонять заработную плату наихудше оплачиваемых рабочих, хотя бы и очень невысокой квалификации. Что касается собственно момента технической рационализации производства, который должен играть особенно крупную роль в период реконструкции, то его влияние опять-таки будет носить двойственный характер: нам придется установить повышенную оплату тех высококвалифицированных специалистов, в которых окажется недостаток, но наряду с этим техническая рационализация уменьшит удельный вес некоторых высококвалифицированных групп, заменяя их рабочими средней или даже низшей квалификации. Будут ли эти противоположные тенденции в достаточной степени взаимно компенсированы, так что в итоге получится пропорциональный рост, как и за последние годы? На этот вопрос нельзя, конечно, дать категорического ответа. Заметим только, что распространение динамической закономерности, характеризующей 2–3 последние года, на 10–15-летний период генерального плана не является операцией столь произвольной, как это могло бы показаться с первого взгляда. Размеры возможных смещений в структуре кривой распределения являются функцией не времени, как такового, а того темпа роста, который присущ общему уровню зарплаты за данный период времени.

С точки зрения мощности сдвигов последний исследованный нами год с его 27% роста зарплаты эквивалентен не $\frac{1}{15}$, а $\frac{1}{3}$ периода генерального плана; все же двухлетие 1924–1926 гг. проделало в данной области скачок, равновеликий $\frac{1}{2}$ генеральной перспективы. Не забудем к тому же, что бурное развитие 1924–1926 гг. было вместе с тем восстановлением нормальных соотношений в зарплате рабочих различных профессий и отраслей труда на место чрезвычайных деформаций, созданных в этой области предшествующим периодом. Если при наличности таких условий рост зарплаты в 1,5 раза не сопровождался существенными изменениями пропорций между отдельными элементами кривой распределения, то, гипотетически распространяя этот закон роста на период генерального плана, мы допускаем не больше, а меньше произвола, чем при построении многих и многих частей «промфинплана» на год вперед.

4. На диагр. 2 изображена кривая распределения пролетариата СССР по заработку в марте 1926 г. и полученная из нее посредством гипотезы пропорционального роста теоретическая кривая распределения, отвечающая перспективе генерального плана. Согласно общей концепции генерального плана, предполагено удвоение зарплаты, т.е. для построения гипотетической кривой масштаб всех абсцисс отчетной кривой 1926 г. вдвое увеличен, масштаб всех ординат вдвое сжат.

Мы считаем излишним подбирать по методу, указанному Пирсоном, или каким-либо иным способом аналитическую кривую, отвечающую нашим эмпирическим данным, ибо в огромном большинстве случаев сложнейшие и кропотливейшие вычисления, необходимые для решения этой задачи, не приводят к удовлетворительным результатам. Для нашей цели необходимо, чтобы площадь, ограниченная отрезком абсциссы, соответствующим любому интервалу, ординатами концов интервала и соответственной частью кривой распределения, достаточно точно передавала число «процентов», проставленное в таблице против данного интервала, но нет никакой необходимости в том, чтобы смена этих табличных данностей была выражена какой-нибудь аналитической формулой. Поэтому и в рабочей диагр. 2 мы сохраняем за кривой распределения характер «полигона» и лишь вставляем между эмпирически данными ординатами 7,8 и 8,45 (15,0 и 16,9 кривой 1926 г.; см. третью и четвертую строку табл. 2) новую точку 8,9, а между эмпирическими ординатами 8,45 и 7,15 точку 8,05, соединив их опять-таки прямыми линиями с соседними точками. За предельный наименьший заработок, дающий нулевую точку перспективной кривой распределения, мы принимаем 14,6 руб. Условно фиксировать какой-либо верхний предел заработка нет надобности, ввиду того, что нисходящая ветвь кривой, плавно снижаясь, подходит к оси абсцисс *асимптотически*; мы можем принять верхний предел хотя бы равным бесконечности, памятуя лишь, что на весь интервал от 300 руб. до бесконечности падает в нашей перспективе немногим более 1% всех трудящихся. При указанных поправках полигон распределения приобретает достаточную для наших целей согласованность с фактами; площадь каждого из интервалов отличается от соот-

ветственной табличной цифры не более, чем на 0,1-0,2%, а площадь всего полигона отличается от 100 примерно на 1%.

На полученной таким образом гипотетической кривой распределения, будем условно называть ее «кривой 1940 года», нам надо прежде всего отметить точки, соответствующие средним зарплатам бюджетных групп 1925 г., дифференцированных по заработку глав семьи, и затем найти границы интервалов, для которых эти точки будут взвешенными средними. Разработка бюджетных данных в ЦСУ дает нам следующую группировку.

Таблица 3

Группы по зарплате (в руб.) глав семьи	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
	до 20	20-30	30-40	40-50	50-60	60-70	70-80	80 и выше
Зарплата главы семьи по основному занятию, руб.	16,93	28,54	39,54	48,87	58,75	64,99	76,48	103,28

Странное расположение средних — не близ середины, а у верхних пределов соответственных интервалов — заставило нас заподозрить техническую правильность этой группировки, и, действительно, проверка на месте показала, что границы интервалов были намечены на основании данных о «причитающейся» зарплате, тогда как в графе средних зарплат каждой группы была учтена вся сумма заработка главы семьи, включая и приработки. В нашу работу этот дефект современной группировки не вносит особенно крупных осложнений, так как на «кривой 1940 года» данным средним заработкам бюджетных групп все равно отвечают иные границы интервалов, чем в 1925 году. Для нас неправильность группировки 1925 года создает лишь то неудобство, что соседние средние заработки для некоторых интервалов чрезмерно раздвинуты (напр., разница между II и III группами 11 руб., между VI и VII — 11,5 руб.),

для других чрезмерно сближены (напр., между V и VI группами разница всего около 6 руб.), вследствие чего и те интервалы, на которые нам приходится разбить «кривую 1940 года», получаются весьма неравномерные.

Если кривая распределения дана аналитически, как функция того признака, по которому произведена группировка ($y = f(x)$), то средняя взвешенная интервала, ограниченного абсциссами x_1 и x_2 , выражается известной формулой:

$$\bar{x} = \frac{\int_{x_1}^{x_2} f(x)x dx}{\int_{x_1}^{x_2} f(x) dx}. \quad (1)$$

Кривая распределения 1940 года, взятая в целом, не выражена нами аналитически в функции от x , но на протяжении каждого отдельного интервала она представлена прямой или группой прямых (ломаной), уравнения которых нам известны. Так как нулевая точка кривой распределения нами фиксирована (14,6 руб.), то для первого интервала нам известен не только вид функции $f(x)$ и размер средней \bar{x} , но и нижний предел интеграции x_1 . Следовательно, для первого интервала в уравнении (1) имеется только одно неизвестное — верхняя граница интервала x_2 , которую мы, решая уравнение (1), и находим. Но верхняя граница первого интервала есть вместе с тем нижняя граница второго; применяя уравнение (1) последовательно для вычисления верхней границы 2-го, 3-го и т. д. интервалов, приходим к следующей разбивке пролетариата СССР «в 1940 г.» на группы, отвечающие средним заработкам бюджетной группировки 1925 г. [табл. 4].

Чтобы закончить разбивку, надо еще найти средний заработок высшей группы «1940 г.», а именно, получающих 120,6 и больше рублей зарплаты. Для этой цели нам придется прибегнуть к математическому выравниванию соответственной части кривой распределения. Опыт показал, что применение в качестве интерполяционных кривых парабол различных порядков не дает в данном случае хорошего результата. Но вполне удовлетворительный результат получается, если интерполировать по показательной кривой $y = y_0 e^{-kx}$, приравняв параметр $k = 0,1585$, а $y_0 = 6,15$ (ордината, соответствующая абсциссе 120). Тогда получим такое соотношение [табл. 5].

ТАБЛИЦА 4

Средний заработок	I	II	III	IV
	16,93	28,54	39,54	48,87
	V	VI	VII	VIII
	58,75	66,99	76,48	103,28
Границы интервала	I	II	III	IV
	14,6-18,1	18,1-34,9	34,9-43,5	43,5-53,7
	V	VI	VII	VIII
	53,7-63,5	63,5-66,0	66,0-87,0	87,0-120,6

ТАБЛИЦА 5

Теоретический ряд	6,15	5,25	3,83	2,79	2,03	1,48	1,08	0,78	0,57	0,41
Фактический ряд	6,15	5,20	3,90	2,85	2,05	1,45	1,00	0,70	0,50	0,35

Как видим, совпадение почти полное. Формула $y = 6,15e^{-0,1585x}$ дает для искомой средней

$$\int_0^{\infty} e^{-0,1585x} x dx / \int_0^{\infty} e^{-0,1585x} dx = 1 / 0,1585 = 6,133.$$

Другими словами, искомая средняя будет $120,6 + 63,13 = 187,73$. Наконец, исчислив по диагр. 2 площади, соответствующие каждому интервалу, получаем численность групп в % общего итога.

5. В окончательном виде распределение пролетариата «в 1940 г.» по группам со средним заработком, отвечающим современным бюджетным данным, будет таково [табл. 6].

Но это распределение *всего пролетариата*. Для того чтобы приложить к этим коэффициентам нормы бюджетов 1925 г. и выяснить структуру потребления рабочего населения городов, надо еще выяснить, сколько в каждой группе перспективного распределения будет глав семей, «прочих» работающих членов семей и «одиночек».

Таблица 6

Порядковый номер группы	I	II	III	IV	V
Границы интервалов	14,6-18,1	18,1-34,9	34,9-43,5	43,5-53,7	53,7-63,5
Средняя зарплата	16,93	28,54	39,54	48,87	58,75
Численность группы в %% общего итога	0,04	3,16	3,28	5,29	6,32
	VI	VII	VIII	IX	
Границы интервалов	63,5-66,0	66,0-87,0	87,0-120,6	120,6 и выше	
Средняя зарплата	64,99	76,48	103,28	183,73	
Численность группы в %% общего итога	1,79	17,3	25,4	37,3	

Согласно переписи городского населения, в 1923 г. одиночки составляли около 30% по отношению к главам семей, если не считать безработных. Мы берем процент не для рабочих семей (около 28%), а для семей всего городского населения, так как бюджетные нормы рабочих семей могут быть в наших условиях применены к соответственным по уровню благосостояния группам служащих и других социальных слоев города. Безработные же выкинуты потому, что уничтожение стационарной безработицы является, конечно, одной из основных посылок генерального плана.

Что касается заработка одиноких, то в 1923 г. по бюджетному обследованию он составлял 77,5%, в 1924 г. 78,2%, в 1925 г. 70% заработка главы семьи, т. е. в среднем 75%. Почему труд одиночек оплачивается в среднем ниже труда главы семьи? Очевидно потому, что среди одиноких наряду со взрослыми рабочими, достигшими нормальной квалификации, а следовательно, и нормальной зарплаты, имеются не закончившие профессиональной выучки молодые люди, оплачиваемые по нормам,

Таблица 7

Март 1926 г.	Интервал	До 20	20-30	30-40	40-50	50-60	60-70	70-80	80-90	90-100
	Численность, в % к итогу	22,8	19,9	13,5	11,7	9,3	6,6	4,7	3,4	2,5
	Интервал	100-110	110-120	120-130	130-140	140-150	150-200	200 и выше		
	Численность, в % к итогу	1,7	1,2	0,8	0,6	0,4	0,7	0,1		
«1940 год»	Интервал	I До 18,1	II 18,1-34,9	III 34,9-43,5	IV 43,5-53,7	V 53,7-63,5				
	Численность, в % к итогу	1,86	18,2	9,75	10,3	8,1				
	Интервал	VI 63,5-66,0	VII 66,0-87,0	VIII 87,0-120,6	IX 120,6 и выше	Итого				
	Численность, в % к итогу	1,84	13,8	16,5	19,65	100				

близким к нормам подростков. Если допустить такой смешанный состав одиноких и 60% их отнести на долю вполне квалифицированных, а 40% на долю не закончивших обучение юношей, то средний заработок одинокого составит как раз $\frac{3}{4}$ средней нормы. Мы принимаем, что одинокие и в своем распределении по размерам заработка на 60% следуют нормам общей кривой распределения и на 40% нормам кривой распределения подростков. Исходя из этой предпосылки, получаем такое распределение одиноких по заработку [табл. 7].

Средний заработок работающих членов семьи, за исключением главы семьи, — условимся называть их «прочими» работниками, — как показывают бюджетные данные, не стоит в какой-либо легко определяемой связи с размерами заработка главы семьи.

ТАБЛИЦА 8

	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
Средний заработок главы семьи	28,5	39,5	48,9	58,8	65,0	76,5	103,3
Средний заработок «прочих» работников	18,8	24,2	30,9	35,5	41,7	37,7	35,7

Если исключить семьи II и III групп, которые, как увидим ниже, почти исчезают в перспективе генерального плана, то заработок «прочих» неправильно колеблется вокруг средней, равной 37,6 руб., при систематическом повышении заработка главы семьи. Процентуруя средний заработок прочих к среднему заработку всех рабочих за тот же период, получаем 71%. Что касается состава заработка «прочих», то, по исследованию Г. С. Полляка² (см. «Экон. Обозр.» 1927 г. № 1. С. 121), он на 79% состоит из заработка женщин и на 21% из заработка подростков, следовательно, и распределение прочих по заработку должно быть таково же. Мы распределяем их на 20% по кривой подростков и на 80% по кривой взрослых работниц и получаем следующий результат [табл. 9].

Таблица 9

1926 г.	Группа	до 20	20- 30	30- 40	40- 50	50- 60	60- 70	70- 80	80- 90	90- 100	100- 150	Ито- го
	Чис- лен- ность в % общего итога		15,7	21,9	22,4	19,2	11,3	4,9	2,6	1,2	0,48	0,4
1940 г.	Группа	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII		IX	Ито- го
	Чис- лен- ность в % к итогу	1,1	9,6	7,2	11,7	11,8	2,8	23,5	22,5		9,8	100

Нам остается свести вместе частные итоги исчисляемых нами распределений. Одинокие составляют, как мы уже видели, 30% от глав семей, «прочие», по бюджетным данным, около 33%. Следовательно, приняв общую сумму работающих за 100, мы получаем для глав семей 61,3%, для «прочих» семейных работников 20,3%, для одиноких 18,4%. И картина распределения «в 1940 г.» будет следующая.

Нам остается сделать еще один шаг для того, чтобы получить те квоты, которые составляют конечную цель наших исчислений, т. е. те доли в общем расходе городского рабочего населения, которые падают на каждую из приведенных групп с известной нам структурой потребления. Нормы расхода семьи для всех групп, кроме IX, нам даны в бюджетах; они составляют для II группы (I группа, как видим, в перспективе генерального плана ликвидируется) 51,0 руб., для III — 62,4 руб., для IV — 76,5 руб., для V — 85,9 руб., для VI — 93,6 руб., для VII — 102,5 руб., для VIII — 130,4 руб. Соотношение между заработком главы семьи и общим ее расходом меняется таким образом:

Если выравнять этот ряд по показательной кривой типа $A - x = (A - x_0) e^{-kx}$, то для предела, к которому стремится этот ряд (параметр A формулы), получим, примерно, 83%. Беря эту

цифру для IX группы, получаем средний расход семьи этой группы в 221 руб. Помножив численность каждой группы на средний расход группы, мы и найдем необходимые для окончательного расчета квоты [табл. 11].

ТАБЛИЦА 10

Группа	Границы интервалов	Средний заработок	Численность в %			
			Главы семей	«Прочие»	Одинокие	Все
I	14,6–18,1	16,93	0	0	0	0
II	18,1–34,9	28,54	0	1,0	2,2	3,2
III	34,9–43,5	39,54	од	1,4	1,8	3,3
IV	43,5–53,7	48,87	0,5	2,6	2,2	5,3
V	53,7–63,5	58,75	2,0	2,6	1,7	6,3
VI	63,5–66,0	64,99	0,8	0,6	0,4	1,8
VII	66,0–87,0	76,48	9,3	5Д	2,9	17,3
VIII	87,0–120,0	103,28	17,2	4,8	3,4	25,4
IX	120,6 и выше	183,73	31,4	2,2	3,8	37,4
Итого	14,0 и выше		61,3	20,3	18,4	100

6. Приведенные выше нормы относятся к рабочему населению городов. Но рабочие с их семьями далеко не составляют у нас подавляющего большинства городских жителей. По переписи 1923 г., на 6,7 млн рабочего населения приходилось 4,8 млн служащих и 5,6 млн ремесленников и торговцев. Лиц свободных профессий насчитывалось тогда 171 тыс., «прочих занятий» 1,7 млн, безработных 944 тыс. и несамодельных 179 тыс. (всего 20,2 млн). В настоящее время соотношения эти, конечно, несколько изменились; еще более значительные сдвиги произойдут в период осуществления генерального плана. Несомненно, однако, что и в настоящее время, и в пятнадцатилетней перспективе решающее значение для всех расчетов, касающихся городов, имеют три основные группы: 1) рабочие, 2) ремесленники и торговцы, 3) служащие. Что касается груп-

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
Заработок главы семьи в % к расходу	45,5	56,0	63,4	64	68,6	69,5	74,6	79,5

пы ремесленников и торговцев, то капиталистическая их верхушка в настоящее время численно совершенно ничтожна и, по-видимому, в перспективе генерального плана также не имеет особых шансов на быстрый количественный рост. Поэтому при установлении структуры массового потребления городов этот верхушечный слой можно без большой погрешности игнорировать. Мелкие ремесленники и торговцы и по уровню жизни, и по культурному уровню, и по бытовым навыкам очень близки рабочему населению; мы считаем поэтому возможным распространить на них нормы рабочих бюджетов, тем более, что при сохранении наметившихся линий экономической политики очень многие из самостоятельных ремесленников и торговцев в течение ближайших 10-15 лет, несомненно, превратятся в работников государственных, коммунальных или кооперативных предприятий.

ТАБЛИЦА 11. СУММА РАСХОДОВ, В % К ОБЩЕМУ РАСХОДНОМУ ФОНДУ РАБОЧЕГО НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДОВ

Группа	Одинокие	Семейные	Итого
II	0,9	0	0,9
III	0,9	0,05	0,95
IV	1,3	0,3	1,6
V	1,2	1,4	2,6
VI	0,3	0,6	0,9
VII	2,3	7,6	9,9
VIII	3,5	17,9	21,4
IX	6,6	55,2	61,8
Итого	17	83	100

Служащие подвергались специальным бюджетным обследованиям, результаты которых за 1925 г. мы сопоставим с итогами рабочих бюджетов [табл. 12].

В 1925 г. служащие тратили относительно больше, чем рабочие, на квартиру, на отопление и освещение, несколько больше на пищу и компенсировали это весьма большим относительным сокращением расходов на одежду и обувь. Совершенно очевидно, что такая структура расходного бюджета служащих вызвана аномалиями текущего времени (главным образом, нерегулированностью квартирного вопроса) и отнюдь не может быть принята за перспективную норму для генерального плана. Есть все основания думать, что с установлением нормальной оплаты квартир на началах покрытия действительных издержек их содержания, при одновременном росте заработков городского населения, расходные бюджеты служащих и рабочих в приведенных выше основных их разделах значительно сблизятся между собой. Нам представляется поэтому в перспективе генерального плана наиболее рациональным для всех трех основных групп городского населения ориентироваться на структуру современных рабочих бюджетов с поправками, вытекающими из установления нормальной оплаты жилищ.

Что же касается квот, причитающихся на бюджеты различного уровня и типа из общей суммы расходов городского населения, то за отсутствием массовых данных о распределении по заработку служащих, ремесленников и торговцев, мы лишены возможности установить, какие коррективы надо внести в нормы, исчисленные выше для рабочего класса, при распространении их на все городское население. Здесь мы вынуждены допустить экстраполяцию без фактического ее обоснования.

7. В 1925 г. структура рабочего бюджета в основных его расходных статьях явствует из табл. 13.

В абсолютном выражении все расходные статьи, конечно, возрастают с ростом благосостояния семьи. В относительном выражении расходы на питание несколько снижаются (закон Энгеля³); расходы на одежду относительно возрастают в низших группах и занимают неизменный процент в высших группах; «прочие» расходы, объемлющие культурные, общественно-политические нужды и предметы второй необходимости,

ТАБЛИЦА 12. ЗАРПЛАТА В % К ОБЩЕМУ РАСХОДУ

Группа по расходу на едока	На квартиру		Отопление и освещение		Пищу		Одежду и обувь	
	Раб.	Служ.	Раб.	Служ.	Раб.	Служ.	Раб.	Служ.
До 10	5,30	6,32	10,04	13,36	58,41	57,06	14,09	9,80
10-15	5,60	7,24	8,75	10,6	52,06	55,53	19,52	12,86
15-20	6,31	7,86	6,55	9,53	47,09	50,52	24,27	14,58
20-25	5,57	7,83	5,75	7,79	44,25	46,12	25,07	18,73
25 и более	5,30	9,29	4,86	5,88	37,42	37,78	29,27	20,82
В среднем	5,67	8,63	6,49	7,99	44,86	45,24	24,71	17,39

составляют тем большую долю в расходном бюджете, чем выше сам бюджет; наконец, процент расходов на отопление и освещение резко падает с ростом бюджета. Все эти соотношения вполне нормальны и соответствуют закономерностям, установленным в данной области предшествующими исследованиями как в России, так, в особенности, за границей. Ненормальным по своим абсолютным размерам и по своей динамике является расход на помещение. Сюда должна быть внесена основная целевая поправка, так как в период осуществления генерального плана необходимо, конечно, привести в полное соответствие квартирную плату, с одной стороны, издержки содержания и восстановления жилищ — с другой. Долю расходного бюджета, идущую на оплату квартиры, мы в перспективе генерального плана повышаем более чем вдвое, причем по группам состоятельности дифференцируем ее следующим образом: начиная с 12% в первой группе, постепенно снижаем до 10% в средних группах (закон Швабе⁴) и снова увеличиваем в высших группах, так что VIII группа (высшая в современных бюджетах) затрачивает, по нашему предположению, 12,5% на квартиру. Что касается IX группы, в настоящее время отсутствующей, а в перспективе генерального плана занимающей доминирующее положение (37% всех городских семей), то для нее мы принимаем расход на квартиру в 14% общего ее бюджета; другими словами, предполагается, что семья, расходующая 220 руб. в месяц,

Таблица 13

Группа	Зарплата главы семьи	Израсходовано семьей в черв. руб. на						Израсходовано в %% к итогу на				
		помещение	топливо и освещение	питание	одежду, обувь и туалет	прочее	Всего	помещение	топливо и освещение	питание	одежду, обувь и туалет	прочее
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
I	16,9	1,68	4,37	19,91	7,14	4,08	37,18	4,5	11,8	53,5	19,0	11,2
II	28,5	2,65	4,87	25,09	11,34	7,09	51,04	5,2	9,6	49,2	22,2	13,8
III	39,5	2,96	5,50	30,08	15,69	8,15	62,38	4,7	8,8	48,2	24,1	14,2
IV	48,9	4,75	5,79	35,64	19,21	11,06	76,45	6,2	7,6	46,6	25,2	14,4
V	58,8	4,63	5,78	39,52	22,16	13,85	85,94	5,4	6,7	46,0	25,8	16,1
VI	65,0	5,52	6,17	42,50	22,73	16,64	93,56	5,9	6,6	45,4	24,3	17,8
VII	76,5	5,79	6,38	45,31	25,46	19,59	102,53	5,7	6,2	44,2	24,8	19,1
VIII	103,3	7,67	7,20	55,93	31,77	27,87	130,44	5,9	5,5	42,9	24,4	21,3
В среднем	66,5	5,31	6,00	41,81	22,92	16,87	92,91	5,7	6,5	45,0	24,5	18,3

будет затрачивать около 30 руб. на оплату помещения. Необходимую для повышения доли квартплаты урезку остальных статей расхода мы в абсолютном выражении раскладываем равными частями на три прочие основные рубрики расходов; но так как расходы на пищу в средних группах вдвое выше расходов на одежду и обувь и вчетверо выше «прочих» расходов, то *относительно* повышение квартплаты падает на питание вчетверо меньшей, а на одежду и обувь вдвое меньшей тяжестью, чем на «прочие расходы», причем соотношение это не стационарно: в низших группах расходы на питание затрагиваются повышением квартплаты в еще меньшей степени, в высших группах в несколько большей степени, чем только что указано. В результате структура расходного бюджета городского населения «на 1940 год» рисуется в следующем виде.

На прилагаемых двух диаграммах дано сопоставление структуры расходных бюджетов, данных в табл. 14, с заграничными бюджетами, а именно с бюджетами североамериканских рабочих 1901 г. (11 тыс. бюджетов), с бюджетами североамериканских рабочих 1918–19 гг. (12 тыс. бюджетов) и с бюджетами германских рабочих-металлистов 1910 г. (320 бюджетов). Метод сопоставления состоит в следующем: для каждого из сравниваемых бюджетов устанавливается некоторая исходная группа, причем по уровню благосостояния эти исходные группы разных стран должны быть по возможности одинаковыми. В исходной группе принимается за 100 как общий размер бюджета, так и размеры отдельных расходных статей. На оси абсцисс наносятся в %% к цифре исходной группы размеры бюджетов всех групп.

Через каждую полученную таким образом точку проводятся ординаты, на которых отмечается, опять-таки в процентах к исходной группе, прирост каждой расходной статьи в отдельности. При такой системе диаграммирования элементы бюджета, растущие пропорционально общей его сумме, расположатся на прямой, проходящей через начало координат и наклоненной к оси абсцисс под углом 45° . По степени отклонения от этой прямой в ту или другую сторону легко оценить своеобразные особенности в динамике отдельных статей расходного бюджета.

Самое трудное — это найти эквивалентные по уровню расхода группы в различных странах. Чтобы обойти эту трудность,

ТАБЛИЦА 14

Группа	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX
Средний расход семьи в черв. руб.	37,2	51,0	62,4	76,5	85,9	93,6	102,5	130,4	221,0
Расходы в %% к итогу на:									
питание	51,0	47,3	46,4	45,3	44,4	43,4	42,1	40,3	34,0
обувь и одежду	17,0	20,4	22,3	23,9	24,3	22,2	22,7	22,0	25,0
помещение	12,0	11,0	10,0	10,0	10,0	12,0	12,0		14,0
освещение и отопление	11,8	9,6	8,8	7,6	6,7	6,6	6,2	5,5	4,0
«прочее»	8,2	11,7	12,5	13,2	14,6	15,8	17,0	19,7	23,0

мы для основного объекта сравнения — для американских рабочих бюджетов 1901 г. — даем две диаграммы: одну с заведомо преуменьшенной, другую с заведомо преувеличенной оценкой «бюджетного доллара»; в первой диаграмме бюджетный доллар 1901 г. приравнен к 2, во втором к 4 черв. рублям 1925 г. Доллары 1918–19 гг. переведены в доллары 1901 г. по индексу 1,75. Немецкие марки 1910 г. в обеих диаграммах приняты эквивалентными червонным рублям.

Диаграммы обнаруживают, прежде всего, большое согласие в динамике основных расходных статей бюджета трех зарубежных исследований, несмотря на разницу эпох, культур, быта и частных товарных индексов. Что касается наших бюджетов, то статья «питание» и в фактической и перспективной ее части находится в полной гармонии с иностранными моделями. Статья «одежда и обувь» поднимается вверх несколько менее круто, чем в зарубежных моделях, что соответствует особенностям нашего «евразийского» быта. В перспективе мы также сохраняем слегка замедленный темп ее роста, так как в программу генерального плана форсирование этой стороны потребительского бюджета отнюдь не входит. Наоборот, удельный вес расходов на квартиру увеличивается на нашей диаграмме

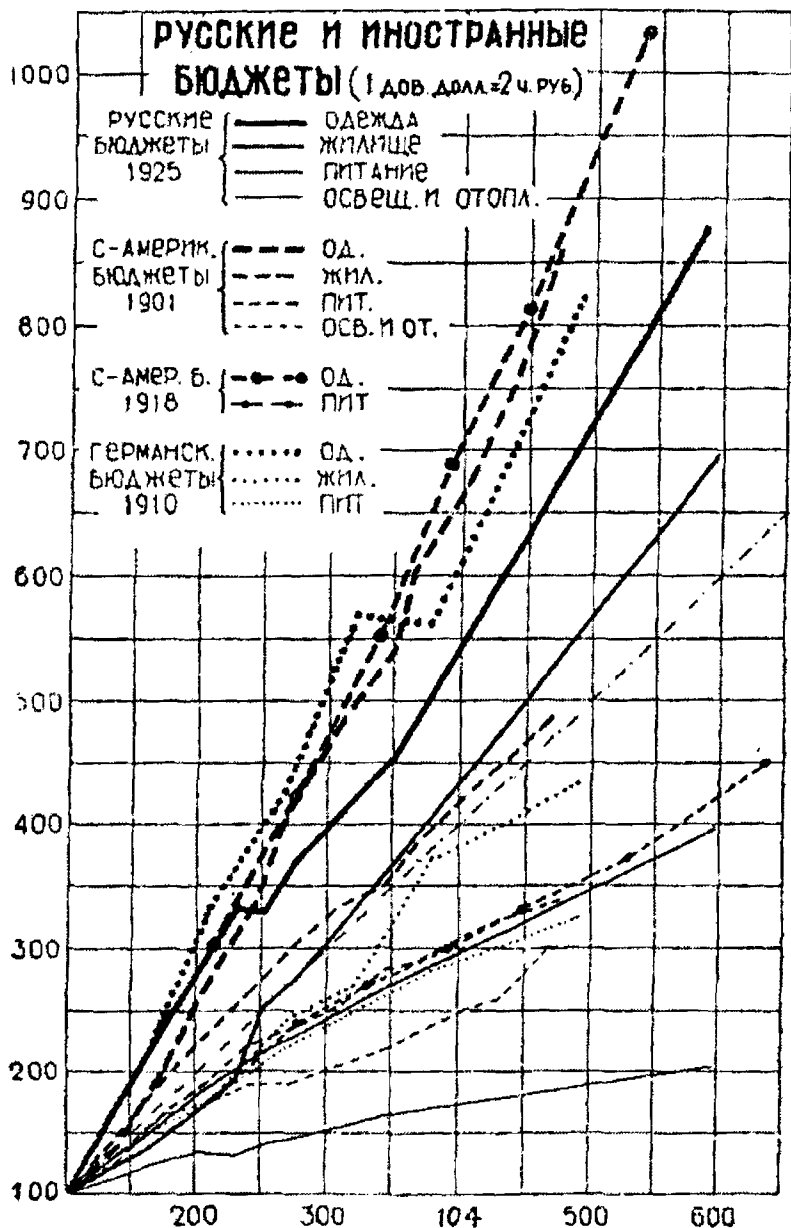

ДИАГРАММА 3

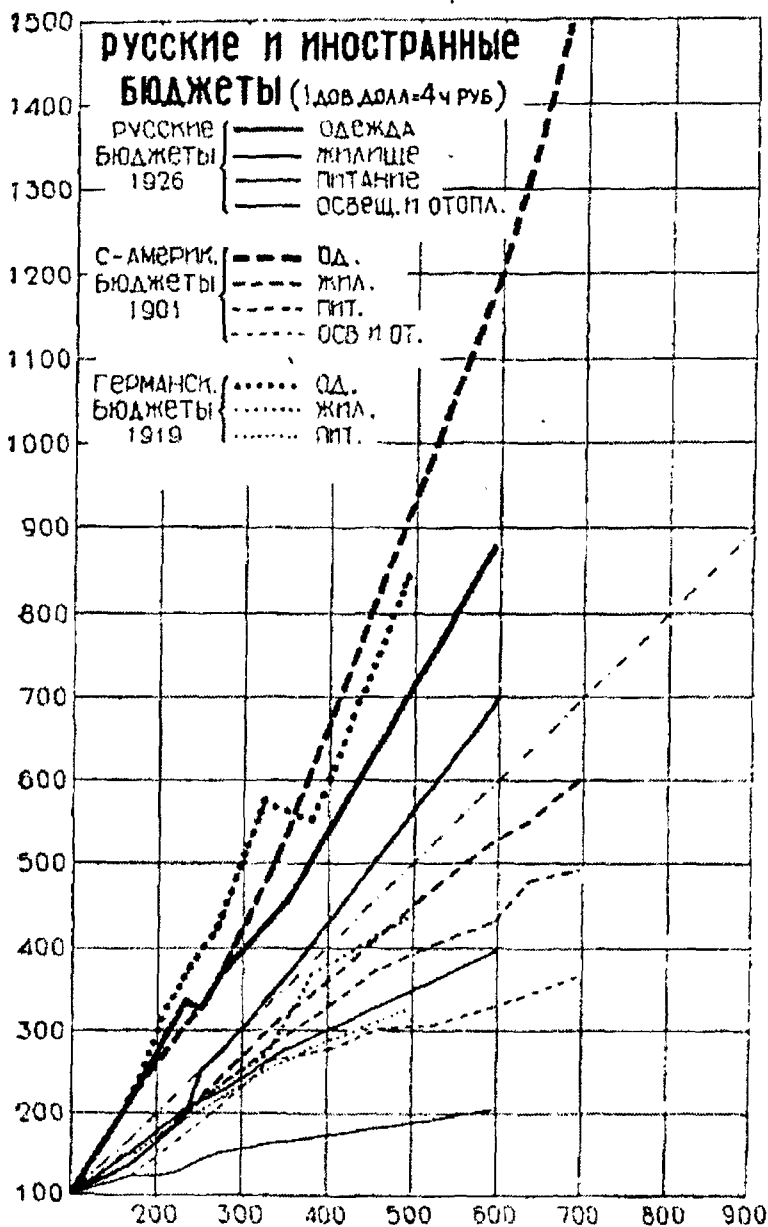

ДИАГРАММА 4

быстрее, чем на заграничных образцах; мы допустили это отклонение потому, что в состав наших перспективных бюджетов входят не только рабочие, но и значительная группа служащих, представителей умственного труда, у которых, как показывает и русский и иностранный опыт, доля расходов на квартиру с ростом благосостояния увеличивается гораздо быстрее, чем в группе рабочих. Кроме того, с подъемом общей культуры городского населения в эту сторону должна эволюционировать и структура рабочего бюджета.

Что касается бюджетов одиночек, то при их небольшом числе разбивка по группам доходности дает ряды неправильно колеблющихся цифр и не может быть положена в основу перспективного расчета. Можно установить только одно, а именно то, что относительные расходы на пищу у одиноких процентов на 10 меньше, а на одежду процентов на 12 выше, чем у семейных. С этими поправками мы и предлагаем при расчете городского потребления нормы, выведенные для семейных рабочих, к квотам одиноких.

-
- ¹ Опубликовано в: Плановое хозяйство. 1927. № 5. С. 73–92. Издан также отдельный оттиск.
 - ² См.: Полляк Г. Русские и американские рабочие по бюджетам // Экономическое обозрение. 1927. № 1. С. 112–124.
 - ³ Энгель Э. (1821–1896) – немецкий статистик. Основные работы связаны с изучением бюджетов рабочих семей. Смысл закона Энгеля, подтверждаемого данными, которые приводит Базаров, заключается в том, что с ростом доходов сокращается удельный вес расходов на питание, мало меняется удельный вес расходов на одежду, жилище, отопление и освещение, растет удельный вес расходов на удовлетворение культурных потребностей.
 - ⁴ Закон А. Швабе (1868) заключается в том, что чем беднее семья, тем большая доля расходов приходится на оплату жилья.

Научная литература

Серия «Экономическая история
в прошлом и настоящем»

Владимир Александрович Базаров

Избранные произведения

Том 1

Выпускающий редактор *Е.В. Попова*
Редактор *В.Ю. Григорьева*
Художник *В.П. Коршунов*
Оригинал-макет *О.З. Элоев*
Компьютерная верстка *Т.А. Файзуллина*

Подписано в печать 31.10.13. Формат 60x90^{1/16}.
Гарнитура PT Serif Pro. Усл. печ. л. 31,5
Тираж 1000 экз. Изд № 742. Заказ № 4527.

Издательский дом «Дело» РАНХиГС
119571, Москва, пр-т Вернадского, 82–84

Коммерческий отдел
тел. (495) 433-2510, (495) 433-2502
com@anx.ru
www.domdelo.org

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

www.оаомпк.ру, www.оаомпк.рф тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685